ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 2, 2014

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. **Ilona G. Dorošina,**
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaev
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov,** DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
Ing. **F. Bušina,** Ph.D., MBA (doktor v oboru ekonomie – Kolín, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
doc. **S. J. Devátých**, CSc. (docent v oboru psychologie – Vitebsk, Bělorusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova,** (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp,** PhD (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina,** Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejcová,** Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N.** Kobets, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev,** Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Liďák,** CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kolín, Česká republika);
prof. **N. V. Miťjukov,** Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík,** Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie –Praha, Česká republika);
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová,** Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovsky,** (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»
publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 2, 2014

THE FOUNDER
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Science

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev,** Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov,** DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
Ing. **F. Bušina,** Ph.D., MBA (Economics – Kolín, Czech Republic);
assistant professor. **A. N. Vernigora,** Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
assistant professor **S. Yu. Devyatych**, Candidate of Psychological Sciences, (Vitebsk, Belarus);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova,** (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp,** PhD. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparova,** (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina,** Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova,** PhD. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets,** Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev,** Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. **PhDr. J. Lidak,** CSc. (Political science – Kolín, Czech Republic);
prof. N. V. Mityukov, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik,** Ph.D. (Philosophy – Kolin, Czech Republic);
T. Sigmund, PhD. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, PhD. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova,** PhD. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky,** (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

OBSAH

From the Editor-in-Chief 15

Teorie a analýza

FYZIKA A MATEMATIKA

Смирнова Н. А.
Проблемы управления качеством образовательных услуг 16

HISTORICKÉ VĚDY

Merzlyakova G. V., Batalova L. V., Okonnikova T. I.
Building and developing the system of tourism training in the Russian Federation: regional aspect 19

EKONOMIKA

Селютина Л. Г.
Современные аспекты моделирования процесса управления инвестиционной деятельностью в сфере воспроизводства жилищного фонда 28

FILOZOFICKÉ VĚDY

Usmonov F. N.
The place of rational and creative thought in turning the virtuality into reality 31

Abdullaeva M. N., Gaffarova G. G., Jalalova G. O.
Philosophy of uncertainty 34

Makukhin P. G.
Attempt of apologetics of philosophy scientism in the light of revising the truth as a property of scientific knowledge: the problem of verifiability and falsifiability 39

Азизкулов А. А., Рузимуродов С. М.
Газали о значении ума в человеческой деятельности 43

Juraev Kh. A.
Source analysis of the book «Al-jami al-wajiz» of Muhammad al-Kardari al-Khorazmi 47

Цепелева Н. В.
Учение Макса Шелера о личности 50

Гарин С. В.
Функциональная интерпретация противоречий и тавтологий в «Трактате» Витгенштейна 54

Suvonov I. A.
Influence of national idea on processes of spiritual and national identification 59

Temirov F. B.
The ideological aims in appearance of public tolerance in the civil society.....63
Samadov A.
Sport as a factor of forming tolerance among youth 67
Мавлонов Ж. Ё.
Концептуальные аспекты разработки индикаторов измерения
гражданского общества 71

FILOLOGICKÉ VĚDY

Расулова У.
Изображение человека и природы в жанре повести 75
Николова А. А.
Мотив обманного снижения социального статуса как традиционный
в русской и западноевропейской литературах 80
Khabokhunova R.
About studying history of the Kukan environment 85
Хамидова М. А., Сагдуллаев К. К.
Освещение вопросов сценической речи в журналах Узбекистана
(исторический аспект и современность) 90
Quvvatova D.
Classification of Uzbek modern poems.....98
Кусанова У. М.
Особенности отбора лексического материала при обучении
английскому языку с использованием коммуникативного метода.....102

PRÁVNÍ VĚDY

Мазеина Ю. В.
Деформация правового сознания студентов педвуза – будущих учителей..... 105
Крохина Ю. А.
Роль институтов гражданского общества в финансовом контроле:
опыт России и зарубежных стран.....108
Каримова Д. Р.
Развитие прав ребенка в период независимости Республики Узбекистан 113
Кобец П. Н.
Международный опыт предупреждения преступности
незаконных мигрантов 116

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Adonina L. V.
Methodological assistance of L. F. Miroshnichenko's scientific school for Language
and Literature teachers in Sevastopol in integration into Ukrainian educational space..... 119
Иванов В. Д., Кокорева Е. Г., Матина З. И., Худяков Г. Г.
Здоровьесберегающие технологии на занятиях по физическому
воспитанию в вузе 122

Илакавичус М. Р.
Самоорганизация неформального общекультурного образования для разновозрастных сообществ в современной России: классификация практик 131

Аванесян Н. В.
Теория и практика развития методической культуры педагога 136

Мукан Н. В., Мыськив И. С.
Непрерывное профессиональное развитие учителей в Федеративной Республике Германия: этапы начальной подготовки и введения в профессию 142

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Алиференко Е. В.
Психологические аспекты влияния системы ценностей поколений на формирование и развитие личности 147

Синюкова Е. М., Житлова Д. К.
Синдром эмоционального выгорания личности: его сущность и детерминанты 150

Кузнецова О. Е.
Межгрупповые различия в контексте организационной культуры 156

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Соболев В. А., Чумаков Д. В., Давыдова И. А., Ярославская М. А.
Исследование стратегий стресс-преодолевающего болезни поведения у пациентов с шизотипическим расстройством 161

SOCIÁLNÍ VĚDY

Масленцева Н. Ю.
Мода как предмет социокультурного анализа 168

POLITOLOGICKÉ VĚDY

Абдухалилов А. А.
Контуры государственного управления будущего 174

Empirický a aplikovaný výzkum

FYZIKA A MATEMATIKA

Боброва Л. В., Цивина Т. А.
Опыт организации групповых занятий для удаленной аудитории 177

EKONOMIKA

Шевхужев Д. М.
Бенчмаркинг как эффективыный инструмент управления затратами в винодельческих организациях 180

Скригун Н. П., Коношенко Л. В.
Мерчандайзинг в аутлетах 188

FILOLOGICKÉ VĚDY

Garin S. V.
Semantic history of the term «evil» in ancient Greek and early Christian lexicon 191

Норкузиева З. К., Мухиддинова С. А., Абдурахманов Д. М.
О методах обучения синхронному переводу 197

Сатыго И. А.
Влияние африканских ритмических приёмов на региональный тип современной франкофонной версификации 200

Хужанова М., Каримова З. А.
Трудности изучения фразеологических единиц в узбекской аудитории 210

Kashkinbayeva Z. Zh., Maudarbekova B. K., Makhanbetov A. I.
Brief review of the synonymy and euphemisms in Kazakh 213

Chvalun R. V.
Key lexemes and key concepts of matapoetic discourse of G. Apollinaire 221

Bahriddinova D.
Reflection of banned period tragedies in the epos «Waiting distance» by Uroz Haydar 226

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Бабенкова Е. А., Пархоменко Р. А.
Мониторинг в новых условиях современной школы – один из факторов повышения качества образования 231

Коновалова О. В., Караева Л. В.
Условия развития творческого потенциала личности в контексте работы с одаренными детьми через тьюторское сопровождение 236

Gunsentsoodol A., Norjvanchig M.
Roles of games in language teaching 240

Turikpenova S. Zh.
Methods of training fine arts and its development in Kazakhsatan 243

Стеценко И. А., Саяпина Л. Ю.
Концепция проектирования учебных практик студентов-дизайнеров 247

Baida M. V.
Content analysis of terms «cooperative learning» and «collaborative learning» (within the research on future language teachers' training for cooperative learning implementation) 252

Абросимова Н. В.
Проектная деятельность студентов как вид практического занятия 258

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Петровская А. Н., Ярославская М. А.
Психологические особенности реагирования в «ситуации заболевания» при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств 261

SOCIÁLNÍ VĚDY

Хайруллина Н. Г.
Социально-политическая ситуация: оценки, установки, тенденции 267

Бормотова Т. М., Яковлев О. В.
Осмысление общественных отношений в использовании российского арктического Севера и динамики его миграции населения 272

Garbat M.
Financing of the Polish social security system for people with disabilities 278

POLITOLOGICKÉ VĚDY

Кодиров Н. Б.
Западная Сахара 284

KULTURNÍ VĚDY

Кармазин А. А.
Фортепианный концерт М. И. Вериковского: взгляд через 60 лет 287

Recenze, hodnocení a komentáře

Кадыров А. К.
Рецензия на монографию К. С. Камилова «Глобализация и религиозные процессы» 294

Akademický život

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 год 297

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 303

Информация о журнале «Acta Humanitas» 312

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 314

CONTENTS

From the Editor-in-Chief 15

Theory and Analysis

PHYSICS AND MATHEMATICS

Smirnova N. A.
Management issues qualityy of educational services 16

HISTORICAL SCIENCES

Merzlyakova G. V., Batalova L. V., Okonnikova T. I.
Building and developing the system of tourism training
in the Russian Federation: regional aspect..... 19

ECONOMICS

Selyutina L. G.
Actual aspects of the control system simulation of investment activities
in the sphere of reproduction of the housing fund 28

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Usmonov F. N.
The place of rational and creative thought in turning the virtuality into reality 31

Abdullaeva M. N., Gaffarova G. G., Jalalova G. O.
Philosophy of uncertainty 34

Makukhin P. G.
Attempt of apologetics of philosophy scientism in the light of revising the truth
as a property of scientific knowledge: the problem of verifiability and falsifiability 39

Azizqulov A. A., Rozimurodov S. M.
Gazali, the importance of the mind in human activity 43

Juraev Kh. A.
Source analysis of the book «Al-jami al-wajiz» of Muhammad
al-Kardari al-Khorazmi 47

Tsepeleva N. V.
Doctrine Max Scheler of the person 50

Garin S. V.
Functional interpretation of contradiction and tautology
in Wittgenstein's «Tractatus» 54

Suvonov I. A.
Influence of national idea on processes of spiritual and national identification 59

Temirov F. B.
The ideological aims in appearance of public tolerance in the civil society 63
Samadov A.
Sport as a factor of forming tolerance among youth 67
Mavlonov J. Yo.
Conceptual aspects of developing indicators to measure civil society 71

PHILOLOGICAL SCIENCES

Rasulova U.
Image and human nature stories genre 75
Nikolova A. A.
False descension of status as traditional motive in Russian and Western European literature 80
Khabokhunova R.
About studying history of the Kukan environment 85
Xamidova M. A., Sagdullaev K. K.
Coverage of stage speech issues in magazines of Uzbekistan (the historical aspect and contemporary) 90
Quvvatova D.
Classification of Uzbek modern poems 98
Kusanova U. M.
Peculiarities of selecting lexical material in teaching English language applying a cjmmunicative metod 102

JURIDICAL SCIENCES

Mazeina J. V.
Deformation of legal consciousness of students of pedagogical future teachers 105
Krokhina Y. A.
The role of civic institutions in financial control: experience of Russia and foreign countries 108
Karimova D. R.
Development of children's rights in the period of independence of the Republic of Uzbekistan 113
Kobets P. N.
Foreign experience in crime prevention of illegal migrants 116

PEDAGOGICAL SCIENCES

Adonina L. V.
Methodological assistance of L. F. Miroshnichenko's scientific school for Language and Literature teachers in Sevastopol in integration into Ukrainian educational space 119
Ivanov V. D., Kokoreva E. G., Matina Z. I., Khudyakov G. G.
Health preserving technologies on occupations of physical training in university 122

Ilachkavichus M. R.
Self informal general cultural education for different age communities in modern Russia: classification of practice 131

Avanesyan N. V.
Theory and practice of methodical teacher culture 136

Mukan N. V., Myskiv I. S.
Teachers' continuing professional development in Federal Republic of Germany: pre-service training and induction stages..... 142

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Aliferenko E. V.
Psychological aspects of influence of the system of values generations on the formation and development of the personality 147

Sinyukova E. M., Zhitlova D. K.
Burnout syndrome: its essence and determinants 150

Kuznetsova O. E.
Intergroup relations in the context of organizational culture 156

MEDICAL SCIENCES

Sobolev V. A., Chumakov D. V., Davydova I. A., Yaroslavskaya M. A.
The research of coping behavior of patients with schizotypal personality disorder 161

SOCIAL SCIENCES

Maslentseva N. Y.
Fashion as the subject of socio-culural research 168

POLITICAL SCIENCE

Abduhalilov A. A.
Contours of public administration of the future..... 174

Empirical and applied research

PHYSICS AND MATHEMATICS

Bobrova L. V., Zivina T. A.
Experrience in organizing group sessions to a remote audience 177

ECONOMICS

Shevhuzhev D. M.
Benchmarking as a tool for cost improvement in winemaking industry 180

Skrygun N. P., Konoshenko L. V.
Merchandising in outlet 188

PHILOLOGICAL SCIENCES

Garin S. V.
Semantic history of the term «evil» in ancient Greek and early Christian lexicon 191

Norkuzieva Z. K., Muhiddinova S. A., Abdurahmanov D. M.
About method of the education synchronous translation 197

Satygo I. A.
The influence of the african rhythmic devices on the regional type
of modern francophone versification 200

Huzhanova M., Karimova Z. A.
Difficulties of the study of the phraseological units in Uzbek auditorium..... 210

Kashkinbayeva Z. Zh., Maudarbekova B. K., Makhanbetov A. I.
Brief review of the synonymy and euphemisms in Kazakh 213

Chvalun R. V.
Key lexemes and key concepts of matapoetic discourse of G. Apollinaire..... 221

Bahriddinova D.
Reflection of banned period tragedies in the epos «Waiting distance»
by Uroz Haydar.....226

PEDAGOGICAL SCIENCES

Babenkova E. A., Parhomenko R. A.
Monitoring in the new conditions of the modern school –
one of the factors increasing the quality of education 231

Konovalova O. V., Karaeva L. V.
Conditions of development of personal creative potential in the context
of the job with gifted children with help of tutor support 236

Gunsentsoodol A., Norjvanchig M.
Roles of games in language teaching 240

Turikpenova S. Zh.
Methods of training fine arts and its development in Kazakhsatan.....243

Stetcenko I. A., Sayapina L. Y.
Design concepts of educational practice design students 247

Baida M. V.
Content analysis of terms «cooperative learning» and «collaborative learning»
(within the research on future language teachers' training for cooperative
learning implementation) 252

Abrosimova N. V.
The project as a kind of practical work 258

MEDICAL SCIENCES

Petrovskaya A. N., Yaroslavskaya M. A.
Psychological features response «disease situation» in comorbidity of chronic
pharyngitis and depressive disorders 261

SOCIAL SCIENCES

Khairullina N. G.
Socio-political situation: evaluation unit and trends 267

Bormotova T. M., Yakovlev O. V.
Understanding of public relations in the use of the Russian Arctic North and dynamics of its migration 272

Garbat M.
Financing of the Polish social security system or people with disabilities 278

POLITICAL SCIENCE

Kodirov N. B.
West Sahara 284

CULTURAL SCIENCES

Karmazin A. A.
Piano concert by M. I. Verikovskiy: look after 60 years 287

Reviews and comments

Kadyrov A. K.
Review of the monograph «Globalization and the religious processes» by K. S. Kamilov 294

Academic life

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014 301

Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání» 307

Information about the journal «Acta Humanitas» 312

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 315

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

«Knowledge excites love: the more you know about science, the more you love it», wrote Nicholay Chernyshevsky. All knowledge of nature, society and human being we acquire is the result, the synthesis, of scientific materials, facts and data that have been accumulated over a long time. But being is a perfect and complex system. To improve the process of learning, to make it even more effective and productive, it is necessary to have the appropriate skills of scientific material systematization.

Empirically accumulated scientific data should grow not only in quantity, but also in quality, which is undoubtedly the work of scientists and specialists, whose mission is to facilitate the process of a better reflection of a coherent picture of the world in our minds. Nowadays due to organized purposeful activities of scientific institutions and research centers around the world we see new discoveries and innovations in various fields of science every day. But it should be noted that without philosophy, or rather philosophical epistemology, creating a unified scientific picture of the world is impossible, as it is the modern theory of knowledge with its advanced, innovative principles and approaches that must find new ways to reveal the scientific truth and develop our knowledge of being and right because all positive and negative actions are consequences of relevant representations, attitudes, in one word, of concepts. In this connection it is worth remembering the famous quote of the French philosopher Rene Descartes: «Determine the precise meaning of words, you will save mankind from half of the delusions». Thus, we can say that the cognitive process is both the process of enrichment and restoration of the content of the concepts of all possible forms of life. The concept is the primary form of thinking that underlies the formation of more sophisticated subsequent structured types of thinking, such as judgments and conclusions, so philosophy as science is designed to explore not only the sensory perception of the world, but also the entire rational potential of an individual, the potential that is in charge of objectivity and completeness of concepts and definitions, which in turn, become the basis of practice. It is in the framework of philosophy that materials accumulated earlier are systematized and specific aspects of things, events and phenomena are revealed through laws and categories of philosophy. The theory of knowledge accumulates the latest achievements of other sciences and gives them a univ ersal coloring and determines the prospect of their application.

Dear readers! We offer you the new, second issue of our journal, which included dozens of scientific articles on various branches of knowledge. The articles are devoted to the influence of national and spiritual ideas on the national identity. The authors analyze topical issues related to the quality of modern education, teaching experience around the world, and economic development and migration of the population in different regions. Materials on the development of tolerance deserve special attention. Among them are materials on ideological goals of social tolerance in civil society, children's rights and the role of sports in strengthening the spirit of tolerance among young people. Besides, the articles discuss some issues of Russian, West-European and Eastern literature, as well as some linguistic aspects. The authors address the issues of personality development and interaction of an individual with other social actors, and offer general theoretical solution of these problems.

We are grateful to the authors for their interesting and informative articles as well as the members of the international editorial board. It is thanks to their efforts that we can see the articles on the pages of this issue of our multidisciplinary journal «*Paradigmata poznání*». We are confident that the articles we publish will undoubtedly find their keen reader.

Ilona Doroshina

Fyzika a matematika

УДК 378.063

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Н. А. Смирнова, кандидат технических наук, доцент
Национальный открытый институт, г. Санкт-Петербург, Россия

MANAGEMENT ISSUES QUALITYY OF EDUCATIONAL SERVICES

N. A. Smirnova, candidate of technical sciences, assistant professor
National Open Institute, St. Petersburg, Russia

Summary. The issues of quality control of educational services. It is noted that the improvement of management education development requires the establishment of systems to monitor the quality of the educational process.

Keywords: distance education; information and communication technologies; virtual educational environment.

Существует градация систем менеджмента качества организаций по наличию и применению в них методов измерений и контроля качества. Эта градация отображается «башней качества». «Этажи» «башни качества» различаются не только методами оценки, но и объектами, к которым эта оценка применяется [3]. На первом «этаже» оценке подвергается продукция (в случае организации учебного процесса это учебные программы, методическая литература, расписание, квалификационные работы выпускников, квалификация преподавателей и пр.). В отношении этой продукции в результате оценки (экспертизы, контроля, эксперимента) принимаются решения о её соответствии или несоответствии установленным нормам.

На втором «этаже» оцениваются процессы. У процесса должны быть нормированные параметры (режимы работы учебного оборудования, подготовки методических материалов, учебных планов и программ, составление расписания и т. д.). Эти процессы оцениваются методами мониторинга, аудита, статистического анализа с применением контрольных карт. Решения, принимаемые по результатам такой оценки, обращены на управление процессами – обновление оборудования и методических материалов, изменение технологии образовательной среды.

На третьем «этаже» объектом оценки является система управления организации или ее отдельные компоненты (подразделения, процессы управления). Оценка производится с целью

выявления несоответствий – отклонений от утвержденных процедур или от принятых планов и программ. Основной метод, применяемый для этих задач, – аудиты качества. Решения по результатам аудитов качества должны повышать эффективность системы управления.

На четвертом «этаже» оценивается позиция организации и ее продукции на рынке. Цели – выявить отклонения от норм законодательства, от ожиданий рынка и конкретных потребителей, от существующего уровня потребностей. Методы мониторинга удовлетворенности потребителей – социологические (анкетирование, опросы, конференции и др.). Решения – планирование улучшения продукции (образовательного процесса), менеджмента, имиджа организации.

Управление качеством и, соответственно, решение задач оценивания осуществляется на всех этапах жизненного цикла продукции (услуги). Анализ образовательного процесса показал, что он имеет много общего с любым производственным процессом, но в нём есть и принципиальные отличия [2]. Актуальность проблемы оценки и управления качеством образования объясняется тем, что за последние десятилетия высшее образование приобрело широкомасштабный характер, что стало вызывать растущее беспокойство за качество и эффективность образовательного процесса.

Управление развитием образования в качестве важнейшей составной части требует создания систем мониторинга качества образования как в общенациональном масштабе, так и в разрезе регионов страны. Таким образом, в настоящее время необходима такая методика оценки качества образования, которая не основывалась бы только на оценках в дипломе студента, а объективно оценивала бы действительные знания студентов, их способность реализовать на практике полученные знания. В методику оценки качества образования следует ввести также оценку склонности студента к новациям, стремления к дальнейшему совершенствованию личности.

Концептуально-методическая основа для оценки качества образования выпускников [1; 4] должна включать следующие основные направления:

1) фундаментальность образования, позволяющая иметь широту кругозора выпускников в соответствующих сферах знаний;

2) целевая специализация образования, позволяющая быстро адаптироваться и успешно осуществлять конкретные обязанности;

3) наличие творческих навыков и способности к генерации нововведений;

4) умение и способности реализации знаний и инновационно-инвестиционных проектов в производственной и социальной сферах;

5) общественно-нравственные качества выпускников и уровень образования в социально-политической и гуманитарной сфере.

Оценка качества образования в соответствии с представленными направлениями должна далее предполагать обоснование системы критериев, методов расчета комплексной, интегральной оценки, организации и информатизации оценок, являющихся составными элементами мониторинга качества образования.

Библиографический список

1. Боброва Л. В., Писарев А. Ю. Проблемы управления качеством образовательного процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М. : Центр стратегических исследований, 2013. – № 2 (49). – С. 271–274.
2. Садков В. Г., Овчинникова О. П., Попова О. В. и др. Система управления качеством высшего образования в регионе // Проблемы и опыт обеспечения качества в производстве и образовании : мат-лы межд. науч.-практ. конф. – Тула, 2001. – С. 297.

3. Утехин Г., Мишнев Б. Квалиметрия образовательных услуг // Educational Technology & Society. – 2006. – № 9 (1).
4. Bobrova L. Management-Probleme von Bildungs-Prozess bei der Arbeit mit dem Remote-Publikum // European Applied Scientific: modern approaches in scientific researches, 1st International scientific conference. – Stuttgart : ORT Publishing, 2012. – P. 130–133.

Bibliography

1. Bobrova L. V., Pisarev A. Yu. Problemyi upravleniya kachestvom obrazovatelnogo protsessa // Aktualnyie problemyi gumanitarnyih i estestvennyih nauk. – M. : Tsentr strategicheskih issledovaniy, 2013. – № 2 (49). – S. 271–274.
2. Sadkov V. G., Ovchinnikova O. P., Popova O. V. i dr. Sistema upravleniya kachestvom vyisshego obrazovaniya v regione // Problemyi i opyit obespecheniya kachestva v proizvodstve i obrazovanii : mat-lyi mezhd. nauch.-prakt. konf. – Tula, 2001. – S. 297.
3. Utehin G., Mishnev B. Kvalimetriya obrazovatelnyih uslug // Educational Technology & Society. – 2006. – № 9 (1).
4. Bobrova L. Management-Probleme von Bildungs-Prozess bei der Arbeit mit dem Remote-Publikum // European Applied Scientific: modern approaches in scientific researches, 1st International scientific conference. – Stuttgart : ORT Publishing, 2012. – P. 130–133.

© Смирнова Н. А., 2014

Historické vědy

UDC 379.85:37(470.51)(091)(045)

BUILDING AND DEVELOPING THE SYSTEM OF TOURISM TRAINING IN THE RUSSIAN FEDERATION: REGIONAL ASPECT[1]

G. V. Merzlyakova, doctor of historical sciences, professor;
L. V. Batalova, candidate of historical sciences, assistant professor;
T. I. Okonnikova, candidate of historical sciences, assistant professor
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Summary. The paper describes the process of formation and development of the Russian system of tourism training. Special attention is paid to identifying and studying the formation of vocational tourism education in the Udmurt Republic. The authors use archive sources to review the organizational structure of tourism and explore the forms and methods of tourism training starting from the second half of the 19th century to the present time.

Keywords: development of tourism training; staff training; Russia; Udmurtia.

The Strategy of the Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation by 2020 describes tourism as an essential part of the country's long-term innovative development and a cost-effective and environmentally safe industry of the national economy [1].

Today tourism is regarded as one of the strategic areas of the Udmurt economy development that plays a role in solving the task of social and economic development of the republic, including the creation of conditions for improving the living standards and the quality of life, the growth of the population's income, increasing the resource efficiency, preserving and developing human resources and their effective use, the creation of conditions for dynamic social and economic development of municipalities in Udmurtia. The development of domestic and inbound tourism is included in the Strategy of Social and Economic Development of the Udmurt Republic by 2025 [2].

To carry out the set tasks, in 2012 the Udmurt Republic Government adopted the local target program The Development of Domestic and Inbound Tourism in the Udmurt Republic in 2012-2018, which gives a lot of attention to the issues of training and emphasizes the shortage of highly skilled staff [3].

Therefore, it is necessary to undertake a comprehensive historical study of the system of tourism training in Russia, and Udmurtia in particular, in order to notice certain trends and suggest appropriate measures to build an effective system of training, retraining and advanced training in travel and tourism.

Building a system of vocational tourism training in modern Russia has been the focus of close attention of researchers. The historical perspective of this issue was considered by G. Dolzhenko [4]. The theory of formation and development of the system of continuing vocational tourism training was developed in the works of V. A. Kvartalnov [5], M. V. Denisova and A. V. Kondrukh [6]. I. V. Zorin focused on the theoretical aspects of vocational tourism training [7]. Some authors discussed the future of tourism training in the conditions of the vocational education system reform (A. I. Seselkin [8], Ye. A. Titova

[1]This work was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the government order, project code 1968.

[9], A. A. Fedulin [10], N. P. Kushchev [11] and others). Another group of sources are the works that describe the theoretical and methodological grounds of vocational tourism training (Ye. V. Subbotina [12], M. V. Polevaya and N. V. Annenkova [13] and others). After summarizing the accumulated academic and practical experience, one can see that a lot of topical issues connected with the development of the tourism training system have not been studied thoroughly. This is particularly true about the regional peculiarities of vocational tourism training in Russia. Building and developing the system of tourism training in Udmurtia is a special subject that has been beyond the area of keen research interest so far.

Russian experience in tourism training dates from the mid-19th century. Educational excursion tourism, organized and promoted by progressive teachers of that time, gave birth to tourism training in Russia, including Udmurtia. The first information about excursions in educational institutions of Udmurtia before the 1917 revolution dates back to the early 19th century [14, p. 92]. Originally, excursions were organized on the odd occasion and depended entirely on the individual energy of the teacher.

During the late 19th century, excursions gradually became part of the curriculum in a number of educational institutions of Udmurtia. They became regular and were used to teach natural sciences. Thus, the excursion method as a method of teaching first appeared and developed in teaching history and natural sciences.

After 1916, excursions finally became a compulsory component of Russian educational institutions curricula. They started to be viewed as equal among other teaching methods.

An important prerequisite to a successful development of excursion tourism in Russian educational institutions was the availability of highly-skilled personnel, i. e. experienced organizers of excursion practice. A serious problem with school excursions organization was a shortage of highly-skilled personnel and almost a complete lack of tourism and excursion skills in teachers. Having realized that the lack of practical experience and insufficient knowledge of the excursion theory hampers good organization of excursions, different organizations and institutions started developing appropriate training courses.

A major form of tourism and excursion training in the late 19th – early 20th century was public excursion courses. For example, a commission on educational excursions organization was set up under the Teacher Training Society in Moscow in 1899. The work of the commission stimulated the work of the Society for Excursion Leaders Training [15, Fund 92. Inventory 2. Case 16888. Sheet 51].

However, as there was not a single methodological tourism and excursion center in Russia, it was impossible to create a system of educational excursion training. The lack of the government support to tourism and excursion training should also be mentioned. As well as tourism and excursion activities in general, such training was entirely the job of enthusiasts of Russian tourism.

The next stage in the history of building and developing the system of tourism training is connected with the establishment of the government regulation in this sphere of activity. After 1917, tourism developed spontaneously and did not have a single coordination center for a long time. For almost ten years the search for the most efficient forms of tourism and excursion work was underway. In the early 1920s numerous excursion bureaus, commissions, sections at clubs, trade unions and local history societies began to appear in Udmurtia. By 1926, almost each organization in Udmurtia had its own excursion bureau or commission [16, Fund 92. Inventory 1. Case 44. Sheet 68]. All of them, as a rule, conducted tourist work inconsis-

tently, without due regard to each other's possibilities and practices.

In 1929, a mass tourism organization was set up in the country. It was called the Society for Proletarian Tourism and Excursions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (SPTE), and it was involved in tourism training through running short-term courses both in Moscow and locally [17, Fund P-9520. Inventory 1. Case 3. Sheet 1]. Soon the work of the newly established society was put on the state basis. Its Central Council included governmental, non-governmental and other organizations and enterprises. Tourism was considered a significant part of the entire political and cultural life of the country.

The Udmurt Council of the SPTE was established in 1934 in order to organize travel and excursions for the population of Udmurtia and was subordinate to the Central Council of the SPTE [16, Fund 16. Inventory 1. Case 1418. Sheet 76].

In the first half of the 1930s, in many cities of the USSR where offices of the SPTE had been set up they ran regular training courses for activists on trekking skills. In Moscow, the Central Council of the Society ran short-term central tourism courses offering both off-job and part-time training. Within several years, more than 10,000 members of the core group on tourism from all regions of the country completed the courses. At the same time, the Central Council of the SPTE began to open full-time positions, which were taken, as a rule, by Komsomol members, trade union officials and sports coaches. The Regulations on the SPTE emphasized the need for creating a key group «of the worker, especially the party and Komsomol, activists, tested in public and tourist work, politically loyal and competent» [17, Fund 9520. Inventory 1. Case 1. Sheet 83]. Accordingly, local offices of the SPTE were set up, including the Udmurt office, which also began to open full-time positions and train community leaders through the system of clubs, course and activist meetings.

The next stage in the development of tourism is connected with a large-scale reorganization of the entire tourism sector in 1936, which resulted in the liquidation of the SPTE. This was a severe blow to the whole system of tourism training.

Thus, the Tourism and Excursion Board began to operate within the system of the All-Union Central Council of Trade Unions. The Board's Charter stated that domestic tourism should be developed in order «to advance socialist construction of our Motherland and familiarize workers with the economy, geography, natural resources and tremendous cultural growth of the peoples inhabiting the USSR, as well as to organize amateur tourism as a form of mass cultural recreation of workers» [17, Fund P-9520. Inventory 1. Case 14. Sheet 7].

The Udmurt Regional Council of the All-Union Voluntary Society for Proletarian Tourism and Excursions was dissolved in accordance with the Decree of the USSR Central Executive Committee of April, 17 1936. The development of tourism and excursions became the responsibility of the Udmurt regional trade union [18, Fund P-1592. Inventory 1. Case 2. Sheet 38].

The second half of the 1950s was a time of qualitative changes in tourism, including tourism training. In 1959, the first Tourist Club was set up in Udmurtia under the Trud Community Sports Society [18, Fund P-1343. Inventory 1. Case 24. Sheet 33]. The club's main ambition was to make tourism a mass form of recreation. But the task of an active community involvement in the club's work could not be solved without training instructors, i. e. without the involvement of a significant number of activists who loved trekking and were able to organize and lead hikes. The Tourist Club started its work with training the organizers of one-day hikes. Together with the Izhevsk City Komsomol Committee, the club organized a number of educational hikes aimed at teaching the participants to independently organize and conduct weekend hikes. Over 200 people

went on such hikes in the summer of 1959 [18, Fund P-1592. Inventory 1. Case 2. Sheet 38]. Later many of them became active in organizing tourist work.

The next step in tourism training was the club's permanent seminar aimed at on-job training of volunteer tourism instructors. As a result, the basic problem about the development of local tourism, i. e. the problem of tourism instructors training, was partially solved.

The Tourist Club was an educational, methodological and organizational center for the development of domestic tourism in Udmurtia. New instructors, the expansion of organizational work, the creation of the material base and promotion of tourism made tourism in Udmurtia much more popular. Thousands of people were now engaged in tourism.

In 1962, the system of tourism councils was created on the basis of the Tourist and Excursion Board. It was led by the Central Tourism Council of All-Union Central Council on Trade Unions. The Central Council for Tourism and Excursions was the largest agency in the country in the field of tourism and excursions. By 1965, tourism councils were set up in all the Union republics and in most autonomous republics, territories and regions. Their main objective was to develop mass amateur tourism in the country.

In 1962, the Udmurt Regional Tourism Council was established [18, Fund P-1592. Inventory 1. Case 1. Sheet 1]. It was the methodological center for tourism training in the republic. The Udmurt Regional Tourism Council organized and directed all tourist hikes in the republic and outside it, held field sporting events and had its Masters of Sports in Tourism. The Council developed hiking, river, bike and mixed routes all over Udmurtia.

Among the main areas of mass tourism work of the Udmurt Regional Tourism Council, the top position was occupied by the system of tourism organizers training and tourism training of volunteers. Teaching tourism organizers the organizational and methodological work, techniques, tactics and methodology of organization, the preparation and conduct of tourist rallies and competitions through the training of activists helped to address management issues of mass amateur tourism in the republic. Tourism training was conducted through seminars and rallies organized by the Tourism Council, the city tourist clubs, councils of Voluntary Sports Organizations and tourism units of PT groups.

In addition, Udmurt State Teacher Training Institute launched a specialization in tourism. Every year sixty second-year students majored in tourism. These young men and women did a course of 120 hours. They also participated in competitions in orienteering and tourist art and went on weekend hikes. After that they had to pass an exam to qualify as tourism organizers.

In 1980, Udmurtia saw the establishment of the Republican School of Tourism Training for Community Leaders. The school had two departments: hiking and boating. The program included lectures, hiking training and examinations [18, Fund P-1592. Inventory 1. Case 72. Sheet 61].

The system of tourism training for community leaders was an important part of the tourism and excursion work. Analyzing the experience of management practices in amateur tourism in the republic, it is important to note that effective management of mass tourism on the first and most mass-scale level of amateur tourism (tourism unit of the physical training group) was possible only through the training of the front-line community leaders in tourism: tourist activist leaders (chairpersons of tourist clubs), leaders of weekend hikes and longer mass hikes and judges of tourist events. There was a variety of forms and methods of tourism training: courses of different levels and duration, educational and training camps, routes and package tours, seminars and schools, teaching,

research and practical conferences, counseling centers and tourist clubs, field trips and internships, permanent study and delivery of technical minimums.

That was the time when the specific three-tier system of training and retraining of tourism activists formed: central tourism courses, courses run by local councils for tourism and excursions of different levels, and vocational training provided by the tourist and excursion agencies in the field.

A specific feature of specialist tourism training in Russia is that until 1993 there was no academic system of tourism training. The major role in training and advanced training in tourism belonged to one- or two-month courses following the program of the Institute for Advanced Training of Tourism and Excursion Organization Personnel of the Central Council for Tourism and Excursions of the All-Union Central Council of Trade Unions. Only in 1992, with the support of the Government of the Russian Federation, there was a direction to carry out an experiment to create a system of continuous tourism training in the Russian International Academy of Tourism (RIAT) along with giving it the status of a research institution. So far they have developed and experimentally tested a multilevel system of continuous tourism training, and created the research and methodological basis for the planning and implementation of regional tourism development programs [8, p. 221].

The rapid development of the tourism industry in Russia led to the emergence of a large number of educational institutions engaged in tourism training. Among the whales of tourism training are the Institute of Tourism and Hospitality of Moscow State University of Service, International Institute of Hotel Management and Tourism, the Russian International Academy of Tourism, Moscow Academy of Tourist, Hotel and Restaurant Business under the Moscow Government, Lomonosov Moscow State University, Russian New University, Sochi State University of Tourism and Recreation and others [9, p. 314]. Currently, these universities have formed an effective and important research and teaching community that are capable of solving major problems and guiding tourism training into the mainstream of effective development.

This community is led by Moscow State University of Service, in 2007 renamed into Russian State University of Tourism and Service by the decision of the Government of the Russian Federation. This university, particularly its organizational unit – the Institute of Tourism and Hospitality, – was one of the first to make tourism training most popular and practical. Today the Institute of Tourism and Hospitality has become a kind of innovative platform for generalization and systematization of best practices and their dissemination to all educational institutions of Russia engaged in tourism and hospitality training [10, p. 74].

Today in Russia there are several schemes for tourism training - starting with lyceum classes at secondary schools on to secondary and higher vocational training, retraining, advanced and short-term training [5, p. 111].

Lyceum classes aim to provide career guidance on tourism at the stage of secondary education. The lyceum training program is designed to last for one or two years. It introduces students to the basics of tourism, gives information on career in tourism and maintains interest in this kind of activity. Lyceum classes are usually run by secondary schools, but are supported by universities and involve university professors and curricula in the training process. For example, the Russian International Academy of Tourism (RIAT) supervised the work of lyceum classes at 24 Russian schools in 1999.

Recently, Russia has been rapidly developing the system of secondary training in tourism, but it is much less developed in comparison with other world countries. The shortage of staff having specialized

secondary education and vocational training is particularly acute in the hotel industry with a large number of non-management jobs. For example, Moscow has only two specialized secondary educational institutions – Higher School of Tourism and Hospitality and Tsaritsino Moscow College for Personnel of Hotels, Restaurants and Small Businesses. Russian International Academy of Tourism also provides vocational training offering a one-year course for tour guides, travel agents and organizers. Training at the secondary education institutions lasts for three years and prepares subject-matter specialists, waiting and other services staff, and junior and middle managers. Tourism training as part of secondary vocational education is based on educational programs of the basic and higher levels for the following activities: hotel services, catering, transport services, and tourism.

Training to obtain a university degree in tourism is provided by a vast majority of Russian universities specializing in tourism in almost every big regional center, for example, in Chelyabinsk, Vladivostok, Kaliningrad, Kostroma, Saratov, Stavropol, Sochi, Omsk, Orel, Ufa, Khabarovsk. On average, it takes 4–5 years of full-time or 5–6 years of evening or part-time training to get higher vocational education. Graduates are awarded the specialist qualification or the bachelor's or master's degree.

Certain department and universities, as well as specially created centers for advanced training, offer various forms of additional education in tourism. In Moscow and Saint Petersburg, the Aviabusiness School of the Institute of Supplementary Education of the RIAT run courses on such systems as Gabrielle, Amadeus, Sirena and the IATA programs. The courses last from 10 days to several months. Short-term advanced training courses include seminars on topical issues of taxation, accounting, or changes in legislation. Students are awarded certificates upon completion. Another form of training is various seminars and workshops designed to improve the company's work on-site.

Retraining programs are offered by both universities and specialized training centers. Getting a second diploma takes from 1,5 to 2,5 years and has to be paid for. In 1995, the Business and Marketing Center opened at the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation. The Center offers a retraining program on the tourism business organization.

In general, it should be noted that at present tourism training is provided by over 300 secondary and higher educational institutions in the country.

One of the educational institutions involved in tourism training is Udmurt State University (UdSU). The Institute of Social Communications of UdSU has been offering a graduate degree in Socio-Cultural Service and Tourism since 1997 in accordance with the order of the Ministry of Education No 39 of September 11, 1996. At that time, Udmurt State University was the first and only educational institution in the country where specialists in tourism were trained. The Institute launched the Master's program in Tourism in 2009 and the Bachelor's program in 2010.

Udmurt State University offers full-time and part time educational programs of first and second higher education in tourism. Both budgetary and extra-budgetary resources are used to finance the education. The number of applicants to get the degree in Socio-Cultural Service has been stable. Personnel working in service and tourism are much in demand, so the number of applicants wishing to get the training does not reduce. The program is popular not only among Udmurt students but also among students from the neighboring regions (Perm region, Tatarstan, Bashkortostan, etc.). The total number of graduates having higher vocational education in Socio-Cultural Service and Tourism is now 1041 persons, including 209 graduates who did the full-time course, 258 graduates who did the full part-time

course to get their first higher education and 496 graduates who did the shortened part-time course to get their second higher education. Thirteen students of UdSU have been awarded Master's degree in Tourism.

As was mentioned above, there is a growing demand for middle-level specialists in tourism in the labor market. This is also true about the tourism industry of the Udmurt Republic. Therefore in 1999 the Institute of Social Communications launched a secondary education program in Tourism. From 2001 to 2013, 474 students completed the course on Tourism at the College of Social Technologies and Services, including 285 students who did the full-time course and 189 students who did the part-time course.

Most graduates of Udmurt State University who got a degree in tourism have an employment with enterprises of the tourism industry in the Udmurt Republic and outside it - in the neighboring Russian regions with the rapidly growing tourism industry (Moscow, St. Petersburg, Krasnodar region, etc.), as well as abroad.

The major department for the students doing Socio-Cultural Service and Tourism or Tourism is the Department of the Theory and Practice of Social Communications established in 1998. The department's personnel are the core of the republic's research potential in the field of tourism and services. So far four candidate and one doctoral theses on various aspects of tourism in the Russian Federation and the Republic of Udmurtia have been defended. Monographs and course books are published regularly. The department's professors regularly participate in conferences and seminars and publish their papers in specialized journals and books on tourism and socio-cultural services.

The department has direct contacts with the state and municipal agencies that oversee the development of tourism in the Udmurt Republic, the republic's tourist enterprises and hotels, Russian and foreign educational institutions offering tourism training.

The department's professors became the authors of the Strategy of Cultural Tourism Development in the Udmurt Republic in 2010–2015. In cooperation with the Ministry of Physical Culture, Sports and Tourism of the Udmurt Republic they developed the republican target program Development of Inbound and Domestic Tourism in the Udmurt Republic in 2012–201.

The department was involved in international educational activities in the field of tourism. In 2010, they began collaboration with the University of Cadiz, Spain. Today they have a good experience of student exchange on externship programs. In 2010–2013, the department participated in the international program Tempus Tuning Russia designed to harmonize European and Russian educational space in the field of tourism training.

Thus, Udmurt State University is currently a popular institution offering tourism training on the programs of higher and secondary vocational education. Research and educational potential of the faculty helps to keep the educational process in line with current research in the field of tourism and involve undergraduate and master students in conducting research. Close relations between UdSU and tourist enterprises of Udmurtia and state and local government agencies that oversee the tourism industry of the republic help to overcome such significant drawback of the national higher education system as its excessive academicism and make the educational process more practical.

In view of the above said, Udmurt State University does not yet have competition in the country in the field of higher education tourism training (new branches of major Moscow and Saint Petersburg universities do not have the same research and pedagogical potential and are not so attractive for applicants). UdSU also plays a role of the training ground for the republic's institutions of secondary vocational education in tourism through training teachers with specialized education and providing them with research and methodological assistance.

The clearest prospects for Udmurt State University in the field of tourism training are further development of continuous education through programs of supplementary education, advanced training courses, involvement of employers in the educational process to ensure greater practical orientation, continued research, including research that involve undergraduate and master students, participation in international educational projects and academic exchange programs.

Bibliography

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008. – № 16. – 62 р.
2. Стратегия социально-экономического развития Удмуртской республики на период до 2025 г. – Ижевск, 2010. – 132 с.
3. Республиканская целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Удмуртской Республике на 2012–2018 годы». Постановление Правительства Удмуртской Республики от 04.06.2012. – № 237.
4. Долженко Г. Исторический очерк подготовки кадров для сферы туризма в высших учебных заведениях Советского Союза и современной России // Вестник Национальной академии туризма. – 2008. – № 4(8). – С. 71–74.
5. Квартальнов В. А. Теоретические основы становления и развития системы непрерывного профессионального образования в сфере туристской деятельности : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2000. – 382 с.
6. Денисова М. В., Кондрух А. В. Непрерывное профессиональное образование специалистов туристской индустрии // Среднее профессиональное образование. – 2006. – № 12. – С. 42–44.
7. Зорин И. В. Теоретические основы формирования содержания профессионального туристского образования : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2001. – 319 с.
8. Сеселкин А. И. Перспективы развития многоуровневой системы образования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. – 2002. – № 1. – С. 221–223.
9. Титова Е. А. Туристское образование в России: проблемы и перспективы // Туризм и культурное наследие: сб. науч. тр. – Саратов : изд-во Саратовского ун-та, 2006. – С. 314–323.
10. Федулин А. А. Туристское образование: новые горизонты развития // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 1. – С. 72–76.
11. Кущев Н. П. Профессиональное туристское образование в условиях перехода на двухуровневую систему подготовки кадров // Высшее образование для XXI века. VI международная конференция «Негосударственные вузы в условиях изменяющейся России». Доклады и материалы круглого стола. – Вып. 1. – Москва, 19–21 ноября 2009 г. – С. 50–56.
12. Субботина Е. В. Компетентностный подход к содержанию профессионального туристского образования // Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 9. – С. 3–5.
13. Полевая М. В., Анненкова Н. В. Особенности развития компетенций специалистов индустрии туризма в рамках профессиональной подготовки кадров // Транспортное дело России. – 2009. – № 9. – С. 154–155.
14. Баталова Л. В. Туристско-экскурсионная деятельность во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Удмуртской Республики). – Ижевск: «Удмуртский университет», 2011. – 288 с.
15. Национальный архив Республики Татарстан.
16. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.
17. Государственный архив Российской Федерации.
18. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Bibliography

1. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17.11.2008. – № 16. – 62 p.
2. Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Udmurtskoy respubliki na period do 2025 g. – Izhevsk, 2010. – 132 p.
3. Respublikanskaya tselevaya programma «Razvitie vnutrennego i v'ezdnogo turizma v Udmurtskoy Respublike na 2012–2018 godyi». Postanovlenie Pravitelstva Udmurtskoy Respubliki ot 04.06.2012. – № 237.
4. Dolzhenko G. Istoricheskiy ocherk podgotovki kadrov dlya sferyi turizma v vyisshih uchebnyih zavedeniyah Sovetskogo Soyuza i sovremennoy

Rossii // Vestnik Natsionalnoy akademii turizma. – 2008. – № 4(8). – P. 71–74.

5. Kvartalnov V. A. Teoreticheskie osnovyi stanovleniya i razvitiya sistemyi nepreryivnogo professionalnogo obrazovaniya v sfere turistskoy deyatelnosti: dis. d-ra ped. nauk. – M., 2000. – 382 p.
6. Denisova M. V., Kondruh A. V. Nepreryivnoe professionalnoe obrazovanie spetsialistov turistskoy industrii // Srednee professionalnoe obrazovanie. – 2006. – № 12. – P. 42–44.
7. Zorin I. V. Teoreticheskie osnovyi formirovaniya soderzhaniya professionalnogo turistskogo obrazovaniya : dis. d-ra ped. nauk. – M., 2001. – 319 p.
8. Seselkin A. I. Perspektivyi razvitiya mnogourovnevoy sistemyi obrazovaniya v Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya : Ekonomika i finansyi. – 2002. – № 1. – P. 221–223.
9. Titova E. A. Turistskoe obrazovanie v Rossii: problemyi i perspektivyi // Turizm i kulturnoe nasledie: sb. nauch. tr. – Saratov : izd-vo Saratovskogo un-ta, 2006. – P. 314–323.
10. Fedulin A. A. Turistskoe obrazovanie: novyie gorizontyi razvitiya // Sovremennyie problemyi servisa i turizma. – 2008. – № 1. – P. 72–76.
11. Kuschev N. P. Professionalnoe turistskoe obrazovanie v usloviyah perehoda na dvuhurovnevuyu sistemu podgotovki kadrov // Vyisshee obrazovanie dlya XXI veka. VI mezhdunarodnaya konferentsiya «Negosudarstvennyie vuzyi v usloviyah izmenyayuscheysya Rossii». Dokladyi i materialyi kruglogo stola. – Vyipusk 1. – Moskva, 19–21 noyabrya 2009 g. – P. 50–56.
12. Subbotina E. V. Kompetentnostnyiy podhod k soderzhaniyu professionalnogo turistskogo obrazovaniya // Srednee professionalnoe obrazovanie. – 2010. – № 9. – P. 3–5.
13. Polevaya M. V., Annenkova N. V. Osobennosti razvitiya kompetentsiy spetsialistov industrii turizma v ramkah professionalnoy podgotovki kadrov // Transportnoe delo Rossii. – 2009. – № 9. – P. 154–155.
14. Batalova L. V. Turistsko-ekskursionnaya deyatelnost vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Udmurtskoy Respubliki). – Izhevsk: «Udmurtskiy universitet», 2011. – 288 p.
15. Natsionalnyiy arhiv Respubliki Tatarstan.
16. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Udmurtskoy Respubliki.
17. Gosudarstvennyiy arhiv Rossiyskoy Federatsii.
18. Tsentralnyiy gosudarstvennyiy arhiv Udmurtskoy Respubliki.

© Merzlyakova G. V., Batalova L. V., Okonnikova T. I., 2014

Ekonomika

УДК 332.81

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СФЕРЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Л. Г. Селютина, доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

ACTUAL ASPECTS OF THE CONTROL SYSTEM SIMULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES IN THE SPHERE OF REPRODUCTION OF THE HOUSING FUND

L. G. Selyutina, doctor of economic sciences, professor

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Summary. In this paper we consider an innovative approach to formation of the system of investment process management in the sphere of reproduction housing using tools offered by socio-economic modeling.

Keywords: housing Fund; reproduction; investment.

Для того чтобы создать систему регулирования развития инвестиционной деятельности в сфере строительства и реконструкции жилищного фонда, нужно в первую очередь опираться на рыночную статистику, которая характеризует как инвестиционный цикл, так и рынки инвестиционно-строительной сферы.

Одним из наиболее адекватных способов управления инвестициями является регулирование инвестиционной привлекательности экономической системы путем формирования научно-методического подхода к определению инвестиционной привлекательности и анализу факторов, влияющих на достижение оптимальных результатов инвестиционной деятельности. Управление современными социально-экономическими системами имеет общие закономерности, которые обеспечивают качественно новые управленческие решения проблем и основываются на следующих принципах [1, с. 67]:

– комплексность процесса управления, включая планирование, контроль, регулирование, анализ путем применения одной базы ко всем элементам управления;

– постоянный и непрерывный контроль за принимаемыми управленческими параметрами инвестиционного процесса, сопоставление их с планом и исправление несоответствий;

– мотивация всех участников инвестиционного процесса путем морального и материального поощрения, заключающаяся в дополнительном субсидировании, льготировании инвесторов;

– направленность действия субъекта системы управления на достижение поставленных целей;

– гибкость организационной структуры.

Соблюдение вышеперечисленных требований обеспечит рациональное управление инвестиционными процессами с помощью: прогнозирования будущих объемов инвестирования; эффективного инвестирования в сферу воспроизводства жилищного фонда и формирования ее инвестиционной привлекательности; координирования

действий органов региональной и муниципальной власти по управлению инвестициями. Кроме того, следует уделять особое внимание анализу и моделированию инвестиционного поведения инвестора с учетом действия различных факторов внутренней и внешней среды. Методология инвестиционного поведения основана на том, что каждый участник хозяйствования ведет себя рационально и старается максимизировать эффект от своей инвестиционной деятельности [2, с. 215].

Инвестиционная привлекательность объекта существенно возрастает или снижается под воздействием факторов, которые в агрегированном виде представлены в таблице.

Основные факторы инвестиционной привлекательности

Макроэкономические	Рост экономического развития страны и региона за счет цикличности процессов в экономической динамике
	Увеличение темпов роста внутреннего валового продукта и национального дохода
	Государственная поддержка
Финансовые	Высокая рентабельность активов, продукции
	Увеличение прибыли предприятий инвестиционно-строительного комплекса
	Увеличение собственных финансовых ресурсов
Производственные	Антимонополизация
	Увеличение объемов продукции
Инвестиционные	Развитие инвестиционной деятельности
	Поддержание конкуренции и сегментации на должном уровне
	Снижение ставки процента на финансовом рынке
Экологические	Низкий уровень экологической напряженности
Инновационные	Интенсификация темпов технологического роста

Эффективность управления любой экономической системой можно определить используя группу показателей, характеризующих результативность процесса управления инвестиционной деятельностью: уровень общеэкономического развития; конъюнктура инвестиционного рынка; деятельность контрагентов и конкурентов [3, с. 165]. Для того чтобы прогнозировать и планировать объемы инвестиций в воспроизводство жилищного фонда, нужно определить систему показателей, по которым следует характеризовать инвестиционную привлекательность. Такие показатели можно условно разделить на три основные группы: показатели состояния жилищного фонда; социальные индикаторы развития воспроизводственных процессов в жилищной сфере и показатели, характеризующие динамику рыночной ситуации. К первой группе относятся показатели: общая площадь; количество строений и квартир; жилая площадь; структура жилищного фонда по годам строений; теплопотери в инженерно-технических системах в отопительный сезон; распределение жилищного фонда по этажности, охранным зонам и т. д. К социальным индикаторам следует отнести: показатели обеспеченности населения жильем и жилищными услугами (жилая площадь, приходящаяся на одного жителя; количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилье; уровень доступности жилья и т. д.); показатели качества жилищных условий (доля населения, неудовлетворенного своими жилищными условиями; уровень шумов; транспортное обеспечение и т. д.). К показателям оценки рыночной ситуации в жилищной сфере относятся: величина спроса первичного рынка жилья; общий объем предложений на рынке; индекс монополизации первичного рынка; потребление жилья на душу населения и т. д.

Важно подчеркнуть, что совокупность данных показателей выступает факторами инвестиционной привлекательности сферы воспроизводства жилищного фонда в текущем периоде. Приведенная система показателей, как представляется, позволяет оценить объемы жилищного фонда, требующего проведения ремонтно-реконструктивных работ в определенный временной период, потребности в инвестициях, а также обеспечивает учет приоритетов инвестиционного проекта в зависимости от социальной значимости.

Процесс управления инвестиционной деятельностью в сфере воспроизводства жилищного фонда включает ряд взаимосвязанных элементов, образующих систему, в которую входит регулирование разработки и реализации управленческих решений в области инвестирования. По мнению автора, структура механизма управления инвестиционной привлекательностью состоит из следующих элементов: экономического регулирования инвестиционной деятельности; нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности и организационного регулирования инвестиционной деятельности. Учитывая вышесказанное, при формировании управленческих решений в условиях современного рынка воспроизводства жилья рекомендуется использовать метод моделирования, в рамках которого осуществляется несколько видов модельных построений – оценка инвестиционной привлекательности и прогнозирование объема ресурсов, которые могут быть привлечены для реализации программы воспроизводства жилищного фонда.

Таким образом, предлагаемая модель системы управления инвестиционной деятельностью в сфере воспроизводства жилищного фонда включает две составляющие, что позволяет прогнозировать уровень инвестиционной привлекательности и дает возможность оценить ожидаемый приток капитала. Сравнение полученного результата с потребностью воспроизводственной сферы в инвестициях определяет направленность дальнейших мероприятий в этой сфере. Если ожидаемый объем инвестиций окажется меньше необходимого, то экономическая система находится в ожидании дальнейших изменений, направленных на улучшение инвестиционной привлекательности. Однако если ожидаемый объем инвестиций будет больше требуемого, целесообразно ограничить инвестиционную деятельность, во избежание перенасыщения экономической системы инвестиционными ресурсами. В итоге администрация города как управляющая подсистема, используя полученные сведения о текущем состоянии инвестиционного климата сферы воспроизводства жилищного фонда, осуществляет основные функции управления. По результатам мониторинга выполняется анализ динамики основных показателей инвестиционной активности в сфере воспроизводства объектов жилищного фонда вследствие изменения факторов инвестиционной привлекательности управляемой подсистемы.

Библиографический список

1. Егорова М. А., Селютина Л. Г., Доржиева Ц.-Д. Д. Управление инвестициями : учеб. пособие. – СПб. : Изд-во СПбГУТ, 2012.
2. Селютина Л. Г. Методологические основы формирования и развития системы управления процессом преобразования жилого фонда крупного города // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 2. – С. 212–218.
3. Селютина Л. Г., Песоцкая Е. В. Управление инновационно-инвестиционными процессами в строительстве. – СПб. : Изд-во СПбГИЭУ, 2011.

Bibliography

1. Egorova M. A., Selyutina L. G., Dorzhieva Ts.-D. D. Upravlenie investitsiyami : ucheb. posobie. – SPb. : Izd-vo SPbGUT, 2012.
2. Selyutina L. G. Metodologicheskie osnovyi formirovaniya i razvitiya sistemyi upravleniya protsessom preobrazovaniya zhilogo fonda krupnogo goroda // Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). – 2009. – № 2. – P. 212–218.
3. Selyutina L. G., Pesotskaya E. V. Upravlenie innovatsionno-investitsionnyimi protsessami v stroitelstve. – SPb. : Izd-vo SPbGIEU, 2011.

© Селютина Л. Г., 2014

Filozofické vědy

UDC 101.1

THE PLACE OF RATIONAL AND CREATIVE THOUGHT IN TURNING THE VIRTUALITY INTO REALITY

F. N. Usmonov, teacher

The teacher of Samarkand branch of Tashkent University of Informational Technology, Samarkand, Uzbekistan

Summary. In human thinking images of objects appear in virtual form. And then presented through rationality. Rationality is essential in the daily, scientific, theoretical practical knowledge of man. Knowledge of every human being itself is developed and presented at the base of rationality. For converts virtuality into reality, it is believed that rationality has the greatest capacity than irrationality, mythology, sensationalism and skepticism.

Keywords: rationality; virtuality; reality; creativity; irrationality; cognition; invention.

It is happening great changes in whole world in the period of globalization. Particularly, XXI century came into being incomparable developed, communicated, postindustrial society in human activity. On its basis, stands rational activity of human. Human is carrying out many inventions and discoveries that are based on science and scientific learning. Human thought create various ideas, outlooks, notions and doctrines during perceiving the actuality. Likewise, it is worked virtual model of objects and occurred in human thought. Having importance rationalization and creation in turning virtual model into reality. So then, «Rationalization is activity directed for certain purpose and using means which attains to it».

Virtuality comes from Latin «virtus» – that means suppositional, vital, living. Virtuality means incomplete occurrence and existence. The term «Virtuality» using together with computer technologies (virtual memory), it is submitting to many other branches of life. For instance, in quantum physics (virtual electrons), in controlling theory (virtual office, virtual management), in psychology (virtual ability, virtual state) and etc.

Existence of virtual problems brought forming out the conception of virtual reality. In modern science «virtual reality» transformed into such conception, it is indicated the summery of farther level objects by its means. Creator of these objects are equal and autonomous with constant reality. Here, the existences of them are required fully with continuous reworking of creator reality.

Summing up with this process, the objects of virtual reality are disappeared. Generally the virtual object is not substantial position but it exists in real position. At the same time, it is not potential but actual. Virtual reality is incomplete occurrence and being(S. S. Khorujiy). In present day philosophical literature. According to the wide spread point of view the philosophical-psychological conception must be filled with following theoretical conclusions:

1) the object of scientific research must be realized as a paleontological reality;

2) consists of creation virtual reality objects and relations of different objects in different levels of mutual influence.

Virtual reality objects are permanent actual and real, virtual reality can create the next level another virtual reality. Working with the notion of virtual reality requires denying the concept of single reality. Farther creation process of virtual reality is endless. Human transforms virtuality into reality by rational thought Transforming virtuality into reality is a creation. In the process of learning has special importance.

Creative process consists of such determinants as inspiring, imagination.

It is important be carrying out and developing of creation, rational thinking of a person on transforming virtuality into reality, be carrying out according one's aptitude activity in philosophy. Such activity supports permanent development of creative thought. Human learning is a complicated open system and enriches with methodological approaches, tendencies, new notions.

Creation-according to its importance is invention and discovery.

Plato «Being created from nonsense is Creation». M. N. Abdullayeva explains «Creation is an activity». Invention, creation opening objective, peculiarities, legalities which is unknown to science, inserts basic changes to the system of knowledge. At the same time new things appears in the process of creation, human changes himself.

Invention gives human an opportunity thinking differently, glancing in a new way, seeing the world absolutely in other way. Human imagines the world, occurrences in other, new way because a great invention, scientific imaginations changes the system. It is not possible to invent with the help of usual notions. Invention-is a creative activity and it is not possible to attain it by working diligently relying on certain and descriptive procedure; relying on vertical passion impulse which was hard to describe, we must settle the break between problem and it's salvation. It is required to be independent from thinking traditionally on its initial stage such as invention, discovery. The basic of such thinking independently is dreaming, intuition. Invention establishes characters, occurrences, legalities which was unknown to the science before, changes the existent scientific learning basically Discovery is based on invention. Its function is create (movement of algorithm, ECM, invention of internet and etc.) of invented or known laws, new systems, separate components.

When we speak about Creation – is realized creator activity of a person or society on sphere changing natural, social and spiritual world in suitable manner of human's goal, functions, demands, intentions, possibilities [6]. The influence of will of subject in active being and creating novelty in constant way is reflected in creative activity. Human consciousness not only observes by creation the surrounding world but also plan the/her virtual model by creation.

In general, Rationalization play an important role on creative ability, forming and improving creator and establishes creator's spiritual figure.

On the basis of stability and power of creative ability, ideological trend, great intention of human, exists comparatively insistence to oneself hand one's attitude to life. The powers of creative ability of persons are very close with their consciousness, thought, mind, and belief.

Feelings' which appears in creator cause of different influences, creative mood form source of energy of creative ability. Because of creative process new ideas, outlooks, theories rule in the heart and mind of people, and this resulted with development. "Creation enthusiasm call human to be active, that's why person becomes present day human, because, now person tries to act only forward.

It is important the result of knowing theoretically in Rational thought.

Main point of intellectual activity is determined independently by cognitive creation. Here, the theoretical thought takes a shape intellectual intuition. Their goal and results are structured in «ideal objects» as a main type. The world of ideal objects estimates the theoretical levels in empirical learning and shows in ontological basis. Inner connection of Rationality embrace direct rational learning, religious-mythological, artistic-aesthetic aspects of outlook. It considers not only important problem as problems being, absolute, universum, in rational learning of human outlook but also it must be elucidate possibly and learning philosophical ability. Level and opportunity of learning the world and oneself is firstly depends on the level of social condition, the power of manufacture and their needs, manufacture relations. Level of persons' learning in different social-economical period is defined with the way of

manufacture in society, functions, volume and level of technology development, science development. Human don't restrict learning himself/herself and the world but assimilate the nature, society, his mind, his spiritual world, development and changings through the learning and also tries to change through rationalization creating virtual image.

The important role of Rationalization is getting new knowledge. New knowledge is the result of human intellectual learning. Rational thinking must engage in repeating, reconstructing, reorganizing and building during studying the objects. They have responsibilities: different procedures, reorganizing, and it is not possible to be rationalist at once [9].

Rationality is absorbed fully into philosophy, science, human life and it's opportunities is estimated higher than irrationality. Because, human's surprisingly learning doesn't give result every time. In rationality position is under conscious every time. Well, sometimes unknown occurrences are solved and are proved logically by irrationality. When will be find the solvation of problem in irrationality.

Nobody and never knows it. For instance, Mendeleev's Periodic table was created in irrationality way. None can deny it. In this sphere Rationality acts in sequence explaining the main point of things and occurrences. For instance, Democritus's atomic theory, Aristotle's logic, Khorazmiy's algorithm, Farghoniy's astrolabes, Beruniy's geodesy and mineralogy are created in rationality way.

Today, it is indicated that modern computers are clever than opportunities of people learning in the result of development of techniques and technologies and they are fast, exact on working, preferable with big memory than human's memory. Such kind of idea made Penrose think if people's mind incapable of accepting some calculation works. Penrose explains briefly like this, computers fulfill all operations. Main point of calculation ideal is used in Tyrinch machine-that is existing mathematic worked computer (in respect of theoretically modern universal computer); this idea never promise endless memory and to work how much we need [10]. Modern computers carry out correct calculation all of them and can do all operations: mathematic calculation, chess play or any kind of work. Using in practical activity, Veber calls it purposal rationality, «Activity is higher or low consciously and directing purposal rational can be more or little» [11]. In more aspects human's rational economical activity, having material values related with «external» objects [12].

Coming to the conclusion human live in rationality between constant and virtual reality. Rationality is important in agenda, scientific, theoretical, practical learning in humanity. Every person's learning is based on rationality, reworked, and submitted. Rationality is higher than irrationality, mythology, dogmatism, skepticism, sinsualim, in turning into reality of virtuality of human mind with the result of creation and ideals «non cooked up» yet, which is standing in human thought. Like this, virtuality is seen through rationality and creation.

Bibliography

1. Abdullaeva M. N. Milliy g'oyaning ilmiy-falsafiy asoslari. – T., 2011. – 91 p.
2. Muhammadiev Kh. Kh. Virtuallik yangi falsafiy kategoriya sifatida // Fan va falsafada innovacion tafakkur muammolari (ilmiy maqolalar to'plami) – Samarkand, 2010. – P. 43.
3. Qushaqov Sh. S. Postnoklassik falsafa va fanlar metodologiyasi muammolari. – Samarkand, 2011. – P. 80–81.
4. Platon sochinenie. B3. T. 2. – M. : Misl, 1972. – P. 185.
5. Polani M. Lichnostnoe znanie. – M., 1985. – P. 208.
6. Saifnazarov I., Nikitchenko G., Kosimov B. Ilmiy ijod metodologiyasi. – T. : Yangi asr avlodi, 2004. – P. 13.
7. Aytmatov Ch. Sochinenie. T. 7. – M., 1998. – P. 151.
8. Lebedev S. A. Urovni nauchnogo znaniya // Voprosi filosofii. – M., 2010. – № 1. – P. 64.
9. Bashlyar G. Noviy racionalizm. – M. : Progress, 1987. – P. 287–327.
10. Penrouz R. Teni razuma. V poiskah nauki o soznanii. – Moskva-Ijevsk, 2005. – P. 43.
11. Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Wissenschaftlahre. – Tubingen, 1951. – P. 411.
12. Veber M. Izbrannie proizvedeniya. – M. : Progress, 1990. – P. 496.

© Usmonov F. N., 2014

UDC 101.2

PHILOSOPHY OF UNCERTAINTY

M. N. Abdullaeva, doctor of philosophical sciences, professor;
G. G. Gaffarova, doctor of philosophical sciences, assistant professor;
G. O. Jalalova, senior researcher
National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. In the article the main tendencies areas of modern development of philosophical knowledge's and their paradigmatic opportunities in modern science are opened.

Keywords: philosophy; complex systems; modern society; philosophical ideas; thinking; instability; chaos; order; determinism; approach.

Fast rate of social, political, ecological, scientific changes in the integrity engender quite a number of uncertainty in consciousness of separate personality, public consciousness, culture. In our daily life, it seems to us that we move from the definite past into the indefinite future. In comprehension of the modern world together with all of its contradictions and crisis states (financial-economical, ecological crisis, crisis of traditional science), the philosophy plays a particular role analyzing possible ways of subsequent development of up to date civilization. The certain conceptual approaches, the type of thought dominate allowing adequately to reflect complex unlinear processes which are taking place in the modern world.

Transformations happening over all the spheres of human activity, concern knowledge too. Knowledge is a main producer determining development of the country for the modern postindustrial, information society. All over the world, fast growth of knowledge is going on; the industry of knowledge is growing continuously. All people need knowledge regardless of kinds of their profession. It is not possible to adapt the modern society adequately without certain minimum of economical, social, political etc. knowledge.

Knowledge is a base of activity of any modern man operating in different areas of the society. At the same time, possession of knowledge allows «to make some people what the others do» (Fr. Olsen) or «to create difference: to do something: to make a structure of activity» (M. Fuko, T. Dyurberg). It is possible to see it as examples of development of sciences and complex social processes.

Transformation of knowledge, methodological approaches can be considered as an example of scientific knowledge. The characteristic feature of scientific description is complete definition. The definition is typical peculiarity of science, methodology which bases on the principle of determinism. The cumulative epistemology demonstrated science as an ideal of strict proved and incontrovertible knowledge. The scientific achievements of new period raised mathematics to pedestal of higher truth and engendered illusion of achievement of perfection.

Early in the XX century, that model was dethroned as a result of the crisis of mathematics. Early in 30-s of the XX century, K. Gedel showed impossibility of complete formalization of knowledge as an example of groundlessness of ideas of complete and final basis of mathematics. Cognition was reflected as removal of subjective uncertainty. The classical model of science which the principle of determinism has predominated in, could not explicated about the principle of Gedel. Meaning of discover by Gedel takes down that the mathematician from the most ancient times endeavoured to demonstrate

mathematics and mathematical conclusions in clear and regulated form. «The great dream of all the mathematicians is to found a mathematics on accurate certain rules of conclusions and in the end absolute clear fundamental assertions called axiom. ...Arithmetic of whole numbers was formalized enough early, and a peak of the great dream of mathematicians was hope that everyone who has had meaning of assertion on whole numbers systematically, was allowed to solve, it was truth or false. Namely this hope was eliminated by Gedel» [8, p. 137].

Gedel's theorem about incompleteness of formal system on the one hand widened possibility of cognitive process, while showing that aspiration to definition is not always adequately reality, on the other hand enlarged horizons of development of mathematics. Gedel's theorem on language of mathematics showed that uncertainty exists; it seemed to be one of exact sciences of mathematics. Proceeding from this theorem, some investigators consider that «Gedel's theorem must exist in biology showing impossibility of complete description of living organisms in clear genetically terms» [5, p. 109].

In the structure of scientifically knowledge, definition reflecting objectivity, completeness of reproduction of object represents an ideal of cognition. As is generally known, such model allowed to achieve many huge successes in cognition of the living nature. At the same time it presents a basis of cognation of environment surrounding us too. But such sciences as biology, sociology, psychology study the objects subjected to accidental fluctuations, influences, that is, the uncertainty found general and natural. The principle of the uncertainty by Geyzenberg exposed ontological essence of this conformity with a law in quantum physics.

Gayzenberg's principle reflects objective uncertainty between spatial-time and impulsive-energetic condition, micro fractions in their intercommunications. Definition of some states engenders uncertainty of the others which comes into existence not as consequence of experimental mistakes, but presents a inner property of micro fractions.

The objective uncertainty exists in the nature of the same subject being studied, with not controlled influences, taking effects on studying parameters and displays on investigation of the mass phenomena and probable-statistic conformity with a law. Such conformity with a law was discovered both in the biology, and in the psychology, and in the sociology, and generally everywhere [2, p. 38]. Realization of the place of uncertainty in the cognitive process and in the objective reality, that is, exposure of the gnosiological and ontological statues of uncertainty had an influence on interpretation of the categories of determinism, causation, accident.

Obtaining information on the object being studied is bound up with such peculiarities of knowledge as definition and uncertainty. Cognition was reflected only as a removal of subjective uncertainty before research of the complex objects, that is, uncertainty itself was presented only as a particularity of a subject, but not object of cognition. The object «was considered strict, simple certain, and for this reason, a process of reflection connected with exposure of this definition by means of removal of subjective uncertainty» [10, p. 153]. The more definition in knowledge, the more possibilities of exposure of knowledge appears about ignorance, the problem situation and uncertainty arise longer. This objective uncertainty in the research of complex systems may have a different characteristic. Subjective uncertainty is overcome in the course of cognition, then it will be necessary component of cognitive process as the objective uncertainty.

It is possible to notice that investigation of thermal, quantum-mechanic complex objects may be found on using the statistic methods in contrast to the classical

physics. On principle it is impossible to create conditions taking into consideration of all possible external influence being studied on the complex object because their cognition is always bound up with uncertainty.

Therefore «the tasks of good organization of researches are that this uncertainty is minimized but by no means that it will not be removed utterly» [4, p. 13] that it is obviously as the modern investigations demonstrate that it is impossible to remove uncertainty.

The classical epistemology supposed existence of a single objective description of practicable reality. The material system was described so as it was, not depending on selection of ability of observation. The principle of uncertainty in the cognitive system brings in its corrective amendment. While considering the principle of uncertainty from position of natural philosophy, N. Bor called it the principle of addition. This allows interpreting phenomena, events in view-point of different methodological directions, thereby widening possibilities of cognition and comprehension.

The principle of addition ascertains wealth and diversity of reality, superior figurative possibilities of any separately elected logical structure. Each language is able to express only some kinds of parts of reality. For instance, «not a direction in the imitative art and musical composition from Bax to Shenberg does exhaust all the music» [7, p. 200]. The wealth of diversity of human thought in the each certain case is expressed through definite abstract conception, reflecting definite aspects, a verge of reality. The principle of addition enriches investigator by means of some specter of the methodology which allows recreating integral picture of the object of the investigator.

Aspiration of the classical science to ideal of accuracy and completeness permits it to operate strict definite collection of research approaches, it cannot modify, alter them. A single linear, strict determined approach made science «bankrupt in front of face of global crisis not managing to foretell, to solve imminent problem. The crisis makes to recognize that it needs diverse methodology, new paradigm to study possessing vital capacity organic, developing objects» [1, p. 211].

The problem of prediction also depends on the methodological directions of subject and character of objects being studied. Such sciences as mechanics, astronomy, physics leans upon common, universal laws, where a prediction is possible. «We use idea of the classical physics which is deterministic completely on large scales. It includes laws of mechanics by Newton, laws by Maxwell ... two theories of relativity by Einstein ... all of these laws are carried out by large distance exceptionally with high accuracy» [9, p. 21]. But such strict determined laws are not available in sociology, psychology, economics and etc., these sciences will have to limit to laws with the statistic character.

The modern scientific researches ascertain that the equilibrium systems exist in our expanding universe parallel with unbalance ones, functioning by other laws, rules. The present state found its reflection in two approaches based on the different methodological approaches. All of main equations of physics symmetric are symmetric at times, they are reversible at times. In the second beginning of thermodynamics, the temporary asymmetry operates, that is, irreversibility is one of the main state. «Einstein was a supporter of this direction with the exception of irreversibility from physics and Wathad became a spokesman of this direction with his conception of crisis with recognition of irreversibility as important peculiarity of the natural phenomena. At present noone makes doubt of it that irreversibility exists in macroscopic level and plays important constructive role» [7, p. 229].

The systems exists in the nature whose reversibility can be described by

deterministic laws and irreversible which were based on probability-statistic approaches. Symmetry is inherent in the classical physics at times; one-sided direction of time is typical to the thermodynamics.

The reversible systems are defined by symmetry at times, whereas «any probability interpretation gets possible only after the temporary symmetry has been broken» [7, p. 261]. Infringement of symmetry arisen in the irreversible processes can be observed on studying heat conductibility; the solar radiation appears as result of the irreversible nuclear reactions etc.

In natural sciences conception of entropy (connected with the second principle of thermodynamics) shows difference between reversible and irreversible processes. The temporary asymmetry is straight effect that «our system began to evolve from special (low-entropy) condition and our observation revealed a fact of growth of its entropy for its following evolution» [6, p. 257]. Asymmetry of the past and future is evident.

The uncertainty of future and irreversibility of time in the epoch saturated critical social dispute of global and regional character, exceptional temporary saturation allow to consider a period as a value. Our relations to it can cardinally alter condition in the social environment. Time is transient, no return to latest developments. What the future brings, it depends on our relation to it. Time may be realized as a fatal, we seem to be taken in captivi in it. It can be realized differently. Time belongs to us as far as possible we feel responsible to cognize, to value and to operate. Rational approach will further adequate orientation in the condition of uncertainty.

The most diverse, at times diametrical-contrary strategy of behavior appears in the condition of global uncertainty: from active insertion in globalization to becoming reserved within the regional association. Way out of a epoch of global uncertainty is problem standing before mankind as a whole and before every state, a society. The mankind always had a chance between variants of the future. In the presence of various variants, the mankind elects not that variant, which was presented as the most possible. In opinion of many investigators «not coming forecast true is not obligatorily bad forecast at all».

Election of ways of progress takes place in the point of bifurcation. Election of a single direction from a great number of others means that the system cannot come back to primary conditions. An accident influence defines an election, a new direction in irreversible. In the bifurcation point, inner difference becomes apparent between parts of the very system and a system and an environment surrounding it. The origin of dissipative structure infringes homogeneity of time, symmetry of time. Analyze of modern state of mankind demonstrates that the mankind entered a new bifurcation which possible ways of development have been many diversities.

Investigation of complication requires changes of mentality, cognitive art. The categorical apparatus, our cognition are enriched by new approaches, new categories. The modern investigation of reality inform of impossibility of moving away of uncertainty from cognition and about constructive role of uncertainty in cognition. The uncertainty displays all over spheres of our vital activity. We can explore and realize our world proceeding from state that «incompleteness and imperfection are necessary for comprehension of the very existence of our world, so incompleteness and imperfection are problems, unfinished state laying in the very heart of our knowledge make understanding to exist knowledge and its progress. Only insufficiency is productive» [3, p. 439]. Cognition in its movement endeavours to larger definition by means of election

from numerous possible signs which was recognized definitely presenting aspect of reality being studied. Taking down uncertainty is essential feature of complex, unlearned processes of development. One of the modern methods of cognition of complication is complex thought, furthering cognitive knowledge of definition in uncertainty, order in disorder basing on creative ideas.

Bibliography

1. Андрианов И. В., Баранцев Р. Г., Маневич Л. И. Асимптотическая математика и синергетика. – М., 2004.
2. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. – М., 2003.
3. Морен Э. Метод. Природа природы. – М., 2005.
4. Налимов В. В., Голикова Г. И. Логические основания эксперимента. – М., 1976.
5. Паршин А. Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. – 2000. – № 6.
6. Пенроуз Р. Новый ум короля. – Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 2003. – С. 200.
8. Рюэль Д. Случайность и хаос. – М.; Ижевск, 2001. – С. 137.
9. Стивен Хокинг, Пенроуз Р., Шимони А., Картрай Ш. Н. Большое, малое, человеческий разум. – СПб. : Амфора, 2008.
10. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. – М., 1975.

Bibliography

1. Andrianov I. V., Barantsev R. G., Manevich L. I. Asimptoticheskaya matematika i sinergetika. – M., 2004.
2. Barantsev R. G. Sinergetika v sovremennom estestvoznanii. – M., 2003.
3. Moren E. Metod. Priroda prirodyi. – M., 2005.
4. Nalimov V. V., Golikova G. I. Logicheskie osnovaniya eksperimenta. – M., 1976.
5. Parshin A. N. Razmyishleniya nad teoremoy Gedelya // Voprosyi filosofii. – 2000. – № 6.
6. Penrouz R. Novyiy um korolya. – Editorial URSS, 2003. – 384 p.
7. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa. Novyiy dialog cheloveka s prirodoy. – M., 2003. – P. 200.
8. Ryuel D. Sluchaynost i haos. – M.; Izhevsk, 2001. – P. 137.
9. Stiven Hoking, Penrouz R., Shimoni A., Kartray Sh. N. Bolshoe, maloe, chelovecheskiy razum. – SPb. : Amfora, 2008.
10. Ursul A. D. Problema informatsii v sovremennoy nauke. – M., 1975.

© Abdullayva M. N., Gaffarova G. G., Jalalova G. O., 2014

UDC 101.1:168

ATTEMPT OF APOLOGETICS OF PHILOSOPHY SCIENTISM IN THE LIGHT OF REVISING THE TRUTH AS A PROPERTY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: THE PROBLEM OF VERIFIABILITY AND FALSIFIABILITY

P. G. Makukhin, candidate of philosophical sciences, assistant professor
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Summary. Analyzing Russian public discussions of the last two decades – both philosophical as such and the ones related to its institutionalization, including those in education, one can see the Sword of Damocles hanging over philosophy as a university discipline. Therefore, its retention in higher education involves such revision of the truth of modern scientific knowledge as to demonstrate that arguments for the unscientific character of philosophy, particularly arguments based on the thesis that it lacks any empirical grounds and therefore lacks falsifiability verification procedures, do not correspond to the modern level of research studies development.

Keywords: revising the classical image of science; proof and refutation of philosophical statements; mediation of philosophy relations with the world by the results of other disciplines.

There is an obvious paradox – on the one hand, self-reflection is a central thread running through the entire history of philosophy, its version outstanding in the words of Aristotle and Hegel respectively: «It is right also that philosophy should be called knowledge of the truth» [1, p. 94] and, moreover, a standard in the search for the truth (because «a thing has a quality in a higher degree than other things if in virtue of it the similar quality belongs to the other things as well» [1, p. 95], so «that that causes derivative truths to be true is most true», hence «the principles of eternal things must be always most true» [1, p. 95]); «Philosophy is an objective science of truth, a science of its necessity, of conceptual knowing; it is no opining and no web-spinning of opinions» [2, p. 78].

On the other hand, there is a long tradition of the opposite version of self-reflection recognizing the inapplicability to philosophical knowledge of the concepts of truth and falsehood suggested by different thinkers at different times, including ancient sophists and skeptics, Enlightenment thinkers (representative are the words by Rousseau «What is contained in the writings of the most celebrated philosophers?... should we not take them for so many mountebanks, exhibiting themselves in public, and crying out, *Here, Here, come to me, I am the only true doctor?*» [3, p. 27]), positivists with their critique of «metaphysics» and Husserl, who denied any truth verification of philosophical statements and, what's more, believed the objective reality to be beyond the boundaries of the philosophy subject. This tradition was especially common in Russian philosophy at the turn of the 1980-1990s when Marxist philosophy propaedeutics was criticized by the post-Soviet anti-scientists. According to their most consistent representative A. L. Nikiforov, «philosophy is not empirically verifiable or refutable» [4, p. 300], therefore it cannot prove even its fundamental principles, such as «matter is primary and consciousness is secondary» (or vice versa) [5, p. 113] and, in general, «does not care about evidences» [6, p. 20]. As for regular attempts of philosophers to justify their ideas by appealing to scientific ideas and social experience, they are not, according to A. L. Nikiforov, «the empirical evidence sought by science» because «they do not use ...empirical methods. This is just about the compatibility of the philosophical system with scientific data, but such

compatibility can by no means be considered as an evidence of the system's possible truth» [6, p. 20].

Justifying the opposite position, i. e. the idea that philosophy can at least be partially included in the complex of scientific knowledge and, therefore, it seeks to reconcile its statements with the natural and social reality, and developing methods of such reconciliation, I should first of all highlight the following fact: the above statements about philosophy lacking any empirical grounds and validation and rebuttal procedures can be regarded as the reverse of the fact that it analyzes all the objects that form the subject of special sciences. To illustrate the point, let me give the following example: in the framework of Hegel's dialectical solution to the problem of the relation between science and philosophy, the condition of their union was reconciliation of philosophical ideas with the reality and experience, i. e. philosophy must not ignore the empirical results of special sciences, what's more, it must incorporate them in the process of their use. Only bearing this in mind, one should interpret, for example, the following idea of Wundt: «Hegel ... calls philosophy 'thinking consideration of objects' – the expression indicating that purely empirical study of facts should be excluded from philosophy and that philosophy is pure thought» [7, p. 17]. I. e. the reason why «the empirical study of facts» can be excluded from philosophy is that philosophy, according to Hegel, «must not only be consistent with the experimental learning of the nature, but the emergence and development of philosophy as such has empirical physics as its prerequisite and condition» (by «physics» he means natural sciences in general) [8, p. 14]. What is special about such «consistency» in this case is that philosophy «picks up the material produced by physics on the basis of experience at the point where physics had driven it to and, in turn, converts it further, but without having to base it on experience as final confirmation» [8, p. 20]. Looking at these arguments in relation to the above discussion, one can agree with A. A. Gusseynov, who considered it logical that «now philosophers do not simply look at the world through the eyes of a stranger, but deal with the world as reflected in them, and ... they now do not pretend to be physicists or psychologists» [9, p. 14] and that «one can come across a philosophizing scholar more often than an experimenting philosopher» [9, p. 14]. I. M. Krylov, one of the most consistent followers of modern supporters of scientific philosophy, shows that philosophers simply do not need to repeat the experiments conducted by special sciences because they have enough material in the form of research findings from other fields – philosophy «draws material for its results by studying the available scientific results, finding its own content in them» [10].

Secondly, let us consider the fact that while the classical ideal of science was primarily empirical validity, suggesting the possibility of reducing any scientific knowledge to its solid foundation, the current level of scientific research suggests, according to L. A. Mikeshina, an authoritative expert in the field, that «the traditional and conventional word combination 'theory verification'... is a rough and vague term with quite complex and controversial procedures behind it» [11, p. 314], particularly because «it is not the theory itself and the underlying scheme model that are tested, but its empirical interpretation and empirically verifiable consequences» [11, p. 314], and, as a result, «the theory cannot be rejected if certain facts contradict it, but it also cannot be justified even if there are some facts that unequivocally prove it» [11, p. 314]. Similarly, N. I. Martishina, another well-known contemporary specialist in epistemology and philosophy of science, considering the revision of the classical scientific understanding of validity in terms of both content and feasibility, notes that «the first attack is directed

at the central understanding of validity in classical science – the empirical validity» [12, p. 33], criticism of which is associated with the «rejection of theory as consistent movement from experience through a series of minimal, strictly calibrated generalizations» [12, p. 34]. From the fact that scientific theory is not derivable from experience, it can be concluded that, first, scientific theory cannot be completely reduced to experience in order to verify it, and secondly, it is not refutable in an unambiguous way – «in terms of modern realistic methodology, if a fact contradicting the theory is detected, the theory should not be rejected automatically unless you have exhausted the possibilities of modification and protection» [12, p. 34], and, as a result, «refutation of the theory is often complex and time consuming and is certainly beyond the scope of the empirical process» [12, p. 34].

When summing it up, N. I. Martishina lists the following factors that determine the impossibility of complete empirical validation of a theory [12, p. 34–36]: dependence of the experimental data on the means of observation and investigation procedures; complexity and ambiguity of empirical interpretation of theories with high level of abstraction that do not have the element-by-element connection with the reality; theoretical loading of an experiment as such, including the impact of the hypothesis on the experiment plan, the choice of tools and, more importantly, the interpretation of the results, which makes the concept of the critical experiment problematic.

To summarize, we can say that while the classical (17–19th centuries) program of science construction made it impossible to accept that philosophy is science, even specific science, due to the problematic relation between theory and empiricism, Duhem-Quine thesis, which summarized criticism of this program, and according to which theoretical statements, in principle, cannot not be fully predetermined by empirical data (as Duhem and Quine, according to V. N. Porus showed that «scientific theory is not an isolated system of statements, but is associated with extensive background knowledge, and therefore can always be «saved» from refutation if we make the appropriate changes to this «background» [13, p. 218]), deprives this criticism of the scientific status of philosophy of its persuasiveness and does not allow us to deny scientism to philosophy. In other words, understanding that both the program of the experiment and interpretation of its results depend, to some extent, on the original theoretical orientation of the researcher does not allow us to unambiguously and fundamentally oppose natural sciences as «totally empirically grounded knowledge» to philosophy as «unverifiable, unfaslifiable and therefore unscientific» knowledge.

Bibliography

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1976. – С. 63–448.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии в 3-х тт. Кн.1. – СПб. : Наука, 1993. – 350 с.
3. Руссо Ж. Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии... // Трактаты. – М. : Наука, 1969 – С. 9–31.
4. Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М. : Академический Проект, 2010. – 229 с.
5. Ойзерман Т. И. Феноменологическая концепция философии как высшей духовной культуры // Феноменология искусства. – М. : ИФ РАН, 1996. – С. 3–19.
6. Никифоров Л. А. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? : Многообразие вненаучного знания. – М. : Политиздат, 1990. – С. 296–326.
7. Гарин И. И. Что такое философия? // Что такое философия? ; Запад и Восток ; Что такое истина? – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – С. 4–556.
8. Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой : учебное пособие для вузов. – М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 456 с.
9. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки: науч. издание. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 1996. – 187 с.

10. Степин В. С. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
11. Бряник Н. В. Особенности эксперимента «неклассической науки» // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31. – № 1. – С. 108–124.
12. Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном по проблемам теории познания // Избранные научные труды. – Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 399–434.
13. Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 3–46.
14. Зорина Е. В., Рахманкулова Н. Ф. и др. Философия в вопросах и ответах : учеб. пособие / под ред. А. П. Алексеева, Л. Е. Яковлевой. – М., 2004. – С. 4.
15. Никитич Л. А. Философия : учебник для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 575 с.

Bibliography

1. Aristotel. Metafizika // Aristotel Sochineniya v chetyireh tomah. T. 1. Red. V. F. Asmus. – M. : Myisl, 1976. – S. 63–448.
2. Gegel G. V. F. Lektsii po istorii filosofii v 3 –h tt. Kn.1. – SPb. : Nauka, 1993. – 350 s.
3. Russo Zh. Zh. Rassuzhdenie, poluchivshee premiyu Dizhonskoy Akademii... // Traktatyi. – M. : Nauka, 1969 – S. 9–31.
4. Gusserl E. Kartezianskie meditatsii. – M. : Akademicheskiy Proekt, 2010. – 229 s.
5. Oyzerman T. I. Fenomenologicheskaya kontseptsiya filosofii kak vyisshey duhovnoy kulturyi // Fenomenologiya iskusstva. – M. : IF RAN, 1996. – S. 3–19.
6. Nikiforov L. A. Filosofiya kak lichnyiy opyit // Zabluzhdayuschiysya razum? : Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya. – M. : Politizdat, 1990. – S. 296–326.
7. Garin I. I. Chto takoe filosofiya? // Chto takoe filosofiya? ; Zapad i Vostok ; Chto takoe istina? – M. : TERRA–Knizhnyiy klub, 2001. – S. 4–556.
8. Gaydenko P. P. Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoy: Uchebnoe posobie dlya vuzov. – M. : PER SE; SPb. : Universitetskaya kniga, 2000. – 456 s.
9. Martishina N. I. Kognitivnyie osnovaniya paranauki: Nauch. izdanie. – Omsk : Izd-vo OmGTU, 1996. – 187 s.
10. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie. – M. : Progress-Traditsiya, 2000. – 744 s.
11. Bryanik N. V. Osobennosti eksperimenta «neklassicheskoy nauki» // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2012. – T. 31. – № 1. – S. 108–124.
12. Bor N. Diskussii s Eynshteynom po problemam teorii poznaniya // Izbrannyie nauchnyie trudyi. – T. 2. – M. : Nauka, 1971. – S. 399–434.
13. Filosofiya v sovremennoy kulture: novyie perspektivyi (materialyi «kruglogo stola») // Voprosyi filosofii. – 2004. – № 4. – S. 3–46.
14. Zorina E. V., Rahmankulova N. F. i dr. Filosofiya v voprosah i otvetah: ucheb. posobie / pod red. A. P. Alekseeva, L. E. Yakovlevoy. – M., 2004. – S. 4.
15. Nikitich L. A. Filosofiya: uchebnik dlya vuzov. – M. : YuNITI-DANA, 2000. – 575 s.

© Makukhin P. G., 2014

УДК 167

ГАЗАЛИ О ЗНАЧЕНИИ УМА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Азизкулов, кандидат философских наук, доцент;
С. М. Рузимуродов, преподаватель
Самаркандский государственный университет, г. Самарканд, Узбекистан

GAZALI, THE IMPORTANCE OF THE MIND IN HUMAN ACTIVITY

A. A. Azizqulov, candidate of philosophical sciences, assistant professor;
S. M. Rozimurodov, teacher
Samarqand State University, Samarqand, Uzbekistan

Summary. In this article the author analyses the teaching of the theory of knowledge of Gazzali the great divine theoretic of the Muslims East. There is an analysis of persuasion and mind, sensible and mental knowledge, the relativity of theory and practice.

Keywords: rationality; irrationality; philosophy; philosophical ideas; relativity; Gazali.

Крупный теоретик исламской теологии Абу Мухаммад Абил Ахмад ал-Газали (1059–1111) на мусульманском Востоке был удостоен высокого звания «Хужжатул Ислом» (Документ Ислама) и «Бахри бугрок» (Душа море).

Один лишь его труд «Ихяа ал улум ад-дин». («Возрождение религиозных учений») вот уже десять столетий является основным учебником во многих медресе. Наука, вера, убеждения XI века и их последующее развитие неразрывно связаны с учением Газали. Кроме сочинений по теории теологии, его перу принадлежат такие труды, как «Ал хулоса», «Тахафитул фалосифа» («Противоречия философов»), «Цели», «Ал-мазнун бихи ала гойри ахлихи» («Ошибочные мысли других народов»), «Хакикатул-ковлайн» («Истина двух слов»), «Мавлюкат» («Понятия»), которые ярко свидетельствуют о глубоких познаниях ученого в области логики и философии.

Многогранное учение мыслителя односторонне интерпретировалось как на Западе, так и в бывшем Союзе. Русские исследователи высказали мнение о том, что произведение Ибн Рушда (Аверроэс) «Тахофут» было написано как реакция на иррационалистические взгляды Газали в труде «Тахафутул фалосифа», а самого Газали считали теологом, который отрицает всякий рационализм, умственные способности в научном познании и трактует знания с точки зрения лишь иррационально-мистической точки зрения.

В связи с обретением независимости наряду с возрождением национально-духовных ценностей появилась возможность объективного изучения доктрины учения Имама Газали, результаты которого убеждают нас в ошибочности суждения о том, что он был представителем мистико- иррационалистических воззрений.

В труде Газали «Кимёи саодат» широко исследована сущность ума и его место в жизнедеятельности человека и вере в бога – Аллаха. В частности, излагая суть умственного начала в жизни человека, мыслитель выделяет четыре его особенности: первая особенность ума в том, что благодаря ему человек отличается от животных; вторая особенность заключается в том, что человек способен различать и сравнивать предметы; третья особенность заключается в опоре человека на опыт. Развивая эту мысль, ученый пишет: «Кто

закаляется опытом, воспитывается мыслями, суждениями, обычно его называют благочестивым»; сдерживание человеком своих страстей и низменных желаний – вот четвертая особенность ума [4, с. 210–212].

Как видно, в философском анализе категории ума Газали прослеживаются элементы рационализма. Анализируя роль ума и его отношение к душе, он сравнивает тело человека с городом: «И душа есть царь сего города. И ум есть визирь сего царя» [5, с. 36].

Необходимость ума в жизнедеятельности человека Газали излагает метафорой взаимоотношений царя и визиря. Даже в самой мирной, стабильной стране царь не может осуществлять деятельность без визиря. Благополучие страны зависит от визирей, указывающих верный путь правителю. Продолжая свою мысль, Газали пишет: «...когда царь – душа будет работать, руководствуясь советами визиря – ума, то страна тела будет жить по его закону. И, найдя путь истинный, обретет свет Всевышнего» [5, с. 37].

Как царь берёт бразды правления страной согласно советом визиря, так и человек контролирует своё тело посредством ума. Путь к счастью, по его мнению, осуществляется через ум. Согласно аль-Газали, понимание сущности Бога достигается не верой, а умом: «Ум есть свеча души. Ибо душа светом той свечи обнаруживает лик Господа миров...» [5, с. 37]. Мыслитель утверждает: «Аллах наделил тело человека умом-свечой, чтобы она вывела его из тьмы на свет». О возможности человека познания Аллаха с помощью интеллекта Газали в трактате «Миншох ул-обидий» пишет: «Учение может иметь преимущество перед молитвой по следующим соображениям: оно позволяет глубоко знать догматы веры для правильного соблюдения молитв» [6, с. 86].

Для того чтобы вступить в суфийский тарикат, необходимо рационально усвоить прежде всего шариат, такие деяния, как фарз (приказанное), вожиб (обязательное), суннат (рекомендованное пророком), мубох (не запрещенное), макрух (нежелательное) и харом (запрещенное). Указывая на это, Газали отмечает, что человек, совершающий молитвы (обид), будет истинно верующим, если имеет знание.

Ученый особо отмечает задачи ума для полного исполнения канонов шариата. При познании Аллаха разумом ум имеет задачи: дружба с учеными, поиск компромисса среди народа, воздержание от скупых и дурных дел, знание хороших деяний, стыд от мракобесия и невежества [5, с. 39]. Газали учит, что достижение уровня беседы с учеными возможно лишь с помощью разума. Также уважение и почет среди народа достигаются умом. Рассуждая о способностях человека к «употреблению пищи и совокуплению», он отмечает, что эти качества свойственны всем «птицам и животным», а отличительное благо «мышление» дано только человеку.

Согласно учению Газали человек обладает «разумом и мышлением» не только в целях познания Аллаха, но и в направлении получения знаний. Ученый утверждает «святость прекрасного из всего сущего – духа (души) благодаря знаниям». Следовательно, одной из основных задач ума является учение, стимул к знаниям в душе будет всегда. Газали комментирует это следующим образом: «...у духа есть такая сила, что он знает все знания и все ремесла». Исследователи отмечают, что наивысшей точкой гносеологии Газали является единство теории и практики. «Невежественные люди рассуждают по принципу «если есть знания, практика не нужна». Те, кто так думает: «суть отвергающие законы шариата, они имеют знание, но не применяют его на практике. Они не знают, что такие знания бесполезны» [6, с. 387].

Приступая к анализу, разработке и освоению теоретических знаний,

касающихся механизма процесса «познание», Газали начинает с классификации способностей познания. «Душа имеет потребность к познанию, некоторые из этих познаний суть внешние – это пять чувств. В частности, зрение и слух, обоняние и чувство вкуса. И чувство осязания».

Газали наделяет человека естественным субстратом источника познания, что согласуется с современной гносеологией. В гносеологии – отрасли современной философии – также утверждается, что познание человека начинается с чувств и внешние свойства предметов и явлений можно познать через чувственное восприятие. Для освоения внутреннего механизма и закономерностей предметов и явлений необходимы умственные знания, интеллектуальные способности. Существование внутренних познаний, помимо внешних, комментируется Газали следующим образом: «Некоторые из этих познаний суть внешняя, их тоже пять, это:

1. Ум (разум).
2. И сила мышления.
3. И сила запоминания.
4. Сила понимания (воспоминания).
5. Сила стремления к знаниям» [5, с. 35].

Психические процессы запоминания и воспоминаний, познания относятся к области памяти человека. Также и сила стремления к знаниям это стремление к пониманию сущности предметов и явлений, которое представляет собой душевный процесс, связанный с эмоциональными переживаниями человека. «Память», «разум» и «сила» стремления к знаниям являются субъективными факторами в процессе познания человека, которые связаны с психикой.

В современной философской науке «память», «разум» и «эмоциональные переживания» рассматриваются как важные субъективные факторы в научном творчестве. Обоснование Газали взаимосвязанности чувственного познания, умственного познания и психически-эмоциональных процессов было достижением исламской гносеологии. Как отмечалось выше, многие исследователи оценивали труд Ибн Рушда «Таховут ул-таховут» как реакцию на иррационалистические взгляды Газали, творчество которого воспринималось как мистико-иррациональная деятельность [1, с. 43]. Однако в своем труде «Кимёи саодат» Газали приводит следующие суждения о рациональном и иррациональном мышлении: «Однако учиться и обучаться есть путь ученых, сей путь очень велик и чудесен» [5, с. 49]. Как видно, Газали отнюдь не отвергал научный рационализм, более того, утверждал, что достигнутые умом знания являются «очень великими и чудесными». В то же время он считал, что существует и иная форма познания: «...но пророки и святые обретают знания не от людей, а от Всевышнего Аллаха». Разве эта мысль не тождественна с учением о двухсторонней истине Ибн Рушда? [2, с. 13]

Размышляя о рациональном и иррациональном познании, Газали пишет: «Однако душа благодаря знаниям имеет две категории. Первая то, что известно народу, другая категория есть скрытая, что неведома людям. Эта категория ценнее» [3, с. 21]. Под знаниями, которые известны всем людям, Газали подразумевает знания, освоенные рациональным – логическим путем. «Скрытые знания», по Газали, это те, что иррациональным способом достигаемы, и это происходит с участием Бога. Такое познание доступно не всем людям, отмечает Газали.

Газали как теоретик исламского учения, конечно же, отдавал предпочтение божественному познанию истины. Мы не включаем его в ряд строгих рационалистов, однако считать его иррационалистом представляется далёким от объективности. Отмечая божествен-

ное познание, он в то же время не упускал из виду рационализм. «Человек познает Творца своим умом, рассуждает своим разумом, творения Аллах, с помощью света ума освобождает себя от власти гнева». Действительно, для достижения божественной истины необходимо, прежде всего, рациональное понимание канонов шариата. Таким образом, аль-Газали, по нашему мнению, сторонник двух учений гносеологии – рационализма и иррационализма.

Как видно, при изучении значения ума в деятельности человека Газали использует рационалистический подход. Необходимость изучения физической и духовной деятельности человека, в частности его веры в Аллаха, является основной задачей мыслителя, по Газали.

Вместе с тем разделение познания на внешнее (чувственное) и внутреннее (умственное), утверждение необходимости взаимосвязи теории и практики повышают философско-историческую значимость учения мыслителя. На наш взгляд, ныне актуальны идеи Газали по теории познания, они не потеряли свою значимость и в современной гносеологии.

Библиографический список

1. Еремеев И. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М. : Политиздат, 1990. – 288 с.
2. Азизкулов А. Мусулмон Шарқ фалсафасида рационаллик муаммоси // Илмий тадқиқотлар ахборотномаси. – Самарканд, 2000. – № 4. – С. 6–11.
3. Ғаззолий. Кимёи саодат (Дил ҳақиқати). – Т. : Камалак, 1994. – 80 с.
4. Ғаззолий. Ихёу улумид-дин. – Т. : Мовароуннахр, 2003. – 232 с.
5. Ғаззолий. Кимёи саодат (Руҳ ҳақиқати). – Т. : Адолат, 2005. – 412 с.
6. Фалсафа. Ўқув қўлланма. – Т. : Шарқ, 1999. – 496 с.

Bibliography

1. Eremeev I. Islam: obraz zhizni i stil myishleniya. – M. : Politizdat, 1990. – 288 p.
2. Azizkulov A. Musulmon Shark falsafasida ratsionallik muammosi // Ilmiy tadkikotlar ahborotnomasi. – Samarkand, 2000. – № 4. – P. 6–11.
3. Gazzoliy. Kimyoi saodat (Dil hakikati). – T. : Kamalak, 1994. – 80 p.
4. Gazzoliy. Ihyou ulumid-din. – T. : Movarounnahr, 2003. – 232 p.
5. Gazzoliy. Kimyoi saodat (Ruh hakikati). – T. : Adolat, 2005. – 412 p.
6. Falsafa. Ukuv kullanma. – T. : Shark, 1999. – 496 p.

© Азизкулов А. А., Рузимуродов С., 2014

UDC 93/801

SOURCE ANALYSIS OF THE BOOK «AL-JAMI AL-WAJIZ» OF MUHAMMAD AL-KARDARI AL-KHORAZMI

Kh. A. Juraev, doctoral applicant

Tashkent Islamic University, Tashkent, Uzbekistan

Summary. The article includes scientific-analytic conclusions about «Al-Jami al-Wajiz» the book of Muhammad Kardari. Analysis of opinions of Muhammad Kardari about believe and tolerance is mentioned. It describes the solutions of social and dogmatic problems which are given in the book. Source analysis of manuscripts and stone-prints of «Al-Jami al-Wajiz» in several libraries of the world is also written in the work. The value of the book in the world is defined in it. It shares details about the history of Khorazm which are declared in the book.

Keywords: Al-Jami al-Wajiz; al-Fatawa al-Bazzazia; Muhammad Kardari; Bazzazi; Khorazm; social sphere; business sphere; juristic sphere; hanafi; fiqh; fatwa; dogmatic contradictions; Umum al-Balwa; Transoxiana.

It is well known about several cities of Uzbekistan thanks to description of scientists. But, the city of Kardar is less known. Kardar was one of the ancient cities of Khorazm which is now city in Uzbekistan. The eminent scientists of Kardar like Taj ad-Din Abu al-Mafakhir al-Kardari al-Khorazmi (Hanafi jurisprudent, died in 562/1166), Shams al-Aimma Muhammad ibn Abdusattar al-Kardari al-Khorazmi (Hanafi jurisprudent, died in 642/1244), Muhammad al-Kardari al-Bazzazi al-Khorazmi worked for the rise of science and wrote many books related to the direction of hanafia.

Among them Muhammad al-Kardari al-Bazzazi al-Khorazmi done many for fiqh, especially for hanafi jurisprudence. His full name is Muhammad ibn Muhammad ibn Shihab ibn Yusuf ibn Umar ibn Ahmad al-Kardari al-Bazzazi al-Khorazmi. He lived in 729–816 years [4, 1st sheet], but in Shestrbity it is said that Bazzazi died in 827/1423 [7, 4388]. According to his nickname «Bazzazi» (Bazzazi-(arab.) textile dealer), he had a deal with textile.

Muhammad Kardari wrote many books like, «Manaqib al-Imam al-A'zam Abi Hanifa», «Al-Jami al-Wajiz», «Mukhtasar fi bayan ta'rifat al-ahkam», «Adab al-qadi». The book «Manaqib al-Imam al-A'zam Abi Hanifa» is also known as «Manaqib al-Kardari» and its stone-print was published by the publication «Dairat al-Marif» in Khaydarabad in 1321/1903 [3].

«Al-Jami al-Wajiz» is one of the famous works in fiqh – Islamic jurisprudence. Also, it is known as «al-Fatawa al-Bazzaziyyah». The work is written in XIV century at the time of timurids by Muhammad al-Kardari al-Khorazmi.

«Al-Jami al-Wajiz» is the collection of fatawah (sngl. fatwah) – conclusion, order of Islamic jurisprudents in cases) of many Islamic jurisprudents. The work includes 51 chapters and 284 seasons. The books begin with Kitab at-Tahara (chapter of ritual ablution), consists of 9 seasons and ends with Kitab al-Faraidh (orders), consists of 3 seasons [5]. Example of contents of the book is in below:

1) Kitab at-Tahara (chapter of ritual ablution) – (consists of 9 seasons);
2) Kitab az-Zakat (alms) – (3 seasons);
3) Kitab as-Sawm (fasting) – (7 seasons);
4) Kitab al-Qismat (sharing) – (4 seasons);
5) Kitab ash-Shirkat (company) – (3 seasons);
6) Kitab al-Waqf (giving something in purpose of charity) – (8 seasons);
7) Kitab al-Faraidh (orders) – (3 seasons) [5].

There are some manuscripts and stone-print of «Al-Jami al-Wajiz» in several libraries of the world [1, P. 226; 9, P. 316; 6, P. 177; 3, P. 242] like in the library of manuscripts and Stone-print of the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni (Tashkent). This manuscript

preserved by the number of 6644. The work consists of 281 sheets, and sheets of context are 273, in every page 25 lines. Written clear in «diwani» letter, copier is unknown. Binding is made by cardboard, covered by brown leather, three screws are drawn on it.

In the library of manuscripts of Yemen (Yemen), the manuscript preserved by the number of 1368. The work is full version, copy of Muhammad ibn Ahmad. The work consists of 442 sheets, in every page 29 lines, cover and pages have same size 16×26 cm, binding is made by cardboard, first two pages decorated by golden color, written clear in «naskh» letter, copy of Muhammad Ibn Ahmad. The manuscript officially sold to Muhammad Ibn Rustam in X/XVI century [2].

In the library of Alexandria (Egypt), the manuscript preserved by the number of B428/1608. The work is full version, copier is unknown. The source consists of 469 sheets, 1st and 469th sheets are just white sheets. Definitions of some words are written in margin. Text consists of 28 lines, written in «suls» letter. Cover and pages have same size, 18×27,5 cm, binding is made by cardboard, covered by red leather.

In the library of manuscripts of Sulaymaniyyah (Turkey), the manuscript preserved by the number of 1125, copy of Remli Najmuddin Ibn Khayruddin. The work consists of 251 sheets, size, 15×20 cm Text consists of 25 lines.

Stone-print of the work is preserved in «Sources Treasure»-library of manuscripts and stone-prints of Tashkent Islamic University (Tashkent), the work is copied divided by three to the margin of 4th, 5th, and 6th volumes of the stone-print of «al-Fatawah al-'Alamghiriyyah».

The 1st part of «al-Fatawa al-Bazzaziyyah» is written in the margin of 4th volume of the stone-print, which is preserved by the number of 119. The source consists of 525 pages. Cover and pages have same size, 19×25 cm. Line of text of the work consists of 40, and the text of the «al-Fatawa al-'Alamghiriyyah» is written inside the table and it consists of 34 lines. Binding is made by cardboard, covered by green leather, red table is drawn on it. This part includes 9 subjects.

The 2nd part of «al-Fatawa al-Bazzaziyyah» is written in the margin of 5th volume of the stone-print which preserved by the number 112. The source consists of 510 pages. Binding is made by cardboard, covered by green leather. Cover and pages have same size, 19×25 cm. Text of the «al-Fatawa al-Alamghiriyyah» is written inside table, and consists of 34 lines. Text of «al-Fatawa al-Bazzaziyyah» consists of 41 lines. There is a seal on the 1st page of the print-stone, and there is written as «Mulla Amir Shah Ibn Ali, Hijri 1332». At the end of the stone-print is written that, it was printed thanks to Mustafa al-Baba al-Halabi, and his two brothers Bukra and Isa in Egypt in Maymaniyya print. This part includes 7 subjects.

The 3rd part of «al-Fatawa al-Bazzaziyyah» is written in the margin og 5th volume of the stone-print which is preserved by the number of 157. The source consists of 488 pages. Cover and pages have same size, 19×25 cm, and the text of the «al-Fatawa al-'Alamghiriyyah» is written inside the table and it consists of 34 lines. Text of «al-Fatawa al-Bazzaziyyah» consists of 41 lines. This part includes 23 subjects.

Copying the work for centuries after the death of author means information which assigns the book was necessary for muslim people in their lifetime. On the other hand, it shows the common character of information, and various «fatawa» in minority does not influence the unity gain.

The book «Al-Jami al-Wajiz» informs about the history of timurids. Minor details of the book make up the historical research. Call of Islamic scientists to charity shows the high level of social protection. The chapter of share-cropping describes part of business system, development of agriculture and irrigation. Different «fatawa» indentify the regional difference.

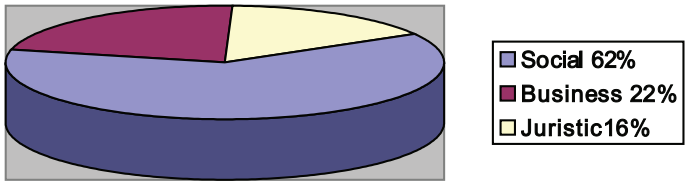
Also, it includes several informations about actual problems of society. In the work conclusions of hanafi scientists like

Abul-Lais Samarkandi, Sarakhsi, Muhammad Ibn Shaybani, Khurasani, Imam Nasafi are posted comparing with conclusions of Imam Shafii', founder of the direction shafii'a, and this characterizes it with comparative jurisprudence. Hanafi methods of solving problems like, «qiyas» – comparative method, «rai» – logistical method and «istihsan» preferable method are used for solutions in the work.

Classification of chapters in spheres in below:

1) social sphere – 32 chapters;
2) business sphere – 11 chapters;
3) juristic sphere – 8 chapters.

According to the classification of chapters in spheres at the time of the author these three spheres mainly valued in the system of governing the empire and these spheres were developed fulfilling each other.



Furthermore, the work includes solutions of problems of believe, security of human life, social justice, dogmatic contradictions and other actual problems. In the book the author said, muslim tribes living among nonmuslim society have to celebrate general holidays together. Thus he called muslim people to tolerance. According to his words, a muslim must pray and he must work, too. It is a socialization of muslims, and this helps to social development.

Muhammad Kardari calls people to study more, in his book. He does not declare people for less of their knowledge. He emphasizes the «Umum al-Balwa», which means common mistakes of reciting the Qur'an. Author says it does not break the praying and reciting. It is said, the main thing in the human is his soul. Like, if a man wanted to say «You are God and I am your slave» but unwillingly said the opposite one, it does not influence his believe. Also, he mentioned some trends as non Islamic, and said: «Who ever joined trends unwillingly let him to pray, regret for and come back to faith».

Proceeding from all at the top, the book «Al-Jami al-Wajiz» consists of many solutions and historical informations. Spreading of «Al-Jami al-Wajiz» through the world shows the value of the work. The source has information related to the direction of hanafia and has need for more scientific research.

All Kardari scientists which underlined at the top are hanafi jurisprudents. This means that the direction of hanafia was the leading direction in Khorazm as in the other cities of Transoxiana.

«Al-Jami al-Wajiz» is a beneficial source in describing the history of temurids. It informs about the social life, business, jurisprudence and the role of religion and Imams. Islamic scientists work against dogmatism since history. Information in the work helps to solve some religious contradicts of today. Moreover, it teaches tolerance, self controlling while obeying Islam.

Bibliography

1. Broklin: 2.
2. Catalogue of library of manuscripts of Yemen. – San'a, 1990. – 649–650 p.
3. Kashf az-Zunun.
4. Manuscript al-Fatawah al-Bazzaziyyah. – Library of manuscripts of Kuweit № 2885. – 10th Century of Hijri.
5. Muhammad Kardari. al-Fatawah al-Bazzaziyya aw al-Wajiz. – Alexandria library B428/1608.
6. Mu'jam al-Mu'allifin: 3.
7. Shestrbity 4388.
8. URL: www.muslimphilosophy.com.
9. Z. Brocleman: 2.

© *Juraev Kh. A., 2014*

УДК 1(091) 129+130.31

УЧЕНИЕ МАКСА ШЕЛЕРА О ЛИЧНОСТИ

Н. В. Цепелева, кандидат философских наук
Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Россия

DOCTRINE MAX SCHELER OF THE PERSON

N. V. Tsepeleva, Ph.D. (Philosophy), assistant professor
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia

Summary. In «Man's position in space» Scheler attempted to determine the specificity of the human race. Thinker creates the essential doctrine of man as opposed to Darwinism. Developing the idea that all forms of life depend on the person who designs anyway it comes to understanding Scheler personality close theological concept. In this article, Scheler position compared with the doctrine of human rights, development of the Christian anthropological thought.

Keywords: person; identity; theism; pantheism; psyche; consciousness; objectification; being; existence.

М. Шелер начинает свою работу с фиксации факта существования естественнонаучной, философской и теологической антропологии. В работе «Положение человека в космосе» философ пытается выстроить новую философскую антропологию, так как, по его мнению, все прежние идеи человека дискредитировали себя. Однако мы полагаем, что антропология М. Шелера может быть интерпретирована как теологическая, христианская антропология, близкая воззрениям святых отцов восточного богословия.

В основу своей антропологии М. Шелер кладёт сущностное понятие человека. Сущностное понимание человека связано с идеей жизни, то есть психического, с одной стороны, а с другой – с понятием духа, в котором коренится сущность мира и человека. Поэтому антропология М. Шелера тесно сплетена с его онтологией.

М. Шелер развивает теорию последовательного построения человеческой природы из подчинённых ей ступеней бытия. М. Шелер исходит из понимания, что человек в своём бытии соединяет в себе все сущностные ступени жизни, то есть все ступени наличного бытия, окружающего мира. Вся природа приходит в человеке к концентрированному единству своего бытия. Первая ступень жизни – это чувственный порыв, то, что в философии называют «растительной» жизнью. Чувственный порыв является корнем всякого обладания реальностью и действительностью. Он является основой единства действительности и впечатления от неё. Вторая сущностная форма жизни – это инстинкт. М. Шелер рассматривает различные формы инстинктивного поведения на животном и на человеческом уровне. Третья – психическая форма, или форма жизни, – это «привычное», ассоциативная память. Здесь М. Шелер обращается к теме условных рефлексов. Он пишет, что ассоциативная память наблюдается у животных и при старении человека. Четвёртая сущностная форма психической жизни – практический интеллект. С ним связана способность к выбору. Практический интеллект органически скован, так как внутренние и внешние действия живого существа служат влечению и удовлетворению потребностей. М. Шелер называет его практическим, так как конечным смыслом интеллекта является действие. Здесь М. Шелер приводит

многочисленные опыты над высшими животными, которые демонстрируют практический интеллект. Животное способно выбрать предмет в определённой ситуации и наделить его конкретной функцией, например, достать плод палкой. Но у животных в отличие от человека нет предпочтения в выборе между ценностями: животное не может выбрать полезное в ущерб приятному. Однако не только это отличает человека и животное. Философ показывает, как человек благодаря сознанию, включающему самосознание, благодаря опредмечиванию своей собственной психофизической природы становится человеком. Но главное, сущностное отличие М. Шелер видит всё-таки в духе человека.

Уже у Григория Нисского отмечено, что человек заключает в себе образ всего мироздания. В человеке смешано земное и божественное, чтобы человек наслаждался Богом по естеству и земными благами по однородному с ними чувству. В античной философии, как мы помним, человек – это микрокосм, он состоит из одних и тех же стихий, что и вселенная. Как пишет Григорий Нисский, в человеке – свойства комара и мыши. Но помимо этого, христианство утверждает, что человек – это образ и подобие Бога. Та же идея у М. Шелера. М. Шелер пишет, что новый принцип, делающий человека человеком, лежит вне психологии, психических отличий человека и животного, вообще вне категории «жизнь», понимаемой как психический процесс. Главное отличие в духе, объединяющем разум, мышление, созерцание первофеноменов, эмоциональные и волевые акты, например доброта, любовь, раскаяние, свобода и т. д.

С точки зрения того, что даёт дух человеку, по М. Шелеру, можно сказать, что духовное существо – это существо, обладающее свободой от всего органического, от жизни. Оно экзистенциально независимо, ***«открыто миру»*** (термин М. Шелера). Духовное существо способно свободно управлять влечениями, изменять предметность вещи. У животных, может, и есть сознание, но нет самосознания, поэтому животное в отличие от человека не владеет собой. Дух у М. Шелера – это единственное бытие, которое не может само стать предметом. Он чистая актуальность, так как бытие духа состоит в свободном осуществлении его актов.

Деятельный центр духа М. Шелер называет личностью. Личность, как и дух, не является ни предметным, ни вещественным бытием. Чтобы быть личностью, мы можем самососредоточиться, но не можем объективировать это бытие. «Ибо личность человека – это монархически упорядоченная структура духовных актов, которая представляет собой уникальную индивидуальную самоконцентрацию единого бесконечного духа, в котором коренится сущностная структура объективного мира» [3, с. 13].

В восточном богословии личность – это апофатическое начало, которое не может быть до конца определено. Личность связана с образом Божиим в человеке. Личность противопоставлена человеческой природе, так же, как у М. Шелера противопоставлены дух (личность) и жизнь. Личность в богословии – это самовластная природа. Личность – это человек, дух которого овладел душой и телом, отдав в дар Богу.

По М. Шелеру, другие личности также не могут быть предметами познания, то есть апофатизм личности как существенная черта её бытия остаётся. Мы можем достигнуть только участия в другой личности, осуществляя вместе с ней её свободные акты, то есть «идентифицируя» себя с волением, любовью личности и вместе с этим с ней самой. То же самое отношение участия М. Шелер проецирует на Бога-Личность. Он пишет, что в актах сверхъединичного

духа (Самосущего) мы можем участвовать лишь благодаря ***соучастию.*** При этом М. Шелер чётко понимает различие античного и христианского участия в вечном духе. Соучастие в вечном духе, по М. Шелеру, не является простым отысканием или открытием истины, существующей независимо от нас, но *это сопорождение идей и ценностей из первоисточника самих вещей.* Здесь, на наш взгляд, проявляется теологическая (христианская) позиция мыслителя.

В контексте христианской антропологии, М. Шелер описывает, как дух осуществляет вытеснение влечения. Благодаря воле, которая руководствуется идеями и ценностями, дух отказывает всем противоречащим идее влечениям. Этот процесс философ называет управлением, то есть затормаживанием и растормаживанием импульсов влечений. В результате вытеснения негативных влечений дух приобретает внутреннюю свободу и самостоятельность, власть и деятельность, то есть происходит ***животворение духа*** (термин М. Шелера). Животворение духа представляет собой сублимацию жизни (всего органического) в духе. Однако М. Шелер прямо подчёркивает, что в этом процессе нет ничего мистического.

Действительно, этот процесс в учении М. Шелера лишён религиозной окраски и значения. Здесь М. Шелер рассуждает как последовательный идеалистический философ, а не религиозный мыслитель. Он утверждает, что человек благодаря своей воле к высшим ценностям оживотворяет себя и достигает обожения. Христианство, как известно, не является просто учением о нравственном совершенствовании, которое достигается волевым усилием человека [2]. В христианстве человеку необходимо богообщение, следовательно, *животворение духа возможно только через таинство евхаристии.*

М. Шелер, как известно, в своём последнем сочинении отвергает теизм. Он отвергает догмат о творении мира Богом из ничего, полагая, что жизнь (миросозидающий порыв) существует изначально. В философии М. Шелера Бог нуждается в человеке, самоосуществляясь в человеке и через человека. Однако мыслитель замечает, что Божественность Самосущего постоянно самоосуществляется во временном мировом процессе и, таким образом, осуществляет свою божественную сущность. Этот процесс, по М. Шелеру, происходит только при участии человека. «И этот процесс, – пишет мыслитель, – вневременной в себе, но *представляющийся* временным для конечного переживания, лишь в той мере может приблизиться к своей цели – самоосуществлению божества, в какой и сам мир станет совершенным *телом* вечного духа и порыва» [3, с. 75].

Практически в духе христианства М. Шелер пишет, что человеческая самость и сердце – это место самоосуществления Бога, самообожения. Человек – это место встречи духа и порыва, Бога и органической жизни (порыва). Как только человек ставит себя вне природы, он укореняет свой духовный центр (личность) вне и по ту сторону мира. У человека возникает *сознание Бога.* Эта идея, по М. Шелеру, сущностная черта духа человека, а человек – ***микротеос*** (термин М. Шелера), первый доступ к Богу.

При этом как все философы-идеалисты, он предлагает «полудетские» отношения созерцания, поклонения и молитвы заменить личной самоотдачей человека божеству, самоидентификацией с направленностью его духовных актов через причастность жизни духа. По М. Шелеру, «человек обладает способностью в ядре своей личности обрести живое причастие к основе всех вещей» [3, с. 93]. Здесь философия М. Шелера воспроизводит одну из ключевых тем наследия Августина Аврелия: путь к Богу проходит через постижение внутреннего мира человека. Противоре-

чивость идей М. Шелера тесно связана с учением Августина, как было замечено Д. Ю. Дорофеевым [1]. Она вытекает, с одной стороны, из недооценки глубины тех изменений, которые произошли после грехопадения, с непониманием духовной глубины зла, а с другой стороны, недооценки значения евхаристии. Грех нельзя сводить к морали и полагать, что волевым или мыслительным усилием человек может быть причастным жизни духа. Личность соборна, она способна соединять разделённое, но полнота этого соединения только во Христе, в евхаристии.

Несмотря на все отмеченные нами противоречия, концепция человека М. Шелера близка к теологической версии. Однако относительно путей приближения к Богу М. Шелер, как и многие мыслители, стоит на путях идеализма, берущего истоки в античном мировоззрении. Безусловно, продуктивной является идея М. Шелера о личности в человеке как месте живой причастности к основе всех вещей, личности как самособранности всех духовных актов человека в уникальную индивидуальную самоконцентрацию единого бесконечного духа. Такое понимание личности особенно важно для раскрытия антропологического измерения морали и нравственности. При таком подходе человеческое «Я» выступает как носитель ценностей, а не как оценивающий субъект, которому даны или навязаны обществом, традицией, Богом внешние, безотносительные к человеку и его бытию, абстрактные ценности.

Библиографический список

1. Дорофеев Д. Ю. Философская антропология Макса Шелера. – СПб. : Алетейя, 2011 – 568 с.
2. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. – М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1992. – 270 с.
3. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. – М. : Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.

Bibliography

1. Dorofeev D. Yu. Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera. – SPb. : Aleteyya, 2011 – 568 p.
2. Zenkovskiy V. V. Osnovyi hristianskoy filosofii. – M. : Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 1992. – 270 p.
3. Sheler M. Filosofskoe mirovozzrenie // Sheler M. Izbrannyie proizvedeniya. – M. : Izdatelstvo «Gnozis», 1994. – 490 p.

© Цепелева Н. В., 2014

УДК 811.14

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ТАВТОЛОГИЙ В «ТРАКТАТЕ» ВИТГЕНШТЕЙНА

С. В. Гарин, кандидат философских наук, доцент
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

FUNCTIONAL INTERPRETATION OF CONTRADICTION AND TAUTOLOGY IN WITTGENSTEIN'S «TRACTATUS»

S. V. Garin, candidate of philosophical sciences, assistant professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Summary. Work critically examines Wittgenstein's theory of contradiction and tautology in the context of classical propositional logic. A hypothesis about the different semantical and pragmatic status of contradictions and tautologies comes to light. A number of issues of functional interpretation propositions in the works of early Wittgenstein discussed.

Keywords: tautology; contradiction; propositional logic; Wittgenstein; semantics; interpretation.

Как известно, в своих ранних работах, в «*Логико-философском трактате*», Витгенштейн высказал ряд набросков логического характера. Не рассматривая того особого мистицизма, сопровождающего учение Витгенштейна о логической форме, обратим внимание на относительно «доступные» темы о семантической природе суждений логики. Эти темы в своё время вызвали весьма обширную критическую литературу, однако, на наш взгляд, осталась некоторая неопределённость в целом ряде вопросов. В частности, весьма неоднозначными являются пассажи Витгенштейна о семантико-прагматических аспектах природы особого типа суждений – *тавтологий* и *противоречий*.

Вопрос онтологической и эпистемической природы тавтологий, как известно, рассматривался ещё Кантом через призму аналитического/синтетического. Тавтологии, по Канту, определяют аналитический тип истинности. Фреге в «*Grundlagen*» вписал понятие тавтологии в контуры своей зарождавшейся логической семантики, формальную символику которой использовать так никто и не решился. Если мы определим *K* как функционально полное множество булевых операторов, определяющих переменные p_0, p_1, p_2, добавим правило вывода Фреге *R*, то формула, доказуемая в системе {*K*, *R*}, по Фреге, будет *тавтологией*.

Витгенштейн, развивая фрегеанский тип семантики, предложил своеобразную «деонтологизацию» целого ряда формул классической логики. Как утверждается в «*ЛФТ*»:

«Tautologie und Kontradiktion sind nicht Bilder der Wirklichkeit. Sie stellen keine mögliche Sachlage dar. Denn jene lässt jede mögliche Sachlage zu, diese keine. In der Tautologie heben die Bedingungen der Übereinstimmung mit der Welt—die dar – stellenden Beziehungen – einander auf, so dass sie in keiner darstellenden Beziehung zur Wirk- lichtet steht» [4, s. 462].

Т. е. «тавтология и противоречие не есть картины действительности. Они не отображают никаких возможных ситуаций, поскольку первая позволяет любую из возможных, а второе – не выражает никакой. В тавтологии условия соответствия с миром – отображение – взаимно устраняют друг друга таким

образом, что оно не стоит ни в каком отношении изображения к реальности».

Тавтологии, по Витгенштейну, не имеют предмета в действительности, которому они могли бы соответствовать. И далее, примечательный пассаж в предложении *4, s. 464:*

«Die Wahrheit der Tautologie ist gewiss, des Satzes möglich, der Kontradiktion unmöglich» [4, s. 464].

«Истинность тавтологии несомненна, пропозиции – возможна, противоречия – невозможны».

После введения Витгенштейном *пропозиции* (*Satzes*) *наряду* с противоречием (*Kontradiktion*) и тавтологией (*Tautologie*) мы, безусловно, сталкиваемся с экзотикой. И, как следствие, возникает целый ряд вопросов:

1. Что такое противоречие / тавтология?
2. В каком отношении они «не имеют возможности» отображать реальность?
3. Каков выразительный статус противоречия и тавтологии?

Судя по символике, Витгенштейн развивал традиционный для начала XX века тип исчисления, близкий *экстенсионализму* Буля, Рассела, Фреге. Это означает, что предложения можно интерпретировать в качестве функций, имеющих n аргументов, с двухэлементной областью значений. Таким образом, подход Витгенштейна в данном вопросе традиционен и может быть описан простейшей пропозициональной и предикатной алгеброй, где истинность тавтологий и противоречий – это экстенсиональное отношение аргументов с функциональными знаками и кванторами.

В подобном подходе можно предложить интерпретацию, которая будет идти вразрез с идеей Витгенштейна о невозможности тавтологий и противоречий отражать внеязыковую реальность. Представим произвольную тавтологию, скажем, *modus ponens*:

$$f_1 \qquad ((p \to q) \wedge p) \to q.$$

Как известно, данное выражение является *двухаргументной функцией* (f_1), областью значений которой является двухэлементное множество {1, 0}. Ввиду тавтологичности этой формулы, она принимает значение 1 при любом значении аргумента:

$$(p = 1) \to (f_1 = 1);$$
$$(p = 0) \to (f_1 = 1);$$
$$(q = 1) \to (f_1 = 1);$$
$$(q = 0) \to (f_1 = 1)$$

Рассмотрим функцию f_2, областью значений которой также выступает {1, 0}.

$$f_2 \qquad (p \to q) \Leftrightarrow \neg(\neg p \vee q),$$

однако значением этого выражения, при любой логической валентности аргументов, будет 0:

$$(p = 1) \to (f_2 = 0);$$
$$(p = 0) \to (f_2 = 0);$$
$$(q = 1) \to (f_2 = 0);$$
$$(q = 0) \to (f_2 = 0).$$

Обе функции идентичны тем, что не относятся к *выполнимым* (в узком смысле) формулам. Напомним, выполнимые формулы – это те, которые принимают значение 1 и 0. Однако есть *широкое* понимание выполнимости (имеющие хотя бы одно значение 1), согласно которой тавтологии тоже являются функциями этого класса. Судя по всему, Витгенштейн использовал *узкое* толкование выполнимости, означающей *не-выполнимость* ни тавтологий, ни противоречий. Именно этим, возможно, и объясняется то, что наряду с тавтологией и противоречием им полагается ещё и *пропозиция*. В строгом смысле слова, как было сказано выше, здесь перед нами особая витгенштейновская экзотика, поскольку для традиционного подхода в логике противоречия и тавтологии *являются пропозициями*. Более того, например, классическая задача пропозициональной алгебры заключается в преобразовании произвольного суждения, устраняя импликации,

эквиваленции, двойные отрицания, отрицания скобочных формул и т. д., получая т. н. *нормальные формы* для выяснения того, к какому классу принадлежит суждение: тавтологиям, выполнимым (нейтральным), или противоречиям.

Помимо прочего, на наш взгляд, если с семантикой и в каком-то смысле с прагматикой противоречий Витгенштейн бесспорен, поскольку противоречие в силу функционально-истинного характера не имеет интерпретации вне языка, то с интерпретацией тавтологий есть несколько критических возражений.

Рассмотрим пример противоречия:

f_3 $(p \wedge \neg p)$.

Мы видим, что интерпретация этой формулы будет выражаться в предицировании некоторого признака P_1 (выступающего предикатом в p) *в* одном и том же отношении (r), в одно и то же время (t) с отрицанием и без него, т. е. будем полагать, что предмет обладает и не обладает этим свойством. В предикатной записи:

f_4 $\exists x\,(P_1(x) \wedge \neg P_1(x))$.

За исключением экстремальных интерпретаций диалектики, некоторых *fuzzy* логик, и весьма экстравагантных семантик паранепротиворечивых логик, невозможно предицировать и отрицать в одном и том же объекте один и тот же признак в одно и то же время, в одном и том же отношении. В этой связи понятен тезис Витгенштейна о том, что противоречие не есть образ действительности (*nicht Bilder der Wirklichkeit*). Однако следует провести аристотелевское уточнение, согласно которому некоторое высказывание:

f_5 $\exists x\,(P^{(t1)}{}_1(x) \wedge \neg P^{(t2)}{}_1(x))$,

где $P^{(t1)}{}_1(x)$ – «x обладает свойством P_1 в момент времени t_1»; $P^{(t2)}{}_1(x)$ – «x обладает свойством P_1 в момент времени t_2», *не образует противоречия* в силу разницы моментов времени. Интерпретация $\exists x\,(P_1(x) \wedge \neg P_1(x))$ в духе копенгагенского корпускулярно-волнового дуализма, на наш взгляд, также не отражает противоречие, поскольку теория на языке *частиц* или *волн* фиксирует лишь разницу в инструментальном описании свойств объекта, а не его существенные свойства, взятые вне наблюдателя.

В вопросе неинтерпретируемости противоречия в реальности за пределами языка, на наш взгляд, с Витгенштейном можно согласиться, однако такой подход к тавтологиям явно либо ошибочен, либо отсылает к иному, мистическому, индивидуальному пониманию сути вопроса.

Рассмотрим функцию:

f_1 $((p \to q) \wedge p) \to q$.

Как было указано выше, эта функция является *всегда истинной*, поскольку консеквент q истинен при любом наборе значений аргументов. Что это означает в категориях семантики и прагматики? Что при двух условиях:

1) $p \to q$;

2) p;

q всегда будет иметь место.

Возникает вопрос, неужели такая тавтологическая секвенция не может быть интерпретирована внеязыковыми реалиями? Ответ тривиальноочевиден: таких интерпретаций бесконечное множество. Например, пусть

p – «*частица x – электрон*»

q – «x – элементарен на уровне 10^{-18}».

Таким образом, данный *modus ponens* отражает реальный процесс построения рассуждений – их условия и вывод.

Возьмём более «процессуальный» пример из школьной логики. Пусть

p – «*через проводник пропущен электрический ток*»

q – «*проводник нагрет*».

Таким образом, импликация

1) $p \to q$

определяет априорные условия некоторого опыта (эксперимента) *e* в русле *Кулона-Фарадея*, связывая электрический заряд с физическим состоянием проводника. Это условия, предшеству-

ющие опыту *e,* формулируют критерии его проведения. Переменная

2) p

отражает шаг включения электричества в цепи проводников. Заключение

3) q

выражает наблюдаемое явление нагретости проводника в лабораторных условиях. Примечательно, что данный *modus ponens*, будучи тавтологией, по сути дедуктивно истинным выражением, отражает индуктивный алгоритм получения экспериментального подтверждения.

Этапы проведения эксперимента-опыта выражаются, с одной стороны, в определении концептуальных границ ($p \to q$), подаче триггера ($\ldots \wedge p$), и выводе, т. е. полученном результате ($\{\ldots\} \to q$). Таким образом, тавтологии имеют весьма естественные семантические интерпретации за пределами языка. Всегда-истинность тавтологии, как функции, может отражать *алгоритм организации* эксперимента – последовательность операций, коммутацию триггеров, схему релейно-контактных подключений, да и вообще любые событийные секвенции, обладающие определённым алгоритмом.

Рассмотрим другой пример. Так, знаменитый тип аргументации и доказательства *reductio ad absurdum* может быть представлен в духе *Хинтикки* как алгоритм поиска решения в системе установленных аксиом:

$$((\neg A \to B) \wedge (\neg A \to \neg B)) \to A,$$

т. е., если из некоторого положения $\neg A$ следует переменная с отрицанием и без него, то мы вправе считать истинным положение A. Именно этот алгоритм задействован в косвенных системах доказательств (апагогия):

докажем, что T,

допустим, что $\neg T$.

Выводим следствия

$$\neg T \to (P \wedge Q \wedge R \wedge \ldots \wedge N).$$

Опровергаем антитезис через отрицание следствий:

$$(\neg P \wedge \neg Q \wedge \neg R \wedge \ldots \wedge \neg N) \to \neg\neg T.$$

Получаем T.

Безусловно, и косвенное апагогическое доказательство и reduction ad absurdum основаны на отношении *контрадикторности* между T и $\neg T$. Если же между ними отношение контрарности, то выражение $\neg\neg T \to T$ не будет тавтологией, поскольку контрарность определена матрицей *совместимости по ложности*. Так, функция f_6 $(T \vee \neg T)$ в ряде случаев будет давать значение {0}, поскольку контрарные суждения могут быть ложными. Знак «$\vee$» здесь означает строгую дизъюнкцию.

Что всё это означает для нашего вопроса о статусе тавтологий? Именно то, что алгоритм процесса поиска косвенного решения (математического доказательства, управленческой схемы, организационной парадигмы, коммутации релейно-контактной схемы) может также быть представлен в виде тавтологического следования формул, наделив тем самым тавтологии семантической интерпретацией внеязыкового характера.

В действительности практически любая тавтология классической логики может иметь бесчисленное множество семантических моделей, характеризующих реальность за пределами языка. Так, согласно одному из законов *де Моргана:*

$$\neg (A \wedge B) \Leftrightarrow (\neg A \vee \neg B),$$

мы имеем алгоритм эквиваленции для конъюнктивных и дизъюнктивных высказываний. Это означает, что логические операции умножения и сложения взаимозаменяемы при выполнении нескольких преобразований с отрицанием формул и входящих в них переменных. Говоря об эквивалентности данных операций, можно построить целый ряд их семантических проекций. К примеру, логические операции могут отражать алгоритм организации работы *баз данных,* систему приёма информации некоторым устройством и т. д. Это уже вопрос воображения и прагматической потребности в интерпретации, какие именно реалии объективного мира мы организуем в соответствии с указанными операциями.

Говоря о критических замечаниях в отношении раннего Витгенштейна и его мистического фрегеанства, безусловно, нельзя не упомянуть классическую *силлогистику* как наиболее традиционную интерпретацию тавтологий. Как известно, аристотелевские силлогизмы при отображении в формальном языке пропозициональной логики приобретают характер тавтологического *транзитивного* следования:

$$((A \to B) \wedge (B \to C)) \to (A \to C).$$

В данном случае мы имеем функцию (f_7), область аргументов которой характеризуется логической валентностью переменных A, B, C в соответствии со знаком функции, который композиционально определяется множеством операций $\{\to, \wedge, \to, \to\}$. Матрица значений для этой функции в контексте значений аргументов будет тривиальной и всегда – истинной, т. е. это матрица тавтологии:

$$(A = 1) \to (f_n = 1);$$
$$(A = 0) \to (f_n = 1);$$
$$(B = 1) \to (f_n = 1);$$
$$(B = 0) \to (f_n = 1);$$
$$(C = 1) \to (f_n = 1);$$
$$(C = 0) \to (f_n = 1).$$

Со времён Аристотеля известно, что силлогизмы – это мыслительные конструкции, отражающие алгоритм взаимосвязи между событиями, явлениями, временными, причинными связями и т. д. Именно тавтологичность силлогистической связи – прямое подтверждение внеязыковой, онтологической интерпретируемости тавтологий.

Таким образом, сказанное означает, что тавтологии и противоречия имеют различный прагматико-семантический статус, что позволяет критически подойти к положениям раннего Витгенштейна.

Библиографический список

1. Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. – London; N. Y. – 1997.–173 p.
2. Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik. Breslau. 1884. – Oxford, 2009.
3. Hintikka Y. Are Logical Truths Analytic? // The Philosophical Review. – 1965. – Vol. 74. – № 2. – P. 178–203.
4. Katz J. J. Analyticity, Necessity and the Epistemology of Semantics // Philosophy and the Phenomenological Research. – 1997. – Vol. 51. – № 1. – P. 1–28.
5. Kripke S. A. Knowledge, Necessity and Contingency // Moser P. K. A Priori Knowledge. – Oxford; N. Y., 1987. – P. 145–160.
6. Kripke S. A. Naming and Necessity. – Cambridge, 1980.
7. Potter M. Wittgenstein's Notes on Logic. – Oxford, 2008.
8. Wittgenstein L. Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief. – Cambridge, 1966.
9. Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. – Oxford, 1982.
10. Wittgenstein L. On certainty. – Oxford, 1980.
11. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. – London, 1922.
12. Гарин С. Эпистемология дедуктивного вывода. – Краснодар, 2008.

Bibliography

1. Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. – London; N. Y. – 1997.–173 p.
2. Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik. Breslau. 1884. – Oxford, 2009.
3. Hintikka Y. Are Logical Truths Analytic? // The Philosophical Review. – 1965. – Vol. 74. – № 2. – P. 178–203.
4. Katz J. J. Analyticity, Necessity and the Epistemology of Semantics // Philosophy and the Phenomenological Research. – 1997. – Vol. 51. – № 1. – P. 1–28.
5. Kripke S. A. Knowledge, Necessity and Contingency // Moser P. K. A Priori Knowledge. – Oxford; N. Y., 1987. – P. 145–160.
6. Kripke S. A. Naming and Necessity. – Cambridge, 1980.
7. Potter M. Wittgenstein's Notes on Logic. – Oxford, 2008.
8. Wittgenstein L. Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief. – Cambridge, 1966.
9. Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. – Oxford, 1982.
10. Wittgenstein L. On certainty. – Oxford, 1980.
11. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. – London,1922.
12. Garin S. Epistemologiya deduktivnogo vyivoda. – Krasnodar, 2008.

© Гарин С. В., 2014

UDC 165.17

INFLUENCE OF NATIONAL IDEA ON PROCESSES OF SPIRITUAL AND NATIONAL IDENTIFICATION

I. A. Suvonov, teacher

Tashkent State Agrarian University, Tashkent, Uzbekistan

Summary. Problems of influence of national idea on spiritual and national identification processes were dealt as an independent idea in this article.

Keywords: identification; national idea; «Spiritual identification»; «National identification»; self-consciousness; «spiritual man»; «unspiritual man»; multinational state; «national dissensions»; «separatism»; customs; spiritual self-consciousness.

National idea has influence on processes of spiritual and national identification immediately and indirectly. In this, it is necessary to consider general and distinctive aspects between conceptions of «spiritual identification» and «national identification». An individual, a group, a man, a people and spiritual identification processes of nation are phenomenon that they are identity or not identity with principle characteristic peculiarity accordance to aspects of their essence. For instance, of a man's spiritual identification state is bond up with that he «spiritual being» and has corresponding actions to it.

Sure, in this, it is possible to see condition of identity or not identity with the aggregate of the factors which has influence on the spiritual identification processes through relation of a man that. If we approach in that view, the true men realize their spiritual essence and they will operate in identifying with it. The cultural factors and conditions which have an influence on it gradually identify on the basis of national idea in order to realize spiritual essence and correspond. According to this sense, people are different from each other. The basic standard of it is bond up with that they are identity or not identity according to their spiritual essence.

In this sense, notions such as «a spiritual man», «an unspiritual man», «an intellectual man», «not an intellectual man», «conscious», «unconscious», «moral», «unmoral» express peculiarity in the spiritual identification processes.

The ideas against the national idea estrange men, groups and strata from the spiritual identification condition.

The people appertains to various nations, it is necessary to consider that there are mutual interests which unit them as citizen of the country. Feeling for this single Motherland exactly is appeared by means of the processes of building up a democratic society and a legal state faced with the country. Each citizen must clearly consider it. Otherwise, it will be difficult that they consolidate around the national idea which units them. It serves to secure national solidity between citizens in this country.

The national identification notion reflects its essence in the two levels.

1. It represents accordant condition to certain nationality, people and ethnos characterized it – national-cultural legacy and values. It is not estranged case from its national belonging.

2. The national identification process is that the various nationalities, people, ethnos feel as a citizen that they belong to their country, they receive, realize and feel peculiarities, signs, symbols conformable to it, regardless of their nationality, other nationalities as citizen and title of nationality. In this sense, peculiarities concerning the national identification process immediately influence on the development of the country in the multinational states.

Spiritual self-consciousness – as has been interpreted in the work «High spirituality – invincible strength» by the president Islom Karimov – component part of people who advocated development of legal democratic state and civil society especially, of process of development of high spirituality of young people, restoration of historical memory, to deserve ancestors, factor of careful preservation of spiritual legacy left by them and improvement of them. Spiritual self-consciousness is one of the basic means of democratizing and renovation of social-political life in society, and also development of modern thought. As is generally known, a person identifies in himself characteristics of spiritual self-consciousness too, along with a lot of social-human virtues. As it is too many points, complex and at the same time, contrary living social phenomena, complex approach is required to it.

First of all, spiritual self-consciousness is component part of national self-consciousness in widely significance. For this reason, spiritual self-consciousness is not only sign of national progress and also its purpose too. So, spiritual self-consciousness must be interpreted as social phenomena in conformity with aim of national progress. Spiritual self-consciousness is realization that the subject (a person, nationality, people) has its historical-cultural, social-moral, religion-spiritual, artistic-aesthetic values in existentialistic being, gnosiological experience in knowledge of being. Notions such as «spirit of people», «heart of people» have important significance in spiritual self-consciousness. For this reason, the investigators who have studied problems of spirituality refer to categories such as «spirit», «heart» too. At first, spiritual self-consciousness is to realize a man's his spirit and heart and also it expresses peculiar psychic-spiritual unity of people.

Spiritual self-consciousness is to realize a man's his spirit and heart. It expresses peculiar psychic-spiritual unity of people in level of ethos. But as phenomena concerning spiritual self-consciousness, common wealth, values, imaginations, traditions, psychic-spiritual conditions which are close to heart and spirit of representatives of a certain nationality, unit men as a people, nation, give them typological signs. These signs are imagined in comparison with other typological signs, national groups [6, p. 10–11; 5, p. 99–100]. So, the main peculiarity of spiritual self-consciousness is its typological signs, realization.

The typological signs of people, nationality include some notions such as general language, lifestyle, religion, moral values, and «spirit of people or heart of people», its psychology. The most important one among them is to know that human beings are concerned to general ethno-genus and they are originated one stem. The special investigations reveal that realization of general ethno-genus hastens representatives of nationality and encourages them to act harmoniously, to understand national interests fast, and to protect them [4, p. 325]. Sometimes this phenomenon is found in image of realization and understanding of «spirit of people», «heart of people». For this, it is possible to say that the typological signs of people and nationality reflect in their common spirit and heart, especially a person realizes himself by means of them that he belongs to this or another people, nationality in the aspect of spirituality.

Spiritual self-consciousness appears that what hypothetic ideas, manners and principles men follow is its typological signs, realization.

In Uzbekistan, this idea is called the national one. Precisely, today the peoples of Uzbekistan unit around that idea and try it to identify his ideal. «The national idea, – T. Makhmudov says, – expresses national needs, lifestyle, principles of social development and ideals of a certain people and a country in definite periods. Our national idea is to strengthen our independence,

to labour creatively by way of achievement of welfare of people, peace and stability in the country ... It is guiding main point of dream-hope and purpose, spiritual condition of Uzbekistan, Uzbek people and our country» [3, p. 140–150]. So, Spiritual self-consciousness and national independent idea unit in identity and community of a strategic aim is its typological signs, realization.

Significance of influence of the national idea is too wide, it has often its influence on preservation of peculiarity of a nation, amalgamation and joining up of representatives of a nation by way of interests of society, definition of directions of progress.

At first, the national idea makes concern for progress of Motherland its aim. Because, the national idea never takes root out of Motherland and develops yet. The idea which does serve for progress of Motherland never will be able to become the national idea. When it includes principles which can determine progress of Motherland then it becomes a source of might and power.

As our president has said, – «When we talk about the national idea, let people imagine exactly what purposes, what practical directions we have aimed about. Let each of citizen of our country know that it is his own idea. ...Each state or society which was going to see or build up, sure, it must lean on and believe in its national idea», [1, p. 262–465]. Therefore, If people cannot imagine the future of their society where they live, they won't be able to know how their desire, dream and endeavour are carried out.

As professor I. Ergashev has written, – «Only the national idea which looked like its goals and dream-wills, lightened way of development, served to unit by producing spiritual power and might, always enlivens people of the country but not any idea» [7, p. 69].

But spiritual self-consciousness and national idea are not similar, the identical phenomenon. Spiritual self-consciousness is based on thoughts and ideological conceptions determined in the national idea, though it is wide, many pointed and connected with all spheres of life of society and a man. So, the national idea is basis of spiritual self-consciousness.

Spiritual self-consciousness is a phenomenon which occur complex, sometimes contrary, is not always measured in a standards and degrees as spiritual view and formation of a person. Its appearance and formation is not always in choice of a person and even of environment too. Such as invisible social relations, general moral standards, historically developed traditions, customs, international situation, wave of information have influence on them. While analyzing problems of influence of the national idea on the processes of spiritual and national identification philosophically, we can bring the following conclusion.

First, the national idea is closely tied with the processes of national and spiritual identifications and is bond up with it narrowly.

Secondly, the notions of «spiritual identification» and «national identification» have distinctive sense and main point in the life of society. Different cultural conditions and factors have influence on it. Mutual accordance in the basis of the national idea secures to be realized this regulation fairly.

Thirdly, the spiritual identification of various people and nationalities appear when they realize their spiritual essence – human peculiarities and are sincere to their humanistic ideas. Contrary conditions against it have negative influence on the processes of spiritual identification. It may lead to national and other conflicts and discords.

Fourthly, one can regard as event against the processes of spiritual identification consideration and appreciation that «national dissensions», «separatism», «hoisting aggressive ideas as a flag», «fascistic idea» in the processes taken place

in the world are taken in consideration and appreciated as democracy [2, p. 2]. The national idea as creating idea has positive influence on strengthening spiritual identification.

Bibliography

1. Каримов И. А. Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт – пировард мақсадимиз. Жилд. 8. – Тошкент : Ўзбекистон, 2000. – Б. 462–465.
2. Каримов И. А. Бу буюк Ватанда инсон улуғ, хотира – муқаддас // Халқ сўзи. – № 10. – 2012.
3. Махмудов Т. Мустақиллик ва маданият. – Тошкент : Маънавият, 2001. – Б. 140–150.
4. Начадреян А. А. Этнопсихология. – СПб. : Питер, 2004. – С. 325.
5. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. – СПб., 1999. – С. 99–100.
6. Хабибуллин К. Н., Скворцов Н. Г. Испытания национального самопознания. – СПб., 1993. – С. 10–11.
7. Эргашев И. Сиёсат фалсафаси. – Тошкент : Academiya 2004. – Б. 69.

Bibliography

1. Karimov I. A. Ozod va obod Vatan, erkin va farovon hayot – pirovard maksadimiz. Voll. 8. – Tashkent : Uzbekiston, 2000. – B. 462–465.
2. Karimov. I. A. Bu buyuk Vatanda inson ulug, hotira – mukaddas // Halk suzi – № 10. – 2012.
3. Mahmudov T. Mustakillik va madaniyat. – Tashkent : Ma'naviyat, 2001. – B. 140–150.
4. Nachadreyan A. A. Etnopsihologiya. – SPb. : Piter, 2004. – P. 325.
5. Sikevich Z. V. Sotsiologiya i psihologiya natsionalnyih otnosheniy. – SPb., 1999. – P. 99–100.
6. Habibullin K. N., Skvortsov N. G. Ispyitaniya natsionalnogo samopoznaniya. – SPb., 1993. – P. 10–11.
7. Ergashev I. Siyosat falsafasi. – Tashkent : Academy, 2004. – B. 69.

© Suvonov I. A., 2014

UDC 894.322

THE IDEOLOGICAL AIMS IN APPEARANCE OF PUBLIC TOLERANCE IN THE CIVIL SOCIETY

F. B. Temirov, doctoral applicant
National University Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. On this article of the lit manifestation social hospitability civil society, the conceptual purposes, also spiritual inheritance particularly attitude youth on this.

Keywords: tolerance; national idea; society; ideological; development; process of democratizing.

The democratic legal state is one of the principle conditions of formation of a civil society and stability of downright social-political relations and their development. Even the ideal processes which present aims of conclusion of parties, public organizations, occupy considerable place in the consistent structure of that process and objective implementation in our republic.

The idea of religious tolerance in the social life of our republic is expressed in the democratic processes, in the important potential of the national independent idea. For this, the period requires that the national idea, significance of idea of religion tolerance and their peculiar aspects are studied. Because the scientific analyze of this close connection gives opportunity to establish priority directions, tendencies and principles of the democratic society, to determine ways of their improvement. For this, today the necessity of scientific-theoretical analyzes of this problem is indubitable.

People must consolidate by the way of common purpose in order to develop a civil society. The constrictive relations of social groups in the different ethnic, religious, political directions can be obtained by means of experiences of well-educated persons in the spirit of tolerance. Even development of tolerant behavior has special significance for a multinational state. Importance of the idea of religious tolerance in the process of democratizing life of the society in Uzbekistan is unmatched. Achieving national self-consciousness on the basis of restoration of national values is one of forthcoming important tasks before the society while going in the way of the democratic progress.

Development of the idea of religious tolerance is one of cardinal requirements of building up the democratic society. One of its most important ones is to recognize principles of building up the democratic society admitted in the world and to lean upon national peculiarities of democracy connected with national-cultural heritage and national values. The tremendous construction works carried out in the period of independence in Uzbekistan have sense-essence met to hundred years. Development of tolerance has essential significance in order to build up the legal democratic state and the civil society in our country. Tolerance means to be magnanimity to various confessions and traditions in the philosophical sense.

As was noticed by Islom Karimov, the head of our country «Accordance to its sense-essence, today life itself puts social-economical, public-political reforms, in the process of putting a model of construction of a state and society chosen by us in practice and making more active of a problem on realizing the programmed «from the strong state towards the strong civil society» which raises to basis place in promotion gradually of the role of citizens in administration of the country on the agenda strictly day by day.

It means in practice that the whole structure of institutions of the civil society is being developed and administration process of administrative-territorial structures and the country are being integrated in harmony» [3, p. 27–28]. While proceeding from those tasks, increase of the role of non government and public associations in building up the strong civil society in Uzbekistan and also in development of tolerance has important moment.

Tolerance includes spiritual virtues such as goodness concerning others, concern, generosity, magnanimous. The magnanimous means to respect and to honour view of point, religious belief, national and ethnic features, traditions and ceremonies of other nations, not to allow contempt and humiliation in the relation manner, to consider humanism higher than all things and to observe them [4, p. 68].

The community associations and not government, not commercial organizations have special significance in building up the civil society and also in development of tolerance in Uzbekistan. Differing from institutions being part of state organizations, the community organizations, NGOs manage their activities on the basis of distinctive principles.

It was specified in article 1 of the law «On the public associations in the republic of Uzbekistan»: «A voluntary structure came into existence as a result of free expression of its wish-intentions of united citizens to realize together, their rights, freedoms, also a policy, social development, science, culture, environment and legal interests in other spheres of life is a public association.

It is recognized that political parties, mass movements, trade union organizations, women-girls, youths and children organizations, veterans and invalids organizations, scientific-technical, cultural-enlightening, physical-sports and other voluntary communities, creative unions, compatriot unions, associations and citizens' other unions are public associations» [5, p. 3].

It was shown in article 2 of the law of the republic of Uzbekistan «On not government, not commercial organizations»: «Not government, not commercial organizations which have been made up on the basis of voluntary by physical and (or) juridical persons, have not made principle aim of their activity to get a profit (income), also have not divided profits (incomes) made among their participants (members) are self-governing organizations. Not government, not commercial organizations are made up to protect physical and juridical persons' rights and legal interests, other democratic values, to achieve social, cultural and enlightening purposes, to satisfy spiritual and other non-material needs, to realize charitable activities and also for other social helpful aims» [5, p. 11].

The role and importance of the public associations and NGOs in building up the strong civil society and also in development of tolerance are shown in the following conditions:

1) activities of NGOs serve to protect interests of a person as a source of distinctive social balance and a strengthening factor of effectiveness of a person in modernization of the country and building up the strong civil society;

2) the public associations and activities of NGOs carry out functions of their tolerance in renovation of the society, socializing a person, mutual correspondence of interests of a person, a society and a state;

3) the political parties, trade union organizations serve by the way of more strengthening tolerance between different social-political groups through protection of economical, political-social interests of citizens;

4) today activities of more than 150 national cultural centers have been having important significance in living

in mutual concord of various nations and ethnics in Uzbekistan;

5) today 16 religious confessions which are operating in Uzbekistan, have been having important significance in more strengthening and developed of mutual tolerance between representatives of different religious beliefs;

6) today activities over 5,5 thousands of not government, not commercial organizations serve to realize self-governing of citizens and their interests;

7) solution of downright problems in activities of the public associations and of NGOs has distinctive social-political significance in building up the strong civil society and also in development of tolerance.

While specifying basis tasks in building up the democratic legal state and the civil society and the principles of political, spiritual, social and economical development of the country in Uzbekistan, the president of the republic of Uzbekistan I. A. Karimov affirms «Clearness and cheerfulness of conscience has been key support of spirituality of mankind for long centuries and times. Especially the place and influence of that factor are incomparable to establish conceptions such as justice and the truth, good nature – compassion, impartiality and religion in life of the society» [1, p. 27].

Effectiveness of process of comprehensive perfection of a man is determined with its social-moral direction; especially this condition appears in youths' life. Clear argument of great attention to youths in our republic was that 2010 was proclaimed the year of «Harmoniously Developed Generation». As was said by the head of our motherland «dream of rearing our children as physical and spiritual healthy, seeing their happiness, welfare future, upbringing generation who are inferior to none in any spheres in the world stands in the centre of our whole intentions» [2, p. 2].

As the social-moral formation of youths is complicated and many-sided educational process, immediately it is bond up with a number of some factors. Having special importance among them, phenomena of tolerance serves as basis to unite social-moral processes and also values taking place this time.

In this period, an attack of the spiritual threat which were negative consequences of process of globalization, was directed to development of tolerance at the same time. If we give a look at the history of mankind, we can see it has experienced battles, destruction wars almost in every century. This period the civilization of mankind needs a new paradigm of tolerance, mutual collaboration of the states of the word, the nations. That paradigm must be social, aesthetic-moral ideals – the truth, good, beauty which have had significance of common to all mankind value and formed in the process of historical-cultural development of the mankind.

The tolerance of youths, the modern economical thinking in their social psychology, perspectives of social-economical development of the country and a new view of point in obtaining them are forming. Notions and ideas which are bond up with development of the market relations and also foundation of multi-structural economics in the tolerance of youths and their consciousness are forming. The youths gradually become active subject of business and keeping house and they are obtaining hardworking virtue, private property and moral elements which the time requires. At the same time accordance to conversation with producers of consumers' other goods and owners, the dialectic unity of the world economic relations and common regulations of economical development are gradually realized. As far as possible the youths try to make contribution by the way of strengthening of economical independence of the state. Reinforcement of economical effectiveness of youths in changes taking place is immediately bond up with their

knowledge, professional experience, and civil position.

In conclusion, consideration carefully for spiritual heritage of nations, especially the tolerance of youths, preservation of unique historical monuments and also reconstruction, search and discover of art works made by people of Uzbekistan, therefore considered its national wealth and returning to the country, information of ancient and today's cultural values and also increase, development of Uzbek language which expresses peculiarity of the nation and also its national culture are compound parts of the policy which is directed to true independence of the republic of Uzbekistan and also guarantee of its flourishing, welfare of each member of our whole nation and society.

Bibliography

1. Каримов И. А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Тошкент : Маънавият, 2008. – 176 б.
2. Каримов И. А. Ўзбекистон Конституцияси – биз учун демократик тараққиёт йўлида ва фуқаролик жамиятини барпо этишда мустаҳкам пойдевордир // Президент И.Каримовнинг Ўзбекистон Республикаси Конституцияси қабул қилинганининг 17 йиллигига бағишланган тантанали маросимдаги маърузаси // «Ишонч», 2009. 6 декабр.
3. Каримов И. А. Асосий вазифамиз – Ватанимиз тараққиёти ва халқимиз фаровонлигини янада юксалтиришдир. – Т. : Ўзбекистон, 2010. – Б. 27–28.
4. Маънавият. Асосий тушунчалар изоҳли луғати. – Т. : Ғафур Ғулом номидаги нашриёт – матбаа ижодий уйи, 2009. – Б. 68.
5. Ўзбекистоннинг ижтимоий-сиёсий ташкилотлар салоҳияти ривожини қўллаб-қувватлаш. – Т., 2010. – Б. 3.

Bibliography

1. Karimov I. A. Yuksak ma'naviyat – engilmas kuch. – Toshkent : Ma'naviyat, 2008. – 176 b.
2. Karimov I. A. Uzbekiston Konstitutsiyasi – biz uchun demokratik tarakkiyot yulida va fukarolik zhamiyatini barpo etishda mustahkam poydevordir // Prezident I.Karimovning Uzbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi kabul kilinganining 17 yilligiga bagishlangan tantanali marosimdagi ma'ruzasi // «Ishonch», 2009. 6 dekabr.
3. Karimov I. A. Asosiy vazifamiz – Vatanimiz tarakkiyoti va halkimiz farovonligini yanada yuksaltirishdir. – T. : Uzbekiston, 2010. – B. 27–28.
4. Ma'naviyat. Asosiy tushunchalar izohli lugati. – T. : Gafur Gulom nomidagi nashriyot – matbaa izhodiy uyi, 2009. – B. 68.
5. Uzbekistonning izhtimoiy-siyosiy tashkilotlar salohiyati rivozhini kullab-kuvvatlash. – T., 2010. – B. 3.

© Temirov F. B., 2014

UDC 130.2

SPORT AS A FACTOR OF FORMING TOLERANCE AMONG YOUTH

A. Samadov, candidate of philosophical sciences, assistant professor
Samarqand State University, Samarqand, Uzbekistan

Summary. In the condition of developing citizens' society in Uzbekistan the problem of forming the tolerance become the main question. The article is about perfectness which is the basis of life of young generation and it comprises mainly the physical and intellectual spheres. Physical culture and sport as institutional systems of citizens' society form the tolerance and beautify person's appearance, besides it, from one hand, sport generalize human ideals, from the other hand in competitions peoples' skills are shown and sport's esthetic notion is described.

Keywords: sport; perfectness; tolerance; esthetics; youth; State Programmer «The Year of Healthy Child»; physical culture; citizens' society.

The notion of perfectness means person's both physical and spiritual perfection. The main dream and aim of a person is to tie these two spheres. If we analyze this striving to perfectness from social-historical side from the past till now, human activity must learned by mythical, religious and philosophical features. These three features of mankind are combined as striving to perfectness in the thoughts of a person. From ancient times the mythology described person's physical perfectness, fantastic features of strength. Such qualities as health, flexible activity, bravery formed historical heroes in that period's persons' thoughts. Because a person used the method of knowing the world mythically in praising human's perfectness and mental possibilities.

Nowadays one of the principles of spiritual integration is the tolerance. Particularly, the principle of tolerance can be seen in forming national, religious, social generosity and in preparing healthy spiritual, physical conditions. To up bring generous and perfect youth it is necessary to develop the sport and physical culture. Physical culture and sport are the main factors of perfectness of persons; they solve the social-economical functions. Nowadays only mentally and physically perfect persons can have positive qualities. Because «to up bring the tolerance is the most important condition in forming citizens' society» [6, p. 22].

Tolerance as a type of perfectness is considered as the basis of young generation's life, it usually comprises the physical and mental qualities. The perfectness of youth begins with forming sport and physical culture which are the bases of healthy life standards. Physical culture and sport are one of the factors which up bring the youth and solve their spiritual-ethic, social-economic functions.

Sport helps the youth to form esthetic senses, needs and styles, laws of development of esthetic culture in the society, esthetic components and esthetic needs of youth. To go in for sport and take part in competitions are the main reasons of esthetic notion of person's activity and its development, they helps to improve physical qualities and talents. Person's physical perfectness becomes a subject of education. Physical culture and sport as institutional systems of citizens' society form the tolerance and beautify person's appearance. Besides it, from one hand, sport generalize human ideals, from the other hand in competitions participants' skills become equal, sport's esthetic notion is brightly described and influence greatly to it development.

When we talk about sport, it is necessary to remind its origin and borrowed language. Sport is a componential part of physical culture, and it is the special mean of physical perfectness of the society's

members. Particularly, sport provides the growth and development of person's physical possibilities and talents. Sport as a component of a society's physical culture firstly has a meaning of «let's compete», «let's check our strength» in Old Greek language.

Till the end of XIX century-beginning of XX century sport was considered as a entertainment, then a show of physical significance, activity which aims to win in competitions. When the need to person's perfectness has grown, professional types of sport appeared. For instance, BC years soldiers had to ride, to arrow, to know methods of struggle and be smart, but now in the period of globalism we need the strongest military specialists. During Temur the Great's ruling all soldiers went in for more than 10 types of sport. During the World War I, II soldiers had to know the foreign languages, to drive machines, swim and certainly, knew more than 15 types of sport.

In the present time scientific-research works about healthy life are studied. It helps to strengthen the scientific-theoretical basis of this process. That's why, attention to sport is very seriously in our state, and persons who go in for sport grow day by day. Sport is a complex of activities which recoveries persons.

It is also necessary to underline that forming the healthy life only with the help of sport verges on person's many sided esthetic development. Because the person needs both physical and spiritual-emotional education. Firstly, we may remember the saying: «In healthy body the healthy mind».

Secondly, sport and physical culture are also reminded together, but they greatly differ. Physical culture mainly helps to keep people healthy and it is the complex of exercises which can be chosen voluntary by all representatives of the society for themselves. Sport in difference of its types, includes individual or group competitions of special prepared persons under the control of teachers and specialists. The esthetic difference between physical culture and sport was described by philosopher Abdulla Sher, he said that physical culture gives the possibility of choosing different exercises, but refuses the competitions (individual or group), despite of its types. And sport requires the exact exercises and the competitions are in the first place in sport. But those requirements give an opportunity sportsman to grow themselves and have free actions [2, p. 247].

It is necessary to underline that the sport esthetics resembles to the art. That's why, classic sport types can be analyzed as a specific art. Such famous eastern scholars as Rene Mehue, Morin Kovich, Benjamin Law and other sportsmen considered that sport can be accepted as an art.

To go in for sport hardens the will, strengthens the power, keeps body healthy, that's why all members of society are interested in it. Sport is the means of developing physical culture, it forms social-cultural process and it is the polyfunctional social activity which provides peace, friendship, tolerance and forms ethic qualities.

Wide spreading of sport is one of the most important conditions in upbringing the perfect person. «Only in sport such values as striving to be the first, win not only the partner and also himself can be seen which are necessary for modern society» [3, p. 524]. The sphere of sport research fills traditional medical and pedagogic researches with social-philosophical, acmeological researches. In the period of globalism it is necessary to develop such ethic qualities as developing sport, friendship and honest relations in sport instead of ideological or technical struggle.

In fact, in the period of globalization of social-political relations, cultural integration provides international friendship and tolerance, develops cultural relations and intensifies economical-social processes. Besides it, cultural integration serves for transformation of principles, values and institutions form one nationality to the others for the peace's sake.

Sport is not only practice or struggle, it has also a theory. Nowadays sport is quick-

ly developing. Only talents and activities of the sportsmen are not enough for the victory. Without sport technologies and psychology one cannot imagine the best results in sport. It depends on science and education.

Representatives of special sport spheres are invited to up bring the young sportsmen psychologically, physically and spiritually, they become the coaches. The sportsman without a coach seems a blind person. A coach is an eye and a heart for the sportsman. Teachers use both theoretical and practical knowledge for education.

Technically preparing the sportsmen is a pedagogical process, its aim is to maintain the special methods of movement and develop them. In different types of sport technical movements have various psychological structures.

Sport is more than thousands years old and it has a great importance in upbringing psychologically and physically perfect generation. Rabindranat Tagor's saying: «Without sense of beauty it's impossible to up bring the perfect person» established this fact.

I. A. Karimov said that development of physical culture and sports improve not only human's body but also enrich it with ethic qualities. «When the sportsman understands that he is leading by ethic norms, not by cowardice, he becomes polite to his teachers, friends, and sportsmen in order to his conscience. Developing sport has a great share in upbringing generosity in our society» [4, p. 276].

Independence gave us an opportunity to solve those problems. To up bring physically and ethic perfect person is the main task of our nation and society. That's why it is necessary to draw the youth's attention in the country to sport and its world. Sport and physical culture are necessary for youth to dream, to find the answer for ethic, aesthetic needs. So, the problem of calling attention to sport is the main task nowadays.

Such great ethic qualities as generosity, pride for his group, humanism, patriotism and national pride form in children who go in for sport. Russian researchers who investigated the acmeological qualities of perfectness said «Upbringing have to be equal both in physical and in mental, aesthetic, ethic aspects» [9, p. 235]. It is clear that upbringing healthy and strong generation closely tied with many social, organizing and spiritual problems. The need of forming the national movement with sport is appeared in Uzbekistan. That's why during last 20 years the point to the fact of developing sport and physical culture. Acceptance of Law about «About Education», «National Program Preparing Specialists», Orders about «About measurements in developing sport and physical culture in Uzbekistan», «About forming the Fund for developing children's sport in Uzbekistan» and others make great social, political, spiritual and cultures changes in Uzbekistan.

Three staged sport games – «Umid nihollari», «Barkamol avlod» and «Universiada» are the main part of «National Program of Preparing Specialists» which is considered as «Uzbek model» of continuity education. Those sport games help to prepare perfect sportsmen which can participate and win in international competitions. It shows that national ethic ideal of perfect generation; on its basis the system of social-philosophical is formed. Those sport games helps to develop youth's strength, toughen their will, grow their patriotism. «It can be seen by the fact that for the last four years attendance to sport of 6–15 years old children percentage grow from 29 to 35, girls' attendance grow from 24 to 31,5 %» [5, p. 294].

6th chapter of State Program of 2010 the Year of Perfect generation was about «upbringing the physically perfect generation, to strengthen the development of children's sport, calling attention of youth to sport, to build new sport complexes and equip them, to prepare skilled teachers and coaches in them» [8, p. 37], 4th chapter of State Program 2014 the Year of Healthy Generation is about «to strengthen the role of sport and education system in forming healthy generation, measures about

attendance of children, especially girls to sport» [7, p. 4] shows that the juridical basis of works are developing.

In the sphere of sport the coach is the person who understands pupils' feelings, helps to develop the qualities individuality. He must be an example for the pupils with his generosity and calmness in feelings. He can help to his pupil both psychic and technical sides. Their relations have to base on «from heart to heart». In that way economical, social and national-ethnic differences have forgotten.

With the help of teacher pupil becomes brave, self-confident and strong. «With the growing of teacher's skill the relations between teacher and pupil might be changed. But it has never been broken» [2, p. 13–14] the teacher has to live in pupils heart even after death. Only in that way he can continue his life.

The teachers and coaches must pay a special attention to the following factors in education generosity in pupils: organizing meetings and conversations with famous sport masters; Conversations about healthy life, against negative influences, strengthening the will, keep the feelings; conversations about planning the day effectively and control the situations; conversations about ethic norms with sportsmen; conversations about responsibility for group, teacher, parents, house; current events about attendance of sport masters of our state in international arenas; conversations about competitions' rules and orders; conversations about service in army and characters of Eastern struggle; visiting the clubs and leading institutions; discussion of films, tele and radio shows, articles, books about sport and physical culture; analyzing of attendance in sport competitions and passing exams; congratulation of winners of competitions, giving the diplomas and medals; organizing the meetings with champions and winners.

In conclusion we may say that sport's spreading is the correlation process of perfectness and healthy life and it formed the institutional system of tolerance, they are the followings: firstly, organizing of sport actions in all layers of population was defined as the means of making healthy the nation and people's gene fund; secondly, developing sport takes into account the people's age, life traditions, knowledge, social position, possibility, conditions'; thirdly, as the result of the functional goals of national models, well skilled, patriot and winner sportsmen between the youth are appeared; fourthly, in the sphere of education in the specialists who is physically prepared and nowadays works at the sphere of production such qualities as collectivism, tolerance, generosity, heroism are formed; fifthly, sport competitions between families and mahallas are the fine examples in developing healthy life standards in families.

Forming and developing of sport helps to strengthen spiritual-ethic integration and to tie international and national relations. Especially in Uzbekistan developing of sport and physically perfect generation shows that there are spiritual integration and tolerance in Central Asia.

Bibliography

1. Abdulla Sher, Husanov B. Philosophy of grace. – T. : UzMU, 2008.
2. Brand R. Ikido. – Moscow, 2003.
3. Hose Ortega-i-Gasset. What is philosophy? – M.: Science, 1991.
4. Karimov I. A. Our way is the way of continuing the process of modernization and deepening the democratic reforms. Vol. 20. – T. : Uzbekistan, 2012.
5. Karimov I. A. Peace and safety depends on our strength, concord and will. 12 V. – T. : Uzbekistan, 2004.
6. Kadirova Z. P. Social-philosophical problems of tolerance and youth' social activity. – T. : Philosophy and right, 2006.
7. State Programme «The Year of Healthy Child». 2014. 30th of March/ www. lex.uz.
8. State Programme «The Year of Perfect Generation». – T. : Uzbekistan, 2010.
9. Taymazov V. A., Kuramshin Y. F, Maryanovich A. T., Lesgaft P. F. History of life and activity. – M. : Publishing House named after Gorki, 2006.

© *Samadov A., 2014*

УДК 31 (072)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ ИНДИКАТОРОВ ИЗМЕРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ж. Ё. Мавлонов, магистр философии

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

CONCEPTUAL ASPECTS OF DEVELOPING INDICATORS TO MEASURE CIVIL SOCIETY

J. Yo. Mavlonov, Master of Philosophy

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Summary. The article is devoted to the analysis of the conceptual development of indicators for measuring the modern civil society. The author considers the possibility of using empirical data to develop indices of civil society institutions. Special attention is being paid to developing requirements for indexing social processes as possible, their comparison and analysis.

Keywords: NGOs; social dimension; indicators; monitoring of civil society; object and subject of the monitoring; the empirical evidence.

Одним из важнейших принципов современной науки является опора на такие эмпирические данные, которые позволяют измерить изучаемые явления, процессы и на этой основе предвидеть их дальнейшее функционирование и развитие.

Социально-философский анализ гражданского общества как системы позволяет не только интерпретировать понятия, отражающие содержание общества и его структур, но и ставит перед исследователем задачу операционализации процедуры выделения отдельных компонентов как более конкретных образований, которые можно сравнивать, а тем самым и измерять.

Измерение – это способ изучения социальных явлений, процессов, систем разного уровня, их свойств и отношений с помощью количественных оценок; оно применимо ко всему обществу и к различным его структурам, элементам [1, с. 39].

Измерение предполагает:

а) наличие объекта измерения (индивиды, группы, процессы, явления);

б) измерение свойств объектов, их характеристик;

в) отношения между объектами измерения относительно изучаемых свойств.

Все интересующие исследователя свойства объекта называются социальными показателями. Это качественные и количественные характеристики свойств и состояний социальных объектов и процессов. В широком смысле к ним относят демографические, экономические, социально-структурные показатели политического, нравственного, социально-культурного, духовного развития, образа жизни различных групп населения и общества в целом. Качественные показатели фиксируют наличие или отсутствие определенного свойства, количественные – меру его выраженности, развития.

Сегодня в социальной философии всё чаще используют понятие «индикатор». Научная литература его трактует в двух смыслах [2, с. 84]:

1) как характеристики, тождественные социальным показателям;

2) как более простые свойства, образующие социальные показатели; как доступные наблюдению и измерению характеристики изучаемого объекта.

В последнем случае возможно не только качественное, но и количественное измерение свойств, характеристик объекта (что особенно важно в конкретных социологических исследованиях).

Однако существуют объективные и субъективные трудности измерения. Они обусловлены многогранностью объектов общественной жизни, сложностью путей их изучения, выявления их признаков и свойств, степенью развития наук о личности и гражданском обществе, интересами людей науки, не всегда совпадающими с потребностями получения истины, соответствующей социальной информации.

Одним из самых серьезных направлений современной социальной философии стало понимание необходимости не только разработки системы измерения и индексации социальных процессов, но и выработки новых методологий, понятий, критериев и показателей оценки. Нечеткость, расплывчатость формулировок, громоздкость оценочных анкет создавали существенные помехи для успешной реализации таких проектов. В связи с этим, начиная работать с индексами, исследователи должны помнить об их слабых сторонах и трудностях применения. Соответственно, следует обращать особое внимание на концептуальную проработанность и понятийный аппарат, на возможности погрешностей, искажений и потери данных, вероятность ошибок измерения и оценок, на расхождения объективных и субъективных показателей и т. д.

Современная статистика отражает состояние гражданского общества лишь постольку, поскольку объектом статистического наблюдения является ряд характеристик негосударственного и некоммерческого сектора. Эти характеристики во многом несовершенны. Вместе с тем состояние гражданского общества не может адекватно характеризоваться лишь с помощью статистических данных, относящихся к таким организациям. Более того, специфика гражданской сферы и протекающих в ней процессов предполагает тщательный учет не только зарегистрированных, но и незарегистрированных (а потому ускользающих от статистического наблюдения) ячеек гражданской активности, не только организованных, но и спонтанных проявлений солидарности, не только действий, но и их мотивов. Даже для оценки состояния важнейшего сектора гражданского общества – ННО – необходимо анализировать, помимо прочего, доминирующую организационную культуру, стимулы участия и типичные отклики на них и т. п.

Соответственно, кардинального совершенствования статистики негосударственного сектора и гражданской активности, при всей его бесспорной актуальности, недостаточно для создания надежной информационной базы при изучении и прогнозировании развития гражданского общества, равно как при выработке эффективных мер его поддержки [3, с. 74]. В силу особенностей предмета мониторинг состояния гражданского общества должен опираться в первую очередь на результаты полевых социологических исследований.

Очевидно, что эта проблематика привлекает всё большее внимание научных коллективов. Вместе с тем полученные результаты пока, скорее, мозаичны, как правило, не поддаются прямому сопоставлению между собой и далеко не полностью покрывают проблемное поле. Опубликованные данные и интерпретации в немалой части отражают неоднозначность и политическую «нагруженность» бытующих трактовок гражданского общества. Это вовсе не

исключает ни научной добросовестности авторов, ни ценности их результатов, но, разумеется, затрудняет формирование целостной картины.

Следовательно, в ходе исследований необходимо сформировать целевые информационно-аналитические системы, в рамках которых осуществляются сбор, обработка, анализ и предоставление информации, объективно отображающей состояние тех или иных сфер и аспектов общественной жизни. Системы строятся таким образом, чтобы поставлять регулярно обновляемую сопоставимую во времени информацию, которая позволяет достаточно надежно диагностировать возникающие проблемы, идентифицировать открывающиеся возможности и предлагать обоснованные рекомендации.

При разработке программы мониторинга ключевое значение необходимо придавать выбору индикаторов состояния гражданского общества. Важное требование к мониторингу – обеспечить сочетание преемственности наблюдений и модификации системы по мере появления новых задач и объектов непосредственного изучения [4, с. 59]. Существенна также возможность адаптировать систему к развитию методологий статистического, социологического и экспертного анализа, равно как и возможность интеграции со смежными мониторинговыми исследованиями.

Таким образом, систему мониторинга гражданского общества с самого начала необходимо разрабатывать так, чтобы заложить в нее потенциал развития. То есть понимать, что формирование системы – не единовременный акт, а процесс, сопровождающий эволюцию объектов изучения и соответствующую ей модификацию широко понимаемых исследовательских задач.

В рамках такого мониторинга необходимо использовать преимущественно социологические методы (опросы, анализ документов), дополняемые обработкой данных официальной статистики. Среди социологических методов упор делается на те, которые обеспечивают получение информации количественного характера. При этом для расширения мониторинга необходимо расширить круг объектов и методов изучения. Целесообразно проведение репрезентативных опросов населения, опросов руководителей ННО, глав муниципальных образований и муниципальных служащих. Составными частями мониторинга должны стать исследования самоорганизации отдельных профессиональных сообществ, а также активистов негосударственных некоммерческих организаций и гражданских инициатив. Кроме опросных методов, необходимо применять контент-анализ публикаций в печатных СМИ для изучения отражения в них тематики гражданского общества.

Обзор некоторых прикладных исследовательских проектов показал [5, с. 172], что проведение таких научных работ в сфере индексации и мониторинга гражданского общества не только позволяет прийти к оригинальным выводам, но и сформировать специфические практические модели взаимоотношений государства и гражданского общества. С другой стороны, использование опыта таких проектов может помочь молодым формирующимся институтам гражданского общества разработать эффективные механизмы артикуляции и агрегации своих интересов. В связи с этим при разработке исследовательских проектов для оценки состояния гражданского общества, в нашей стране необходимо обратить повышенное внимание на следующее:

1) широко привлекать и использовать методики и разработки отечественных и зарубежных академических кругов для оптимизации процесса прикладных исследований различных сторон гражданского общества;

2) разрабатывать и применять не только универсальные, но и отечественные параметры собственных индексов и индикаторов для выявления эффективности и потенциала институтов гражданского общества;

3) организовать регулярное проведение полномасштабных исследовательских проектов с привлечением широкого круга экспертного сообщества как из государственных, так и негосударственных учреждений;

4) создать независимые экспертные центры и консалтинговые службы в целях расширения эмпирической базы и ее использования при разработке действенных механизмов мониторинга состояния гражданского общества в Узбекистане.

Таким образом, развитие прикладных и эмпирических исследований может способствовать не только формированию устойчивой и эффективно функционирующей модели гражданского общества в нашей стране, но и покажет перспективы его развития.

Библиографический список

1. Социология : учебник / под ред. П. Д. Павленка. – М., 2002.
2. Социологический энциклопедический словарь / ред. Г. В. Осипов. – М., 2000.
3. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. 1992–2002 // Социологический анализ. – М., 2003.
4. Мельвиль А. Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») – М. : МГИМО-Университет, 2008.
5. Коннати Э. Оценка развития гражданского общества: методологические проблемы // Благотворительность в России. 2005/2006. – СПб., 2007.

Bibliography

1. Sotsiologiya : uchebnik / pod red. P. D. Pavlenka. – M., 2002.
2. Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar / red. G. V. Osipov. – M., 2000.
3. Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo v usloviyah transformatsii: mifyi i realnost. 1992–2002 // Sotsiologicheskiy analiz. – M., 2003.
4. Melvil A. Yu. Kak izmeryat i sravnivat urovni demokraticheskogo razvitiya v raznyih stranah? (Po materialam issledovatelskogo proekta «Politicheskiy atlas sovremennosti») – M. : MGIMO-Universitet, 2008.
5. Konnati E. Otsenka razvitiya grazhdanskogo obschestva: metodologicheskie problemyi // Blagotvoritelnost v Rossii. 2005/2006. – SPb., 2007.

© Мавлонов Ж. Ё., 2014

Filologické vědy

УДК 894.322

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ЖАНРЕ ПОВЕСТИ

У. Расулова, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан

IMAGE AND HUMAN NATURE STORIES GENRE

U. Rasulova, candidate of philological sciences, assistant professor
National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. The article reveals the uniqueness of the genre specific stories. Skill in the art writers understanding the world and man is revealed through analysis of works of art.

Keywords: story; genre; nature; human; character; state of mind; nationality; value; soul; harmony.

Глубоко постигшие сущность мира и человека просветители воплотили свои духовно-нравственные взгляды в своих произведениях и внесли достойный вклад в обогащение знаний человечества о мышлении, которое всегда являлось предметом изучения таких наук, как философия, логика и психология. Художественная литература также делает акцент на разнообразном, чарующем изображении живого мира. Отображение не только человека во всей его загадочной психологической сложности, но и бессловесного, однако с живой душой животного мира, разнообразных природных явлений требует утончённого вкуса, глубоких знаний.

Писатели плодотворно пользуются возможностями разных жанров для изображения новых сторон личности человека и событий. Литературовед М. Бахтин отмечает, что «художественный жанр по своей природе в ходе прогресса отображает в себе самые устойчивые вековые традиции. На каждом этапе развития литературы и в каждом произведении этого жанра он зарождается заново и обновляется» [2, с. 122].

Широки возможности жанра повести в изображении жизненных событий и изменений душевного состояния человека. Писатель фокусирует внимание на главном герое, его последовательном развитии с целью философского обобщения явлений общественной жизни. В повести известного узбекского писателя А. Кадыри «Обид Кетмень» человек, трудясь в поте лица, добросовестно обрабатывает землю. При создании образа Обида Кетменя автор характеризует его как опытного земледельца. Хотя при изображении трудовой деятельности героя бросаются в глаза такие элементы фольклора, как преувеличение или утрирование, самое главное, что в основе образа лежит его любовное отношение к земле, превращение деревьев в цветущий сад. Человек заботится о сохранении чистоты природы, о преумножении её даров. Вполне естественно, что просторная, покорная человеческой воле земля поднимает дух человека, лелеет его, как мать.

Каждый писатель старается внести в повесть новый образ, тему. Произведение Гафура Гуляма «Озорник» посвящено приключениям главного героя –

мальчика Карабая. Образ мальчика способствует раскрытию несправедливости и обмана в социальной жизни. Местом действия произведения выбраны махалля, кишлак, рынок. И всюду приключения героя выявляют хитрость чиновников.

Готовый выполнять любую работу мальчуган ненавидит лицемерие людей из мечети, вскрывает издевательства неграмотных, тёмных людей не только над живыми людьми, но и над мертвецами. Меняются места, развиваются события, раскрываются новые грани характера. В характере мальчика появляется плохое качество: он невольно привыкает обманывать. Быть таким его заставляет жестокость, несправедливость, невежество взрослых людей по отношению к нему, а самое главное – отсутствие боязни злоупотреблять тем, что по праву принадлежит сиротам. Произведение небольшое, искреннее, богатое анекдотами и приключениями. Слушать насмешки, подтрунивания тяжело, но путешествия помогают мальчику повзрослеть и понять, что жизнь состоит из борьбы. Автор ставит героя в различные ситуации, даёт художественное толкование реальной действительности. Меняются времена года, мальчику встречаются люди различных возрастов и взглядов на жизнь. Озорник разговаривает с птицами, домашними животными, помогает садовникам в доме богача, добросовестно работает, получает удовольствие от работы, отдыхает, сидя на берегу реки. Мальчуган любит природу, питает к ней особые чувства. Ненавидит бессовестных, подлых людей вокруг себя. В повести явления мира воспроизведены через призму чистой души.

Масштабы охвата жизни литературой широки. В повестях известного писателя Чингиза Айтматова ярко показано место национальных ценностей, культурного наследия в развитии народной духовности. Писатель, искренне желая перехода человечества от экологии природы к экологии души, делает эту философию основой своих произведений. В самом начале повести «Прощай, Гульсары» делается акцент на отношение человека (старика) и живого существа (иноходца). В произведении через диалоги, монологи воссоздается судьба Танабая и его любимого коня Гульсары. Переплетение сегодняшнего и прошлого обогащает развитие сюжета. В изображении юности героя, его коневодческой деятельности, заботы о буланой лошади рождается целостное представление о дружбе человека и животного. Танабай, считая свидетеля своей жизни и счастливых её мгновений – Гульсары – живым существом, разговаривает и секретничает с ним. Воспроизводящий через призму своего сознания не тускнеющие воспоминания, герой гордится чуткостью и сообразительностью своей лошади. Когда Танабай садится на лошадь, та машет хвостом, фыркает и начинает идти иноходью – они без слов понимают друг друга, приспосабливаются друг к другу в зависимости от ситуации. Поняв, что в жизни мужчины появилась женщина и что он начинает суетиться, проезжая мимо её дома, Гульсары разделяет чувства своего хозяина, радуется и страдает вместе с ним.

Борьба между добром и злом существует со дня зарождения человечества. Через судьбу Гульсары ярко показано, что среди людей живут ненавистники всего живого, невежественные люди. Когда Танабая просят передать лошадь новому председателю, он отказывается. Какое несчастье ждёт Гульсары, неустанно сбегающего из конюшни председателя, передаётся через сон. Детали сна становятся метафорой, предвестниками реальных событий. Увидев во сне «много крови, липкой крови», Танабай испуганно просыпается. Выйдя на улицу, он онемел, увидев стреноженного, истекающего кровью Гульсары.

Зверское истязание Гульсары извергом председателем – яркое выражение людской жестокости и подлости. Конь, отвернув голову, вообще не слушается председателя, поправшего его самолюбие. Упадок душевных сил, отчаяние животного мучают Танабая. Слова народной песни созвучны душевному состоянию героя, в ней слышатся стоны беспокойной души, поэтически отражается реальная жизнь. Старание Танабая, взвалившего на свои плечи тяготы жизни, беречь табун и овец доказывает глубокое понимание настоящим человеком своих обязанностей перед природой. Одиноко идущий зимним днём в горах, Танабай прощается со своим заботливым наперсником Гульсары. Зима символизирует конец жизни. Айтматов как бы продолжает традиции Алишера Навои, который в произведении «Хазойинул-маоний» уподобляет жизнь человека временам года. Дорога у него символизирует жизненный путь от начала до конца. Горы раскинулись важно, величественно, люди и другие живые существа пропадают в них, как крошки. После смерти коня Танабай безутешно плачет. Слёзы человека из-за животного свидетельствуют о вечности уз дружбы между ними.

Писатель последовательно освещает сложный душевный мир героев, их психологию. Изображая состояние, переживания коня, писатель всей образной системой повести даёт читателю понять, что он, как любое живое существо, является частицей мира. В основе повести Ч. Айтматова «Белый пароход» лежат народные мотивы. Две входящие в неё сказки ярко передают философские, эстетические взгляды писателя. Белый пароход – символ надежды, веры в будущее. Белый цвет – символ чистоты, благородства. Душа ребёнка чиста, наивна, искренна, мечтательна. Писатель ярко, крупным планом изображает ребёнка. Бинокль, портфель, камни дарят ему удовольствие, радость. Таинственный мир ребёнка обогащают его мечты о белом пароходе.

Видно, что в мыслях ребёнок чувствует себя счастливым. Лесное хозяйство, тяжёлые условия жизни в нём, сложность и путаница человеческих отношений тяготят душу ребёнка. Поэтому ему приятнее общение с растениями и животными – они, молча, внимают его мечтам и желаниям. Единственный человек, который понимает, поддерживает молодую душу – это старик Мумин. Этот герой – простой добросовестный человек. Не зря ему дали имя Мумин, что в переводе означает «смиренный». Это образ примиренца, аккуратного в работе труженика. Все радости и несчастья – в характере этого человека, не причиняющего никому и ничему боли, живущего в тесноте и нужде. С не ценящим себя и своё достоинство стариком каждый поступает, как хочет. Только мальчик любит его всей душой, потому что именно дедушка привил ему чувство веры и любви к природе. В произведении глазами мальчика оцениваются все действия и поступки взрослых. Бабушка – меняющаяся в зависимости от ситуации старуха. Тётя Бекей – бездетная, несчастливая женщина. Сейдахмат – ленивый, безответственный мужчина. Гульджамол – женщина с открытой душой. И самый явный негодяй, изверг – это Орозкул. Он настоящий истребитель природы, безнравственный муж-деспот, мерзкая личность.

В повести антитезу составляют образы высокомерного Орозкула и его тестя Мумина, противопоставляются подлость и благородство. Значительную художественную и психологическую нагрузку несёт рассказанная мальчику стариком Мумином сказка о Рогатой матери-оленихе. Автор делает акцент на лежащей в основе сказки глубокой философии. С этой точки зрения экскурс в прошлое – взгляд с другого ракурса. Рогатая мать-олениха умоляет старуху спасти двух малышей от врага

и смерти. Старуха отвечает: «Ты не знаешь людей. Они не жалеют не только животных в лесу, но и даже себя. Если эти дети людей на твою доброту ответят злодеянием, пеняй на себя» [1, с. 237]. Одна из основных мыслей – явное противопоставление зла и благородства. Рассказчик выражает своё отношение и напоминает, что богатство рождает высокомерие, а высокомерие – безумие. Спустя время, безумный человек даёт волю своим желаниям – он начинает уничтожать оленье потомство.

Состарившись, Мумин вынужден поступать против своих убеждений. Он не может простить себе, что связался с презренными людьми, убившими Рогатую мать-олениху, и его начинает мучить совесть. Лежа на земле рядом с мёртвым оленем, он сетует на свою судьбу, осуждает себя за то, что из-за своей злосчастной дочери и внука изменил себе. Его возмущение самим собой контрастирует со стремлением сохранить своё достоинство.

В повести чистой душе мальчика противопоставлена жестокая внешняя среда. Мальчик и природа, преданность старика, благородство, побеждающее зло, изображены в дисгармонии прошлого и реальной жизни.

Бросается в глаза схожесть в трактовке образов разных повестей Айтматова. Новый председатель и Орозкул – подлые, невежественные люди; они наслаждаются, уничтожая природу. Танабай, Мумин берегут всё существующее, возвышая это до уровня веры. Танабай остался верен Гульсары, а Мумин был вынужден изменить оленю. Из-за отсутствия чувства собственного достоинства он не смог сохранить животное. Автор в конкретных деталях обосновывает, что потеря человеком своего достоинства ведёт к душевному краху.

Главное кредо творчества Чингиза Айтматова – освещение общечеловеческих проблем на национальной основе, осмысление целого через его часть. Он подчёркивает, что маленькая неприятность ведёт к большой беде. Усиление угрозы экологии в процессе глобализации беспокоит всё человечество. В связи с этим писатель как философ, ценитель прекрасного обосновывает единство природы и человека. Он логически доказывает, что варварское отношение к природе ведёт к гибели всего человечества.

В повестях узбекских писателей продолжаются традиции признанных мастеров пера, в них изображение гармонии человека и природы обогащается новыми образами и картинами. Писатели продолжают попытки посредством художественного слова раскрыть загадки явлений природы. В повести Тогая Мурада «От кишнаган окшом» («Вечер, когда заржала лошадь») образ жизни мужественного, добродушного всадника освещается в единстве с жизнью лошади. Зиёдулла с детства вольно рос в горах. Величие гор, хрустальная прозрачность родниковой воды, чистота воздуха сеют в характере героя семена чистоты помыслов и благородства. Он с любовью ухаживает за конём Тарлоном с самого его рождения. Писатель взглядом художника изображает, как в последовательности сюжета сообразно с динамикой героя взрослеет и Тарлон. Автор, как большой знаток лошадей, описывает присущие лошади особенности. В состязаниях всадников конь борется за честь своего хозяина, становится его партнёром в достижении победы. Зиёдулла ухаживает за конем, разговаривает с ним, слушает его сердце, душой тонко чувствует всё происходящее. В повести есть серьёзный момент: ночью ребята решают убить Зиёдуллу. В опасный момент конь спасает своего хозяина. Жестокости, подлости человека противопоставляется верность, мужество животного.

Человек хочет убить человека, а лошадь (животное) – спасти. В то время как разумное, живое существо забывает

своё «я», то, зачем он появился на свет, считающееся неразумным животное своим благородным поступком предстаёт как поучительный пример. В конце произведения герой балует своего коня, называя его родным, «неразлучным другом», и признаёт его как самого близкого родственника. В единстве человека и природы писатель видит истинную ценность, благородство.

В повестях Тогая Мурода отражается величие мысли, яркость выражений, оригинальность изображения лучших образцов устного народного творчества. Он отмечает, что некультурный человек без национальных ценностей обречён на душевную скудость и несвободу. Напоминает, что решение волнующих человечество проблем нужно искать на основе духовных ценностей.

В повести писателя «Ойдинда юрган одамлар» («Люди, ходящие по Луне») гармония истории, философии, искусства направлена на более полное выражение художественного содержания. Синтез музыки, живописи, архитектуры даёт возможность представить природу как единое полотно. Писателю удаётся ярко описать такие природные явления, как рассвет, сверкание молнии, дождь, полнолуние, восход солнца, плавание облаков. Описание прогулки по горам, ночной тишины, зимней природы соответствует состояниям души героя. Автор обращает внимание на соблюдение точности при описании происходящих в разных местах и временах событий.

Коплон и Оймомо как будто живут на Луне, образ их жизни благополучный, тихий. Единственный их идеал – ребёнок. Трепетание сердец, согревание душ людей отражается в печальных мотивах. Верных, терпеливых героев, всю жизнь оберегавших друг друга, не дававших запятнать священность семьи, тянет к свету и чистому приюту. Наличие в произведении мифов о логове змей, о священном быке, преданий о Лайлатул-кадре, Рамазане придало логичность повествованию, создало налёт таинственности, обогатило образность, повысило художественно-эстетическую мощь. Трудовые, обрядовые песни, история навруза, сумалака не только описывают национально-культурные традиции, но и неразрывно связаны с душевными переживаниями героя. В повести нашли глубокое отражение и яркое образное выражение философско-эстетические взгляды писателя.

Художественная литература анализирует, интерпретирует удивительные грани сложного и многообразного мира человека. Человеческая натура во многом изменилась. Человек под влиянием своих пороков начал уничтожать самого себя. В вышеназванных повестях содержится призыв сохранить человечность, любовь. Призыв сохранять бережное отношение ко всему живому, понять, что мать всего живого – природа – это общечеловеческое благо, священный дар. Он даёт человеку толчок к пониманию самого себя, сущности окружающего его мира, философии жизни.

Библиографический список

1. Айтматов Ч. Сайланма. – Т. 2. – Т., 1978.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.

Bibliography

1. Aytmatov Ch. Saylanma. – T. 2. – T., 1978.
2. Bahtin M. M. Problemyi poetiki Dostoevskogo. – M., 1979.

© Расулова У., 2014

УДК 82.091

МОТИВ ОБМАННОГО СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

А. А. Николова, кандидат филологических наук, доцент

Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина

FALSE DESCENSION OF STATUS AS TRADITIONAL MOTIVE IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN LITERATURE

A. A. Nikolova, candidate of philosophical sciences, associate professor

Zaporizhzhya National University, Zaporozhye, Ukraine

Summary. We consider in this article different variants of false descension of status in Russian and Western literature. We also prove that this motive is a traditional. The article deals with the problem of the genesis of this motive too.

Keywords: motive; plot; tradition; literary type; transformation.

Несоответствие видимого и сущностного является не только распространенным явлением действительности: мотив подмены истинного ложным часто встречается в фольклоре и литературе различных народов. Внимательное рассмотрение данного феномена приводит к осознанию его традиционности и вариативности, необходимости изучения специфики функционирования каждой из конкретних разновидностей в различных национально-жанровых контекстах.

Так, например, особой популярностью среди ученых пользуется мотив самозванства, предполагающий в большинстве случаев обманное повышение социального статуса [5; 16; 8, с. 13 и др.].

Что касается работ, посвященных семантически противоположной предыдущей сюжетной ситуации, то условно их можно разделить на несколько тематических групп. Первая представлена исследованиями, посвященными древнему эпосу: сторонники ритуалистической мифокритики (Э. Миро, Г. Р. Леви и др.) воспринимают путешествие Одиссея («Одиссея» Гомера), его временное пребывание в царстве мертвых и возвращение домой под видом нищего как отображние обряда инициации или календарного мифа. Такая концепция поясняет потребность обманного снижения статуса, которое символизирует умирание, необходимое для дальнейшго возрождения / обновления героя-победителя, восставноление его прав как правителя и мужа. «Лиминиальная стадия представлена пересечением границ... пребыванием в необычном, промежуточном состоянии. Отсутствие статуса маркируется слепотой, невидимостью, наготой, нелепыми одеяниями... грязью, молчанием, запретами... подобно неофитам, они – в лохмотьях или нагие, это демонстрирует отсутствие статуса, их поведение обычно пассивное или униженное» [3, с. 8].

В этом же аспекте рассматривается традиционный сказочный мотив «Свиной чехол» (АТ 510В) – история принцессы, вынужденной изображать нищенку. Еще П. Сентив [12] предложил интерпретировать данный образ как солнечное божество в фазе временной смерти, метафорическим выражением которой является унижение, грязные одежды. А Е. Мелетинский усмотрел в нём отголоски древних свадебных

обрядов, отметив также, что «временное добровольное пребывание героя в низком состоянии в сказках о «Свином чехле» и золотоволосом юноше вполне понятно с этической точки зрения: оно дает возможность выразить относительность, временной характер низкого состояния героя, почеркнуть «высокую» сущность героя, показать контраст между «низкой» видимостью и «высокой» сущностью» [7, с. 248].

Благодаря А. Веселовскому в качестве традиционного утвердился сюжет о вынужденном нищенствовании правителя, престол которого захватил демон [2]. Его рассмотрению посвящены исследования Е. Никаноровой [9] и Е. Ромодановской [11].

Однако системное, целостное освещение различных форм, специфики функционирования мотива временного снижения социального статуса отсутствует, что и обуславливает актуальность данной статьи, цель которой – доказать его традиционность, выделить основные варианты трансформаций на материале русской и западноевропейской литератур.

Первая конкретная разновидность соответствующего мотива заимствуется литературой из фольклорных сказок, а именно из сюжетов типа «Бедняк обручается с девушкой» (AT 885) и уже упоминавшегося «Свиного чехла» («Ослиной шкуры» AT 510B). В первом случае гордую принцессу (царевну) выдают замуж за «первого встречного» нищего, который впоследствии оказывается переодетым королем. Данная фабула используется, например, Л. Аламанни («Бьянка, дочь Тулузского графа»), Г. Х. Андерсеном («Свинопас»); ее комический вариант представлен в «Мандрагоре» Н. Макиавелли. Второй из вышеупомянутых сюжетов встречается в средневековых романах («Прекрасная Елена Константинопольская», «Персефоре»), новеллах («Дочь короля Британии» Ф. М. Мольца, «Приятные ночи» Дж. Страпароли да Караваджо, «Ночные забавы» Б. Деперье /CXXIX/), литературных сказках («Ослиная шкура» Ш. Перро, «Пентамерон» Дж. Базиле /11,6/), драматургии («Не всегда верь в худшее» П. Кальдерона) и т. д.

Еще один традиционный мотив, основанный на обманном снижении социального статуса персонажа, – путешествие переодетого правителя. Диапазон мотиваций такой травестии довольно широк: от необходимости скрывать собственное лицо ради безопасности – до желания узнать истинное отношение подданных к «правящему режиму».

Данный мотив распространен в фольклоре различных народов. «Общая канва этой истории встречается во все времена и у всех народов, соревнующихся друг с другом в описании странствий переодетого монарха, который, спускаясь из любопытства или ради развлечений в низшие слои общества, встречается с приключениями, занятными для читателя или слушателя благодаря противоположности между подлинным положением короля и его наружностью» [13, с. 3]. В. Скотт указывает, что наиболее типичен этот мотив для балладного жанра. «Тот эпизод романа, который имел успех у многих читателей, заимствован из сокровищницы старинных баллад. Я имею в виду встречу короля с монахом Туком в келье этого веселого отшельника. ...В веселой Англии народным балладам на эту тему нет числа. Стихотворение «Староста Джон», упомянутое епископом Перси в книге «Памятники старой английской поэзии», кажется, посвящено подобному случаю; кроме того, имеются «Король и Бамвортский дубильщик», «Король и Мэнсфилдский мельник» и другие произведения на эту тему» [13, с. 4].

Из фольклора данный мотив попадает в литературу: он встречается в сказках («восточная сказка» И. Крылова «Каиб», фьябы К. Гоцци «Король-олень» и «Счастливые нищие»,

«Приключения Саида» В. Гауфа), новеллах (в «Декамероне» Дж. Боккаччо рассказывается история султана Саладина, который путешествует под видом купца), драматургии («Мера за меру» В. Шекспира), романах («Айвенго» В. Скотта, «Девяносто третий год» В. Гюго).

Существенно отличен от вышерассмотренного сюжет о путешествующем правителе, представленный в талмудических сказаниях, мусульманских и славянских легендах о царе Соломоне, вынужденном нищенствовать, пока его место занято демоном [2, с. 133]. В западноевропейской литературе распространенным вариантом является история о могущественном Иовиане, наказанном Богом за тщеславие. «Тогда мнимый император говорит: «Любезные друзья, слушайте! Некогда император Иовиан совершил богохульную дерзость, за какую Бог его покарал тем, что люди не узнавали его в лицо до дня его раскаяния; я же, ангел-хранитель его души, блюл царство его до часа, покуда император не покаялся и не получил отпущение; теперь повинуйтесь ему, и да будет с вами Бог» [15, с. 53]. В данном случае «самозванцем» является не демон, а ангел (цель произведения – проповедь смирення). В русской литературе был популярен переводной вариант соответствующей новеллы из «Римских деяний» – «Повесть о царе Аггее». «Аггей усомнился в справедливости слов Писания... впал в греховное раздумие. За гордыню Бог наказал его лишеним власти и трона, нищетой и наготой, а после раскаянья опять сделал царем» [4, с. 141].

Еще один традиционный мотив из соответствущей семантической парадигмы – возвращение домой состоятельного героя в образе нищего. «Мотив этот известен европейской словесности с глубокой древности – от Гомера, у которого возвратившийся на Итаку Одиссей разгоняет женихов Пенелопы, до легенд о Карле Великом, от средневековых баллад о короле Горне до новеллы о Торелло в «Декамероне» (девятая новелла десятого дня), от южнославянских песен о Марке Кралевиче до сказочной былины «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» [10].

Такой обман может быть связан с необходимостью испытания супруги героя (мотив «муж на свадьбе своей жены» [6, с. 81], сюжет «Верная жена» АТ 888), его родственников («Школа злословия» Р. Б. Шеридана, «Векфильдский священник» Ол. Гольдсмита), а также – связан с идеалами христианского аскетизма (средневековое «Житие Алексия, человека Божьего»). В последнем случае речь идет, конечно же, не об «игре с переодеваниями», а о сознательной жертве Богу, которому милее бедность, а не богатство.

По мнению Е. Мелетинского, такой образ сформировался под влиянием народно-сказочной традиции: «легендарный фольклор, в центре котрого – образ скрывающегося святого, возник на почве не официальной церкви, а демократической оппозиции официальной церкви, демократических уравнительных идей, сохранивших религиозную оболочку. Частичное признание легенд о святом позднейшей церковью (христианской и буддистской) не меняет сути дела. В них проникли те идеи, которые лежат в основе сказки, но только в религиозной оболочке. Сущность таких легенд в идеализации обездоленого» [7, с. 252].

Герой агиографической литературы, шествуя путем Христа, отрекается от денег и власти, делая всё возможное, чтоб избежать демонстрации внешних признаков собственной статусности. «В христианских легендах также отразилось представление о скрывающемся под невзрачной внешностью святом, об отказе от тщеславия и богатства как пути к праведности и святости» [7, с. 250]. «В дальнейшем, когда христианство стало официальной религией

и развилось монашество, легенды, возникавшие обычно в демократической среде, в рамках религиозной идеологии, стали тяготеть к изображению святых праведников в виде чудаков-монахов, невзрачных, всеми презираемых... Схема монашеских легенд, проникнутых демократическими тенденциями, такова: святой монах (или святая монахиня) скрывается в грязной одежде, выступает в «дурацком» виде. По какому-то знаку его узнает благочестивый человек, но монах скоро исчезает или умирает» [7, с. 251].

Довольно распространенным в народном творчестве и литературе является также мотив «парной подмены» (хозяин и его слуга меняются местами). В фольклоре данная «рокировка» чаще всего связана с коварными планами псевдогероя (героини), желающих заполучить награду, положенную их господину (госпоже). В литературе же мотивация такой травестии может быть самой разнообразной: необходимость бегства из заключения («Пленники» Плавта, «Айвенго» В. Скотта), испытание потенциальной невесты или любовная интрига («Смешные жеманницы» Ж.-Б. Мольера, «Игра любви и случая» П. К. де Ш. де Мариво, «Где обида, там нет ревности» Ф. де Рохаса, «Жодле, или Господин-слуга» П. Скаррона), желание острых ощущений, приключений («Человек, который смеется» В. Гюго, «Барышня-крестьянка» А. Пушкина, «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля). «Когда вельможи желают потешить себя соучастием в комедийном действе, то выбирают себе обычно роли простолюдинов. Их прельщает испытать, хотя бы в воображении, как живется людям низкого звания, столь отличного от их собственного» [14, с. 294].

Отдельно следует обратить внимание на мотив «герой жертвует собственным статусом ради любви» (знатный и богатый персонаж изображает бедняка, нанимается в услужение, чтобы быть ближе к предмету своей страсти): «Хмурый» Менандра, византийский роман о Каллимахе и Хрисоррое (XIV ст.), «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Подменные» Л. Ариосто, «Цыганочка», «Ревнивый эстремадурец» М. де Сервантеса, «Под знаком ненависти и любви» П. Кальдерона, одноименные произведения («Раба свого возлюбленного») М. де Сайяс-и-Сотомайор и Лопе де Вега, «Учитель танцев», «Ночь в Толедо» Лопе де Вега. «Лопе особенно охотно обыгрывает мотив перемены облика: его герои и героини оборачиваются рабами, слугами, цыганами, шутами, безумцами, меняют пол» [1, с. 9]; «для Лопе переодевания, предполагающие нисхождение в другой социальный статус, можно считать чуть ли не правилом» [1, с. 17].

Также традиционными в литературе являются мотивы обманного снижения статуса ради мести («Девушка с кувшином» Лопе де Вега, «Севильская куница» А. де Кастильо-и-Солороано, «Дубровский» А. Пушкина) или ради безопасности, спасения жизни («Сатирикон» Петрония, «Девяносто третий год» В. Гюго, «Ткачи из Сеговии» Х. Р. де Аларкона Фернандо, «Стыдливый во дворце» Т. де Молина).

Популярность различных мотивов соответствующей группы в фольклоре и литературе может быть обусловлена различными факторами, однако возможность выделения общих тенденций их функционирования доказывает существование определенных традиций, без осознания и изучения которых невозможно формирование целостного представления о природе феномена притворства в литературном и социокультурном дискурсе.

Библиографический список

1. Андреев М. Л. Испанский вариант: комедия Лопе де Вега, Тирсо де Молина и Кальдерона. – М. : Изд-во РГГУ, 2006.

2. Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1872.
3. Campbell J. The hero with a thousand faces. – New York : Bollingen Foundation Inc., 1949.
4. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л. : Наука, 1984.
5. Макаренко Е. К. Жанровый аспект сюжета самозванства в русской драматургии и историографии конца XVIII – первой трети XIX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2002.
6. Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М. : Наука, 1986.
7. Мелетинский Е. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М. : Изд-во восточной лит-ры, 1958.
8. Мелетинский Е. Историческая поэтика новеллы. – М. : Наука, 1990.
9. Никанорова Е. К. Мотив неузнанного императора в историко- беллетристических произведениях к. XVIII – н. XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. – Новосибирск, 1995. – С. 39–52.
10. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. URL: http://lib.rus.ec/b/262358/read (дата обращения: 2.04.2014).
11. Ромодановская Е. Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повести о гордом царе // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 29–35.
12. Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). – Paris : E. Nourry, 1923.
13. Скотт В. Айвенго / пер. с англ. Е. Бекетовой. – Харьков : Фолио, 2012.
14. Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона / пер. с фр. Г. Ярхо. – М. : Правда, 1990.
15. Средневековые латинские новеллы XIII в. Сборник текстов. – Л. : Наука, 1980.
16. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. – С. 75–109.

Bibliography

1. Andreev M. L. Ispanskiy variant: komediya Lope de Vega, Tirso de Molina i Kalderona. – M. : Izd-vo RGGU, 2006.
2. Veselovskiy A. N. Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnyie legendyi o Morolfe i Merline. – SPb. : Tip. V. Demakova, 1872.
3. Campbell J. The hero with a thousand faces. – New York : Bollingen Foundation Inc., 1949.
4. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyirko N. V. Smeh v Drevney Rusi. – L. : Nauka, 1984.
5. Makarenko E. K. Zhanrovyiy aspekt syuzheta samozvanstva v russkoy dramaturgii i istoriografii kontsa XVIII – pervoy treti XIX vv. : avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk : 10.01.01 / Tom. gos. un-t. – Tomsk, 2002.
6. Meletinskiy E. Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana. – M. : Nauka, 1986.
7. Meletinskiy E. Geroy volshebnoy skazki. Proishozhdenie obraza. – M. : Izd-vo vostochnoy lit-ryi, 1958.
8. Meletinskiy E. Istoricheskaya poetika novellyi. – M. : Nauka, 1990.
9. Nikanorova E. K. Motiv neuznannogo imperatora v istoriko- belletristicheskih proizvedeniyah k. HVIII – n. HIH veka // Rol traditsii v literaturnoy zhizni epohi: syuzhetyi i motivyi. – Novosibirsk, 1995. – P. 39–52.
10. Panchenko A. M. Russkaya kultura v kanun petrovskih reform. URL: http://lib.rus.ec/b/262358/read (data obrascheniya: 2.04.2014).
11. Romodanovskaya E. Syuzhetnyiy kompleks «pereodevanie» i motiv poteri odezhdyi v povesti o gordom tsare // Kritika i semiotika. – 2010. – Vyip. 14. – P. 29–35.
12. Saintyves P. Les contes de Perrault et les recits paralleles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). – Paris : E. Nourry, 1923.
13. Skott V. Ayvengo / per. s angl. E. Beketovoy. – Harkov : Folio, 2012.
14. Sorel Sh. Pravdivoe komicheskoe zhizneopisanie Fransiona / per. s fr. G. Yarho. – M. : Pravda, 1990.
15. Srednevekovyie latinskie novellyi HIII v. Sbornik tekstov. – Leningrad : Nauka, 1980.
16. Uspenskiy B. A. Tsar i samozvanets: samozvanchestvo v Rossii kak kulturno-istoricheskiy fenomen // Uspenskiy B. A. Izbrannyie trudyi. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kulturyi. – M., 1994. – P. 75–109.

© Николова А. А., 2014

UDC 894.322

ABOUT STUDYING HISTORY OF THE KUKAN ENVIRONMENT

R. Khabokhunova, senior teacher
Andijan State University, Andijan, Uzbekistan

Summary. In this article on the scientific and theoretical basis of the study of literary history illuminated environment Kokand and its stages.

Keywords: literary milieu conditions; periodization; literary sources.

In what condition does the permanent literary environment develop? On which factors does its realization depend? Analising investigating stages and peculiarities of this literary environment brings to what kinds of scientific-theoretical conclusions? These issues and such kind of issues haven't been particularly studied in the literature science, excepting some notes. Investigating this issue on the example of Kokand literary environment can bring to important scientific conclusions. We would like this article to be remarked as one attempt on this way.

As for us investigating stages of the Kokand literary environment may be given in the following periodicity: forming period (anthology (tezkire), collection and history books created at the end of XVIII century); early development period (the end of XIX and beginning of XX centuries); vulgar sociological approaches period (1930–1960 years); widening period of the investigation ranges (1960–1991 years); returning to the real content period (Independence years).

While putting investigation levels of the literary environment in the periodical order, leading features of the researches belonging to the certain period are also taken into consideration. This case, actually, doesn't reject that there were some scientific works with specific characters.

Forming period. Somehow, the following period is also remarked as the implement of the literary environment. In this respect, anthology «Majmuai shoiron» can be regarded as the first investigation belonging to this literary environment. From the tazkira (anthology), created in 1821, can be taken magnificent rare information about peculiarities of Kokand literary environment, about lives and works of many poets like Ado, Nola, Mayus, Khotif Khujandiy, Khijlat, Ramziy, Afsus, Mushrif, Koshif, Fazliy, Behjat, Gulkhaniy, Mahzuna, Akmal, Ghoziy, Hoziq and others. «Majmuai shoiron» anthology, – writes academic A. P. Kayumov, – however, mainly consists of odes (kaside) and payrav gazels collection, it is considered as one of the most significant sources to study Kokand literary environment in the first half of XIX century. Because, through this novel we can obtain the general list of the poets who lived in that period and get some suitable information about their lives and creative works [9, p. 9]. Indeed, in anthology(tazkira) besides giving some samples of the poets' creative works, Fazliy gives his grades to their abilities too. We should mention that such kind of notes have certain significance to study literary-aesthetic thought level of that period.

Moreover, in the novel «Tuhfat ul-ahbob fi tazkirat-il-ashob» by Kori Rahmatulloh Bukhoriy, in the tazkiras as «Tazkirat ush-shuaroi Hikmat», «Tavorikhi manzuma» there are also some observations, deserving the great attention, about leading representatives of Kukan literary period, their creative heritage in Turkiy and farsiy languages, about literary environment formed in the Khans' palace.

One of the next important sources which gives information about the

representatives of the following literary environment is the novel by Mirzo Olim Mushrif titled «Ansob us-salotin and tavorikhi khavoqin». Even though the historical topic is revealed in the novel, there are also given some valuable information about the biographies and creative activities of the Kukan poets [10].

The novel titled «Muntakhab ut-tavorikh» by Hakimkhon Tura is notable for giving polished information about literary environment formed in Kukan. In the following historical source the evaluation given to Hoziq, Ado, Nodira and other poets' works speaks about the author's wide literary-aesthetic oulook.

Mulla Olim Mahmud's «History of Turkistan», Ishoqkhon Ibrat's «History of Fergana» novels are also significant with their peculiar attitudes expressed about Kukan Poets' works. Including, in the novel «History of Turkistan» there are given some ideas about prosperity of Kokand literary period in Amir Umarkhon's time, then, some information is included about the beginning of its deterioration period too. In the novel «History of Fergana» there are given some examples about specific type of mushoara, the creation of one gazel as a result of literary collaboration of several poets, belonging to that environment.

The given information shows that Kokand literary environment has been investigated since the early forming period.

We called the second period as the beginning of the development. Because, at first, not only the number of investigations increased, but also its specific volume rose. Besides, from the end of the XIX century since seize of Kukan Khanate by Russia, Russian orientalists also began to express their peculiar interest to the existing literary environment there. The article by N. F. Petrovskiy titled «History of Kokand khanate (in Russian)» [11] is one of the early investigations. In the article the question goes about Kokand literary life and folklore. In the novels like «Brief history of Kokand khanate» written by V. Nalivkin published in Kazan, «Information about Kokand khanate (in Russian)» by Velyaminov-Zernov there are given particular attention to the history of this territory, as well as, to the existed literary environment there.

Besides, local scientists, scholars also carried some investigations deserved great attention. The novels «Tarikhi jadidai Toshkand (History of Tashkent jadidism)», «History of Kukan khanate(in Russian)» by R. Nabiyev, A. Fitrat's investigations, published majmuas(collections), bayozs(anthology) are the proof to the rise of investigations 'number in that period and its reaching developing level.

But in these investigations as the period's will, you may come across with defects as reflecting in the form of ideology, one sided propagations and others.

Vulgar sociological approaches period is noted with appearing non-scientific approach in studying the novels of representatives of Kukan literary environment, moreover, in studying general Uzbek literature. The novel titled «Common approach to the history of Central Asia and Uzbek literature» by Miyon Buzruk Solihov can be given as an example. The author called the forming period of Kokand literary environment as «Literature of Golden cradle period. According to him, «Golden cradle» literature is a literature which is separated from general literature, works only for the delight, fun of higher section of people».

In this period the literature formed in Amir Umarkhan's palace, who was Kukan's khan, was imprinted as feudal clerical literature, palace literature. The works were appraised not as literary aesthetic event, but they were appraised from class-ideological point of view. Naturally, this standing was contradictory to the real nature of the literature; it was the result of vulgar sociological approach with its content.

It is clear that such kind of «investigations» were the most negative influential

factors to the development of the literature. At the beginning of XX century with the influence of articles based on the very vulgar sociological approach many writers, creative scholars' being victims of colony policy, being included to execution maelstrom can assert the above given idea.

Widening period of the investigation ranges. In the very period studying Kokand literary environment acquired real wide significance. The investigations about its representatives, peculiarities, literary environment began to be created and in the near and in the far abroad [2–3, 12, 17].

In the great research of the American scientist Edward Allwort titled «Uzbek literary politics» published in 1964 in collaboration of London and Paris publishing houses, there is given some information about the development of Kukan literary environment in Amir Umarkhan's time, it is said that at the second half of XIX century – at the beginning of XX century it continued to develop in a new range. In the novel the author gave great place to the analyses of the literary heritage of this period representatives'. Kokand literary environment' taking special place in the development of the Uzbek literature is also mentioned by the author in this novel.

Ahmad Zaki Validiy Tugon, in his novel «Bugunku Turkili: Turkistan ve yakin tarihi», writes about the existing environment of the poets existed at the beginning of XIX century in Kukan in Amir Umarkhan's time and in Khiva in Muhammad Rahimkhan's time as it existed in Alisher Navai's time. He gives information about its peculiar creative traditions. He maintains that this literary life existed in Fergana even in Russia dominion period: «Mavlono Muhyi, Mukimiy, Zavkiy and Zokirdjon Furkat from Margulan created such a literary environment in Kukan in 1890 year» [17, p. 501].

Special chapter of the investigation «Harezm, kipcak ve cagatay turkcesi uzerine arastirmalar» («Khorezm, kipchak and chigatoy, investigations about turk») belonging to the Magyar turkolog scientist Yanosh Ecman is titled as «Last period of Chigatoy literature(1800–1920)». The scientist who contemplated correctly to the peculiarities of the literature of the following period gave such a description to Kokand literary environment: «At that time there was the group of poets with modern thoughts and understandings. Furkat also joined them and made a close friend with Mukimiy, one of the group members» [1, p. 7–8; 13–16].

In the investigation titled «Principles of Turk philology» printed in Visbaden city of Germany in 1965 year the brief biography of Kukan literary environment representatives', genre features of their works and topic volume were checked. Some samples are given from gazels by Amiriy, Nodira, Uvaysiy, Furkat, Mukimiy, Zavkiy.

Besides, even if the influence of the empire communistic ideology was felt, in this period a lot of dissertation researches, monographies, brochures were created in our country on the topic Kokand literary environment. The majority of the following researches were created on the base of scientific academism demands. It shows that it is specific not only with its widened territory, but also with its widened topic volume in a great degree. The novels of Kokand literary environment representatives, whose works were always underestimated by learned people, were also investigated, mostly, global scientific problems were about to reach the solution.

Period of returning to the real point (Independence years) It is clear that independence guaranteed the word freedom. As a result, the scientific truth, which was not allowed to open before, was revealed in literature science of the independence period. Literary creation, as well as literature science, became absolutely free from ideology pressure. This case, by the way, has a great positive effect on investigations concerning to Kukan literary environment. A. Kayumov's monography

titled «Kukan literary environment», reprinted and completed edition [9, p. 5–6], a lot of investigations done about the creative works of Amiriy, Nodira, Uvaysiy, Furkat, Muhyi, Muhayyir, Haziniy and creative works of many other representatives belonging to this period can prove our idea.

Coming out of the scientific research investigation methods and techniques, as for us, it can be scientifically classified as the following:

1. Investigations aimed to deliver the novels of Kukan literary environment representatives to the wide people's public and to help the readers to master them using popular methods.

2. Scientific works aimed to study the original meaning of the writers' novels.

To the first type of the investigations academic Aziz Kayumov's scientific works can be given as an example. The scientist kept faithful to this method in his monography «Kokand literary environment», and in his articles about the heritage of poets as Vola, Majzub, Shavqiy, Mirzo Olim Mushrif, Qori Qunduzi Komiy, Andalib, Mutrib, and in his scientific research about the folklore of this area.

The above mentioned scientific works are aimed to deliver the creative works to the large audience of the readers widely through giving the Persian poesy in translation, commenting the classical poems. But this method doesn't resist even a bit following the demands of academism in the novels of the scientist. We should mention that the essential factor which provided the success of the investigations is the achievement in peculiar harmony between nationality and academism.

To the second type of scientific works the investigations of the professors as Sharif Yusupov and Nurboy Jabborov can be given as an example. According to the professor Sh. Yusupov, «Furkat's real ideas, in many cases, are expressed in the original meanings of his novels. Its reason, as professor Sh. Yusupov mentioned», «All of these novels without any exceptions are written on purpose to be published in the newspaper which is under the strict daily control of okhranka (secret political police in tsarist Russia) and tsarist censorship, Turkistan general-gubernator authorities». As for the professor: «But, despite the fact, Furkat managed to pack all the risky ideas, which were very dangerous to say at that period condition, in the inner meaning of the novels and in their real stream» [15, p. 336].

The scientist proved his conclusion through a lot of examples' analyses taken from the poet's several novels. In its turn, this point of view surely gave a chance to go over again the one-sided conclusions in studying Furkat's works.

Professor N. Jabborov, in his doctorate dissertationon on the topic Furkat's life and creation abroad, enriched and developed Sh. Yusupov's above mentioned views with new facts, innovative scientific-theoretical conclusions. As the scientist writes: «In his novels created abroad Furkat expressed his main ideas under the meaning of misras(the hemistich). Analyses of the novels as «About Russian-Japan battle», «Masarratnoma», «Qasida(Ode)» shows that this principle rose to the degree of Furkat's peculiar creative style. Comparing the initial source of this novel with its nowadays text shows its being published after having been reduced with the requirements of the communistic ideology using «ideological cleaning». Reassessing them relying on their original text version brings to real conclusion as these novels originally serve for our national benefits and interests» [4, p. 46].

On the bases of Kokand literary environment representatives' novels investigation determining peculiarities of interpretations about writer's literary dream expression, truth expressed on the concrete symbols and samples, while making scientific conclusions relying on the first sources, producing great theoretical generalization out of little facts' analyses – these

are very important features which generalize the investigations of Sh. Yusupov and N. Jabborov.

All and all, analyses of Kokand literary environment's studying stages, firstly, shows nevertheless, what period it was, investigations regularly continued, their scientific degree increased constantly. Secondly, to study them dividing into periods gives opportunity of making concrete generalizations on the issues like impact of social events and artistic literature to each other, moreover, specific and peculiar rules in the sphere of literature science. Thirdly, the analysis of the investigation of this direction is significant with its assist to enrich existing imaginations about literary-aesthetic thought gradualness. Fourthly, studying investigation methods which are peculiar to every period, studying their progressive stages takes an important place in the next development of the literature science.

Bibliography

1. Abdugafurov A. Zokirjon Furkat. – T. : Fan (science), 1977.
2. Allworth Edward. Uzbek literary politics. – London-Paris, 1964.
3. Furkat selection novels. Kashkar-uygur publishing house, 1989.
4. Jabborov N. Furkats life abroad and his creative heritage: sources, textual search, poetics PhD. ...dissertation. – T., 2004. – 46 p.
5. Janos Eckmann. Harezm, kipcak ve cagatay turkcesi uzerine arastirmalar. – Ankara, 1986.
6. Janos Eckmann. Harezm, kipcak ve cagatay turkcesi uzerine arastirmalar. – Ankara, 1996. – P. 232.
7. Kayumov A. Kokand literary environment (XVIII–XIX centuries). – T. : Uzfanakadnashr, 1961.
8. Kayumov A. Poet Furkat (Essay) // Shark yulduzi (Star of the east). – 1986. – P. 4–5.
9. Kayumov A. P. Kokand literary environment. – Novels. 7-volume, 1-book. – Tashkent : Mumtoz suz (Classic word), 2010.
10. Mirza Alim Mirza Rahim Toshkandi. Ansab as-saloti and tavorikh al-khavakin (Geneology of sultans and history of hakans). – Tashkent, 2007.
11. Petrovskiy N. F. History of Kukan khanate // Vestnik Evropi (Herald of Europe). – 1875. – № 10.
12. Philologiae turcicae fundamenta. Wisbaden, Tomum secundum, 1965.
13. Rasul Kh. Furkat-enlightener, democratic poet. – T. : Birlashgan nashriyot(the united published house), 1954.
14. Vohidov H. P. Furkat – enlightener poet. – T. : Artistic literature, 1959.
15. Yusupov Sh. Furkat and a new stage of Uzbek enlightmental literature (Фурқат ва ўзбек маърифатпарварлик адабиётининг янги босқичи). PhD. dissertation. – T., 1990.
16. Yusupov Sh. On Furkat's ways. – T. : Adabiyot va sanat, 1984.
17. Zeki A. Velidi Togan. – Bugunku Turkili : Turkistan ve yakin tarihi. Istanbul, 1981. (For some reason the scientist called Furkat margilonlik (fromMargilan)).

© Khabokhunova R., 2014

УДК 7.091 : 808.55

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ЖУРНАЛАХ УЗБЕКИСТАНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

М. А. Хамидова, доктор искусствоведения, профессор;
К. К. Сагдуллаев, докторант-соискатель

Государственный институт искусств и культуры Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

COVERAGE OF STAGE SPEECH ISSUES IN MAGAZINES OF UZBEKISTAN (THE HISTORICAL ASPECT AND CONTEMPORARY)

M. A. Xamidova, doctor of arts, professor;
K. K. Sagdullaev, doctoral applicant

The State Institute of Arts and Culture of Uzbekistan , Tashkent, Uzbekistan

Summary. This article is devoted to the problem of stage speech in practice of Uzbekistan's theatres in terms of coverage of this issue in the pages of local magazines.

Keywords: stage speech; stage word; oratorical skills; literary language; eloquence; public speech; journal publications; theater culture; language culture.

Сценическая речь как важнейший компонент театрального искусства в целом и актёрского мастерства в частности не была предметом специального изучения в той степени, как она того заслуживала. Искусствоведы больше писали об истории и репертуаре театров, о режиссёрском и исполнительском мастерстве, художественном и музыкальном оформлении, творчестве актёров (что является не менее важной исследовательской задачей), давали анализ конкретных спектаклей, а терминологический и сущностный анализ понятия «сценическая речь» предоставляли филологам, педагогам и практикам.

Ближе подойти к поднятой теме поможет «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, опубликованный в 1863–1866 гг. в Москве и Санкт-Петербурге. Там написано, что речь – это «слово, изреченье, произношение (устно или письменно) смысла говоримого; ... предложение, связные слова, способ выражения, разговор, беседа, проповедь, обращение к слушателям; ...наставление, поучение, рассуждение, объяснение чего и по случаю; чистое, плавное, ясное, внятное изложение собственной позиции, своего отношения к чему-либо или кому-либо».

Отсюда речь есть то, без чего не может быть театра, основанного на литературном источнике, письменной (или устной драматургии) с её живой текстовой основой, монологами, диалогами, комментариями, выражающими идейно-содержательный, эмоционально-психологический контекст произведения; без чего сцена лишается импровизации, размышлений о сострадании, чувстве долга, о мнимых и истинных ценностях, устанавливающих непосредственную личностную, духовную связь с публикой, чем отличается и человеческая природа, и природа театрального искусства.

Увлекательная, убедительная, яркая, эмоционально насыщенная, она (речь) превращается в красноречие – редчайший дар, чем отличались крупные публичные фигуры, обладающие лидерскими качествами, талантом влияния на чувства и сознание масс, на формирование мировоззренческих ценностей, целостной картины мира отдельного человека.

Публичная речь имеет много общего с речью сценической, с той разницей, что первая, побуждаемая конкретной целью, намерением, чаще всего возникает рефлексивно, из конкретной ситуации, и требует досконального владения предметом, литературным словом, риторикой, объёмным, богатым тембровыми красками голосом, актёрским и ораторским мастерством, отшлифованным до блеска. Тогда как вторая вырастает из готового (авторского) материала в исполнительской интерпретации актёра, привязанного к чужому тексту, к чужим словам и мыслям, которые он должен сделать своими, вжившись в них, что тоже не обходится без природного и личностного начала, без специальной профессиональной подготовки, без школы драматического искусства.

Значит, сценическая речь – это речь персонажа того или иного спектакля, имеющая внутреннюю связность, логику развития, свои цели, задачи, обусловленные идейно-художественным замыслом произведения. На театральной сцене (как и на трибуне, кафедре, открытой или закрытой площадке) она имеет своего адресата, свою публику, которую предстоит увлечь, удивить, восхитить и завоевать или, напротив, вызвать раздражение, негодование – в зависимости от содержания и формы сказанного.

Чем яснее, доходчивее и выразительнее слово на сцене, тем оно внушительнее и значительнее. А это зависит от комплекса актёрско-драматических навыков, широких познаний в области литературы, языка в разнообразных лексических, стилистических, грамматических, фонетических аспектах.

Сценическая речь в Узбекистане имеет свою историю и свои традиции, связанные как с местными (автохтонными), так и с (привнесёнными) субэтническими и субкультурными процессами, которым присущи коммуникативные и языковые (персидский, греческий, арабский, тюркско-монгольский языки) особенности, получившие распространение на данной территории в разные исторические периоды.

Литературный узбекский язык, обретший на фоне сложнейших перипетий, благодаря творчеству великого поэта и государственного деятеля Алишера Навои, самостоятельное значение, получил признание первоначально в литературной, но не в театральной среде, где продолжали господствовать разнообразные этноязыковые формы и их сочетания. И, если основанный на изустной передаче текста старинный театр масхарабозов и кызыкчи допускал такого рода проявления, то возникший в Узбекистане в начале XX века театр европейского образца в корне изменил отношение к словесно-текстовой составляющей, ставя перед актёрами задачи соблюдения правил узбекского литературного языка.

Правда, не сразу удалось освободиться от отголосков архаизма, а также от арабизмов, персизмов, тюркизмов, которые наблюдались в первые десятилетия XX века в пьесах местных авторов и в сценической речи, не свободной от диалектов, искажённого произношения различного рода звукосочетаний.

На эту проблему в своё время обратили внимание опытные литераторы и критики (Бехбуди, Хамза, Чулпон, Фитрат, Гулям Зафари, Сатти Хусайни, Абдулла Кадыри, Зиё Саид), а также первые режиссёры узбекского театра – Маннон Уйгур, Фатхулла Умаров, Ятим Бабаджанов, Музаффар Мухаммедов, Зухур Кабулов, поставив вопрос о чистоте и художественности слова, которое является главным носителем и выразителем идейно-смыслового и образного начал в спектакле [32].

Время настаивало на обновлении изживших себя театральных канонов, на верности лучшим литературным традициям, признании важности литературного языка на сцене, необходимости развития театральной культуры по

опыту прогрессивного русского, татарского, азербайджанского театров. В материалах, касающихся конкретно сценической речи, не только критикуется существующая практика, но и предлагаются пути преодоления речевых недостатков, идущих от локальных фонетик, а также решения этого вопроса в целом [там же].

Однако после бурных в истории театральной критики двадцатых и тридцатых годов XX века столь яростно обсуждаемая в недавнем прошлом проблема теряет свою актуальность, уступив позиции напору идейности, классовости в искусстве, что было вполне характерным явлением для печати последующих десятилетий тоже.

Анализируя спектакль, редко кто подробно останавливался специально на речевой культуре, ограничиваясь лишь двумя-тремя фразами по данному поводу. В отдельных случаях бранился диалектизм областных и столичных театров, грубый говор, лишённый какой-либо привлекательности. Эта же тенденция доминировала и в 60–80-е годы минувшего столетия.

В начале 90-х годов XX века, в связи с укреплением статуса узбекского языка как государственного, в театрах Узбекистана вновь поднимается вопрос культуры речи. И в отличие от газет, журнальная печать активно реагирует на эту проблему лишь к концу 1990 – началу 2000 гг.

В числе публикаций тех лет, заслуживающих внимания с данной точки зрения, «Сўз санъатининг заргари» («Ювелир искусства слова») И. Пулатова, увидевшая свет в 1997 году в третьем номере журнала «Гулистон». Примечательная заинтересованным рассказом о том, какое значение придавал Маннон Уйгур литературному языку и живой речи актёров в сложные годы профессионального становления и самоидентификации узбекского театра, она приоткрывает страницы творческой лаборатории мастера-актёра, режиссёра, драматурга, который неустанно боролся за чистоту и выразительность слова, несущего, по его мнению, основное смысловое начало произведения.

Уйгур считал, что на сцене всё зависит от культуры высказывания, которое является не только показателем уровня драматургического таланта литератора, но и главным средством выражения, от чего отталкиваются и мизансцены и актёрская игра. Начинающим артистам он советовал больше читать стихотворные произведения, которые воспитывают память, слух, воображение, поэтическое мироощущение, не говоря о том, что доставляют эстетическое наслаждение [17].

Эту же тему развивает Л. Ходжаева в своих статьях «Саҳна нутқи қай аҳволда?» («О состоянии сценической речи») [29], а также «Саҳна санъатининг сардори эди» («Маэстро сценического искусства») [30], где она останавливается на проблеме логического анализа текста, интонирования в переводных произведениях, приводя в пример опыт Маннона Уйгура и его соратников, прошедших в 1924–1927 годы в Московской театральной студии при Узбекском доме просвещения режиссёрскую и актёрскую подготовку.

Ятим Бабаджанов, как пишет автор, пользуясь в подобных случаях орфоэпической таблицей, давал каждому персонажу речевую характеристику, учил правильно произносить имена, фамилии героев, непереводимые словосочетания, исключая диалекты, преодолевая техническую неумелость лиц, не соприкасавшихся ранее с иноязычной (русской, английской, немецкой, французской, испанской и другой) литературой в переводе на местный язык.

Л. Ходжаева не только даёт ценную информацию о подвижнических проявлениях упорства, трудолюбия и требовательности целого поколения представителей узбекского театра в отношении артикуляции, интонационно-ритмического и тембрового соответствия переводного материала оригиналу, но и ана-

лизирует состояние речевой культуры, которая требовала разрешения в связи с переводной драматургией, на которой рос узбекский театр.

Авторы ряда последующих публикаций подчёркивают актуальность поднятой проблемы, не потерявшей, как показывает практика, своего значения и по сей день; говорят о важности верного произношения отдельных букв в словах, меняющих при их искажении смысл сказанного.

Наиболее продуктивным в плане освещения вопросов сценической речи в Узбекистане стал 2000 год, когда один за другим на страницах местной журнальной печати появляются материалы А. Насыровой «Сўз санъати ва масъулият» («Искусство слова и ответственность») [11]; Г. Холикуловой «Нутқ – саҳна кўрки» («Речь – выразительное начало сцены») [22]; А. Орифовой «Ўтмиш воизлик санъати» («Ораторское искусство прошлого») [16] и другие.

А. Насырова акцентирует внимание на культуре слова, на том, что в статьях и рецензиях на театральную тему мало места уделяется сценической речи, которая требует комплексного подхода и анализа с точки зрения выразительной, содержательной, эмоциональной, стилистической составляющей. Г. Холикулова подвергает критике подражание как неспособность к самореализации в поиске яркости, рельефности, индивидуальности высказывания, чем обычно и интересен, привлекателен образ.

О разнообразных аспектах искусства речи, обладающей огромной силой воздействия, материалы Б. Бобоназаровой «Устозни эслаб...» («Вспоминая учителя»), где автор вспоминает наставления по этому поводу профессора А. Сайфиддинова [3]; Г. Холикуловой: «Саҳнани актёр безайди» («Сцену украшает актер») [24]; «Актёрлар нутқида Навоий шеърияти» («Поэзия Навои в актёрской речи») [21], «Саҳна нутқи ва жонли тил» («Сценическая речь и живой язык») [25]; Л. Ходжаевой, И. Жуманова «Сўз қудрати» («Сила слова») [31].

Об элементах турецкого языка в первых драматических пьесах узбекских авторов пишет Ф. Бобожонов в статье «Дастлабки ўзбек драмаларида Усмонли турк тили унсурлари» («Элементы османского турецкого языка в первых узбекских драмах»), появившейся в 2002 году в шестом номере журнала «Ўзбек тили ва адабиёти» [2].

Публикации М. Исроилова, в числе которых «Бир монолог ижроси хусусида» («Об исполнении одного монолога») [6], «Олим Хўжаев – сўз устаси» («Мастер слова – Алим Ходжаев») [7], «Раззоқ Ҳамроев Муқимий сиймосида» («Раззак Хамраев в образе Мукими») [8], посвящены творчеству выдающихся мастеров национальной сцены. Каждый актёр здесь рассматривается в связи с конкретной ролью с её речевыми особенностями и анализом специфических вопросов, связанных с паузами, акцентами.

С. Иномходжаев («Тил ва талаффуз муаммолари» – «Проблемы языка и произношения») утверждает, что понятие «сценическая речь» не обеспечивает всей полноты выражаемых чувств и мыслей, что не случайно и Маннон Уйгур, и другие театральные деятели пользовались в обиходе терминами «сценическое слово», «культура слова», «культура речи» [4]. Для автора же данной статьи наиболее предпочтительна «фасохатли нутк» – «выразительная речь» (в совокупности – живая, красочная, образная).

С. Саидалиев и У. Нуралиев высказали свои соображения относительно положения дел в сфере языковой культуры на сцене, радио и телеэкране. С. Саидалиев (с названием «Театр»га хат келди» – «В «Театр» пришло письмо») для улучшения качества речи предлагает записывать художественные произведения с участием актёров, дикторов на аудио и видеокассеты; открыть на радио и телевидении специальные курсы [18].

Следует заметить, что первое предложение нашло практическую реализацию. В фонде Национальной библиотеки Узбекистана появились соответствующие записи. А в телеканале «Маданият ва маърифат» («Культура и просвещение») функционирует отдельный проект, в рамках которого молодые актёры читают прозу. Чтение стихотворных сочинений с созданием к ним роликов стало регулярным занятием на телевидении, направленным на развитие необходимых навыков, в том числе касающихся стилистики стихотворного размера «аруз».

Народный артист Узбекистана У. Нуралиев решение вопроса видит в обращении к национальной классике и переводной драматургии, представляющих собой прекрасные образцы литературного стиля, навыков изложения материала, а также призывает дикторов и телеведущих не увлекаться скороговорной речью, а думать над выразительностью и нормами литературного языка [9].

Статьи «Нутқ устида муттасил ишлаш – ютуқлар мезони» («Постоянная работа над речью – гарантия успеха») [23], «Саҳнада тарихий муҳит тасвири» («Сценическое воплощение исторической среды») [26] Г. Холи-куловой посвящены анализу речи актёров с точки зрения соответствия жанру произведения, поэтике стихотворного текста, характеру персонажей, темпоритму действия и т. д.

Б. Холмирзаев («Миллий жанр: талаб ва таклиф» – «Национальный жанр: спрос и предложение») делится впечатлениями относительно специфики актёрской игры в жанре узбекской музыкальной драмы [28], сочетающей драматическое, вокальное и танцевальное мастерство. Это означает, что артисту надлежит органично переходить от слова к арии, от арии к хореографии, от хореографии к диалогам, в комплексе развивающим драматическое действие.

Очевидно при этом, что после речи певческий голос «садится», а после хореографии становится жёстким и прерывистым дыхание. По окончании арии, которая выше по «звуковысотным показателям» грудного регистра, трудно без потерь вернуться к словам, и наоборот. Отсюда – нужны специальные навыки, нужна школа, обеспечивающая технику чередования форм деятельности.

У. Нурмухамедова в статье «Саҳна нутқи муаммолари» («Проблемы сценической речи») не только изучает творчество выдающихся актёров, представляющих собой высокие образцы речевой культуры, но и говорит о необходимости проведения семинарских занятий по сценической речи, привлечения к работе в местных труппах специалистов в этой области [14].

Вызывают интерес материалы, связанные с ораторским мастерством в историческом ракурсе, с темой «молчания» в драматургии, чем примечательна статья Б. Исмагуловой «Молчание в драме: коммуникативная нагрузка и функции» [5].

В числе журнальных публикаций, увидевших свет в 2008–2012 гг., заслуживают внимания материалы М. Ходжиматовой «Сўз санъати масъулияти» («Ответственность искусства слова») [20]; Г. Холикуловой «Ҳусни таълил санъати қудрати» («Воздействующая сила искусства»), где автор, опираясь на труды А. Хожиахмедова, мотивирует значение слова как мощного фактора воздействия на слушателя [27].

О синхронности перевода в дубляже, о работе над инсценировками, о том, что эмоция тесно связана с текстом, с заложенной в нём логической и целевой содержательностью рассуждает в беседе с актёром Афзалом Рафиковым У. Нурмухамедова [13]. Известная своими предыдущими печатными выступлениями на эту тему, она обращается к опыту традиционного театра, где (по словам театроведа М. Рахманова) наряду с музыкой, мимикой, движением, танцами, акцентировалось внимание на речи актёров [15].

О портрете актрисы и педагога Назиры Алиевой в связи с многогранным

раскрытием на сцене сущности роли, внутреннего мира персонажей, национального характера с его речевым своеобразием и другими выразительными компонентами пишет А. Насырова в статье «Санъат унинг ҳаёти эди» («Искусство – это её жизнь»), отдавая должное творческим, профессиональным и методическим усилиям своей героини в области театральной культуры [10].

М. Исроилов продолжает серию работ об известных актёрах узбекского театра материалом о Махмуджоне Гафурове. Исполнитель заглавных партий в музыкально-драматических спектаклях, таких как «Фархад и Ширин», «Равшан и Зулхумор», в роли Тахира из музыкальной драмы «Тахир и Зухра» С. Абдуллы и Т. Джалилова привлёк поистине образцовым по ёмкости и мелодичности словом [9].

А. Туляганов обращает внимание на единство в речевой культуре формы и содержания, на гармонию внутреннего и внешнего в актёрском существовании [19]. О методике работы над техникой речи, о невероятных по самоотверженности и результативности уроках Л. Ходжаевой с использованием приёмов йоги, ушу, вспоминает У. Ахмедова, отдавая дань уважения мастеру своего дела, учителю с большой буквы, теоретику и практику актёрского искусства [1].

Мотивируя актуальность и способы практического осуществления связанных с речевым компонентом задач, авторы публикаций опираются не только на личные наблюдения, но и опыт К. С. Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, М. Уйгура, Я. Бабаджанова и других крупных деятелей театра, осмысливая проблему в динамике, в контексте трансформаций, пережитых актёрским искусством в процессе эволюции.

Главное внимание авторов публикаций занимают:

а) артикуляционные неточности, диалектизм, говор (шевачилик), подражания, несовпадения в переводах;

б) специфика стихотворной речи в размере аруз, темпоритм, речевая характеристика персонажей, логика текстовой партитуры, интонирование переводного материала, анализ языковой среды;

в) актёрское искусство, связанное с интерпретацией образов исторических фигур, драматургия и режиссура пьесы в аспекте словесной образности;

г) целостность спектакля в плане речевой организации, творчество выдающихся актёров узбекского театра – мастеров сценического слова.

Наиболее перспективными и требующими дальнейшего осмысления являются попытки:

а) изучения речевой культуры не только в практическом, историческом, но и теоретическом ракурсах, что сигнализирует о положительных сдвигах в этой области исследования;

б) рассмотрения вопроса не только в частностях, а в контексте театрального искусства, что имеет прямое отношение к существующей языковой реальности в художественной культуре и СМИ в целом.

Остались открытыми такие актуальные теоретические и практические вопросы, как:

а) синтез слова, действия, пластики, музыки в музыкальных, кукольных спектаклях, инсценировках на основе литературной прозы;

б) форма и содержание спектакля с акцентом на речь; жанрово-стилевые характеристики, пластичность, естественность, интеллектуальная и эмоциональная насыщенность словесно-звукового образа, в том числе созданного речитативным приёмом.

Что касается количества публикаций, то наибольшее их число, вероятно, в силу специфичности тематик, приходится на журнал «Театр», тогда как вопросы драмы, драматургии, анализа текстовой основы литературных сочинений нашли место в журналах «Ўзбек тили ва адабиёти», «Илм сарчашмалари»,

«Тил ва адабиёт таълими» и в наименьшей степени – «Мулокот», «Гулистон».

Литературный язык, культура живой речи не только на сцене, но и на радио, телеэкране – требование времени, продиктованное социально-образовательными и социально-культурными условиями жизни современного общества. Знание же в данной связи родного языка, а также овладение иностранными языками – важнейшие составляющие современного человека, обеспечивающие ему свободное функционирование в лоне национальной и мировой культуры.

Библиографический список

1. Аҳмедова У. Инсоннинг изи // Театр. – 2012. – № 2. – С. 24.
2. Бобожонов Ф. Дастлабки ўзбек драмаларида Усмонли турк тили унсурлари // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2002. – № 6. – С. 57–59.
3. Бобоназарова Б. Устозни эслаб... // Театр. – 2002. – № 1. – С. 23.
4. Иномхўжаев С. Тил ва талаффуз муаммолари // Театр. – 2003. – № 2. – С. 18–19.
5. Исмагулова Б. Молчание в драме: коммуникативная нагрузка и функции // Илм сарчашмалари. – 2006. – № 2. – С. 63–66.
6. Исроилов М. Бир монолог ижроси хусусида // Театр. – 2003. – № 5. – С. 28–30.
7. Исроилов М. Олим Хўжаев – сўз устаси // Театр. – 2004. – № 2. – С. 14–15.
8. Исроилов М. Раззоқ Ҳамроев Муқимий сиймосида // Театр. – 2003. – № 6. – С. 32–33.
9. Исроилов М. Эй қуёш, кўрсат юзинг! // Театр. – 2011. – № 5. – С. 19–21.
10. Носирова А. Санъат унинг ҳаёти эди // Театр. – 2011. – № 2. – С. 8–9.
11. Носирова А. Сўз санъати ва масъулият // Театр. – 2000. – № 3. – С. 22–23.
12. Нуралиев Ў. Бўстон бирга яратилса // Театр. – 2003. – № 5. – С. 32–33.
13. Нурмуҳамедова Ў. Саҳна нутқи // Театр. – 2010. – № 5. – С. 38–39.
14. Нурмуҳамедова Ў. Саҳна нутқи муаммолари // Театр. – 2006. – № 2. – С. 12–13.
15. Нурмуҳамедова Ў. Саҳна нутқи муаммолари // Театр. – 2012. – № 4. – С. 23.
16. Орифова А. Ўтмиш воизлик санъати // Тил ва адабиёт таълими. – 2000. – № 2. – С. 77–83.
17. Пўлатов И. Сўз санъатининг заргари // Гулистон. – 1997. – № 3. – С. 23–24.
18. Саидалиев С. «Театр» га хат келди // Театр. – 2003. – № 4. – С. 15.
19. Тўлаганов А. Нутқ маданиятида сўзнинг ўрни // Театр. – 2012. – № 1. – С. 33–34.
20. Хожиматова М. Сўз санъати масъулияти // Театр. – 2009. – № 3. – С. 41.
21. Холиқулова Г. Актёрлар нутқида Навоий шеърияти // Театр. – 2002. – № 5. – С. 10–11.
22. Холиқулова Г. Нутқ – саҳна кўрки // Театр. – 2000. – № 4. – С. 22.
23. Холиқулова Г. Нутқ устида муттасил ишлаш – ютуқлар мезони // Театр. – 2004. – № 2. – С. 22–23.
24. Холиқулова Г. Саҳнани актёр безайди // Театр. – 2001. – № 5. – С. 22–23.
25. Холиқулова Г. Саҳна нутқи ва жонли тил // Мулоқот. – 2002. – № 1. – С. 35.
26. Холиқулова Г. Саҳнада тарихий муҳит тасвири // Театр. – 2003. – № 2. – С. 20–21.
27. Холиқулова Г. Ҳусни таълил санъати қудрати // Театр. – 2009. – № 6. – С. 14–15.
28. Холмирзаев Б. Миллий жанр: талаб ва таклиф // Театр. – 2005. – № 4. – С. 22-23.
29. Хўжаева Л. Саҳна нутқи қай аҳволда? // Театр. – 1999. – № 7–8. – С. 21–23.
30. Хўжаева Л Саҳна санъатининг сардори эди // Театр. – 2000. – № 6. – С. 23.
31. Хўжаева Л., Жуманов И. Сўз қудрати // Театр. – 2003. – № 6. – С. 12–13.
32. Фитрат. Ғулом Зафарий // Иштирокиюн. – 1920. – 29 сентября.
33. Чўлпон. Ҳалима // Янги Фарғона. – 1928. – 22 октября.
34. Чўлпон. Ҳалима // Қизил байроқ. – 1922. – 27 июня.
35. Чўлпон. Фарҳод ва Ширин // Туркистон газетаси. –1923. – 7 января.
36. Сотти Ҳусайний. Аршин мал-алан // Қизил Ўзбекистон. – 1929. – 15 февраля.
37. Сотти Ҳусайний. Аршин мал-алан // Қизил Ўзбекистон. – 1929. – 1 марта.
38. Қаландар. Ҳалима // Туркистон. – 1922. – 16 декабря.
39. Аъзам. Халқ театри // Қизил Ўзбекистон. – 1926. – 19 сентября.
40. Мажидий. Ҳалима // Зарафшон. – 1927. – 29 декабря.
41. Зарафшон. – 1926. – 25 марта; 20 апреля; 16 июня; 31 июля; 3 августа; 4 декабря; 27 декабря.
42. Зарафшон. – 1927. – 25 ноября; 8 января.
43. Қизил Ўзбекистон. – 1925. – 20 марта.
44. Қизил Ўзбекистон. – 1927. –25 марта; 28 марта; 23 апреля; 28 апреля.
45. Қизил Ўзбекистон. – 1928. – 2 февраля.
46. Қизил Ўзбекистон. – 1929. – 7 мая; 22 мая; 24 июля; 16 августа.
47. Маориф ва ўқитувчи. – 1927. – № 5.

48. Маориф ва ўқитувчи. – 1928. – № 11.
49. Фарғона. – 1926. – 13 июля.
50. Янги Фарғона. – 1928. – 29 октябрь.
51. Архив НИИ искусствознания. – М., 34. – № 218. – Т. 3. – 1956.
52. Исмаилов Э. Маннон Уйғур. – Тошкент : Адабиёт ва санъат нашриёти, 1983.

Bibliography

1. Ahmedova U. Insonning izi // Teatr. – 2012. – № 2. – P. 24.
2. Bobozhonov F. Dastlabki uzbenk dramalarida Usmonli turk tili unsurlari // Uzbek tili va adabiyoti. – 2002. – № 6. – P. 57–59.
3. Bobonazarova B. Ustozni eslab... // Teatr. – 2002. – № 1. – P. 23.
4. Inomhuzhaev S. Til va talaffuz muammolari // Teatr. – 2003. – № 2. – P. 18–19.
5. Ismagulova B. Molchanie v drame: kommunikativnaya nagruzka i funktsii // Ilm sarchashmalari. – 2006. – № 2. – P. 63–66.
6. Isroilov M. Bir monolog izhrosi hususida // Teatr. – 2003. – № 5. – P. 28–30.
7. Isroilov M. Olim Huzhaev – suz ustasi // Teatr. – 2004. – № 2. – P. 14–15.
8. Isroilov M. Razzok Hamroev Mukimiy siymosida // Teatr. – 2003. – № 6. – P. 32–33.
9. Isroilov M. «Ey kuyosh, kursat yuzing!» // Teatr. – 2011. – № 5. – P. 19–21.
10. Nosirova A. San'at uning hayoti edi // Teatr. – 2011. – № 2. – P. 8–9.
11. Nosirova A. Suz san'ati va mas'uliyat // Teatr. – 2000. – № 3. – P. 22–23.
12. Nuraliev U. Bўston birga yaratilsa // Teatr. – 2003. – № 5. – P. 32–33.
13. Nurmuhamedova U. Sahna nutki // Teatr. – 2010. – № 5. – P. 38–39.
14. Nurmuhamedova U. Sahna nutki muammolari // Teatr. – 2006. – № 2. – P. 12–13.
15. Nurmuhamedova U. Sahna nutki muammolari // Teatr. – 2012. – № 4. – P. 23.
16. Orifova A. Utmish voizlik san'ati // Til va adabiyot ta'limi. – 2000. – № 2. – P. 77–83.
17. Pulatov I. Sўz san'atining zargari // Guliston. – 1997. – № 3. – P. 23–24.
18. Saidaliev S. «Teatr» ga hat keldi // Teatr. – 2003. – № 4. – P. 15.
19. Tulaganov A. Nutk madaniyatida suzning urni. // Teatr. – 2012. – № 1. – P. 33–34.
20. Hozhimatova M. Suz san'ati mas'uliyati // Teatr. – 2009. – № 3. – P. 41.
21. Holiuulova G. Aktyorlar nutuida Navoiy she'riyati // Teatr. – 2002. – № 5. – P. 10–11.
22. Holiuulova G. Nutu – sahna kurki // Teatr. – 2000. – № 4. – P. 22.
23. Holiuulova G. Nutu ustida muttasil ishlash – yutuular mezoni // Teatr. – 2004. – № 2. – P. 22–23.
24. Holiuulova G. Saunani aktyor bezaydi // Teatr. – 2001. – № 5. – P. 22–23.
25. Holiuulova G. Sahna nutki va zhonli til // Mulokot. – 2002. – № 1. – P. 35.
26. Holiuulova G. Sahnada tarihiy muhit tasviri // Teatr. – 2003. – № 2. – P. 20–21.
27. Holikulova G. Husni ta'lil san'ati kudrati // Teatr. – 2009. – № 6. – P. 14–15.
28. Holmirzaev B. Milliy zhanr: talab va taklif // Teatr. – 2005. – № 4. – P. 22-23.
29. Huzhaeva L. Sahna nutki kay ahvolda? // Teatr. – 1999. – № 7–8. – P. 21–23.
30. Huzhaeva L Sahna can'atining sardori edi // Teatr. – 2000. – № 6. – P. 23.
31. Huzhaeva L., Zhumanov I. Suz kudrati // Teatr. – 2003. – № 6. – P. 12–13.
32. Fitrat. Gulom Zafariy // Ishtirokiyun. – 1920. – 29 sentyabrya.
33. Chulpon. Halima // Yangi Fargona. – 1928. – 22 oktyabrya.
34. Chulpon. Halima // Kizil bayrok. – 1922. – 27 iyunya.
35. Chulpon. Farhod va Shirin // Turkiston gazetasi. –1923. – 7 yanvarya.
36. Sotti Husayniy. Arshin mal-alan // Kizil Uzbekiston. – 1929. – 15 fevralya.
37. Sotti Husayniy. Arshin mal-alan // Kizil Uzbekiston. – 1929. – 1 marta.
38. Kalandar. Halima // Turkiston. – 1922. – 16 dekabrya.
39. A'zam. Halk teatri // Kizil Uzbekiston. – 1926. – 19 sentyabrya.
40. Mazhidiy. Halima // Zarafshon. – 1927. – 29 dekabrya.
41. Zarafshon. – 1926. – 25 marta; 20 aprelya; 16 iyunya; 31 iyulya; 3 avgusta; 4 dekabrya; 27 dekabrya.
42. Zarafshon. – 1927. – 25 noyabrya; 8 yanvarya.
43. Kizil Uzbekiston. – 1925. – 20 marta.
44. Kizil Uzbekiston. – 1927. –25 marta; 28 marta; 23 aprelya; 28 aprelya.
45. Kizil Uzbekiston. – 1928. – 2 fevralya.
46. Kizil Uzbekiston. – 1929. – 7 maya; 22 maya; 24 iyulya; 16 avgusta.
47. Maorif va ukituvchi. – 1927. – № 5.
48. Maorif va ukituvchi. – 1928. – № 11.
49. Fargona. – 1926. – 13 iyulya.
50. Yangi Fargona. – 1928. – 29 oktyabr.
51. Arhiv NII iskusstvoznaniya. – M. 34. – № 218. – T. 3. – 1956.
52. Ismailov E. Mannon Uygur. – Toshkent : Adabiyot va san'at nashriyoti, 1983.

© Хамидова М. А., 2014

UDC 894.322

CLASSIFICATION OF UZBEK MODERN POEMS

D. Quvvatova, candidate of philological sciences, assistant professor
Bukhara State University, Bukhara, Uzbekistan

Summary. Some ideas on analysis of poem in Russian, world and Russian literature is studied in this article. Classification of Uzbek poems is based on V. Kikans, M. Chislov and Izzat Sulton's thoughts.

Keywords: lyric poem; lyric-epic poem; lyric beginning; lyric introduction; masnaviy poem; monologue; epic type; lyric type; odes; letter-poems; sufistic poems; educational-didactic poems; modern poems; dramatic poem; stylized poems historical and modern poems.

The main specific feature of modern poems is that they express the real case in poetic form. The other features specific to them are to compact prose and poetry features in poems, the ways of using saj', aruz, and masnaviy forms, letters', and odes' methods is not permanent in classical poems. That's why only different types of genre can be shown through their expression. Because they don't contain typical specific way which shows the development of genre. That's why we cannot support the idea of scientists about dividing poem into intermediate genre according «genre colorfulness» of case which comes from some internal development specifics. For example, Russian specialist in literature G. N. Pospelov includes lyric-epic poem to intermediate genre [4, p. 113], V. E. Khalizev says that it is an intertype genre [12, p. 316].

As V. I. Sorokin writes as an epic genre poem appeared in ancient Greece. They tell about the brevity of legendary heroes, and about Gods [7, p. 246]. He states that the new type of poem appeared in XIV–XVII centuries and at the beginning if the XIX century. He gives Gogol's «Dead Souls» as one of the first poems and mentions about the term «realistic poem» in prose and by that makes some confusion. But as the history of genre says, there is not any complete poem created completely in prose.

In two-volumed «Theory of Literature» which was published in 2004 by S. N. Broytman under the editing of N. D. Tamarchenko it is written that the works of Homer and Virgil are epic poems, the term lyric epos can be used to such works as «Human views» by N. Hikmat, «Middle of Century» by V. Lugovsky. Homer's «Odysseus» expresses historical events of great period, it contains epic features and that's why the term «epic poem» is used. «Human views» by N. Hikmat, «Middle of Century» by V. Lugovsky are expressed by different terms as poem, ballad, epic plot in the theory of literature, but at the same time N. D. Tamarchenko defines them as «lyric epos» [10, p. 324–325]. Because different destinies, lyric features of historical period view, that's to say human feelings of period are expressed in these works.

S. N. Broytman classifies the types of epic poem. According to his ideas it has such colorful types as poem-ballad, lyric epic poem, lyric poem, and lyric epos. At the same time the theory of translation defines poem from ballad as an independent genre, this shows the confusion of classification. At the same moment there is almost no literary work in the stage of lyric epos. We can say that there are many lyric and lyric epic poems in the poem creating.

There is also one case which attracts the reader. According his researches lyric poem and lyric epos are neosyncretic genres. The process of novelization is happening in the structure of lyric epic poems, the hero lost his status, and a person appeared in his place, the base of it is epic subject, it is enriched with the moving heroes and episodes. The thoughts of scientist show that the poem is improved and enriched by time.

In common, poem types can be classified according the expression of case and methods of it. In this case it is difficult to reject that there are lyric, lyric epic, dramatic poems in literature. Lyric poems are specified according the literary generalization of lyric feelings. The main place in them is given to interpretation of feelings made by author and their effect on case development. That's why such type of poems don't refer to one subject line. This case can be put on formula according the following studies:

$$\frac{\text{EMOTION} + \text{CASE} + \text{ATTITUDE}}{\text{LYRIC} + \text{EPIC} + \text{LYRIC}} = \text{LYRIC POEM.}$$

Lyric attitude towards the case plays the leading role in lyric epic poem. Conditionally it can be expressed according the following formula:

$$\text{EPIC} + \text{LYRIC} + \text{EPIC} = \text{LYRIC EPIC POEM.}$$

Epic description dominates in lyric epic poem. Coming from this feature of lyric epic poem V. Kikans wrote: «without epic picture of the world poem cannot prove its existence [3, p. 133]. Speaking about epic poems L. K. Dolgopolov is noticed not to use the term lyric epic in his works [2, p. 13]. N. Rahimjonovs thinkings of lyric epic poem are the same as V. Kikans. He writes: «object and poets attitude towards this object parallelly exist in lyric epic poem. Dialectic development of case finds its reflection in the destiny of heroes and expressed in a concrete subject» [6, p. 16]. If attention is paid these features are connected in one point. It is the basement of case in one subject.

Literature scientist V. Kikans' and V. Jirmunsky's following ideas corresdpond to each other: «In epic description of reality lyric poem is based on tightness, clearly expresses author's approach to descriptive reality. By this feature it differs from other types of poem» [3, p. 191]. This lyric color and tightness create an atmosphere for giving wide place to lyric beginning, lyric base, lyric pause. That's why, when we read lyric poem we look for situation in it. Epic features can float out from the base of lyric description. Only in this case we can begin feeling emotions of lyric hero.

N. R. Rahimjonov writes: «In lyric poem differing from lyric-epic poems, features of life are shown not only in the concrete subject stream, but by the lyric hero's inner expressions, attitude to life, and senses which are expressed by his own «me» [6, p.15]. Sh. Hasanov, coming from the up-to-date development of poems, writes: «The main difference between lyric and lyric-epic poem is established with objective and subjective style of expression. Cases, objects, characters and various scenes of life arise before the reader's eyes in his imagination; poet's personal feelings are on the second scene. But in lyric poem impressions, feelings of a hero are literate in a circle of one theme and have a close connection with poet's inner world. Even if there is some detailed information about the case, it also serves to open the hero's psychological condition or constitution of a lyric personage» [14, p. 45]. Not all lyric poems can express constitution. But there is some connection in literature scientists' ideas. This connection is shown in expression of lyric hero's emotions. Feelings and emotions are mostly shown in monologue. We can see the same features clearly developing in Uzbek poems in the second half of the XX century.

Prominent specialist in literature Izzat Sulton, concerning with the lyric and epic features of poems says «Poem is an epic work, but its poetic form directs it to the lyrics also. Except epos and drama, a lyric is a leading power in poem» [8, p. 180]. Scientist correctly shows the specific features of poem which is one of the main genres in literature. The author's taking part in it and expressing his thoughts to it plays a leading role in it. As scientist says the main feature in it is feeling, «exiting thoughts about world and humanity gives special lyric approach about the epic view». According this feature I. Sulton includes poem to a lyric genre which European literature to our national one in the XX century.

Scientist on literature H. Umurov supports the idea of Aristotle and V. G. Belinsky that's why he is against the idea that lyric epic type is the fourth one made by L. Timofeev: «... today it is useless to create «lyric epic» or other types, because they belong to themselves – they have no subject [11, p. 214]. According these ideas the scientist considers that it belongs to epic type. Of course, we can agree with scientist's thoughts about rejecting mixed type. But there are such types of poems which cannot be included to the epic type. Because according the dominating features poems can be divided into lyric, lyric epic type, and dramatic types.

Literary scientist E. Khudoyberdiev also considers the poem as a lyric type. He writes: «...In the west drama, and in the east lyrics has a leading place in literature. But it is impossible to provide peoples' aesthetic needs only with these literary types. They contain features of epos which is «royal type of poetry, crown of art», that's why there is a need to a new literary genre. Here poem appears as one of these genres» [15, p. 87]. But literary critic puts a limit between poem and ballad. Really, Uzbek folklore, ballads and modern poems have some differences according their features. Up today these terms are used as synonyms in our literature. This shows that the poem is an inheritant prolonger of ballad. E. Khodoyberdiev includes to a poem such works as Khorazmy's «Mahabbatnoma», Said Ahmad's «Taashshuqnoma», Navoi's «Hayratul abror», and together with it analyzes as a ballad AlisherNavoi's «Farhod and Shirin». There are some misunderstandings in these ideas. Up to our days these works were ballads and there is not a high barrier between ballad and poem.

Literary critic T. Boboev is for including poem to lyric-epic type [13, p. 504–505]. D. Quronov is against it: «There are some cases when all poems are considered as lyric-epic genre and it is not right. When we say that ballad is lyric-epic genre, we take into consideration «expressing the epic story through the attitude of lyric hero». But, for the first, not in all ballads the story is told «through the attitude of lyric hero», for the second, any epic or dramatic work in some way contains author's attitude. Thus, not all ballads can be included to lyric-epic genre. Here we can add only those ones which have epic and dramatic elements in their structure» [5, p. 94–95].

As we see, it is still debating question to what literary type can the poem be included. At the same time D. Quronov's approach somehow enlights the case. Because the scientist proves that such poems which contain «epic and dramatic elements in their structure» can be included to lyric epic poem [5, p. 114]. So, it is not a sudden case that there are such types of poems as lyric epic poem, lyric poem, and dramatic poem. Conclusion is made according the dominating features of type specifics. As the poem is a syncretic genre, we must consider what symbol is dominant to establish its type.

In common, debates concerning poem are held in three directions in our poetry:

a) in the direction connected with the use of term «poem»;

b) in the direction defining its type;

c) in the direction of classifying its internal types.

That's why attention paid to the classification of poem's internal types is somehow stronger. Lithuanian scientist V. Kikans classifies the poem according two principles: «The first principle defines the epic grade of poem: epic poem, lyric poem, lyric epos; the second principle defines the genre creating intonation: heroic, satiric, tragic, comic, elegiac and etc» [3, p. 227–228].

Scientist on literature Tomashevsky divided the poem into three types as «fabulous – epic», «non fabulous», and «didactic» [10, p. 257].

Speaking about the internal types of poem M. Chislov divides them into two types as «poem-chronics» and «stylized poem» [1, p. 34]. In this case «poem – chronics» has somehow short meaning, because it cannot cover all thematic types of poem. But stylized poem can approve itself according the history of creating.

Because there were many other different types of poem which were stylized on the development stage according the folkloric genres as tale, legend, myth or according the stylization of some motives or personages. Such poems are called «tale-poem», «legend-poem», «myth-poem», they enlarged the quantity of terms in literature and in order to avoid it we can just use the term «stylized poem» instead. We think that in classification of internal types of poem we should consider, as V. Kikans, their grade of epic, genre nature, its theme and the way of case using in it, its style also. According this the different types of poem genre can be classified as following:

1. According the expression of case in poem: *lyric, lyric-epic, dramatic poem.*

2. According the time description in poem: *historical and modern poems.*

3. According the stylistic research:

a) *stylized poems* created according the form, subject and expression of such epic genres of folklore as ballad, tale, legend, myth;

b) poems created according the classical type in the form of aruz, masnaviy, ode and in the style of letter. They are *masnaviy-poems, odes, letter-poems, sufistic poems, educational-didactic poems;*

c) *modern poems* which created on the base of world modern literature traditions.

The formation of all these internal types of poem in uzbek literature at the end of the XX century shows that the genre was forming in its complete form. Nowadays periodical poems can be differed according the logical expression of historical social case description, and according the outlook of heroes.

Bibliography

1. Chislov M. Vremya zrelosti – porapoemi. – M. : Sovetskiypisatel, 1986.
2. Dolgopolov L. K. Poemi Bloka i russkaya poema-konsta XIX nachala XX vekov. – M., L. : Nauka, 1964. – P. 13.
3. Kikans V. P. Sovremennaya sovetskaya poema. – R. : Zinatne, 1982. – P. 227–228.
4. Pospelov G. N. Teoriya literaturi. – M. : Visshaya shkola, 1978. – P. 113.
5. Quronov D., Mamajonov Z. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lugati. – T. : Akademnashr, 2010. – B. 114.
6. Rahimjonov N. O'zbek sovet adabiyotida poema. – T. : Fan, 1986. – B. 16.
7. Sorokin V. I. Teoriya literaturi. – Moskva, 1960. – P. 246.
8. Sulton I. Adabiyot nazariyasi. – T. : O`qituvchi, 2005. – Б. 180.
9. Broytman S. N. Istoricheskaya poetika. Uchebnoe posobie / pod redakstiey N. D. Tamarchenko. – M. : Akademiya, 2004. – P. 324–325.
10. Tomashevskiy B. V. Osnovi teoriya literaturi. – Moskva, 1971. – P. 257.
11. Umurov H. Adabiyot nazariyasi. – T. : Sharк, 2002. – B. 214.
12. Xalizev V. E. Teoriya literaturi. – M. : Visshaya shkola, 2000. – P. 316.
13. Бобоев Т. Адабиётшунослик асослари. – Т. : Ўзбекистон, 2002. – Б. 504–505.
14. Ҳасанов Ш. XX асрнинг иккинчи ярми ўзбек достонлари поэтикаси : Филол. фан. д-ри дис. ... – Т., 2004.
15. Худойбердиев Э. Адабиётшуносликка кириш. – Т. : Шарқ, 2008.

Bibliography

1. Chislov M. Vremya zrelosti – porapoemi. – M. : Sovetskiypisatel, 1986.
2. Dolgopolov L. K. Poemi Bloka i russkaya poema-konsta XIX nachala XX vekov. – M., L. : Nauka, 1964. – P. 13.
3. Kikans V. P. Sovremennaya sovetskaya poema. – R. : Zinatne, 1982. – P. 227–228.
4. Pospelov G. N. Teoriya literaturi. – M. : Visshaya shkola, 1978. – P. 113.
5. Quronov D., Mamajonov Z. va boshqalar. Adabiyotshunoslik lugati. – T. : Akademnashr, 2010. – P. 114.
6. Rahimjonov N. O'zbek sovet adabiyotida poema. – T. : Fan, 1986. – B. 16.
7. Sorokin V. I. Teoriya literaturi. – Moskva, 1960. – P. 246.
8. Sulton I. Adabiyot nazariyasi. – T. : O`qituvchi, 2005. – P. 180.
9. Broytman S. N. Istoricheskaya poetika. Uchebnoe posobie / pod redakstiey N. D. Tamarchenko. – M. : Akademiya, 2004. – P. 324–325.
10. Tomashevskiy B. V. Osnovi teoriya literaturi. – Moskva, 1971. – P. 257.
11. Umurov H. Adabiyot nazariyasi. – T. : Shark, 2002. – P. 214.
12. Xalizev V. E. Teoriya literaturi. – M. : Visshaya shkola, 2000. – P. 316.
13. Boboev T. Adabiyotshunoslik asoslari. – T. : Uzbekiston, 2002. – P. 504–505.
14. Hasanov Sh. XX asrning ikkinchi yarmi Uybek dostonlari poetikasi : Filol. fan. d-ri dis. ... – T., 2004.
15. Hudoyberdiev E. Adabiyotshunoslikka kirish. – T. : Shark, 2008.

© *Quvvatova D., 2014*

УДК 378.016:81

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА

У. М. Кусанова, студентка 3 курса

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

PECULIARITIES OF SELECTING LEXICAL MATERIAL IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE APPLYING A CJMMUNICATIVE METOD

U. M. Kusanova, 3rd year student

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan

Summary. The article describes the peculiarities of teaching English with principles of selection of lexical minimum. It is obvious that an educator in teaching English language is not able to cover all of the lexis needed by students in the classroom. That is why it is necessary to the educator to take into account a temporary learning space, the presence or absence of language environment, the age of students and their professional specialization

Keywords: a decree; cultural component; language; lexis; productive language skill; receptive language skill; quantitative and qualitative parameters; lexical minimum.

Внедрение новых подходов в обучение – одна из первоочередных задач сегодняшнего дня. Подтверждением новой концепции в обучении иностранным языкам явилось Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков», где особо отмечена необходимость включения современных педагогических технологий в процесс обучения на всех ступенях образовательного процесса, а так же обеспечения непрерывности образования [3, с. 1].

В последнее время актуальным в современной методике обучения иностранному языку является включение культурного компонента как одного из важных путей трансляции национальной культуры, которая несёт в себе большой социально-педагогический потенциал.

Изучая язык и культуру другого народа, учащиеся усваивают образ мира, видят окружающую действительность несколько иначе, чем представляли до общения на языке носителей иноязычной культуры.

Национальная картина мира не может формироваться без языка. Язык – орудие познания, а неотъемлемой частью языка является лексика, которой уделяется большое внимание при обучении иностранному языку. Обучение может быть успешным, если осуществлять тщательный отбор лингвокультурологических лексических единиц в учебных целях, а так же целенаправленно обеспечивать усвоение учащимися лексем с национально-культурным компонентом. Здесь возникает проблема формирования лексического минимума. Следует отметить, что существующие критерии отбора лексического минимума зависят от того, лингвистические или методические ориентиры мы предполагаем. При формировании лексических минимумов необходимо учитывать такие слова, без которых возможность употребления отобранных слов значительно сокращается [1, с. 148].

В контексте проводимого исследования нас интересуют методические принципы отбора лексического минимума, к которым можно отнести количественные и качественные параметры формирования лексических минимумов, а так же типологическое разнообразие лексического массива, вовлечённого в процесс обучения иностранному языку.

Фактор поэтапного характера организованного обучения иностранным языкам – следующий принцип в отборе. Временное пространство обучения, наличие или отсутствие языковой среды, возрастные особенности учащихся и их профессиональная специализация – всё это должно приниматься во внимание.

Слова, которыми должен овладеть учащийся, в методическом аспекте разделяются на лексические единицы, подлежащие и не подлежащие усвоению, которые, в свою очередь, призваны обеспечивать продуктивные виды речевой деятельности и рецептивные виды речевой деятельности. Усвоение лексических единиц, входящих в продуктивные и рецептивные лексические минимумы, приводит к рецептивному усвоению слов. Эти лексические единицы составляют ядро потенциального словаря, играющее заметную роль в становлении языковой компетенции учащихся. Мы согласны с мнением исследователя В. В. Морковкина, который определил критерии отбора лексического материала [2, с. 84].

Учёт поэтапного характера обучения служит основой для создания целого ряда лексических минимумов.

Учёт временного пространства обучения помогает определить оптимальный количественный состав лексического минимума.

Не менее важным фактором является наличие или отсутствие языковой среды. Наличие языковой среды намного ускоряет процесс формирования словарного состава учащихся.

При формировании лексических минимумов во внимание необходимо принимать возраст учащихся, так как минимумы, определённые для детей, включающие слова, которые обозначают детские вещи, игры, героев сказок и т. д., не применимы для учащихся старшего возраста.

Лексические минимумы, адресуемые студентам, готовящимся стать специалистами в определённой области знаний, так же должны соответствовать их специализации.

Отбор лексических минимумов для обеспечения продукции речи проводится на тематической основе. Отбор лексических минимумов для продуктивных видов речевой деятельности осуществляется в рамках определённой тематики и определяется учебными программами. Создание таких лексических минимумов осуществляется путём установления перечня тем и наполнения каждой из тем наиболее важными для её раскрытия словами. Кроме тематически связанных лексических единиц в минимум должны входить слова, обеспечивающие функционирование этих лексических единиц, а так же структурные слова (предлоги, союзы, связки, частицы, вводные слова, междометия и т. д.).

Отбор лексических минимумов, обеспечивающих рецептивные виды речевой деятельности, осуществляется на статистической основе, учитывающей употребительность и распространённость слов в текстах. Статистическая ценность слов обнаруживается с помощью указания на его место в перечне слов по убыванию употребительности, взятой из частотных словарей.

Формирование общелексических минимумов для обеспечения как продуктивных, так и рецептивных видов речевой деятельности осуществляется

посредством совмещения охарактеризованных выше массивов с последующей осмысленной в методическом отношении индексации слов.

Библиографический список

1. Жалолов Ж. Ж. Чет тил ўқитиш методикаси. – Т., 2012. – 432 б.
2. Лексические минимумы современного русского языка / под ред. В. В. Морковкина. – М., 2004. – 228 с.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан «Меры по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» // Маърифат. – Ташкент, 2012. – 12 декабря. – № 99. – С. 1–2.

Bibliography

1. Zhalolov Zh. Zh. Chet til ukitish metodikasi. – T., 2012. – 432 p.
2. Leksicheskie minimumyi sovremennogo russkogo yazyika / pod red. V. V. Morkovkina. – M., 2004. – 228 p.
3. Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan «Meryi po dalneyshemu sovershenstvovaniyu sistemyi izucheniya inostrannyih yazyikov» // Ma'rifat. – Tashkent. – 2012. – 12 dekabrya. – № 99. – P. 1–2.

© Кусанова У. М., 2014

Právní vědy

УДК 340.11

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Ю. В. Мазеина, ассистент

Шадринский государственный педагогический институт, г. Шадринск, Курганская область, Россия

DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL FUTURE TEACHERS

J. V. Mazeina, assistant

Shadrinsk State Pedagogical Institute, Shadrinsk, Kurgan region, Russia

Summary. The study analyses the deformation of legal consciousness of students of pedagogical future teachers in the modern Russian society. The authors identify and characterize the kinds of deformation of legal consciousness. Additionally, they offer some ways to overcome strains of legal consciousness of students of pedagogical future teachers in these conditions.

Keywords: deformation; legal consciousness; students of pedagogical; future teachers.

На сегодняшний день в нашей стране идет активная работа по формированию правового государства. Ведь при создании такого государства создается прочный фундамент по решению всех проблем как в государственной, так и в негосударственной жизни общества.

Ни один закон не может быть реализован, если он не находит психологического понимания и одобрения со стороны каждого гражданина. Автор считает, что воспитание в сознании студентов педвуза – будущих учителей правильного осознания правовой действительности это важное условие формирования правового государства и уверенной в защищенности своих гражданских прав личности. В то же время построить это правильное правовое сознание невозможно без примера лиц старшего возраста, которые, без сомнения, являются наставниками более юного поколения. Можно выявить связь поколений и уверенно сказать, что правовое сознание людей передается из поколения в поколения, поэтому люди должны воспринимать право как традицию своего государства. Не зря правосознание идет рука об руку с нормами морали. Однако часто происходят деформации правового сознания студентов педвуза – будущих учителей. Эти деформации бывают различных видов. Виды деформаций правового сознания:

1. Правовой фетишизм. Данный вид деформации правового сознания студентов педвуза – будущих учителей представляет собой гипертрофированное представление о роли права, юридических средств в решении социально-экономических, политических и иных задач. Так, некоторые молодые люди считают, что с помощью ужесточения уголовного закона можно победить преступность [2, с. 115].

2. Правовой инфантилизм – недостаточность, несформированность

правовых знаний при личной уверенности в хорошей юридической подготовке. А. В. Поляков предполагает, что данный вид деформации, как правило, присущ молодым людям, не умеющим адекватно оценить уровень своих знаний и имеющим завышенное самомнение [4, с. 43]. Правовой инфантилизм наиболее мягкая форма искажения правового сознания, заключающаяся в несформированности, недостаточности правовых знаний, установок.

3. Перерождение правосознания. Этот вид деформации является крайней степенью искажения правового сознания, включающей преступный умысел. Он присущ лицам, вставшим на противоправный путь, и преступным сообществам. Под перерожденным (перерожденческим) правовым сознанием понимается такая форма его деформации, которая проявляется в осознанном игнорировании и отрицании закона и сопровождается наличием у носителей умысла на совершение правонарушений [1, с. 138].

4. Правовой нигилизм, по мнению В. А. Туманова, выражается в девальвации права и законности, осознанном игнорировании требований законов или недооценке их регулирующей социальной роли [4, с. 47]. Указание на преступный умысел здесь необходимо для того, чтобы отграничить правовой нигилизм от других форм деформации, находящихся уже за пределами сферы права как такового.

5. По нашему мнению, игнорирование закона с преступной целью, а также преступное законодательствование – явления, которые представляют собой самостоятельные виды деформации правового сознания.

Проблема правового нигилизма как вида деформации правового сознания студентов педвуза является одной из самых актуальных в новейшей России. Исправить ситуацию, предотвратить этот процесс можно с помощью кардинальной переоценки ценностей, установок сознания. Справедливой идеей правового сознания является недопустимость злоупотребления правом. Правовое сознание будущих учителей образует необходимый психологический и идеологический контекст добровольного соблюдения субъектами юридических норм [5, с. 316]. Сформированное чувство права и законности, интегрированности в действующий правопорядок и правовую культуру является основной гарантией всеобщего соблюдения субъектами требований правовых предписаний.

Таким образом, проблемы деформации правового сознания студентов педвуза – будущих учителей нуждаются в скорейшем решении. Необходима правовая реформа, где правовые ценности будут соотнесены с нормами морали и политики. Так как на данный момент в нашей стране еще не сформировано правовое сознание ни законодателей, ни граждан, в том числе молодых людей, мы тем более нуждаемся в скорейшей переработке законов. Это не решит все проблемы правового сознания и правовой культуры в одночасье, но создаст новую, крепкую основу для дальнейшего роста, развития здорового правосознания, правопонимания и надлежащего исполнения норм права.

Кризис современного российского правового сознания будущих учителей вызывает необходимость и потребность принятия и воплощения в жизнь мер, направленных на повышение общего уровня правового сознания, преодоление правового нигилизма российских граждан, формирование правовой культуры общества и личности, чтобы уважение к праву и закону стали личным убеждением каждого человека. Особое место в ряду этих мер должно занять правовое воспитание как одно из действенных средств укрепления законности и правопорядка, целенаправленного формирования потребностей и интересов личности. Целью право-

вого воспитания должно стать формирование уважения к праву, закону, которое должно опираться на стойкие правовые убеждения, взгляды, оценки, установки, привитие навыков правомерного и социально активного поведения личности в правовой сфере. Таким образом, правовое воспитание должно быть направлено на правовое развитие личности, которое рассматривается как процесс формирования правового сознания и правовой культуры. Одним из основных направлений в деле повышения правовой культуры общества должно быть правовое обучение, информирование населения о существующих юридических предписаниях. Очень важно ознакомление населения с образцами и идеалами, правовым опытом и традициями тех стран, где уровень правовой защищенности личности, а следовательно, и уровень правовой культуры выше, чем в России.

В качестве специальных средств сведения деформаций правового сознания студентов педвуза – будущих учителей к минимуму автор предлагает:

– обеспечение должного качества принимаемых законов;

– соблюдение самими государственными органами и должностными лицами требований закона;

– улучшение деятельности всей правоохранительной и судебной системы;

– улучшение правового воспитания населения, профессионального обучения и воспитания юристов, других должностных лиц.

Однако важно подчеркнуть, что все эти специальные средства могут дать положительный эффект лишь в случае позитивного развития нашего общества в социально-экономической и политической сферах.

Библиографический список

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.
2. Малько А. В. Теория государства и права : учебник. – М. : Юрист, 2006. – 304 с.
3. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник. – Саратов, 2001. – 540 с.
4. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. – 2-е изд., доп. – СПб., 2003. – 105 с.
5. Туманов В. А. О правовом нигилизме : монография. – М., 1989. – 670 с.

Bibliography

1. Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya yuridicheskih vuzov. – 3-e izd. – M. : Yurisprudentsiya, 2000. – 528 p.
2. Malko A. V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. – M. : Yurist, 2006. – 304 p.
3. Matuzov N. I. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. – Saratov, 2001. – 540 p.
4. Polyakov A. V. Obschaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyiy podhod : kurs lektsiy. – 2-e izd., dop. – SPb., 2003. – 105 p.
5. Tumanov V. A. O pravovom nigilizme : monografiya. – M., 1989. – 670 p.

© Мазеина Ю. В., 2014

УДК 342.571

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. А. Крохина, доктор юридических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

THE ROLE OF CIVIC INSTITUTIONS IN FINANCIAL CONTROL: EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Y. A. Krokhina, doctor of juridical sciences, professor

Moscow State University named after M. V. Lomonosov; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Summary. The participation of civic institutions in financial control of the government becomes the tendency of modern democratic processes in many countries. In the article it is given the experience of the audit chambers in certain states of using methods of public accounting, it is examined the problems of cooperation between government and public institutions, it is offered legal methods of optimization the cooperation between civic institutions and governmental authorities of financial control.

Keywords: civil society; government audit; financial control; audit chamber.

В условиях становления новых моделей управления социально-экономическим и общественным развитием происходит усиление влияния и возрастание роли государственных органов финансового контроля. Одной из форм данного процесса является активизация взаимодействия и возрастание влияния высших органов финансового контроля (ВОФК) на развитие гражданского общества, что, как свидетельствует анализ международного опыта, обусловлено демократизацией развитых экономик, расширением сферы ответственности органов финансового контроля, ориентацией их деятельности на оценку качества общественного развития. И ВОФК и общественные институты заинтересованы в том, чтобы оценивать и контролировать последствия действий властей, конечные результаты реализуемых национальных и международных стратегий развития, поскольку это существенно расширяет возможности обеспечить стабильность общественного развития в целом.

Экономические и социальные риски современного мира, новая роль государства, кризис сложившихся и становление новых экономических и общественных институтов существенно расширяют миссию высших органов финансового контроля. Дееспособный современный, обладающий уникальными информационными ресурсами институт государственного аудита способен выполнять как регулятивные, так и конструктивные функции, помогая государству и обществу не только в проведении эффективных институциональных изменений, но и в выборе перспективных траекторий развития страны.

Именно в этом контексте принципиально важна взаимосвязь государственного аудита и общественного контроля. Действенность государственного аудита во многом зависит от того, насколько адекватно и объективно его деятельность отражает общественные оценки и ожидания. Именно в этом контексте институт государственного аудита в российских условиях – это не только

система независимой обратной связи, которая дает государству и обществу объективную информацию о реальном положении дел. Прежде всего, это инструмент эволюции экономики, который способен эффективно влиять на процессы экономического развития в силу своего универсального характера и особого общественного предназначения.

Ещё полтора-два десятилетия назад деятельность большинства институтов гражданского общества была сосредоточена на оценке процесса утверждения бюджета и последующей его реализации, прежде всего, посредством взаимодействия с законодательной властью. При этом уровень взаимодействия между институтами гражданского общества и ВОФК был очень низким. Однако, как показывают последние инициативы, имеющие место в Индии, ЮАР, Мексике, Филиппинах и Аргентине, сформировалась устойчивая тенденция расширения взаимодействия между общественными институтами и ВОФК, причём институтами гражданского общества принимаются активные меры для расширения этого взаимодействия.

Специфической, имманентно присущей именно институтам гражданского общества, является функция общественного контроля. Это особая сфера социальной ответственности общества. Защита общественных интересов, противодействие неэффективности деятельности государства и частных структур в социально-экономической сфере, содействие предотвращению фактов коррупции и другие сферы становятся предметом контроля со стороны общества. Степень реализации этой функции зависит от уровня зрелости гражданского общества, степени развитости демократических институтов. Принципиальную роль с этой точки зрения играют конституционные основы государств.

Включение в конституционные акты статей, посвящённых правам граждан в социально-экономической и культурной сфере, особое внимание законодателя к регламентации основных институтов гражданского общества были результатом острой политической борьбы, прежде всего, партий, представлявших интересы основных групп населения. Следствием явилось формирование и социальная направленность значительного блока законодательства, ориентированного на реализацию прав и свобод человека, и, что особенно важно, обеспечение конституционных гарантий их соблюдения. Важно, что положения конституций в этой части являются нормами прямого действия, что существенно повышает возможности не только их чёткой реализации, но и общественного контроля.

Таким образом, конституционные основы формируют условия не только для участия общества в определении приоритетов социально-экономического развития и способах их достижения, но и для общественного контроля эффективности действий исполнительной и законодательной ветвей власти.

Разумеется, характер юридической взаимосвязи ВОФК с общественными институтами различается в зависимости от полномочий и функций ВОФК, с одной стороны, и от степени институциональной зрелости и активности гражданского общества и представляющих его институтов – с другой. Однако основные принципы, в том числе, независимость, ориентация на общественные интересы, институциональная определённость, открытость, несмотря на различие в механизмах реализации достаточно близки, что подтверждает «генетическую» общность ВОФК и институтов гражданского общества.

Опыт последнего десятилетия свидетельствует о том, что во многих странах мира неправительственные организации, аналитические центры (включая научно-исследовательские институты) и общественные организации активно вовлекались в обретающее

всё большую популярность движение, направленное на формирование более транспарентной и подотчётной системы государственного бюджетирования. Однако эта деятельность требует системности, профессионализма и хорошей организации.

Следует отметить, что, как правило, и основные общественные институты, и высшие органы финансового контроля действуют на основе специального законодательства (в некоторых случаях выступая даже как конституционные органы), вписываясь в рамки определённого правового поля, которое, с одной стороны, обеспечивает легитимность взаимодействия, но с другой – обусловливает некоторые ограничения. Что касается институциональных и организационных возможностей взаимодействия ВОФК и общественных институтов, то они очень разнообразны и должны быть адекватны решаемой задаче. Однако во многих случаях институциональная и организационная слабость гражданского общества предопределяют инициативу именно со стороны органов финансового контроля.

Важную роль в расширении правовых, институциональных и организационных возможностей взаимодействия между ВОФК и общественными институтами играют неформальные международные объединения.

Так, международной организацией Международное партнёрство в сфере бюджетирования (МПБ) (International Budget Partnership) было организовало Исследование открытости бюджета (Open Budget Survey) [1], являющееся первым всемирным, независимым, сравнительным обзором прозрачности и подотчётности бюджета.

Последний отчёт по Индексу открытости бюджета был опубликован МПБ в 2012 году [2]. В нём представлена оценка прозрачности и демократичности бюджетного процесса в 94 странах. Согласно отчёту, почти половина стран вообще не предоставляют значимой информации о госбюджете. Более 80 баллов получили всего семь стран: Южная Африка, Новая Зеландия, Великобритания, Франция, Норвегия, Швеция и США. Меньше всех баллов получили Ирак, Чад и Экваториальная Гвинея (0 баллов). Китай, получивший 13 баллов, отнесён к странам с самым непрозрачным бюджетом, при этом Бразилия (71 балл) и Индия (67 баллов) – к группе стран, предоставляющих существенную информацию.

В рейтинге 2012 года Россия оценена в 60 баллов, что, примерно, соответствует оценкам стран Восточной и Центральной Европы. По мнению международных экспертов, Правительство РФ предоставляет общественности некоторую информацию о финансовой деятельности, но гражданам трудно отслеживать, как власть управляет средствами государства. Из восьми ключевых бюджетных документов, наличие которых рекомендовано международными стандартами, в России отсутствуют два – обзор среднегодового бюджета и так называемый гражданский бюджет (объяснение в понятной для всех форме планов правительства по увеличению доходов и расходов). Высшую оценку получили Бюджетное послание Президента и отчёты Счётной палаты РФ об исполнении бюджета. Так, годовой отчёт Правительства РФ за уровень полноты и доступности информации получил три балла, а отчёт Счётной палаты – четыре балла. По оценкам представителей МПБ, основными проблемами в открытости системы бюджетирования в России являются следующие:

- несмотря на высокое качество Послания Президента, сам бюджет ему не соответствует;
- хотя отчёты Счётной палаты соответствуют основным требованиям и содержат необходимые рекомендации, Правительство недостаточно учитыва-

ет их при подготовке проекта бюджета на следующий год.

Обобщения зарубежного опыта свидетельствует о том, что во многих странах участие гражданского общества в контроле расходования государственных средств затруднено как раз недостаточной прозрачностью деятельности контрольных органов и недоступностью информации об аудиторской деятельности и выводах, полученных в ходе проверок расходования бюджетных обязательств.

Институты гражданского общества предпринимают инновационные меры, направленные на повышение подотчётности правительств по вопросам использования государственных ресурсов. За счёт этого они могут повысить эффективность ВОФК при осуществлении аудита деятельности органов государственной власти.

Обобщение зарубежного опыта позволяет выделить следующие рекомендации по развитию дальнейшего сотрудничества между институтами гражданского общества и ВОФК:

1. Институтам гражданского общества следует повышать грамотность общества по вопросам управления государственными финансами. Одновременно ВОФК следует разрабатывать доступные и понятные отчёты, а также своевременно и регулярно их распространять среди общественности, содействуя формированию специальных групп активистов по работе с бюджетом.

2. Институтам гражданского общества, обладающим сетями взаимодействия и опытом выявления возможных случаев коррупции, следует сообщать о них ВОФК. Для того чтобы воспользоваться преимуществами этих сетей и существующим опытом, ВОФК следует формировать каналы связи, по которым общественные институты могли бы сообщать о возможных нарушениях и предлагать темы для аудиторских проверок. В этой связи мировому сообществу можно предложить ознакомиться с опытом работы «телефона доверия» и общественной приёмной Счётной палаты РФ.

В рамках взаимодействия Счётной палаты РФ с общественными институтами интересен опыт её сотрудничества с Российским союзом налогоплательщиков (РСН). РСН и его региональные отделения не только активно занимаются просветительской работой с населением, информируют общественность и органы власти о фактах нецелевого и неэффективного распоряжения средствами государственного бюджета и собственностью. Они также реализуют собственные инициативы, направленные на укрепление системы финансового контроля на местах и усиление прозрачности деятельности местных органов власти в вопросах расходования бюджетных средств.

Кроме того, Счётная палата имеет постоянные контакты с Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (АЮР), Российским книжным союзом (РКС) и многими другими организациями, что позволяет ей учитывать в своей деятельности интересы достаточно широкого круга заинтересованных сторон, расширять информированность об ожиданиях и запросах представителей гражданского общества. Важным следствием активного взаимодействия Счётной палаты с различными общественными институтами является расширение и обогащение опыта использования различных методов и моделей сотрудничества.

Для укрепления научно-методической базы контрольной деятельности и повышения эффективности государственного контроля Счётной палатой учреждены Государственный научно-исследовательский институт, Высшая школа государственного аудита, организован Экспертно-консультативный совет при Председателе Счётной палаты Российской Федерации.

3. Институты гражданского общества (наряду с законодательными органами) могут контролировать выполнение рекомендаций ВОФК, а также оказывать влияние на результативность этого процесса. Несмотря на то, что мандат ВОФК, как правило, не позволяет им участвовать в политических процессах, институты гражданского общества могут использовать своё влияние для увеличения общественного, а в некоторых случаях и политического веса рекомендаций, разрабатываемых ВОФК.

Таким образом, дальнейшее развитие взаимодействия между ВОФК и институтами гражданского общества, устранение существующих ограничений предполагают юридическую регламентацию этого процесса, в том числе принятие определённых правовых норм, институционального оформления и методического обеспечения соответствующей деятельности. Это особенно важно для развивающихся экономик и экономик переходного периода, где процесс формирования экономического законодательства ещё продолжается, так же как и создание институтов гражданского общества. Синхронизация этих процессов создаёт потенциал для эффективного взаимодействия между властью и обществом в вопросах формирования и использования государственного бюджета в интересах социально-экономического и общественного развития.

Библиографический список

1. Website of International Budget Partnership. URL: http://www.internationalbudget.org/what-we-do/open-budget-survey/research-resources/?fa=methodology.
2. Обзор Открытости Бюджета, 2012 г. URL: http://internationalbudget.org/files/2010_Full_Report-Russian.pdf.

Bibliography

1. Website of International Budget Partnership. URL: http://www.internationalbudget.org/what-we-do/open-budget-survey/research-resources/?fa=methodology.
2. The Open Budget Survey, 2012 г. URL: http://internationalbudget.org/files/2010_Full_Report-Russian.pdf.

© Крохина Ю. А., 2014

УДК 347.63

РАЗВИТИЕ ПРАВ РЕБЕНКА В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Д. Р. Каримова, докторант

Ташкентский исламский университет, г. Ташкент, Узбекистан

DEVELOPMENT OF CHILDREN'S RIGHTS IN THE PERIOD OF INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

D. R. Karimova, doctoral applicant

Tashkent Islamic University, Tashkent, Uzbekistan

Summary. This article observes the defense of human rights and children in the legislation of Uzbekistan, which are considered as the main questions of government's politics. To define the aim of the article, international documents comparably concerning these questions are analyzed as well as particular documents that are being realized in our Republic are also studied carefully.

Keywords: right; children; Uzbekistan; legislation.

В Узбекистане сформирована целостная система правовой защиты детей, и в этой сфере государственной политики осуществляется комплексная работа. Она заключается не только в исправлении отдельных недостатков, но и в создании в обществе таких условий, в которых каждому ребенку доступны качественное образование, необходимые медицинские услуги, он имеет возможность получить достойную профессию и соответствующее трудоустройство. Такая политика проводится в интересах подрастающего поколения, численность которого составляет более 40 процентов от общего числа населения страны.

Обязательства государств, в том числе и Республики Узбекистан, по обеспечению и защите прав молодежи закреплены во многих международных документах, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Однако ключевым документом в этой области является Конвенция ООН о правах ребенка [2, с. 193], закрепляющая права ребенка – гражданские, политические, экономические, социальные и культурные. Этот документ не только определяет ребенка как лицо, наделенное конкретными правами, но и предусматривает его защиту посредством национальных и судебных или административных мер.

Узбекистан одним из первых в СНГ принял обязательства по соблюдению Конвенции ООН «О правах ребенка». Республика Узбекистан ратифицировала Конвенцию о правах ребенка 12 сентября 1992 года и тем самым взяла на себя обязательства уважать, обеспечивать и защищать все права ребенка, предусмотренные этим международным договором. Присоединение к Конвенции способствовало формированию государственной политики в области защиты прав детей, которая является последовательно осуществляемой деятельностью государственной власти на местах по созданию эффективного механизма правового регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением и защитой прав детей. В этой связи приоритетным направлением государственной политики Узбекистана является создание необходимых правовых и организационных

условий и гарантий соблюдения и защиты прав детей.

Нельзя переоценить значение ежегодных целевых государственных программ в сфере социальной защиты детей и молодежи. Хотелось бы особо отметить такие, как «Год социальной защиты», «Год семьи», «Год здоровой матери и ребенка», «Год молодежи», «Год гармонично развитого поколения» и «Год здорового ребенка», так как в рамках этих государственных программ решаются насущные вопросы, которые сегодня ставит перед обществом жизнь.

В 2008 году узбекский Парламент ратифицировал следующие международные документы, касающиеся прав детей:

– Конвенцию МОТ о минимальном возрасте для приёма на работу (4 апреля 2008 г.);

– Конвенцию МОТ о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (8 апреля 2008 г.);

– Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (8 июля 2008 г.);

– Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (11 декабря 2008 г.);

– Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооружённых конфликтах (12 декабря 2008 г.).

Ребенок – субъект права, и приоритетность его интересов признана национальным законодательством. В положениях Конституции Республики Узбекистан фактически закреплены основополагающие принципы защиты прав ребенка, в том числе и право на социальную защиту.

Согласно Конституции Республики Узбекистан (статья 45), права несовершеннолетних, нетрудоспособных и одиноких престарелых находятся под защитой государства.

В статье 64 Конституции подчеркивается, что государство и общество обеспечивают содержание, воспитание и образование детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, поощряют благотворительность к ним.

Особенное значение в деле защиты прав и законных интересов несовершеннолетних имеет Закон Республики Узбекистан от 7 января 2008 года «О гарантиях прав ребенка», который, в свою очередь, является детской Конституцией, определяющей основные направления государственной политики по защите прав детей. Основными задачами Закона являются:

– во-первых, упорядочение отношений в сфере гарантий прав ребенка;

– во-вторых, приведение законодательства Республики Узбекистан в соответствие с Конвенцией ООН о правах ребенка и другими международными документами;

– в-третьих, формирование единого законодательного акта, определяющего гарантию и защиту обеспечения основных прав ребенка, дальнейшее усиление гарантий социальной защиты.

Закон определяет основные направления государственной политики Республики Узбекистан. Это обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка, охрана жизни и здоровья ребенка, недопущение дискриминации ребенка, защита чести и достоинства ребенка. Также Закон определяет обеспечение равенства прав и возможностей детей, совершенствование правовых основ гарантий прав ребенка, обеспечение соблюдения законодательства о гарантиях прав ребенка, обеспечение открытости и прозрачности деятельности государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов ребенка.

Принятие Закона Республики Узбекистан «О профилактике безнад-

зорности и правонарушений среди несовершеннолетних» свидетельствует об устойчивости проводимых в нашей стране системных реформ в области развития и обеспечения прав и интересов несовершеннолетних. Закон принят 12 августа 2010 года Законодательной палатой и одобрен 28 августа 2010 года Сенатом Олий Мажлиса страны. Целью его является регулирование отношений в области профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Характерной особенностью является активное участие органов законодательной власти в осуществляемой ими законодательной и надзорной деятельности по обеспечению прав ребенка. При поддержке ЮНИСЕФ в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан создан Ресурсный центр по правам ребенка, не только информирующий депутатов по вопросам прав ребенка, но и содействующий координации деятельности государственных органов и неправительственных организаций в данной сфере.

Следует также отметить, что укрепились международные связи Узбекистана в сфере прав ребенка, а именно развиваются и расширяются сотрудничество и связи:

– в рамках программы сотрудничества Правительства Узбекистана с Представительством ЮНИСЕФ в Узбекистане, Главным офисом ЮНИСЕФ и Региональным представительством ЮНИСЕФ в странах Центральной и Восточной Европы и странах СНГ, директор которого Стивен Ален посетил Узбекистан в июле 2009 г.;

– в сфере прав человека – с Консультативным Советом ООН по правам человека в рамках представления информации о системе образования Узбекистана;

– со специальным докладчиком ООН по вопросам права на образование В. Муноз Виллабосом при подготовке ответа Узбекистана на вопросник «Права заключенных на образование» и т. д. [1, с. 8].

Недавно, 2 января 2014 года Президент Узбекистана И. Каримов подписал новый закон «Об опеке и попечительстве», который вступит в силу через шесть месяцев. До принятия закона нормы, связанные с опекой и попечительством, были закреплены в различных документах и находились в разрозненном виде. Реализация нового закона послужит модернизации системы опеки и попечительства, прозрачности деятельности соответствующих органов и усилению защиты прав и интересов всех категорий граждан, нуждающихся в опеке и попечительстве.

В заключение можно сказать, что отличительной особенностью государственной молодежной политики является то, что проблемы детства рассматриваются, во-первых, во взаимодействии с проблемами материнства, что позволяет говорить о правах матери и ребёнка как о некой целостной системе; во-вторых, в неразрывности с процессом формирования здорового поколения; в-третьих, в связи с формированием правовой культуры и воспитанием высокой духовности, любви и уважения к ребенку.

Библиографический список

1. Мониторинг прав ребенка : учеб.-метод. пособие. – Ташкент : Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2011. – 134 с.
2. Права человека : сб. междунар. договоров. Т. 1. Ч. 1. Универсальные договоры. – Женева : ООН, 1994.

Bibliography

1. Monitoring prav rebenka : ucheb.-metod. posobie. – Tashkent : Natsionalnyiy tsentr Respubliki Uzbekistan po pravam cheloveka, 2011. – 134 p.
2. Prava cheloveka : sb. mezhdunar. dogovorov. T. 1. Ch. 1. Universalnyie dogovoryi. – Zheneva : OON, 1994.

© Каримова Д. Р., 2014

УДК 343.2/7

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕЗАКОННЫХ МИГРАНТОВ

П. Н. Кобец, доктор юридических наук, профессор

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия

FOREIGN EXPERIENCE IN CRIME PREVENTION OF ILLEGAL MIGRANTS

P. N. Kobets, doctor of law, professor

National Research Institute of Russia Ministry of the Interior, Moscow, Russia

Summary. The publication is focused on the analysis of issues related to the migration flows of foreign labour. This problem, in the framework of consideration of questions relating to the prevention and suppression of illegal migration is one of the topical for regulation of migration processes in most of the States CIS and the countries of the former Soviet bloc, where immigration, including from countries with difficult socio-political, economic and sanitary-epidemiological conditions, is a massive scale.

Keywords: preventing crime; illegal migrants; migration policy.

В практике проведения политики в отношении вынужденных мигрантов и внутренней миграционной политики в развитых странах Европы, Азии, Южной и Северной Америки можно выделить несколько основных направлений реализации такой политики: прием и временное обустройство беженцев, противодействие незаконной миграции, прием и интеграция переселяющихся этнических граждан. Так, вопросами учета иностранных граждан в Японии, в который включают только иностранцев, находящихся в стране более 90 дней, миграционными потоками и натурализацией занимается Министерство юстиции и Иммиграционное бюро, в Швеции – Центральное статистическое управление страны, в Италии, Финляндии, Великобритании и Португалии – Министерства иностранных дел, дающие разрешения на пребывание иностранным гражданам, в Бельгии – Национальный институт по статистике, Министерство труда и занятости, Министерство юстиции и т. д.

Рассмотрение полномочий данных структур в сфере миграционной политики в предложенной публикации должно быть, в целях выявления наиболее оптимальных форм деятельности, спроецировано на деятельность соответствующих структур в Российской Федерации [1].

Определенные сложности при проведении анализа могут возникнуть также в связи со значительной разнородностью источников данных о международной миграции, а также имеющимися в разных странах различными системами учета коренного и иностранного населения. Так, в Ирландии, Португалии и многих других странах в отличие от Дании, Германии, Бельгии, Швеции, Японии, Швейцарии отсутствуют специальные регистры населения, в том числе и иностранного, позволяющие вести строгий и полный учет как естественного, так и миграционного движения населения. В законодательстве зарубежных стран существует различный подход к определению и правовому положению

иммигрантов, так, например: в Германии иммигрантами считаются лица, пересекающие границу с намерением устроиться в стране, в Японии – национальные граждане и иностранцы, приезжающие из-за границы, в США – иностранцы, допущенные на законных основаниях с целью постоянного проживания в стране [2].

Во многих странах существуют три основные меры противодействия незаконной миграции: усиление пограничного контроля; сохранение правил, регулирующих рынок труда; сокращение возможностей для въезда в страну; переговоры со странами-отправителями о приеме их граждан обратно. Примером может служить строгий режим пограничного контроля вдоль польско-германской границы, который обеспечивают около 6 тыс. агентов погранично-патрульной службы, введенный еще в начале 90-х годов прошлого столетия и сохраняемый сегодня. В результате граница между Польшей и Германией является самой охраняемой в мире после границы США с Мексикой. Федеральная пограничная полиция Германии использует комплекс организационно-технических мер противодействия незаконному пересечению границы. В него входит усиление личного состава пограничных служб восточных рубежей, а также широкое использование современных средств мобильного контроля (радары, инфракрасные приборы, специально обученные собаки, вертолеты и патрульные катера) [3].

Еще одной мерой по противодействию незаконной иммиграции, используемой во многих государствах, являются строгие правила, регулирующие рынок труда. Такие правила, например, особенно ужесточены в Германии по отношению к строительной отрасли за счет введения системы проверок на рабочих местах, позволяющей работодателям легко выявлять тех, кто имеет законное право на работу. За незаконное привлечение на работу иностранцев предусмотрены серьезные санкции. Лица, участвующие в контрабандной переправке иностранных граждан либо привлекающие их к труду в качестве наемных работников без соответствующего разрешения, наказываются крупным денежным штрафом или лишением свободы до трех лет.

Анализ данного закона, а также ряда других нормативных актов позволяет сделать вывод, что основой итальянской системы внутреннего контроля над иммиграцией является вид на жительство и разрешение на работу. Прием иммигрантов и работа без проверки разрешения на работу являются нарушением закона, за что предусмотрены штрафы и лишение свободы. После того, как данный закон вступил в силу и правительство установило квоту на въезд, была принята новая программа амнистии. Наряду с Италией и рядом других европейских стран аналогичные процедуры по легализации части иностранцев, находящихся в государствах без разрешения властей, проводились и в государствах Северной Америки. Так как одним из способов легализации пребывания и получения статуса гражданина либо вида на жительство является фиктивный брак, исполнительные и законодательные органы принимающих мигрантов стран уделяют этому явлению особое внимание. Так, во Франции в сомнительных случаях мэр уполномочен отложить регистрацию брака с иностранцем на месяц или совсем отменить регистрацию [4].

Таковы некоторые положительные аспекты деятельности правоохранительных органов развитых странах Европы, Азии, Южной и Северной Америки по противодействию незаконной миграции.

Библиографический список

1. Кобец П. Н. Противодействие миграционной преступности в Российской Федерации : монография. – М. : НУ ОАОУ, 2013. – 216 с.
2. Кобец П. Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. – М. : Экзамен, 2006. – 511 с.
3. Кобец П. Н. Противодействие преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России : монография. – М. : ВНИИ МВД России, 2004. – 370 с.
4. Кобец П. Н. Противодействие преступности незаконных мигрантов в начале третьего тысячелетия в сверхкрупных городах России. – М. : Изд-во МИП, 2005. – 130 с.

Bibliography

1. Kobets P. N. Protivodeystvie migratsionnoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – M. : NU OAOU, 2013. – 216 p.
2. Kobets P. N. Osobennosti preduprezhdeniya prestupnosti inostrannyih grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossii. – M. : Ekzamen, 2006. – 511 p.
3. Kobets P. N. Protivodeystvie prestupnosti inostrannyih grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossii : monografiya. – M. : VNII MVD Rossii, 2004. – 370 p.
4. Kobets P. N. Protivodeystvie prestupnosti nezakonnyih migrantov v nachale tretego tyisyacheletiya v sverhkrupnyih gorodah Rossii. – M. : Izd-vo MIP, 2005. – 130 p.

© Кобец П. Н., 2014

Pedagogické vědy

UDC 372.882

METHODOLOGICAL ASSISTANCE OF L. F. MIROSHNICHENKO'S SCIENTIFIC SCHOOL FOR LANGUAGE AND LITERATURE TEACHERS IN SEVASTOPOL IN INTEGRATION INTO UKRAINIAN EDUCATIONAL SPACE

L. V. Adonina, candidate of philological sciences, assistant professor
Sevastopol Municipal Humanitarian University, Sevastopol, Russia

Summary. The article describes the role of methodological scientific school by a famous Ukrainian methodological scholar L. F. Miroshnichenko in formation of Language and Literature's teachers' professional skills in Sevastopol and integration of a Russian-speaking city into Ukrainian educational space.

Keywords: historical experience; methodological school; integration processes; teaching of World Literature at school.

The relevance of this research is caused by the necessity of an analysis of present positive methodological and pedagogical experience of the integration Russian-speaking Sevastopol in the Ukrainian educational system. The analysis is aimed to help its seamless integration during the return of Sevastopol into Russian educational space.

During the whole period of Ukraine's development as an independent state, fundamental changes were always happening – state standards of basis and complete secondary education were being worked out, the established principles for subjects' content formation were being reviewed. It was followed by creation of new programmes and textbooks, search for new technologies, which provide the quality and result of study. In that situation teacher had to be prepared for the changes that were occurring in the structure and content of education, for implementation and effective usage of innovative forms and methods of work. An expert assistance for the teacher is an important role of a scientific school by a famous scientist L. F. Miroshnichenko.

Doctor of Education, Professor Lesya Fedorovna Miroshnichenko is regarded as one the most respected figures in Methods of Teaching Foreign Literature at schools of Ukraine. She has built so called basis, where impressive building of Ukrainian science about art of teaching a new unique subject in Ukrainian schools was erected.

Introducing of a new subject on the territory of Ukraine was uneven – Ukrainian-speaking regions were the first which proceeded to the new educational standards, textbooks and programmes. An integrated course «Literature (Russian and World)» which is the variant of the course «World Literature» for schools with Russian language of teaching was introduced in Sevastopol, taking into consideration the interests of Russian-speaking citizens. In Ukraine there was a phased integration in educational system of Ukraine and Sevastopol into educational space of the country.

Close cooperation of Sevastopol teachers with the methodological school by Professor L. F. Miroshnichenko started in 2003 and continued more that 10 years. This period is significant and productive for L. F. Miroshnichenko's scientific school. The school was able to reveal the scientific and methodic potential of the school, which is the sourse of the

progressive and perspective ideas in the sphere of Methods of Teaching World Literature at school.

Professional of the highest level, Lesya Fedorovna Miroshnichenko has never been an «armchair» scientist, she has never refused from the communication with Ukrainian teachers, taking into consideration the importance of transfer of her own professional experience, spread of the home Methods of Teaching' ideas, its interpretation in the mass teacher practice.

Assistance for teaching in successful decision of problems in Literature education and upbringing schoolchildren is the chief aim of scientific and methodological of L. Miroshnichenko's school, which became an experimental base for carrying out researches, real creative scientific-methodoligical laboratory, on the base of which the state standards on World Literature for secondary institutions in Ukraine, curricula were worked out, textbooks, teaching aids, readers, monographs, also numerous articles in the professional press were written.

But not scientific researches on Methods of Teaching Literature, not methodological publications which are aimed to help teacher, not publications from the professional experience on the pages of pedagogical magazines couldn't substitute the face-to-face communication of Sevastopol teachers with the leader of this scientific school and her followers. This communication accomplished on several directions: work on the refresher courses for teachers in 2003-2008, leadership of the section on Methods of Teaching Philological Disciplines during the Sevastopol Cyril and Methodius Readings (2007–2012), conducting lessons in International Philological School (2010–2012), conducting Round-table discussions on Conception of Literary Education, State standards, new programmes on Literature for 11-year school (2010–2012), participation in International philological school «Traditions and Innovations in Teaching Philological Disciplines at School and Institutes of Higher Education» (2009–2013), holding master-classes for students and young specialists during the Forum «Word is Great Thing», giving master-classes, presentation of new textbooks, Round-table discussions for Sevastopol teachers.

Thanks to close scientific contacts with the Department of Methods of Teaching Russian Language and World Literature in the Institute of Foreign Philology at the National Pedagogic Dragomanov University, teachers have an exciting possibility to acquire new technologies, get leading and original author methods and principles «first hand», study new materials during the practice in the format of interactive interaction with the authors of curricula, school textbooks.

Participation of language and literature teachers in Round-tables discussions, organized by L. F. Miroshnichenko's school about Conception of Literary Education, State standard, new programmes on Literature for 11-year old school, new textbooks assisted to enhance their mastership.

L. F. Miroshnichenko paid particular attention to preparation of a new Language and Literature teachers' generation. Tutorship is an integral part of a methodological school's conception. It is tutorship that is able to intensify the process of professional formation of a young teacher and to develop his motivation to self-development, self-realization, and self-perfection. During the Forum «Word is Great Thing» the Professor has read lections for students and young Ukrainian teachers which have become the basis, which provided professional formation of a young teacher.

Since 2009 L. F. Miroshnichenko's followers: H. A. Isaeva, J. V. Klimenko, A. A. Vitchenko, L. N. Udovichenko, A. O. Melnik and many others take an active part in science-methodological education of Sevastopol teachers. They conduct master-classes and lections in numerous arrangements.

To conclude we should state that L. F. Miroshnichenko's school has a considerable science-methodological potential, it is a source of prospective ideas in the sphere of Methods of Teaching World Literature at school, creative science-methodological laboratory. The scientific school has been in close coordination with Language and Literature teachers in Russian-speaking regions, this school has been rendering assistance in successful decision of problems concerning literary education and upbringing schoolchildren and improving their professional skills. Such cooperation was extremely productive not only for the work of a particular teacher, but also for the development of Methods of Teaching Literature as a science.

Bibliography

1. Адонина Л. В. Методическая помощь научной школы Л.Ф. Мирошниченко учителям-словесникам автономной республики Крым и г. Севастополя в их профессиональном становлении // Социально-гуманитарное знание: традиции и инновации: Сборник научных статей. – Севастополь: Издательство «Рибэст», 2014. – С. 10–13.
1. Adonina L. V. Principles of teaching foreign literature in Ukrainian schools the first stage of formation (1991–1995) // Science and Education f New Limension Hedagogy and Psychology. – Vol.3. – 2013. – P. 7–10.

Bibliography

1. Adonina L. V. Metodicheskaya pomosch nauchnoy shkolyi L. F. Miroshnichenko uchitelyam-slovesnikam avtonomnoy respubliki Kryim i g. Sevastopolya v ih professionalnom stanovlenii // Sotsialno-gumanitarnoe znanie: traditsii i innovatsii: Sbornik nauchnyih statey. – Sevastopol: Izdatelstvo «Ribest», 2014. – S. 10–13.
2. Adonina L. V. Principles of teaching foreign literature in Ukrainian schools the first stage of formation (1991–1995) // Science and Education f New Limension Hedagogy and Psychology. – Vol. 3. – 2013. – P. 7–10.

© Adonina L. V., 2014

УДК 378.01

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В ВУЗЕ

В. Д. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент;
Е. Г. Кокорева, доктор биологических наук, доцент;
З. И. Матина, старший преподаватель;
Г. Г. Худяков, кандидат биологических наук, доцент
Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

HEALTH PRESERVING TECHNOLOGIES ON OCCUPATIONS OF PHYSICAL TRAINING IN UNIVERSITY

V. D. Ivanov, candidate of pedagogical sciences, assistant professor;
E. G. Kokoreva, doctor of biological sciences, assistant professor;
Z. I. Matina, senior teacher;
G. G. Khudyakov, candidate of biological sciences, assistant professor
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Summary. In article value of physical culture as important factor of formation of culture of a health-saving of students in the course of training in higher education institution reveals. Results of experimental work on use of health saving technologies are given in educational process of higher education institution.

Keywords: health-saving; health saving technologies; student and health.

Актуальность. В современных условиях становления и динамичного развития общества успешным может быть физически и духовно здоровый человек, способный к полноценной, активной и творческой профессиональной деятельности.

Поэтому важная задача преподавателя вуза при работе со студентами – дать необходимый объём знаний в сфере организации здорового образа жизни, выстроить учебный процесс таким образом, чтобы полученные знания стали установками для формирования собственной культуры здоровья. Физическое воспитание в этом процессе занимает существенное место. Физическая культура – инструмент, позволяющий:

– получить необходимые знания в области гигиены жизнедеятельности, здорового образа жизни, культуры двигательной активности;

– это поле практического применения знаний, практической реализации здорового образа жизни, культуры здоровья через преодоление трудностей физической активности, формирование позитивного отношения к двигательной активности, увлечённости и жизненных установок.

Успешный в области физической культуры (в широком понимании) человек активно решает проблемы и в других сферах своей деятельности, и, безусловно, с такой подготовкой способен будет достойно реализовать себя в будущем как специалист.

Известно, что формирование здорового образа жизни происходит в семье, детском саду, школе, вузе, где работает пример и накапливается жизненный опыт. Невозможно научить и воспитать специалиста, если в практике вузовской учебы и жизни отсутствуют здоровьесберегающие технологии.

Обучение в вузе, являясь важным этапом в профессиональном становлении и жизни молодого человека, предъявляет серьёзные требования к его здоровью. Информационные и экзаменационные стрессы, нерациональное питание, гиподинамия, отсутствие должного режима учебного труда и отдыха, вредные привычки являются факторами риска для

здоровья студента и способствуют росту заболеваемости в период обучения в вузе. Необходимость создания системы, которая будет способствовать формированию здорового образа жизни студентов, повышению роли физической культуры в сохранении здоровья будущих специалистов, отражена в научных исследованиях С. В. Антонова, Я. С. Вайнбаума, М. Я. Виленского, В. П. Губы, Э. М. Казина, Н. Е. Кирилловой, Л. И. Лубышевой, С. В. Склярова и др.

В условиях педагогического вуза качество системы физического воспитания, особенно оздоровительная его направленность, играет важную роль, которая определяется задачами физического воспитания студента как будущего специалиста – носителя эталона культуры здоровья. Однако эта потребность пока не удовлетворяется в полной мере, чему во многом способствуют противоречия в теории и практике высшего педагогического образования и физического воспитания. Ведущим из них является противоречие между гуманистическими основами обучения в вузе и недостаточной разработанностью педагогических условий, способствующих формированию культуры здоровья с помощью системы физического воспитания. Разрешение этого противоречия требует улучшения качества системы физического воспитания студентов путём усиления оздоровительной направленности и обеспечения профессионального уровня подготовки студентов, владеющих знаниями здорового образа жизни и гигиены жизнедеятельности, которые будут жить и работать с установками на реализацию здорового образа жизни.

В настоящее время в России ведётся активный поиск различных форм, методов и технологий деятельности образовательных учреждений в сфере формирования здорового образа жизни молодёжи [1, 2, 3].

На основании вышесказанного, сформулирована проблема исследования, направленная на выявление педагогических условий, способствующих совершенствованию системы физического воспитания с целью эффективного обучения студентов здоровому образу жизни и гигиене жизнедеятельности.

Цель исследования: экспериментально обосновать эффективность обучения здоровому образу жизни и гигиене в процессе физического воспитания студентов в период обучения в вузе.

Объектом исследования является система физического воспитания студентов вуза.

Предметом исследования является совокупность педагогических условий и содержание процесса формирования культуры здоровья в системе физического воспитания будущих педагогов.

Гипотеза исследования. Профессиональная деятельность будущего специалиста требует сформированности достаточного уровня культуры здоровья, здоровьесбережения и здоровьестроения. Совершенствование системы физического воспитания студентов вуза в целях формирования культуры здоровья может быть обеспечено, если:

– здоровьесберегающие технологии проведения занятий по физической культуре будут соответствовать потребностям формирования у них культуры здоровья;

– будут созданы условия для обучения студентов здоровому образу жизни и гигиене жизнедеятельности в процессе занятий физической культурой;

– уровень компетентности преподавателей физической культуры позволит обучать студентов здоровому образу жизни и основам гигиены.

В соответствии с целью и гипотезой были поставлены следующие задачи исследования:

1. Изучить готовность студентов и педагогов в процессе физического воспитания реализовать положения здорового образа жизни и основ гигиены жизнедеятельности.

2. Разработать и апробировать модель физического воспитания студентов вуза

с целью подготовки специалистов, знающих и практикующих культуру здоровья.

3. Оценить эффективность обучения здоровому образу жизни и основам гигиены в системе физического воспитания студентов вуза.

Опытно-экспериментальная база. Работа выполнена на базе Челябинского государственного университета. Всего исследованием было охвачено 435 студентов ЧелГУ и 50 преподавателей кафедр физического воспитания вузов г. Челябинска.

Выдвижение проблемы здоровья в число приоритетных задач общественного развития определяет актуальность теоретической и практической разработки данного вопроса, создавая необходимость развёртывания соответствующих научных исследований и выработку методических и организационных подходов к сохранению здоровья, его формированию и развитию. Отсюда возникает необходимость воспитания культуры здоровья и формирование здорового образа жизни человека.

Культура здоровья – важнейшая составляющая общей системы культуры. Она приобретает ведущее значение среди глобальных проблем современности, определяющих будущее человечества.

О наличии культуры здоровья мы судим, опираясь на такие критерии, как когнитивный, мотивационный, эмоциональный, коммуникативно-деятельностный, волевой. Их показателями выступают ценностные ориентации и качества личности, составляющие основу культуры здоровья будущего специалиста.

Мы понимаем, что культура здоровья имеет многофакторную структуру, и выделяем среди неё главные составляющие: сформированность представлений о здоровье и здоровом образе жизни; наличие знаний о способах укрепления и сохранения здоровья; осознание ресурсов своего организма; понятие всей полноты ответственности за состояние своего здоровья.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) определили ориентировочное соотношение различных факторов обеспечения здоровья современного человека, выделив в качестве основных четыре: генетические факторы – 15–20 %; состояние окружающей среды – 20–25 %; медицинское обеспечение – 10–15 %; условия и образ жизни людей – 50–55 %.

В процессе формирования культуры здоровья важное место занимает обучение здоровью. Высоким потенциалом в этой области обладает преподаватель физической культуры [3].

В настоящее время культура здоровья рассматривается как составляющая эффективной профессиональной деятельности, реализуемой на практике в виде ценностных ориентаций, морально-нравственных установок, личностно-профессиональных качеств будущего специалиста, но степень разработанности проблем формирования культуры здоровья студентов недостаточна: нуждаются в уточнении особенности её содержания, не раскрыты возможности профессиональной подготовки студентов, не определены критерии и показатели, нет сформированной культуры здоровья, не выработан эффективный инструментарий для её объективной оценки.

Здоровым образом жизни принято называть образ жизни каждого человека, направленный на профилактику заболеваний и укрепление здоровья. Актуальность здорового образа жизни обусловлена возрастанием и изменением характера нагрузок на человеческий организм вследствие усложнения общественной жизни, увеличения рисков экологического, техногенного, политического, психологического и военного характера.

Для оптимизации обучения здоровому образу жизни и гигиенической составляющей в системе физического воспитания студентов вуза в ходе исследования необходимым фактором было соблюдение основных педагогических условий:

1. Соблюдение санитарно-гигиенических норм и правил при организации

педагогического процесса в высшем учебном заведении.

2. Организация физкультурно-оздоровительной работы в вузе.

3. Проведение ежегодных профилактических медицинских осмотров и консультаций для студентов, преподавателей и сотрудников.

4. Организация отдыха.

5. Формирование научного мировоззрения и ценностных установок студентов, в том числе на здоровье, здоровый образ жизни и двигательную активность.

6. Расширение межличностных связей и отношений в ходе учебной и вне учебной деятельности студентов и преподавателей.

В ходе проведения экспериментальных исследований по оценке уровня знаний студентов гигиены жизнедеятельности, мы опирались на понимание того, что гигиена изучает влияние окружающей среды и производственной деятельности на здоровье человека и разрабатывает оптимальные, научно-обоснованные требования к условиям жизни и труда населения.

На основании выше сказанного можно констатировать, что центральное место в культуре здоровья занимают знания, умения, навыки по формированию здорового образа жизни, а также знание правил и требований гигиены.

Методическое сопровождение учебной дисциплины «физическая культура», направленное на обучение здоровому образу жизни и гигиене

Дидактические единицы обучения

Лекции

1. Физическая культура в общекультурной и профессиональной подготовке студентов. Физическая культура как средство укрепления и сохранения здоровья. Взаимосвязь физической и умственной деятельности человека. Средства физической культуры, повышающие умственную и физическую работоспособность. Гигиенические требования к местам занятий физической культурой. Гигиенические основы физкультурного образования студентов. Основные гигиенические требования к учебно-воспитательному процессу.

2. Основы здорового образа жизни студента. Физическая культура в сохранении и укреплении здоровья. Влияние двигательной активности на здоровье. Формирование ценностных ориентации студентов на здоровый образ жизни и физическое совершенствование. Составляющие здорового образа жизни. Режим питания при занятиях физической культурой и спортом. Последствия недостаточной двигательной активности. Физические упражнения, как средство профилактики информационного и экзаменационного стресса. Роль занятий физической культурой в профилактике аддиктивного поведения. Гигиенические требования при дозировании физических нагрузок у различных возрастных групп. Личная гигиена и закаливание. Факторы общественной гигиены во время занятий физической культурой.

3. Основы методики самостоятельных занятий физическими упражнениями. Формы самостоятельных занятий: утренняя гигиеническая гимнастика, ходьба и бег, ходьба на лыжах, езда на велосипеде, спортивные и подвижные игры, походы выходного дня и др. Врачебно-педагогический контроль и самоконтроль в процессе самостоятельных занятий физическими упражнениями. Гигиена самостоятельных занятий и профилактика травматизма.

4. Социально-биологические основы физической культуры. Организм человека как единая саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система. Влияние природно-климатических, экологических и социальных факторов на организм и жизнедеятельность человека. Физиологические механизмы и закономерности совершенствования отдельных систем организма под воздействием

направленной физической тренировки. Двигательная функция и повышение устойчивости организма человека к различным условиям внешней среды.

5. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов. Производственная гимнастика. Восстановление после работы. Профилактика неблагоприятных факторов труда. Физкультурно-оздоровительные занятия по месту жительства. Профилактика профессиональных заболеваний и травматизма средствами физической культуры.

6. Психофизиологические основы учебного труда и интеллектуальной деятельности. Средства физической культуры в регулировании работоспособности. Динамика работоспособности студентов в течение учебного дня, недели, года. Средства физической культуры в повышении умственной работоспособности, психоэмоционального и функционального состояния студентов. Гигиенические требования двигательной активности студентов с целью оптимизации работоспособности. Гигиенические нормативы двигательной активности студентов с учётом возраста и пола.

7. Врачебный контроль и самоконтроль в процессе занятий физическими упражнениями. Требования врачебно-педагогического контроля состояния здоровья студентов. Простейшие методики самоконтроля и их оценка. Дневник самоконтроля. Гигиенические основы организации физкультурно-оздоровительной работы со студентами. Профилактика заболеваний средствами физической культуры.

8. Спорт. Выбор вида спорта или системы физических упражнений Организация и содержание работы спортивных секций, групп общей физической подготовки. Гигиенические особенности участия в физкультурных праздниках, днях здоровья. Гигиенические основы избранного вида спорта или системы физических упражнений. Средства пропаганды здорового образа жизни. Наглядные и комплексные методы гигиенического обучения и воспитания в процессе спортивных тренировок.

Практические занятия

9. Гимнастика. Формирование навыков правильной осанки. Основы корегирующей гимнастики. Врачебно-педагогический контроль и самоконтроль в процессе занятий гимнастикой.

10. Лёгкая атлетика. Оценка влияния легкоатлетических упражнений на организм человека и дозировка нагрузки по пульсу. Врачебно-педагогический контроль и самоконтроль в процессе занятий лёгкой атлетикой.

11. Лыжный спорт. Оценка влияния физических упражнений в лыжном спорте и дозировка нагрузки по пульсу. Врачебно-педагогический контроль и самоконтроль в процессе занятий лыжным спортом.

12. Подвижные игры и спортивные игры. Оценка влияния спортивных и подвижных игр на состояние организма занимающихся и показатели частоты сердечных сокращений. Гигиенические требования к одежде и обуви при проведении подвижных и спортивных игр в спортивном зале и на свежем воздухе. Врачебно-педагогический контроль и самоконтроль в процессе занятий подвижными и спортивными играми.

13. Туризм. Влияние занятий спортивным и оздоровительным туризмом на физиометрические показатели (частота дыхания, частота сердечных сокращений) на здоровье, психоэмоциональную сферу и работоспособность человека.

В исследовании осуществлялась оценка требований государственного образовательного стандарта и рекомендуемой учебной программы по физической культуре, а также были проанализированы основные нормативные документы, регламентирующие работу по охране здоровья в вузе. В результате анализа специальной документации все студенты и преподаватели, участвующие в исследовании, занимались по разработанно-

му нами методическому сопровождению с акцентом на обучение здоровому образу жизни и гигиене в рамках учебной дисциплины «физическая культура».

Эффективность разработанных подходов по оптимизации формирования здорового образа жизни и гигиенической составляющей в системе физического воспитания будущих педагогов определялась по динамике результатов анкетирования до и после изучения разработанного нами методического сопровождения дисциплины «физическая культура» и показателям успеваемости студентов контрольной и экспериментальной групп.

Уровень знаний здорового образа жизни и гигиены студентов оценивался по разработанной анкете, содержащей 25 вопросов. Результаты опроса студентов:

– Здоровый образ жизни 30 %.

– Частично здоровый образ жизни 13,8 %.

– Нездоровый образ жизни 55,2 %.

– Нерациональное питание 80,9 %.

– Чрезмерные учебные нагрузки 65,3%.

– Стрессы 79,1 %.

– Недостаточная двигательная активность 92,0 %.

– Нерациональная организация режима дня 63,1 %.

– Вредные привычки 95,7 %.

– Недостаточные знания по здоровому образу жизни 75,7 %.

– Плохие материально-бытовые условия 73,6 %.

Из приведённого выше ранжирования видно, что среди факторов, не позволяющих назвать свой образ жизни здоровым, большинство студентов поставили нерациональное питание. Среди причин нерационального питания были названы внешние признаки: нехватка времени, недостаток денег, слабая организация питания в высшем учебном заведении. Среди рискогенных факторов здорового образа жизни по результатам опроса студентов, находятся чрезмерные учебные нагрузки (65,3 %). Среди факторов, не позволяющих оценить свой образ жизни как здоровый, принадлежит стрессам – 79,1 %.

У многих студентов в этот период возникают отрицательные эмоции, неуверенность в своих силах, чрезмерное волнение, страх и др.

Характерной особенностью здорового образа жизни современных студентов являются регулярные занятия физической культурой. По данным нашего исследования, недостаток двигательной активности отмечают 89,0 % респондентов. Одной из причин низкой физической активности студентов является несформированная потребность и мотивация к регулярным занятиям физическими упражнениями в дошкольных и школьных образовательных учреждениях.

По результатам опроса, среди студентов посещают спортивные секции 15,4 %, занимаются самостоятельно физическими упражнениями дома 5,8 %, занимаются физической культурой не систематически 49,4 % и не занимаются 31,4 %.

В ходе исследований была выявлена высокая потребность студентов в получении информации по вопросам личной гигиены, которая зачастую бывает противоречивой в различных литературных источниках и средствах массовой информации.

На вопрос о том, какие формы получения информации по вопросам личной гигиены являются наиболее приемлемыми, студенты ответили:

– родители (14,9 %);

– книги (11 %);

– врач (7,6 %));

– друзья (23 %);

– педагоги вуза (12,7 %);

– средства массовой информации (16,8 %);

– занятия физической культуры (14 %).

Преподаватель высшей школы должен выступать главным звеном обучения факторам здорового образа жизни и гигиеническим основам

студентов – как источник научной информации в области здоровьесбережения. Уровень компетентности по вопросам гигиены и культуры здоровья преподавателя, внедрение им инновационных здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс способствуют повышению качества педагогического процесса в высшем образовательном учреждении.

В целях оценки компетентности преподавателей по основным факторам здорового образа жизни и гигиены жизнедеятельности мы опросили 50 педагогов кафедр физического воспитания. Из них 5,9 % докторов наук, 16,8 % кандидатов наук и 77,3 % преподавателей без учёной степени высших учебных заведений г. Челябинска.

Оценка компетентности преподавателей кафедр физического воспитания проводилась по разработанной анкете, содержащей 30 вопросов. По данным опроса, выяснилось, что 75,2 % преподавателей высшей школы постоянно соблюдают санитарно-гигиенические нормы при организации учебно-педагогического процесса, 23,8 % – иногда придерживаются правил гигиены, а 1,0 % – вообще не выполняют их.

По мнению большинства преподавателей кафедр физического воспитания, реализация содержания учебной программы по физической культуре не оказывает заметного влияния на сознание студентов для формирования убеждений, установок и ценностных ориентаций на здоровьесберегающие технологии и не влияет на активную позицию по формированию здорового образа жизни студентов. Преподаватели по физической культуре считают, что учебная программа не обеспечивает положительного изменения мотивационно-ценностного отношения к деятельности в сфере здоровьесберегающих технологий.

Были названы причины, препятствующие внедрению здоровьесберегающих методик в учебно-образовательный процесс вуза:

– Низкая материально-техническая база – 82,2 %.

– Недостаток специальной литературы – 67,2 %.

– Отсутствие в вузе концепции обучения здоровьесберегающим технологиям и гигиеническим основам – 61,4 %.

– Недостаточная профессиональная подготовка педагогов – 54,5 %.

– Недостаточное методическое обеспечение – 48,5 %.

– Пассивность преподавателей – 32,7%.

– Другие причины – 15 %.

Преподаватели назвали и причины, препятствующие внедрению здоровьесберегающих образовательных программ в вузе.

В результате апробации разработанной модели и проведённого нами эксперимента была выявлена эффективность обучения здоровому образу жизни и гигиеническим основам в системе физического воспитания студентов вуза с целью формирования культуры здоровья.

Выявлено достоверное изменение сформированности всех компонентов культуры здоровья в системе физического воспитания студентов, а именно наибольшую восприимчивость к воздействию разработанных подходов когнитивного – 46,1% и деятельностного – 34,7% компонентов ($p < 0,05$). В меньшей степени отмечена динамика рефлексивного – 32,28 % и ценностно-мотивационного – 23,69 % компонентов сформированности культуры здоровья студентов, что доказывает необходимость дальнейшего усиления воспитательного направления обучения здоровому образу жизни и гигиене в процессе физического воспитания студентов.

Динамика показателей сформированности культуры здоровья до и после внедрения методического сопровождения дисциплины «физическая культура» в экспериментальной группе представлена в таблице.

Динамика показателей сформированности культуры здоровья до и после внедрения здоровьесберегающих технологий в учебный процесс по дисциплине «физическая культура» в экспериментальной группе

Факторы, ухудшающие состояние здоровья	До внедрения методического обеспечения курса «физическая культура», %	После внедрения методического обеспечения курса «физическая культура», %	*T*	Достоверность различий, p
Малоподвижный образ жизни	62,11	41,05	2,97	p<0,05
Нерациональное питание	86,32	46,32	6,44	p<0,05
Вредные привычки	92,63	42,11	8,82	p<0,05
Плохие материально-бытовые условия	63,16	56,84	0,89	p>0,05
Проблемы в семейной жизни	7,37	2,11	1,72	p>0,05
Недостаточная двигательная активность	88,42	48,42	6,57	p<0,05
Учебные нагрузки	68,42	40,00	4,10	p<0,05
Учебные нагрузки	68,42	40,00	4,10	p<0,05
Стрессы	70,53	45,26	3,65	p<0,05
Нерациональная организация учебного процесса	74,74	38,95	5,34	p<0,05
Взаимоотношения в семье и в студенческой группе	64,21	35,79	4,07	p<0,05
Взаимоотношения с преподавателями	76,84	27,37	7,86	p<0,05
Недостаточные знания по здоровому образу жизни	81,05	33,68	7,52	p<0,05
Прочее	75,79	26,32	7,85	p<0,05

Анализ результатов исследования показал, что снизилось количество факторов, не позволяющих вести здоровый образ жизни, и в контрольной группе, однако различия их в динамике, в основном, не достоверны.

В ходе эксперимента выявлена положительная динамика по вопросам соблюдения норм и правил личной гигиены. Средний прирост респондентов, которые соблюдают нормы и правила личной гигиены в экспериментальной группе составил 15,43 %, в контрольной – 4,17 %.

Проведённое исследование позволило нам определить основные направления совершенствования обучению здоровому образу жизни и основам гигиены в системе физического воспитания будущего педагога в условиях вуз.

1. Полученные результаты исследования позволяют говорить о низком уровне готовности студентов к формированию здорового образа жизни и гигиенических основ в процессе физического воспитания. Только 29,0 % будущих педагогов оценили свой образ жизни как здоровый, 89,0 % опрошенных отметили недостаточную двигательную активность и только 26,3 % студентов считали достаточными свои знания по вопросам сохранения и укрепления здоровья средствами физической культуры.

Более 65 % студентов испытывают высокую потребность в информации по вопросам культуры здоровья: профилактики заболеваний в образовательных учреждениях средствами и методами физической культуры; рационального питания;

профилактике стрессов; знаниям по формированию здорового образа жизни в процессе физического воспитания.

2. Полученные результаты исследования позволяют говорить о недостаточном уровне компетентности преподавателей вузов по обучению студентов здоровому образу жизни и основам гигиены. Только 42,6% преподавателей используют в образовательном процессе здоровьесберегающие технологии, а 52,5% не могут проектировать педагогическую деятельность с соблюдением гигиенических требований к процессу физического воспитания.

3. Разработанная модель формирования культуры здоровья в системе физического воспитания студентов позволяет быстро реагировать на индивидуальные изменения и корректировать процесс выбора и реализации преподавателем оптимального варианта обучения студентов знаниям, умениям и навыкам здорового образа жизни и гигиене жизнедеятельности.

4. В ходе эксперимента нами выявлена положительная динамика соблюдения норм и правил личной гигиены: повысился уровень знания в области гигиены питания, личной гигиены, гигиенических аспектов двигательной активности, труда и отдыха. В среднем уровень знания повысился:

– в экспериментальной группе – на 15,43 %,

– в контрольной – на 4,17 %.

5. Практическое внедрение комплекса педагогических условий, способствующих совершенствованию системы физического воспитания в вопросах формирования культуры здоровья, позволило достигнуть положительной динамики.

Количество студентов с высоким уровнем сформированной культуры здоровья после эксперимента возросло с 25,4 до 59,6 % ($p < 0,05$), а количество студентов с низким уровнем сформированной культуры здоровья уменьшилось с 46,0 до 21,0 % ($p < 0,05$). При этом доля лиц с высоким уровнем развития культуры здоровья была достоверно выше в экспериментальной группе на 19,2 % ($p < 0,05$).

Итоги педагогического эксперимента и полученные результаты позволяют утверждать, что формирование знаний о здоровом образе жизни и гигиене в системе физического воспитания имеют существенное практическое значение для формирования культуры здоровья будущих специалистов в процессе обучения в вузе.

Библиографический список

1. Елисеев Е. В., Трегубова М. В., Белоедов А. В. Повышение мотивации школьников 7–8 классов к групповым занятиям физической культурой и спортом // Психолого-педагогические и медико-биологические проблемы физической культуры, спорта и туризма и олимпизма: инновации и перспективы развития : сб. матер. Всероссийской науч.-практ. конференции. – Челябинск : ЮУрГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 74–79.
2. Кокорева Е. Г., Попова Т. В. Возрастные изменения физического развития у детей 7–10 лет при депривации зрения и слуха // Теория и практика физической культуры и спорта. – 2013. – № 5.
3. Сафронова И. Р., Кокорева Е. Г. Особенности когнитивной деятельности у студентов 19–20 лет с различным уровнем двигательной активности // Теория и практика физической культуры и спорта. – 2012. – № 6.

Bibliography

1. Eliseev E. V., Tregubova M. V., Beloedov A. V. Povyishenie motivatsii shkolnikov 7–8 klassov k gruppovyim zanyatiyam fizicheskoy kulturoy i sportom // Psihologo-pedagogicheskie i mediko-biologicheskie problemyi fizicheskoy kulturyi, sporta i turizma i olimpizma: innovatsii i perspektivyi razvitiya : sb. mater. Vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii. – Chelyabinsk : YuUrGU, 2012. – Ch. 1. – P. 74–79.
2. Kokoreva E. G., Popova T. V. Vozrastnyie izmeneniya fizicheskogo razvitiya u detey 7–10 let pri deprivatsii zreniya i sluha // Teoriya i praktika fizicheskoy kulturyi i sporta. – 2013. – № 5.
3. Safronova I. R., Kokoreva E. G. Osobennosti kognitivnoy deyatelnosti u studentov 19–20 let s razlichnyim urovnem dvigatelnoy aktivnosti // Teoriya i praktika fizicheskoy kulturyi i sporta. – 2012. – № 6.

© Иванов В. Д., Кокорева Е. Г., Матина З. И., Худяков Г. Г., 2014

УДК 371.313

САМООРГАНИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАКТИК

М. Р. Илакавичус, кандидат педагогических наук

Институт педагогического образования и образования взрослых, г. Санкт-Петербург, Россия

SELF INFORMAL GENERAL CULTURAL EDUCATION FOR DIFFERENT AGE COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA: CLASSIFICATION OF PRACTICE

M. R. Ilachkavichus, candidate of pedagogical sciences

Institute of Teacher Education and Adult Education, St. Petersburg, Russia

Summary. The paper proposes a variant of classification of existing Russian general cultural practices of non-formal education for communities of multi-ages. Interaction they regarded as a self-organizing dialogue platform generations. Trend described allocation educational direction in social projects noncommercial.

Keywords: non-formal general cultural education; multi-ages community; social self-organization.

Система образования современной России строится на основании принципа непрерывности, раскрывающегося в триединстве формального – неформального – информального секторов. В условиях недостаточного внимания государства к общекультурному направлению образования активно развивается неформальный сектор. В его пространстве реализуются многообразные частные инициативы, что является маркёром социальной самоорганизации. Ее агенты, наиболее активные и сознательные граждане, решают одну из значимых задач трансформирующегося общества – налаживают культурную преемственность, создают условия для личностного развития людей разных поколений. В сфере нашего научного интереса – разновозрастные образовательные неформальные практики общекультурной направленности детско-взрослого состава (термин «детский» в нашем варианте обобщает период от 6 до 18 лет). Статья предлагает вариант классификации являющих себя практик, перечень которой может быть расширен в результате дальнейших изысканий.

Структура классификации основывается на структуре образовательного процесса, составляющие которого можно представить так: организатор (кто) – участники (для кого) – содержание деятельности (что) – предполагаемые результаты (зачем). Тогда практики группируются следующим образом.

По критерию *инициатор формирования сообщества:*

1) государственные образовательные организации и акции частно-государственного партнёрства;

2) индивидуальная и инициатива;

3) коллективная незарегистрированная инициатива и инициатива общественных некоммерческих организаций.

1. Как правило, описываемое сообщество рождается в лоне формальных практик, взаимодействие в которых, в силу заинтересованности и таланта педагога-организатора, выходит за рамки запланированной воспитатель-

ной внеклассной деятельности, либо в дополнительном образовании при аналогичных условиях. Принятие «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина РФ» как методологической основы организации образования, само введение в педагогический тезаурус понятия «духовно-нравственное воспитание» дало импульс для рождения инноваций. Многие из них решают сложнейшую задачу реконструкции площадок межпоколенческого диалога – как синхронического, так и диахронического. Однако массовая воспитательная работа редко использует современные формы, основанные на положениях онтологии и антропологии. Инновации, демонстрируемые лидерами в рамках конкурсов, так и остаются исключением из правил, поскольку их результат обусловлен личностной позицией организатора, гуманистическими принципами, реализация которых по-прежнему проблематична. Таким образом, разновозрастные практики, получившие импульс в формальном секторе, продолжают быть эксклюзивным образовательным продуктом, несмотря на их актуальность и действенность.

Примером инициативы частно-государственного партнёрства является ежегодный культурно-образовательный форум «Дети Содружества» (г. Чолпон-Ата, Кыргызстан). Инициатива сотрудников Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования, Межпарламентской ассамблеи СНГ и частных благотворителей собрала разновозрастные делегации из шести государств-участников СНГ. На площадках форума отрабатывалась инновационная модель налаживания межвозрастного межнационального взаимодействия в пространстве образования.

2. Всё же описываемые нами практики в современной России возникают в подавляющем большинстве как частные инициативы, развивающиеся в логике самоорганизации, проявления гражданской позиции. Ярким примером этому является «именной» мини-проект Г. Б. Трусенева из г. Владивостока. Идея пенсионера преобразовать городскую свалку в своеобразный дендрариум нашла отклик у молодых и зрелых жителей. Г. Б. Трусенев организует серию коллоквиумов, в рамках которых участники познают ботанику, агрономию и экологию, а затем применяют полученные знания на практике – устраивают городской сквер (Весь посадочный материал (редкие экземпляры растений) приобретены на средства энтузиаста). Такие одиночки иллюстрируют народную мудрость «и один в поле воин»; на таких людях «земля держится».

3. Инициатива может исходить и от коллектива единомышленников, что существенно усиливает эффект от деятельности. Вопрос о сущности и мере государственной поддержки феноменов самоорганизации в образовании остаётся открытым. О неоднозначности существующей практики шёл разговор с лауреатами национальной премии «Гражданская инициатива» (эфир передачи «Петербургское телевидение» ВГТРК «Пятый канал», 18.12.2013 г.). Приглашённые отмечали, что, с одной стороны, оставаясь незарегистрированными, сложно выстроить взаимодействие с административными структурами, которые воспринимают участников гражданских инициатив как назойливых «оппозиционеров», желающих «пропиариться». И в этом «минус» отсутствия государственной регистрации. К «плюсам» относится свобода деятельности, проявление которой начинается со свободы выбора или смены самого вида деятельности, что позволяет чутко реагировать на изменения в социокультурной сфере. В случае регистрации как НКО теряется мобильность в выборе сферы деятельности, время и ресурсы

тратятся на выстраивание отношений с госструктурами, своей административной структуры.

Востребованность неформальной образовательной деятельности – тренд современной России. На неё выходят даже в тех проектах, цели которых первоначально не относились к данной сфере. Так проект «Мост поколений» (участник конкурса национальной премии «Гражданская инициатива-2013») – волонтёрская акция студентов, озабоченных судьбами учёных-пансионеров, жителей дома престарелых. В рамках спонтанно возникшей неформальной образовательной практики пожилые учёные обретают аудиторию заинтересованных собеседников разных возрастов.

По критерию *участники сообщества* из спектра наличествующих разновозрастных практик предметом нашего интереса является детско-взрослое сообщество, интерпретацию которого мы давали выше.

По критерию *вид ведущей деятельности*: сообщества, изначально нацеленные на

1) образовательную деятельность;

2) сообщества культурно-досуговой направленности;

3) массовые одноактные социальные акции.

(1) Первые, как правило, зарождаются в процессе реализации образовательных программ, ориентированных на чётко определённую возрастную категорию. (Изначальная ориентация на разновозрастность участников – исключение из правил, а не общепринятая практика). Переход к разновозрастному составу происходит двумя путями: либо события, переживаемые участниками планируемой возрастно-целевой группы, заинтересовывают их родственников или друзей иного возраста, либо сами участники предпринимают попытку включить свой «ближний круг» в образовательное сообщество. Предметный спектр невероятно разнообразен. Однако ярче всего подобная самоорганизация являет себя в практиках кружковой работы фольклорного и спортивно-оздоровительного направления, что объясняется приближённостью предмета изучения к жизненному миру современного человека: фольклорное направление позволяет вернуться к истокам собственной культурной идентичности, спортивно-оздоровительное актуализирует потребность поддержания физической составляющей бытия. Так формируется особое сообщество людей, постигающих важнейшие смыслы бытия. Результаты исследования В. И. Ярыша показывают активное влияние разновозрастной среды на мировоззренческую позицию обучающихся, мотивацию на включение в процесс передачи полученного опыта следующим поколениям [1]. Интересны примеры спортивно-оздоровительных образовательных практик. Так в российских мегаполисах получили распространение курсы похудения для молодых мам. Их «изюминка» заключается в специфике организации. На занятия не просто можно, но и нужно приходить с детьми (как старшими, так и младшими). Теоретические занятия – время взаимодействия младших детей со старшими под руководством специалиста. Самая ожидаемая для всех часть занятий – оздоровительная практика. Дети и мамы занимаются сообща, помогая друг другу в освоении методик. Подобные практики дают импульс для зарождения устойчивых сообществ, члены которых «дружат семьями» и продолжают свой образовательный маршрут в самых непредсказуемых направлениях. Юные участники, взрослея, как правило, продолжают освоение здорового, активного образа жизни.

(2) Зарождение разновозрастных сообществ неформального образования в культурно-досуговых практиках – пример явной самоорганизации как

реконструкции форм взаимодействия в традиции. Культурно-досуговая деятельность рассматривается сегодня как «специализированная подсистема духовно-культурной жизни общества, функционально объединяющая социальные институты, призванные обеспечить распространение духовно-культурных ценностей, их активное творческое освоение людьми в сфере досуга в целях формирования гармонично развитой, творчески активной личности» [2, с. 21]. Объединение людей по интересам отводит возрастной ценз на второй план. Поэтому включение представителей младших поколений происходит более органично в силу большей свободы в организационной составляющей данного вида деятельности. Пример – клубы исторической реконструкции. Интерес одного из членов семьи, как правило, втягивает в свою орбиту и иных членов семьи и друзей, знакомых и сослуживцев. Образующиеся сообщества воспринимаются как большой родовой круг, своеобразное братство, кровное родство в котором не является первостепенным критерием единения. Исследователи культурно-досуговой деятельности выделяют образовательный элемент [3, с. 64]. Глубокое вхождение субъекта в культурно-досуговую деятельность мотивирует его на более основательное познание предмета хобби. Так происходит становление образовательной субъектности. Культурно-досуговая – потенциально стартовая площадка для возобновления образования, которое может активизироваться в пространстве неформального сектора. Однако это требует наличия широкого спектра образовательных предложений.

Следует отметить, что данный критерий классификации неразрывно связан с критерием *источник импульса к возобновлению субъектом образовательной деятельности*. В первом случае мы имеем дело со сформированным субъектом образовательной деятельности. Во втором и третьем идёт становление субъектности, мотивация зарождается в процессе культуротворческой деятельности.

(3) Ярким примером самоорганизации разновозрастных образовательных практик из одноактных социальных акций необразовательного характера может служить пример из г. Ульяновска. Предложение стать участниками массового пленэра для регистрации возможного достижения проекта «Книга рекордов Гинесса-2012» дало импульс традиции собираться на берегу Волги и рисовать великую реку. В сообщество, в том числе и сетевое, входят любители от 6 до 60 лет и профессионалы. В спонтанных мастер-классах с участием специалистов передаётся не только опыт живописания, происходит глубинное общение.

По критерию степень осознания целей включения в образовательную деятельность:

1) восполнение недостающих знаний, умений;

2) расширение спектра областей самореализации, в том числе, с пониманием возможности смены профессии;

3) реализация накопленного личностью педагогического потенциала.

Остановимся на третьей позиции. На протяжении всей жизни протекает сложнейший процесс взаимодействия ценностно-смысловой сферы личности и аксиосферы культуры. Достижение соразмерности и сообразности двух сфер и есть достижение полноты человеческого качества. Именно тогда человек становится в позицию наставника и транслятора освоенного им опыта всего человечества. Онтология зрелости раскрывается в актуализации чувства сохранения рода. Накопление опыта познания себя и мира, социального взаимодействия обусловливает повышенный интерес к подрастающему поколению, желание освоить позицию наставника. Человек улавливает свою связь со временем, выстраивает

родовую межпоколенческую цепь; осмысляет себя как часть мира, осмысляет результаты познания окружающего, слияния с природой – достигается высокий уровень обобщений, называемый мудростью. Желание поделиться понятым мотивирует на воспитательную деятельность [подробнее – 4].

Анализ представленных выше практик позволяет делать следующие выводы. Во-первых, на определённом этапе деятельности организаторы подавляющего числа проектов осознавали необходимость выделения образовательного направления. Во-вторых, образовательные инициативы реализовывались как неформальные. В-третьих, они были неразрывно связаны с осмыслением проблемы разрыва межпоколенческих связей, что активировало усилия по формированию площадки для диалога между поколениями. Так само общество в лице активных граждан актуализировало бывший под угрозой процесс налаживания культурной преемственности.

Библиографический список

1. Ярыш В. И. Обучение взрослых традиционным народным ремёслам в неформальном образовании: автореф. дис. ... канд. наук. – Великий Новгород, 2010.
2. Максютин Н. Ф. Культурно-досуговая деятельность. – Казань, 1995.
3. Жарков А. Д. Сущность культурно-досуговой деятельности. – М. : Прогресс, 1998.
4. Илакавичус М. Р. Взрослый в разновозрастном сообществе неформального образования: постановка научной проблемы. – СПб. : Лема, 2013.

Bibliography

1. Yaryish V. I. Obuchenie vzroslyih traditsionnyim narodnyim remyoslam v neformalnom obrazovanii / avtoref. dis. ... kandidata nauk. – Velikiy Novgorod, 2010.
2. Maksyutin N. F. Kulturno-dosugovaya deyatelnost. – Kazan, 1995.
3. Zharkov A. D. Suschnost kulturno-dosugovoy deyatelnosti. – M. : Progress, 1998.
4. Ilakavichus M. R. Vzroslyiy v raznovozrastnom soobschestve neformalnogo obrazovaniya: postanovka nauchnoy problemyi. – SPb. : Lema, 2013.

© *Илакавичус М. Р., 2014*

УДК 378

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

Н. В. Аванесян, аспирант

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, г. Невинномысск, Ставропольский край, Россия

THEORY AND PRACTICE OF METHODICAL TEACHER CULTURE

N. V. Avanesyan, postgraduate student

Nevinnomyssky State Humanitarian-Technical Institute, Nevinnomyssk, Stavropol region, Russia

Summary. In this article it is given the detailed analysis of the concept «methodological culture» and the process of its understanding. It is also said, that pedagogue must know professional culture, the component part of which is methodological culture. It is distinguished external and internal components of pedagogue's methodological culture. It is highlighted main components of internal culture of pedagogue. It is examined the content of main structural elements, which compose pedagogue's methodological culture in pedagogic sphere. It is proposed to conduct professional selection of pedagogues, recommended for the work in pedagogic sphere.

Keywords: methodological culture; professional culture; pedagogic experience; pedagogic aspect; professional activity; conceptual construct; art of teaching; pedagogical ethics; individual style; empathy; suggestopaedia.

Понятие «методическая культура» достаточно распространено в учебной литературе, но чаще всего оно используется как характеристика педагогического сознания педагога-практика. О. В. Богатырева, В. А. Капранова полагают, что педагогические идеи прошлого «способствовали повышению методической культуры». В учебно-методических изданиях смысл данного словосочетания меняется в зависимости от контекста. Это объясняется тем, что в понятийном аппарате педагогики этот термин ещё не устоялся, а в учебной литературе только начался процесс его осмысления.

Под методической культурой педагога понимается усвоенный и повседневно проявляемый уровень искусства обучения и воспитания в отношении к учащимся, к себе, к коллегам и другим людям. Но, учитывая, что педагогические качества имеют довольно широкую сферу проявления, следует выделять социально-методическую культуру. В этом контексте она представляет собой усвоенный и повседневно проявляемый человеком социальный опыт педагогической деятельности в соответствии с его сферой жизнедеятельности и возрастом. Педагог должен владеть профессиональной культурой, составной частью которой является методическая культура. Методическая культура характеризуется уровнем усвоения специалистом педагогического опыта и его реализации в процессе профессиональной деятельности. Для педагога методическая культура имеет особое значение, так как он работает с учащимся.

Выделяют внешнюю и внутреннюю составляющие методической культуры педагога. Что представляет собой внутренняя составляющая?

– внутреннюю составляющую методической культуры часто приравнивают к уровню умений и знаний в области педагогики. С таким подходом нельзя согласиться, потому что человек может иметь достаточно большой объём уме-

ний и знаний, но далеко не всегда может применять их в повседневной жизни и практической и педагогической деятельности. Это свидетельствует о том, что уровень умений и знаний характеризует всего лишь компетентность человека в соответствующей области;

– внутренняя культура человека – та основа, которая во многом определяет его поведение в различных жизненных ситуациях, профессиональной педагогической деятельности. Следовательно, речь идёт не только об уровне умений и знаний человека в области педагогики, но и о сформированных личностных потребностях, мотивах идеалах, установках, определяющих сферу и условия их повседневного проявления.

Изложенное позволяет нам подчеркнуть основные компоненты внутренней культуры педагога [1]:

– личность педагога с его социально-педагогическими и индивидуально-психологическими достоинствами и недостатками – индивидуально-личностный компонент;

– сформированное чувственное отношение педагога к учащимся и самосовершенствование в педагогической деятельности. Данная часть внутренней составляющей называется чувственным компонентом методической культуры. Этот компонент формируется и укрепляется в процессе овладения опытом социально-педагогической и профессиональной деятельности. Он включает в себя: испытываемые педагогом чувства к учащимся, самой деятельности; его переживания в процессе деятельности, а также при оценке достигаемых результатов; развитие потребности в познании и овладении новым опытом педагогической деятельности. Чувственный компонент часто определяет внутреннее отношение специалиста к педагогической деятельности, потребность в педагогическом самосовершенствовании. Он во многом характеризует его внутреннюю нравственную культуру;

– объем и степень усвоения педагогом накопленного в профессиональной деятельности педагогического опыта, эту часть внутренней составляющей называют теоретическим (мировоззренческим) компонентом методической культуры. Этот компонент определяет рациональный уровень и показывает, какие психолого-педагогические знания имеются у специалиста и как они усвоены, в какой степени они могут быть им использованы в профессиональной педагогической деятельности [2].

Внешняя составляющая методической культуры педагога – это то, что находит повседневное проявление в его отношении к педагогической деятельности, их результатам. Внешняя составляющая методической культуры педагога включает в себя:

– внешние достоинства и недостатки педагога как человека (внешний вид, манеры, привычки) – личностный уровень проявления методической культуры. Он характеризует педагогическую сторону личности как специалиста;

– собственно педагогические аспекты, проявляемые в процессе профессиональной педагогической деятельности педагога (поведение, поступки, оказывающие педагогическое воздействие на учащихся), – поведенческий уровень методической культуры. Данный уровень характеризует повседневное педагогическое проявление педагога в общении с учащимся;

– проявление уровня владения педагогическими технологиями, методиками и методами, средствами и приемами – практико-педагогический уровень педагога. Он показывает степень владения специалистом реальным педагогическим опытом, искусством педагогической деятельности, его педагогические возможности в работе с учащимся, а также результативность его профессиональной педагогической деятельности;

– отношение педагога к учащимся – уровень внешнего отношения. Педагог

может уметь эффективно выполнять свою работу, эффективно реализовать её педагогические аспекты, но отношение к ней и её результативность часто зависят от его личностной позиции. Внешнее отношение показывает внимание педагога к учащимся, особенности взаимодействия с другими людьми, заинтересованность или безразличие к результатам своей профессиональной деятельности. Оно выступает важной характеристикой проявления методической культуры педагога. Как показывает практика, внешнее отношение педагога во многом выступает проявлением его чувственного (эмоционального) уровня – внутренней методической культуры [3].

Однако в условиях роста экономической обусловленности взаимоотношений людей в профессиональной сфере проблема отношения к учащимся, к работе и её результативности становится особенно актуальной. Но по своей сути внутренняя методическая культура педагога – это накопленный им педагогический опыт как составная часть педагогической работы и эмоциональное чувственное отношение к ней; внешняя культура – индивидуальный стиль профессиональной деятельности этого же педагога, включающий педагогический элемент и отношение к ней.

Рассмотрим содержание основных структурных элементов, составляющих методическую культуру педагога. Прежде всего – это сам педагог как личность, как носитель реальной методической культуры. При оценке методической культуры педагога рассматривают, прежде всего, проявление в профессиональной деятельности конкретного специалиста. Таким образом, личный педагогический опыт педагога как основа методической культуры включает такие составляющие, как личность самого педагогического работника, его теоретический и практический опыт, личностные педагогические качества, педагогические технологии. Личность педагога – это тот внутренний мир, в котором происходит усвоение и накопление его личностного педагогического опыта. Именно через призму личности с её индивидуально-психологическими особенностями. Следует иметь в виду, что профессионально важные качества выделяют то индивидуальное своеобразие педагога, которое накладывает на него специфика профессиональной педагогической деятельности педагога. К ним мы приписываем приведённые ниже качества [5].

Педагогическая направленность – это особенности развития и воспитания личности, характеризующие её предрасположенность к педагогической деятельности. Она проявляется в интересах, потребностях человека, его мотивах, целях, идеалах.

Нравственные качества – это усвоенные нормы морали, выражающие общечеловеческие ценности в отношении к человеку, в общении, социально-педагогической деятельности; нравственные чувства – удовлетворение от повседневного проявления нравственности (уважения к человеку, его достоинству), стремления помочь, поддержать в решении некоторых проблем. Это удовлетворенность от добросовестного выполнения своей профессиональной педагогической деятельности, нравственной по своей сути. Моральным является чувство неудовлетворенности в результате несоблюдения моральных норм как самим педагогом, так и другими участниками воспитательного процесса. Нравственные качества проявляются в таких чувствах педагога, как долг, совесть, честь, порядочность, доброта. Именно эти чувства способствуют формированию нравственных привычек педагога.

Коммуникативные качества – способность быстро и правильно строить общение. Педагог постоянно находится во взаимодействии, общении с детьми.

Действенность его деятельности зависит от искусства его общения с детьми. К коммуникативным качествам относятся:

– контактность в общении – способность вести диалог с учащимся и обеспечивать наиболее целесообразное взаимодействие. Данная способность имеет важное профессиональное значение для педагога в его профессиональной педагогической деятельности;

– умение влиять на людей. Каждый человек способен в той или иной мере влиять на другого человека. Существует термин «суггестопедия», введенный Г. К. Лозиновым, который означает использование внушения в процессе обучения и воспитания. По отношению к педагогу суггестопедийность означает способность педагога к вербальному или невербальному доминированию в процессе педагогической деятельности (внушение словом, мимикой или интонацией, жестами, действиями). Другими словами, это способность педагога к внушающему воздействию на учащихся в процессе работы с ними. Такая способность проявляется в виде действенности авторитета педагога, его личности, владения им искусством общения с детьми, умением увлекать, убеждать их, заражать идеями самореализации [4]. Практика работы педагогического работника свидетельствует о необходимости учёта особенностей эмоциональной устойчивости и эмпатии педагога: способности эмоционально отзываться на переживания учащихся, сопереживать им в процессе общения. С этой целью нами предложено:

– проводить профессиональный отбор педагогов, рекомендуемых для работы в педагогической сфере: здесь не могут работать люди, чуждые эмпатии, и в то же время в зависимости от глубины выраженности эмпатии необходимо определять сферу целесообразного использования педагога. Людям глубоко эмпатичным не рекомендуется работать с теми, кто находится в особенно эмоциональном состоянии и вызывает соответствующее сострадание. Для этой категории педагогов возможны деформационные последствия;

– сопереживание педагога в работе с учащимися должно носить характер внешних эмоциональных проявлений, не переносимых внутрь, ведь если каждый раз педагог будет всё до глубины души переживать сам, он не сможет выдержать психологической нагрузки. Элемент профессионального актерства в деятельности педагога вполне может иметь место. Он может проявляться в искреннем отношении к учащимся, реальной деятельности по оказанию помощи в решении некоторых их социальных проблем;

– активно учиться управлять своими чувствами и при возрастании переживания уметь переключаться, снимать возрастающее эмоциональное напряжение;

– добиваться внедрения в свою жизнь следующего правила: состояние в работе с учащимся переключать на иное в общении с другими учащимися, сотрудниками и особенно в поведении в семье. К этому надо постоянно стремиться и контролировать себя.

Предполагается, что своеобразие усвоенного практического опыта педагога, развитие его профессионально важных качеств находят проявление в его личном педагогическом опыте – во внутренней составляющей методической культуры этого педагога. Внешняя сторона методической культуры педагога есть не что иное, как проявление опыта в индивидуальном стиле его деятельности. Индивидуальный стиль педагогической деятельности – это своеобразие индивидуального проявления педагогического мастерства и технологии в процессе профессиональной педагогической деятельности педагога. Он обусловливает особенности профессиональной педагогической деятельности педагога и его результативность [5].

Индивидуальный стиль профессиональной педагогической деятельности педагога включает:

– нравственный идеал педагога в его деятельности, который определяет сформировавшееся у него отношение к своей работе. Каждый педагог в своей профессиональной педагогической деятельности выражает определенное отношение и образ действий, которые характеризуют его как личность и сформировавшуюся установку в работе. Изменение стиля действий может иметь место при профессиональной деформации его личности;

– проявление педагогом себя как личности педагога-профессионала. Как уже подчеркивалось ранее, в деятельности проявляется конкретный человек;

– отношение педагога к самому себе, учащимся, своей работе с ними;

– своеобразие реализации педагогического мастерства в процессе профессиональной педагогической деятельности педагога через реализацию педагогических технологий, методик и методов, средств и приемов педагогической деятельности. Педагогическая подготовка способствует наиболее полному проявлению педагогических аспектов в процессе профессиональной деятельности педагога и оказывает существенное влияние на её результативность;

– проявление в педагогической деятельности педагогической техники педагога (самоуправления, невербального и вербального, непосредственного и опосредованного воздействия на человека, культуры речи, культуры общения). Именно через педагогическую технику педагог реализует свой педагогический потенциал в педагогической деятельности;

– педагогическая этика и такт в процессе педагогической деятельности – выполнение педагогом этических норм и правил в процессе профессиональной деятельности;

– достигаемые результаты в работе педагога.

Реальная жизнь показывает, что сферами проявления методической культуры педагога являются его отношение к себе, своему совершенствованию, взаимодействие с другими людьми и особенно ситуации, где непосредственно приходится решать педагогические задачи.

К таким сферам мы относим:

– отношение к себе, самопроявлению, самопознанию в обществе других людей, самосовершенствованию;

– отношение к другим людям – общение, взаимовлияние, взаимодействие, взаимопомощь (сфера непосредственного взаимообогащения культур людей);

– отношение к окружающей среде – взаимодействие с ней, её познание, рациональное и целесообразное использование в самосовершенствовании;

– оценка семьи – её социальной роли и своей роли в ней, деятельность по её сохранению и нравственному укреплению, развитию культуры семейных взаимоотношений, воспитанию детей;

– профессиональная педагогическая деятельность, связанная с работой с людьми, отношениями с ними, общением, взаимодействием с коллегами, с учащимися в процессе педагогической деятельности [6].

Ведущая роль в овладении методической культурой педагога принадлежит «культуре профессионального самообразования педагога». Она является высшей формой удовлетворения познавательной потребности личности педагога, связанной с проявлением значительных волевых усилий, с высокой степенью сознательности и организованности, нацеленных на свое самосовершенствование. Культура самообразования формируется у будущего педагога в процессе его обучения, профессионального становления в условиях учебного заведения. Она получает дальнейшее развитие у молодого педагога после выпуска в период его адаптации

в последующей его профессиональной педагогической деятельности.

Необходимо отметить, что овладение педагогом методической культурой не означает отказ от основ традиционной культуры педагога, а выражается в её переходе на новый качественный уровень, характеризующийся изменением профессионального сознания, сохранением динамического единства традиционного, нового и современного.

Библиографический список

1. Ботвинников А. Д. Научные основы формирования методической культуры педагога. – М. : Педагогика, 2009.
2. Никитина Н. Н. Введение в педагогическую деятельность: теория и практика. – М. : Академия, 2011.
3. Новиков И. Н. Методология учебной деятельности. – М. : Педагогическое общество России, 2010.
4. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. – М. : Академия, 2009.
5. Пешкова В. Е. Педагогика : курс лекций. – Майкоп : Изд-во АдыгГУ, 2010.
6. Соловцова И. А. Основы педагогики. – М. : Глобус, 2008.

Bibliography

1. Botvinnikov A. D. Scientific bases of formation methods culture teacher. – M. : Education, 2009.
2. Nikitin N. N. Introduction to Teaching : Theory and Practice. – M. : Academy, 2011.
3. Novikov I. Methodology training activities. – M. : Pedagogical Society of Russia, 2010.
4. Panfilov A. P. Innovative educational technology. Active learning. – M. : Academy, 2009.
5. Peshkov V. E. Pedagogy. Course of lectures. – Maikop : Univ AdygGU, 2010.
6. Solovtsova I. A. Fundamentals pedagogy. – M. : Globe, 2008.

© Аванесян Н. В., 2014

УДК 37.134

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ УЧИТЕЛЕЙ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ: ЭТАПЫ НАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ВВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИЮ

Н. В. Мукан, доктор педагогических наук, профессор;
И. С. Мыськив, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный университет «Львивська политэхника», г. Львов, Украина

TEACHERS' CONTINUING PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: PRE-SERVICE TRAINING AND INDUCTION STAGES

N. V. Mukan, doctor of pedagogical sciences, professor;
I. S. Myskiv, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
Lviv Polytechnic National University, Lviv, Ukraine

Summary. The article deals with the problem of teachers' continuing professional development in Federal Republic of Germany, especially with pre-service training and induction stages. The analysis of scientific and pedagogic literature which highlights the main aspects of this problem has been conducted. The modern tendencies in continuing pedagogical education in Germany have been singled out. The specificity of pre-service training and induction period has been characterized, its advantages and disadvantages have been determined.

Keywords: continuing professional development; pre-service training; induction period; teacher; public school; Federal Republic of Germany.

В начале XXI века особое внимание ученых, политиков в области образования и учителей приковано к проблеме развития общеобразовательной школы, основной задачей которой является подготовка подрастающего поколения к полноценной жизнедеятельности в обществе знаний. Новый век характеризуется требованиями к всестороннему и непрерывному развитию человека. С целью обеспечения конкурентоспособности и социального развития страны определяющее значение отводится образованию на протяжении всей жизни, образованию взрослых, роли знаний, навыков и умений граждан, а также высокой профессиональной компетентности. Поскольку формирование культуры непрерывного обучения начинается еще в дошкольном возрасте, то на общеобразовательную школу возлагается задача ее развития, а именно формирования у учащихся желания учиться, развития пытливости ума, а также умений и навыков, необходимых для получения информации, ее критического анализа и дальнейшего использования в различных видах жизнедеятельности.

В учебном процессе активно участвуют два субъекта – ученик и учитель. Именно компетентность педагога является одним из конститутивных факторов результативности учебной деятельности ученика, а начальная профессиональная подготовка будущего учителя, в условиях которой формируются основы профессиональной компетентности, является одним из основных этапов непрерывного профессионального развития педагогов, поскольку от ее качества зависит эффективность этапа введения в профессию, этапа развития компетентностей, проявления энтузиазма, возникновения сомнений и разочарования, стабильности карьеры и т. п.

В этом контексте заслуживает детального исследования опыт Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ), обладающей развитой системой

профессиональной подготовки учителей, функционирование которой основано на комплексном сочетании таких тенденций, как централизация и децентрализация образования.

Цель статьи заключается в комплексном анализе начальной профессиональной подготовки и этапа введения в профессию как компонентов непрерывного профессионального развития учителей общеобразовательных школ в системе педагогического образования ФРГ.

Авторами определены следующие задачи: осуществить анализ научно-педагогической литературы, освещающей проблему подготовки будущих учителей и введения начинающих учителей в профессию в ФРГ, а также выявить специфику этих этапов непрерывного профессионального развития педагогов.

Проблема профессиональной подготовки учителей в Федеративной Республике Германия освещается в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. В частности, раскрываются следующие вопросы: система профессионального образования в Германии (Н. Абашкин, В. Третько), система педагогического образования (Т. Гордиенко, Т. Кристопчук, Н. Махиня, Л. Пуховська), повышение квалификации учителей (Т. Вакуленко), подготовка учителей (С. Бобраков, А. Турчин), а также образование взрослых (П. Ярвис (P. Jarvis); рефлексивная практика (М. ван Верком (M. van Woerkom), П. Рунхаар (P. Runhaar); обучение учителей посредством школьного лидерства (М. Смили (M. Smylie), А. Харт (A. Hart); развитие профессиональной компетентности (Я. Баумерт (Y. Baumert), В. Блум (W. Blum), А. Клусманн (A. Klusmann), В. Краус (U. Krauss), С. Кунтер (S. Kunter); междисциплинарный подход к профессиональному развитию учителей (П. Слигерс (P. Sleegers), С. Болуис (S. Bolhuis), Ф. Гейсел (F. Geijsel) и т. д.

Согласно действующему законодательству органы управления 16 федеральных земель ФРГ несут полную ответственность за развитие образования на их территориях на основе использования федеральной стратегии развития образования. Такие тенденции, как централизация и децентрализация управления развитием образования, реализуются посредством ограничения роли управления на федеральном уровне, централизации администрирования на уровне федеральных земель, отделения управления в сфере образования от других видов жизнедеятельности общества, ограниченного, но растущего влияния на управление образованием, которое осуществляется местными общинами.

В ходе исследования установлено, что в начале XXI века развитию непрерывного педагогического образования в ФРГ свойственны следующие международные тенденции: направленность программ подготовки учителей общеобразовательных школ на соответствие стандартам и обеспечение их эффективности; интеграция теоретического и практического модулей учебной программы; развитие партнерств между учреждениями начального профессионального педагогического образования и общеобразовательными школами как центрами педагогической практики; повышенное внимание к периоду введения в профессию; повышение педагогического мастерства посредством развития диагностической и методической компетентности учителей.

Роль учителя расширяется и приобретает новое социальное значение, а потребности общества обуславливают необходимость поиска путей альтернативного использования ресурсов, расширения доступа к возможности получения, популяризации педагогической профессии, стимулирования и поддержки активного обучения учителей, реконцептуализации начальной профессиональной педагогической подготовки. Соответственно, система

начального педагогического образования и последипломного педагогического образования должны основываться на внедрении новейших технологий профессионального обучения, максимальном приближении его к современным реалиям, которые динамически обновляются. Наряду с этим возрастает необходимость в формировании у будущих специалистов области образования не только конкретных умений, навыков, знаний, но и личностных качеств, которые позволят им в течении профессиональной деятельности интенсивно осваивать новую технику, информационно-коммуникационные технологии, а в случае необходимости – овладевать новой профессией.

Начальная профессиональная подготовка учителей в ФРГ имеет свою специфику, которая отражена, прежде всего, в терминах обучения (5–6 лет), которые отводятся для ее осуществления [2]. Начальная профессиональная подготовка учителей охватывает 2 основных этапа: 1 этап – традиционная подготовка в условиях университета, длится 3–4 года обучения, 2 этап – практическая подготовка, реализуется в условиях школы и продолжается 1,5–2 года. Учебный план подготовки будущего учителя предполагает освоение предметов психолого-педагогического цикла, цикла предметов профессионального направления, цикла предметов по выбору, педагогической практики. Первый (теоретический) этап подготовки учителей завершается сдачей государственных экзаменов и написанием квалификационной работы. Второй – практический этап подготовки учителей – направлен на интеграцию теории и практики профессиональной педагогической подготовки и тоже завершается сдачей государственного экзамена, подготовкой квалификационной работы и оценкой педагогической деятельности.

Такая система подготовки будущих учителей имеет свои преимущества и недостатки. К недостаткам можно отнести потребность в значительных средствах и продолжительность начальной профессиональной подготовки педагогов. Однако нельзя не отметить такое преимущество, как применение рыночных механизмов в сфере образования ФРГ, т. е. обеспечение тесной связи между учебными заведениями системы профессионального педагогического образования и общеобразовательными школами, выступающими в роли потребителей их услуг. Именно второй этап (практическая подготовка будущих учителей в условиях школы) обеспечивает возможность определения потребностей общеобразовательной школы в специалистах с соответствующим уровнем знаний, комплексом умений и навыков, необходимых для эффективного выполнения их функциональных обязанностей. Ответственность за эффективность практической подготовки во время второго этапа распределяется между университетами и школами, а потому общеобразовательные школы активно участвуют в процессе формирования содержания учебных программ начальной профессиональной педагогической подготовки, в соответствии с которыми учатся студенты университетов.

Практическая подготовка в условиях школы продолжается 18–24 месяца, осуществляется под руководством ментора – учителя, работающего в школе. Это своеобразная производственная практика [4], которая обеспечивает возможность «обучения на производстве», то есть углубления знаний, развития умений и навыков в реальной учебной среде. Нужно подчеркнуть, что такая организация обучения будущих учителей обеспечивает возможность повышения квалификации и для опытных педагогов.

Стоит отметить, что непрерывное профессиональное развитие сопровождает педагогическую деятельность

учителей в ФРГ на протяжении всей карьеры. Это один из инструментов достижения целей и выполнения задач, декларируемых политикой в области образования страны.

Традиционно программы профессионального развития предлагаются согласно образовательно-квалификационному уровню, этапу развития карьеры педагога, предмету, который он преподает и т. п. Стоит заметить, что сегодня в ФРГ особой популярностью пользуются программы профессионального развития в школьной среде, однако разрабатываются механизмы привлечения внешних провайдеров программ профессионального развития учителей.

После начальной педагогической подготовки следует этап введения в профессию начинающих учителей. Его цель определяется как обеспечение основательной поддержки и возможности для обучения, необходимых для консолидации и углубления знаний, навыков и умений, освоенных в процессе начальной профессиональной подготовки. Это этап развития компетентностей, который обычно длится 2 года, и после его успешного завершения учитель может претендовать на место постоянного трудоустройства [9]. Во время периода введения в профессию у начинающего учителя закладываются основы его непрерывного профессионального развития. Начинающий учитель имеет возможность продемонстрировать свой потенциал, осознать важность профессионального развития и его влияние на совершенствование школьного образования.

Как показывает анализ опыта ФРГ, во время периода введения в профессию существует необходимость обеспечения целевого мониторинга и поддержки начинающих учителей общеобразовательных школ в рамках отведенного времени, а также их профессионального развития на протяжении первого года деятельности. Это, по нашему мнению, способствует улучшению работы с учащимися, соблюдению образовательных стандартов и совершенствованию деятельности школы в целом. Мониторинг и поддержка профессионального становления начинающего учителя предполагают: предоставление помощи и управление процессом введения в профессию со стороны опытного учителя; наблюдение и обсуждение проведенных уроков; профессиональный анализ прогресса начинающего учителя; наблюдение за уроками опытных учителей и их анализ; другие виды деятельности, направленные на профессиональное развитие начинающих учителей.

Учителя общеобразовательных школ в ФРГ во время периода введения в профессию имеют возможность применять современные знания и осознавать профессиональные обязанности учителя, а также узнавать систему, в которой они работают; способствовать развитию, внедрению и оценке политики и практики деятельности школы, которая предусматривает обеспечение равноправного доступа к учебным возможностям.

Учителя общеобразовательных школ в ФРГ во время периода введения в профессию эффективно общаются с детьми, школьной молодежью и коллегами, родителями и опекунами, своевременно и в соответствии с нормативными документами информируя последних о достижениях, целях, успешности учащихся. К тому же они признают, что общение является двусторонним процессом, и поощряют родителей и опекунов к участию в дискуссиях об успеваемости учащихся. Признают и уважают вклад коллег, родителей, опекунов, который те могут сделать в развитие детей и учащейся молодежи, в процесс повышения уровня их достижений; осознают важность сотрудничества и коллегиального характера педагогической деятельности.

Именно школа является той средой, которая обеспечивает возможности для профессионального развития и непрерывного обучения, поскольку обучение учителей рассматривается как активный и конструктивный, проблемно-ориентированный процесс, реализуется в социальной среде и продолжается в течении всей карьеры. Именно поэтому ученые рассматривают его как непрерывный, естественный и предусмотренный компонент педагогической деятельности и неотъемлемый компонент совершенствования школы как социального института в целом [5; 7; 8], а учителей как активных участников учебного сообщества [1; 6]. Посредством участия в различных видах деятельности школы стимулируется профессиональное развитие и развитие школы, что способствует повышению качества педагогической деятельности.

Итак, как показывает проведенный анализ научной проблемы, начальная профессиональная подготовка и введение в профессию являются важными компонентами непрерывного профессионального развития учителей общеобразовательных школ в ФРГ и первыми этапами карьеры учителя. Эта проблема широко освещается в научно-педагогической литературе и вызывает дискуссии в научных кругах. Характерными особенностями начальной подготовки и введения в профессию начинающих учителей в ФРГ являются их направленность на интеграцию теоретического и практического компонентов системы профессиональной подготовки, обеспечение ее соответствия потребностям общества и интересам школы, формирование профессиональных потребностей и интересов, развитие умений и навыков учителей к непрерывному обучению, в частности, и в такой его форме, как непрерывное обучение в конструктивной среде общеобразовательной школы – сообщества и организации, которая обучается.

Bibliography

1. Dam ten G., Blom S. Learning through participation. The potential of school-based teacher education for developing a professional identity // Teaching and Teacher Education. – 2006. – № 22. – P. 647–660.
2. EURYDICE. The teaching profession in Europe: profile, trends and concerns. Report I, Initial training and transition to working life, general lower secondary education. – Brussels, 2002. – 159 p.
3. Halasz G., Santiago P., Ekholm M., Matthews P., McKenzie Ph. Attracting, developing and retaining effective teachers. Country note. – Germany : OECD, 2004. – 68 p.
4. Hargreaves D. How to design and implement a revolution in teacher education and training: some lessons from England. – European Commission, Teacher Education Policies in the European Union. – Lisbon : Portuguese Presidency of the Council of the European Union, 2000. – P. 75–88.
5. Putnam R., Borko H. What do new views of knowledge and thinking have to say about research on teacher learning // Educational Researcher. – 2000. – № 29. – P. 4–15.
6. Sfard A. On two metaphors for learning and the dangers of choosing just one // Educational Researcher. – 1988. – № 27. – P. 4–13.
7. Sleegers P., Bolhuis S., Geijsel F. School improvement within a knowledge economy: Fostering professional learning from a multidimensional perspective / N. Bascia, A. Cumming. A. Datnow, K. Leithwood, D. Livingstone (eds.) ; International Handbook of Educational Policy. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2005. – P. 527–543.
8. Smylie M., Hart A. School leadership for teacher learning and change: A human and social capital development perspective / J. Murphy, K. Louis (eds.) ; Handbook of Research on Educational Administration. – 2nd ed. – San Francisco : Jossey-Bass, 1999. – P. 297–322.
9. Terhart E. Teacher education in Germany: Current state and new perspectives / B. Moon, L. Vlasceanu, L. Barrows (eds.) ; Studies in Higher Education. – Bucharest : UNESCO-CEPES, 2003. – P. 135–156.

© Мукан Н. В., Мъськив И. С., 2014

Psychologické vědy

УДК 159.923.5

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Алиференко, психолог

Центр обучения «Пилот Информ», г. Астрахань, Россия

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INFLUENCE OF THE SYSTEM OF VALUES GENERATIONS ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY

E. V. Aliferenko, psychologist

Center for training «Pilot inform», Astrakhan, Russia

Summary. Article investigates the psychological aspects of influence of the system of values generations on the formation and development of the personality. The article focuses need to account for the specifics of the psychological development of previous generations.

Keywords: the system of values; theory поколей; formation and development of the personality.

На данном этапе развития нашего общества заметно возросло внимание учёных к проблеме развития ценностных ориентиров личности. Акцентируется внимание на необходимом отказе от проявления неразумной торопливости в ускорении перехода ребёнка с одной стадии развития на другую [3, с. 4]. Подчёркивается, что жизненный путь личности обусловлен ценностно-смысловым способом организации жизни, и, прежде всего, нравственными ценностями личности [1, с. 99].

В настоящее время большой популярностью пользуются методики раннего развития детей, открывается огромное количество центров развития. Информацию и о самих методиках, и о выдающихся результатах, которых можно достичь, используя ту или иную программу развития можно найти в интернете, не выходя из дома. Следует отметить, что ключевой фигурой во всех методиках раннего развития является родитель, не профессиональный психолог или педагог. В различных интернет- сообществах для молодых мам и пап даются практические советы из разряда: «Как воспитать в ребёнке лидера», «Как мотивировать ребёнка на достижение целей» и т. п. При изложении материала могут даваться рекомендации, относящиеся к разным направлениям в психологии, поэтому установки в разных статьях могут противоречить одна другой.

Помимо разнообразных интернет-ресурсов для родителей, не стоит забыть об изобилии тренингов и семинаров по личностному развитию для всех желающих. Молодые люди «меняются» сами, меняется их система ценностей, естественно, меняется и модель воспитания. Отметим, что не всегда ведущие тренингов являются людьми с психологическим образованием. Это могут быть экономисты, топ-менеджеры, социально-успешные «яркие» личности, то есть люди, которые делятся личным опытом, средствами достижения своих

целей, таких как: «Увеличение продаж», «Повышение эффективности ...», «Как стать счастливым», «Где брать энергию на развитие бизнеса». Но во всех тренингах, семинарах дается информация о системе ценностей, что и как в ней необходимо поменять, чтобы получить результат. Следовательно, молодое поколение, имея перед собой образец лидера, который добился определённых успехов в жизни, счастлив при этом и готов поделиться «секретами своего успеха», не всегда критически оценивает транслируемую информацию.

Информация по изменению системы ценностей сейчас даётся в гораздо большем количестве, чем это делалось во время поколения, рождённого ранее (1963–1984 гг.). Причём особенностью преподнесения этой информации является её отнесение к фону, к чему-то само собой разумеющемуся, «между делом», или её преподносят как этап к достижению поставленной цели. Когда информация по изменению личностных ориентаций даётся фоном, и акценты перенесены на другие вопросы, то необходимость проверки этих сведений отпадает, так же, как и наличие профессионального психологического образования у тех, кто транслирует подобные сведения в массы.

Авторы теории поколений Хоув и Штраус открыли удивительную закономерность: каждые 80 лет ценности поколений совпадают [2]. Правда, теоретически объяснить это явление авторы теории не смогли. По прогнозам теоретиков поколений, поколение, рождённое начиняя с 2000 г. (поколение Z) вырастет идеалистами. Так же, как поколение прежних «молчаливых» (1923–1943 г. р.) уходило из жестокого предвоенного мира в идеальный мир книг, новые «молчаливые» (поколение Z) будут уходить в мир виртуальной реальности. В условиях постоянного ожидания террористических актов, в условиях роста информации о криминале и несчастных случаях родители (1984–2000 г. р.) начинают гиперопекать своих детей. При таком смещении акцентов в воспитании дети лишаются всяческой самостоятельности, им внушается страх перед чужими, перед неизвестным и незнакомым.

Возможность стать полноценными свободными личностями появляется в виртуальной реальности, тем более что доступ в неё для новых «молчаливых» так прост и естественен, а для других поколений сложен и непонятен. Это поколение творцов, художников и музыкантов. Они будут прекрасно ориентироваться в моделированных ситуациях, не понимая методов командного взаимодействия, поскольку им сложно понять распределение ролей в данной команде. Мир, созданный в компьютерной сети, удобный, уютный. Это для поколения Z станет намного важнее, чем мир «реальный» с его непредсказуемостью, необходимостью контактов.

На основе «теории поколений» сейчас строятся чёткие прогнозы развития общества. Вплоть до серьёзных бизнес-планов на ближайшие десятилетия: что, где и как следует развивать. Хочется отметить, что даже если критически не оценивать «теорию поколений», то это лишь теоретическая, обобщённая часть исследования. Основные характеристики следующего поколения основываются на политических, социально-экономических прогнозах развития общества. Вместе с тем, не следует забывать, что система ценностей отдельной личности сейчас претерпевает существенные изменения благодаря популяризации тренингов развития личности, а также большому количеству рекомендаций по воспитанию детей, формированию у них определённых качеств.

В связи со сказанным выше, весьма актуальным представляется изучение

мотивации родителей в формировании системы ценностей у детей раннего возраста/дошкольников. Разумеется, если рассматривать родителя как отдельного индивидуума, так и представителя целого поколения.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек». – Гл. 4 // Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности : монография. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
2. Исаева М. А. Поколения кризиса и подъёма в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3.
3. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека : учеб. пос. для студентов высш. учеб. заведений. – М. : ТЦ «Сфера», 2001. – 464 с.

Bibliography

1. Bryuhova N. G. i dr. Psihologicheskoe konsultirovanie po problemam zhiznennogo puti dlya lichnostno-professionalnogo razvitiya i sovershenstvovaniya spetsialista sistemyi professiy «chelovek-chelovek». – Gl. 4 // Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya: mehanizmyi i usloviya psihicheskogo razvitiya i formirovaniya lichnosti : monografiya. – Novosibirsk : Izdatelstvo TsRNS, 2013. – P. 95–150.
2. Isaeva M. A. Pokoleniya krizisa i pod'yoma v teorii V. Shtrausa i N. Houva // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2011. – № 3.
3. Kulagina I. Yu., Kolyutskiy V. N. Vozrastnaya psihologiya. Polnyiy zhiznennyiy tsikl razvitiya cheloveka : ucheb. pos. dlya studentov vyissh. ucheb. zavedeniy. – M. : TTs «Sfera», 2001. – 464 p.

© Алиференко Е. В., 2014

УДК 154.2:616-057

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ЛИЧНОСТИ: ЕГО СУЩНОСТЬ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Е. М. Синюкова, кандидат психологических наук, доцент;
Д. К. Житлова, студентка 5-го курса
Педагогический институт им. В. Г. Белинского
Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

BURNOUT SYNDROME: ITS ESSENCE AND DETERMINANTS

E. M. Sinyukova, candidate of psychological sciences, assistant professor;
D. K. Zhitlova, 5th year student
Penza State University, Penza, Russia

Summary. The article analyses different approaches to the issue of the nature of the emotional burnout syndrome. The article mainly considers the psychological causes, provoking its burnout syndrome's origin. Those personality traits, allowing to overcome burnout are indicated in.

Keywords: emotional burnout; syndrome; notion; factors; professional activity; chronic exhaustion.

Напряжённый ритм современной жизни вызывается неустанным повышением требований, предъявляемых к человеку с целью его всесторонней реализации в личностной и профессиональной сфере. Понятно, что профессиональная деятельность насыщена всякого рода обязательствами, всевозможными регуляторами и правилами. Отсюда всё больше внимания уделяется синдрому эмоционального выгорания личности в профессиональном плане. Актуализации данной проблемы, несомненно, способствуют сами общественные условия, отличающиеся дефицитом нравственности и духовности, оказывающие отрицательное влияние на отношение человека к человеку, на отношение человека к обществу, к труду, к закону, к государству. В этом случае уместно вспомнить слова Э. Дюркгейма «Общество хочет видеть такого человека, какого требует экономика этого общества» [7].

Для нас научный интерес представляет сущность синдрома эмоционального выгорания и те факторы, которые его вызывают.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова выгорание как самостоятельная дефиниция не выделена. Но имеющееся понятие «выгореть» имеет два толкования: сгореть целиком или выцвести, потерять окраску [8]. И их смысловое значение применимо к понятию «выгорание» в переносном смысле с учётом той особенности, что это касается реальных людей.

В Энциклопедическом словаре под редакцией Б. А. Душкова и др. под эмоциональным выгоранием понимается механизм психологической защиты личности в виде полного или частичного устранения эмоций в ответ на определённые психотравмирующие воздействия. Эмоциональное выгорание представляет собой некий приобретённый стереотип эмоционального, чаще всего профессионального поведения, которое негативно сказывается на исполнении трудовой деятельности и отношениях с партнёрами [3].

В Психологическом словаре И. Кондакова мы находим, что в буквальном переводе словообразование «синдромом выгорания» происходит от греческого слова syndrome – сочетание и английского слова burn-out – прекращение горения [6]. Особо подчеркнём, что при переводе английского термина на русский язык использовались три ва-

рианта: «эмоциональное перегорание», «эмоциональное сгорание» и «эмоциональное выгорание», рассматриваемые как идентичные понятия.

Обратимся к истории становления понятия «синдром эмоционального выгорания». Впервые термин «эмоциональное сгорание» ввёл в научный оборот американский психиатр Х. Дж. Фрейденбергер в 1974 г. Под ним он понимал психологическое состояние здоровых людей, находящихся в интенсивном общении с клиентами в эмоционально напряжённой атмосфере при оказании профессиональной помощи. Сначала этим термином обозначали состояние истощения, изнеможения, сопряжённое с ощущением собственной бесполезности.

По мнению К. Кондо, одним из первых рассматривавших синдром «эмоционального сгорания», его следует определять как дезадаптированность к рабочему месту из-за неадекватных отношений между людьми и чрезмерной рабочей нагрузки. Это определение так же соответствует лицам, которые в силу своей профессиональной деятельности интенсивно работают с людьми или имеют альтруистическую направленность. Такая работа, предполагающая эмоциональное напряжение, сопровождается чрезмерной тратой психической энергии. Отсюда наблюдаются психосоматическая усталость и эмоциональное истощение, которые в свою очередь, находят выражение в пониженной самооценке, в тревоге, раздражении, гневе, нарушении сна, семейных проблемах [11].

Изначально исследования этого явления носили в основном обобщённый характер. Но в 1981 г. К. Маслач, одна из основных специалистов по изучению «эмоционального сгорания», конкретизировала этот феномен как некое состояние, включающее в себя чувство эмоционального истощения, изнеможения; симптомы дегуманизации, деперсонализации, негативного самовосприятия, а в профессиональном плане – утрату профессионального мастерства [13].

В 1983 г. Е. Махер выявил достаточно широкий перечень симптомов «эмоционального сгорания». Среди данных симптомов были: усталость, утомление, истощение, психосоматические недомогания, бессонница, негативное отношение к клиентам, негативное отношение к самой работе. А так же употребление психоактивных веществ, отсутствие аппетита или переедание, негативная «Я-концепция»; агрессивные чувства, упаднические настроения, цинизм, ощущение бессмысленности, переживание чувства вины [12].

В настоящее время согласно определению Всемирной организации здравоохранения, синдром выгорания – это физическое, эмоциональное или мотивационное истощение, характеризующееся нарушением продуктивности в работе и усталостью, бессонницей, повышенной подверженностью соматическим заболеваниям [7].

Итак, мы видим, что синдром эмоционального выгорания находит своё выражение в депрессивном состоянии, чувстве усталости, недостатке энергии, негативной установке в отношении работы и жизни вообще. Особенностью данного феномена, на наш взгляд, будет выступать его наличие в таких системах как «человек-человек» или «человек-техника», когда субъект включён в монотонный труд без достаточной возможности восстановления своих затраченных сил. Вряд ли возможен синдром эмоционального выгорания в системе «человек-природа», где сам фактор природной среды способствует гармонизации состояния личности человека.

Интересна точка зрения Х. Дж. Фрейденбергера, считавшего, что синдрому эмоционального выгорания подвержены люди с определёнными чертами личности, такими как: сочувствующие, гуманные, мягкие, увлекающиеся, и одновременно неустойчивых,

интровертных, одержимых навязчивой идеей, легко солидаризирующихся людей [10]. Мы также считаем, что люди с таким психическим складом в первую очередь подвержены данному синдрому, но в то же время выгорание может произойти у **любого** человека. Подтверждение этому мы находим у Е. Махера, относившего к этой категории людей с низким уровнем эмпатии и склонных к авторитаризму.

Одним из первых в России проблему «эмоционального выгорания» исследовал В. В. Бойко. Он считает, что данный синдром представляет собой некий приобретённый функциональный стереотип эмоционального поведения, позволяющий человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы [1]. Такое мнение заставляет рассматривать феномен эмоционального выгорания с положительной стороны. Мы с этим согласиться не можем, нам ближе мнение тех авторов, которые относят эмоциональное выгорание к болезни общения. Так, Л. А. Китаев-Смык считает, что «выгорание» возникает вследствие психического переутомления [5]. Мы солидарны с таким видением и *под эмоциональным выгоранием понимаем синдром, развивающийся на фоне хронического переутомления и способствующий истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов человека.*

В последнее время проблемой эмоционального выгорания как феномена отрицательного влияния профессиональной деятельности на личность занимаются такие отечественные исследователи как И. В. Вачков, Т. В. Форманюк, В. Е. Ореол, Н. В. Водопьянова и др.

Рассмотрев сущность синдрома эмоционального выгорания, переходим к анализу причин (факторов, детерминант), провоцирующих его возникновение. Все эти причины условно делятся на три группы: личностные (среди них и социально-биографические), ролевые и организационные.

При изучении личностных факторов одни исследователи (П. Торнтон) принимали во внимание следующие показатели: возраст, пол, семейное положение, стаж, образовательный уровень, социальное происхождение [14].

Несмотря на то, что автор их назвал личностными, данные показатели носят социально-биографический характер. И, оказалось, что они не связаны с уровнем «эмоционального сгорания».

Другие учёные, например Перлмани и Харман в качестве личностных факторов рассмотрели интроверсию; реактивность; пол; возраст; авторитаризм, низкое самоуважение; трудоголизм; особенности мотивации; степень неудовлетворённости профессией, профессиональным ростом; большой стаж работы [15]. Но, как показало исследование П. Торнтона, такие причины как пол, возраст и стаж не коррелируют с синдромом эмоционального сгорания. Такие противоречивые выводы способствуют тому, что мы отнесём и возраст, и стаж к причинам, приводящим к данному синдрому, но с оговоркой: для этого должны быть сопутствующие личностные факторы. Пол, на наш взгляд, также не имеет первостепенного значения, хотя известно, что женщины в силу своей эмоциональности, скорее освобождаются от накопившихся негативных переживаний, чем мужчины. Тем не менее, по мнению В. А. Жмурова, эмоциональное выгорание чаще выявляется у женщин в возрасте после 30–40 лет [4].

А. Пайнс и его единомышленники акцент делали на связи мотивации и «эмоционального сгорания». Они изучали, в частности, такие мотивы трудовой деятельности, как удовлетворённость зарплатой, чувство собственной значимости на рабочем месте, профессиональное продвижение, самостоятельность и уровень контроля со стороны руководства и др. Важно отметить, что прямой связи синдрома

эмоционального сгорания с уровнем зарплаты обнаружено не было. Вместе с тем, неудовлетворённость профессиональным ростом и установкой на поддержку (благожелательность) оказались более связанными с развитием синдрома «эмоционального сгорания». Выявилась и большая подверженность к «сгоранию» тех специалистов, которые испытывали недостаток самостоятельности. Автор сделал вывод, что синдром эмоционального выгорания грозит, в первую очередь, представителям таких профессий как психология, социальная работа, психотерапия. Именно эти профессии требуют большой эмоциональной нагрузки, ответственности и имеют весьма неопределённые критерии успеха [16]. Мы уже отмечали, что личность, включённая в профессиональную систему «человек-человек», особенно подвержена этому синдрому. В то время как личности, включённой в систему «человек-природа», например, леснику, эмоциональное выгорание вряд ли грозит.

К личностным факторам мы можем отнести и нравственные дефекты. В силу смены социальных ценностных ориентиров эта причина имеет на сегодняшний день особую значимость и может быть вынесена отдельной проблемой для обсуждения [9].

Личностным факторам, вызывающим синдром эмоционального выгорания, большое внимание уделял В. В. Бойко. Называя их внутренними, автор выделяет как один из прочих – склонность к эмоциональной ригидности. Он считает, что эмоциональное выгорание как способ психологической защиты возникает быстрее у тех, кто в большей мере эмоционально сдержан, менее реактивен и восприимчив, чем у людей импульсивных, обладающих подвижными нервными процессами. Таким образом, получается, что повышенная впечатлительность и чувствительность блокируют данный механизм психологической защиты и не позволяют ему развиваться [1]. Данная точка зрения нам видится дискуссионной. Мы склоняемся к мнению Х. Дж. Фрейденбергера и вслед за ним считаем, что люди впечатлительные и чувствительные скорее могут подвергнуться эмоциональному выгоранию. Помимо склонности к эмоциональной ригидности, автором рассматривается и такой фактор как слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности. Здесь возможны два варианта: либо профессионал в сфере общения не заинтересован проявлять соучастие и сопереживание субъекту своей деятельности, что приводит к безразличию, равнодушию, чёрствости, либо человек не испытывает чувство удовлетворения от проявленной эмпатии. Систему самооценок он поддерживает другими способами – материальными или позиционными достижениями [10]. Добавим, что в обоих этих случаях такого профессионала можно отнести к группе риска.

Теперь обратимся к рассмотрению ролевых и организационных причин, приводящих к синдрому эмоционального выгорания.

Перлмани и Хартман установили значимую связь синдрома эмоционального выгорания не только с личностными факторами, но и с ролевыми и организационными [15]. К ролевым факторам они отнесли: ролевые конфликты; ролевую неопределённость, которая наблюдается в тех случаях, когда человек приходит на новое место работы и не может понять, что от него требуется. Конечно, в таких случаях помогают сориентироваться служебные инструкции, которых, при отсутствии опоры на человеческий фактор, оказывается недостаточно. Как следствие возникает вопрос: «Почему такое возможно?». В поисках ответа на него мы обращаемся к организационным факторам, к которым относят:

время, затрачиваемое на работу; неопределённое содержание труда; работу, требующую исключительной продуктивности и постоянного повышения профессионализма, недостаток ответственности, характер руководства, не соответствующий содержанию работы [15]. Перечень этих причин можно расширить: это и неблагополучная психологическая атмосфера, и психологически трудный контингент.

С точки зрения В. В. Бойко, к организационным факторам, которые он назвал внешними, следует отнести хроническую напряжённую психоэмоциональную деятельность. В таких случаях профессионалу, работающему с людьми, приходится постоянно сталкиваться с определёнными трудностями: активно ставить и решать проблемы, внимательно воспринимать, усиленно запоминать и быстро интерпретировать различную информацию, быстро взвешивать альтернативы и принимать решения. Вторая причина – это дестабилизирующая организация деятельности. Сюда относятся: нечёткая организация и планирование труда, недостаток оборудования, плохо структурированная и расплывчатая информация, завышенные нормы, с которыми связана профессиональная деятельность [1]. Можно сказать, что организационные факторы напрямую связаны с ролевыми, они как бы ведут их за собой.

Важно отметить, что первичность каких-либо факторов в качестве основных и главных в процессе развития эмоционального выгорания в настоящее время не установлена и зависит от предпочтений исследователя. И, как мы могли убедиться, результаты исследований, проводимые разными авторами, не всегда согласуются друг с другом.

При всей значимости рассмотренных детерминант первое место мы отводим личностным факторам. Мы солидарны с мнением И. Дубровиной, считающей, что сначала – человек порядочный и быть человеком – главная составляющая любой профессии. Компетентности, конечно, необходимы, но главное – сам человек, владеющий этими компетентностями [2].

В завершении статьи обратим внимание на те качества личности человека, которые позволяют преодолевать эмоциональное выгорание.

Конечно, это хорошее здоровье, то есть физическое, психическое и социальное благополучие и забота о нём; высокая самооценка и уверенность в себе, при том, что она не должна перерастать в самоуверенность; опыт успешного преодоления профессионального стресса, который нас, несомненно, обогащает; высокая мобильность, открытость и коммуникабельность; самостоятельность и стремление опираться на собственные силы; умение формировать и поддерживать в себе позитивные установки и ценности. Всё это позволит либо отсрочить наступление синдрома эмоционального выгорания, либо минимизировать его проявление.

Библиографический список

1. Бойко В. В. Энергия эмоций. – СПб., 2004.
2. Дубровина И. Психологическая культура личности // Развитие личности. – 2011. – № 4. – С. 59–76.
3. Душков Б. А. и др. Энциклопедический словарь: психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б. А. Душков, А. В. Королёв, Б. А. Смирнов. – М., 2005.
4. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. – М., 2012.
5. Китаев-Смык Л. А. Стресс и психологическая экология // Природа. – 1989. – № 7. – С. 98–105.
6. Кондаков И. Психологический словарь. – М., 2000.
7. Накусов С. Особенности профессионального выгорания педагогов начальной школы и учителей физической культуры // Коррекционно-развивающее образование. – 2012. – № 2(20). – С. 53–57.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1988.
9. Синюкова Е. М. Нравственное воспитание личности как психологическая проблема.

Идеалы и реальности культуры российского города: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза, 2014. – С. 60–62.
10. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. –1974. – Vol. 30. – P. 159–165.
11. Kondo K. Burnout syndrome // Asian Medical J. — 1991. — № 34(11).
12. Mahe E. The bumout syndrome // Journal of consulting and clinical psychology. – 1983. – № 7. – P. 15–20.
13. Maslach C. Bumout: The Cost of Caring. Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice-Hall, 1982.
14. Thornton P. I. The relation of coping, appraisal and burnout in mental health workers // J. Psychol. – 1992. – № 126 (3).
15. Perlman B. Burnout: summary and future and research / B. Perlman, E. A. Hartman // Human relations. – 1982. – Vol. 35. – № 4. – P. 283–305.
16. Pines A. M. Burnout. From Tedium to Personal Growth / A. M. Pines, E. Aronson, D. Kafry. – New York : Free Press, 1981.
17. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. –1974. – Vol. 30. – P. 159–165.
18. Kondo K. Burnout syndrome // Asian Medical J. — 1991. — № 34(11).
19. Maher E. The bumout syndrome // Journal of consulting and clinical psychology. – 1983. – № 7. – P. 15–20.
20. Maslach C. Bumout: The Cost of Caring. Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice-Hall, 1982.
21. Thornton P. I. The relation of coping, appraisal and burnout in mental health workers // J. Psychol. – 1992. – № 126 (3).
22. Perlman B. Burnout: summary and future and research / B. Perlman, E. A. Hartman // Human relations. – 1982. – Vol. 35. – № 4. – P. 283–305.
23. Pines A. M. Burnout. From Tedium to Personal Growth / A. M. Pines, E. Aronson, D. Kafry. – New York : Free Press, 1981.

Bibliography

1. Boyko V. V. Energiya emotsiy. – SPb., 2004.
2. Dubrovina I. Psihologicheskaya kultura lichnosti // Razvitie lichnosti. – 2011. – № 4. – P. 59–76.
3. Dushkov B. A. i dr. Entsiklopedicheskiy slovar: psihologiya truda, upravleniya, inzhenernaya psihologiya i ergonomika / B. A. Dushkov, A. V. Korolyov, B. A. Smirnov. – M., 2005.
4. Zhmurov V. A. Bolshaya entsiklopediya po psihiatrii. – M., 2012.
5. Kitaev-Smyik L. A. Stress i psihologicheskaya ekologiya // Priroda. – 1989. – № 7. – P. 98–105.
6. Kondakov I. Psihologicheskiy slovar. – M., 2000.
7. Nakusov S. Osobennosti professionalnogo vyigoraniya pedagogov nachalnoy shkolyi i uchiteley fizicheskoy kulturyi // Korrektsionno-razvivayuschee obrazovanie. – 2012. – № 2(20). – P. 53–57.
8. Ozhegov S. I. Slovar russkogo yazyika / pod red. N. Yu. Shvedovoy. – M., 1988.
9. Sinyukova E. M. Nravstvennoe vospitanie lichnosti kak psihologicheskaya problema. Idealyi i realnosti kulturyi rossiyskogo goroda: materialyi Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Penza, 2014. – P. 60–62.
10. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. –1974. – Vol. 30. – P. 159–165.
11. Kondo K. Burnout syndrome // Asian Medical J. – 1991. – № 34(11).
12. Maher E. The bumout syndrome // Journal of consulting and clinical psychology. – 1983. – № 7. – P. 15–20.
13. Maslach C. Bumout: The Cost of Caring. Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice-Hall, 1982.
14. Thornton P. I. The relation of coping, appraisal and burnout in mental health workers // J. Psychol. – 1992. – № 126 (3).
15. Perlman B. Burnout: summary and future and research / B. Perlman, E. A. Hartman // Human relations. – 1982. – Vol. 35. – № 4. – P. 283–305.
16. Pines A. M. Burnout. From Tedium to Personal Growth / A. M. Pines, E. Aronson, D. Kafry. – New York : Free Press, 1981.
17. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. – 1974. – Vol. 30. – P. 159–165.
18. Kondo K. Burnout syndrome // Asian Medical J. – 1991. – № 34(11).
19. Maher E. The bumout syndrome // Journal of consulting and clinical psychology. – 1983. – № 7. – P. 15–20.
20. Maslach C. Bumout: The Cost of Caring. Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice-Hall, 1982.
21. Thornton P. I. The relation of coping, appraisal and burnout in mental health workers // J. Psychol. – 1992. – № 126 (3).
22. Perlman B. Burnout: summary and future and research / B. Perlman, E. A. Hartman // Human relations. – 1982. – Vol. 35. – № 4. – P. 283–305.
23. Pines A. M. Burnout. From Tedium to Personal Growth / A. M. Pines, E. Aronson, D. Kafry. – New York : Free Press, 1981.

© Синюкова Е. М., Житлова Д. К., 2014

УДК 316.6

МЕЖГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Е. Кузнецова, кандидат психологических наук, доцент
Северный арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

INTERGROUP RELATIONS IN THE CONTEXT OF ORGANIZATIONAL CULTURE

O. E. Kuznetsova, candidate of psychological sciences, assistant professor
Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov, Archangelsk, Russia

Summary. The article is dedicated to the problem of influence of similarity and distinction of group characteristics on intergroup relations in the context of organizational culture. Three directions of the decision of the given problem are marked out: allocation of criteria of group similarity, possible group distinctions and group development study.

Keywords: intergroup relations in organizations; similarity and distinctions of groups; organizational culture.

В отечественной социальной психологии всплеск интереса к изучению межгрупповых отношений в организации приходится на восьмидесятые годы двадцатого века. В качестве главного фактора детерминации межгруппового взаимодействия и восприятия изучались характеристики совместной деятельности групп и возникающие на её основе социальные связи и взаимозависимости между ними: организация труда и характер трудовой деятельности, производственно-экономические факторы, совместная деятельность и требования организационной системы, социально-нормативные требования организационной системы и субъективные факторы [1, 3, 4, 5].

Актуальность изучения данной темы в настоящее время связана с проблемой эффективности организации в новых экономических условиях, зависящей в том числе от конструктивных отношений включенных в нее формальных групп.

Одной из наиболее важных проблем в области социальной психологии межгрупповых отношений остается проблема влияния сходства и различия групповых характеристик на межгрупповые отношения. Исследования по данной проблеме дают противоречивые результаты. Так, изучалось влияние подобия установок, статуса групп, сходства культур. В итоге результаты исследований показали, что в некоторых случаях сходство между группами может привести к благоприятным отношениям, а в других – к негативным отношениям [3, 15].

На наш взгляд, одним из перспективных направлений в решении данной проблемы может стать её изучение в контексте организационной культуры. Многие исследователи, занимающиеся проблемой организационной культуры, отмечают, что она регулирует поведение членов организации, оказывая влияние на отношения между ними. С точки зрения П. Н. Шихирева, социально-психологической основой организационной культуры является именно система отношений между людьми в организации, которая проявляется в системе базовых представлений, ценностей, через призму которых человек воспринимает окружающий мир, регулирует деятельность и поведение.

Организационная культура с помощью базовых представлений определяет отношения между людьми и группами в организации, процессы дифференциации и интеграции [6].

Социально-психологическая феноменология организационной культуры наряду с другими элементами включает различные субкультуры. Современные организации, как правило, представляют собой поликультурные образования, состоящие из субкультур, которые могут выделяться и изучаться на разных уровнях организации. Интерес к изучению организационных субкультур в связи с межгрупповыми отношениями вызывается тем, что субкультуры формальных групп организации могут иметь собственные нормы, ценности, цели, верования, отличающие их друг от друга и от доминирующей организационной культуры. Различия субкультур в символическом, когнитивном, ценностном и других аспектах могут стать источниками негативных межгрупповых отношений.

Таким образом, ***целью данной статьи*** является анализ возможных направлений изучения проблемы межгрупповых различий в контексте организационной культуры.

В социальной психологии межгрупповые отношения традиционно рассматриваются как противопоставление своей и чужой группы. В действительности группы чаще всего находятся внутри какой-либо более крупной общности, которая определяет и изменяет природу межгрупповых отношений, поэтому в последнее время внимание акцентируется на необходимости изучения всего комплекса горизонтальных и иерархических связей системы, в которую включены группы. В системе организационной культуры любого предприятия формальные группы с разными субкультурами находятся в определенных отношениях между собой и определенным образом соотносятся с общей организационной культурой. Сила организационной культуры с точки зрения многих исследователей определяется степенью разделяемости базовых представлений и ценностей, четкостью приоритетов и гибкостью [2]. Таким образом, для того чтобы организационная культура была сильной, предпочтительнее, чтобы субкультуры были поддерживающего типа, т. е. были сходными между собой [9]. Однако здесь возникает вопрос о том, как это повлияет на межгрупповые отношения данных субкультурных групп.

Опираясь на результаты существующих исследований, нам представляется возможным выделить три направления решения данной проблемы.

Первое направление – это определение критериев сходства групп и выделение на этой основе переменных, влияющих на межгрупповые отношения. Можно выделить следующие критерии сходства:

1) класс подразумеваемых сходств (социально-демографические характеристики, ценности, особенности группы и индивидов);

2) степень предполагаемого сходства (полное или частичное);

3) значение и смысл сходства для личности и группы;

4) объём и широта диапазона сходств (по ряду различных характеристик или в рамках одной сферы);

5) реальное или субъективно воспринимаемое.

Некоторые исследователи полагают, что фактором предубеждений является воспринимаемое сходство между группами, другие исследователи считают, что речь должна идти о степени сходства [9, 11].

Согласно «идиокультурному» подходу к изучению организационных субкультур, субкультуры формируются под воздействием не только общеорганизационных, но и собственно групповых представлений и ценностей [7]. В дан-

ном случае интерес представляет выявление таких субкультурных характеристик формальных групп, которые могут усилить проявление феноменов межгрупповой дифференциации или межгрупповой интеграции. С точки зрения И. Р. Сушкова, отношения между группами связаны с оценкой их вклада в совместную деятельность, т. е. наличие субкультурных характеристик (представлений, ценностей и норм), ориентирующих группу на активную совместную деятельность, будет способствовать оптимизации межгрупповых отношений. Однако согласно теории реалистического конфликта группы, сходные по данным субкультурным характеристикам, могут восприниматься как соперники, даже выполняя разные межгрупповые роли [5, 8]. С точки зрения теории угроз наибольшее внимание следует уделить культурной угрозе, которую авторы определяют как воспринимаемое различие между группами по социальным и личностным чертам [15]. В нашем случае это присущие только данной группе субкультурные характеристики, подчеркивающие ее индивидуальность.

Таким образом, проверка данных теорий в организационно-культурном контексте позволит выявить, сходство и различие по каким субкультурным характеристикам формальных групп влияет на характер межгрупповых отношений.

Второе направление опирается на положение о том, что отсутствие межгрупповых различий может вызвать угрозу групповой идентичности и желание установить различие через дифференциацию. В данном случае мы можем применить теорию социальной идентичности и теорию самокатегоризации.

Из предлагаемых вариантов решения проблемы в рамках теории социальной идентичности наиболее оптимистичным является интегративная модель М. Хорнси и М. Хогга, согласно которой необходима двойная идентификация (т. е. суперординатная и групповая, активизирующиеся одинаково), меняющая конфигурацию межгрупповых отношений так, что они становятся взаимно кооперативными и гармоничными. Включенность в суперординатную категорию по-другому заставляет воспринимать различия, которые теперь вызывают у индивидов меньшую предубежденность по отношению к аутгруппе, чем сходство. В качестве суперординатной категории может выступать общая организационная культура, в которую включены субкультуры формальных групп, выступающие в качестве групповых категорий [9, 10]. В этом случае исследования могут идти по следующим направлениям:

1) изучение типов организационных субкультур, способствующих гармоничной идентификации в организации;

2) изучение социальной идентичности формальных групп разных типов организационных субкультур.

В рамках теории самокатегоризации вызывает интерес концепция прототипа общей категории, являющейся нормой, по которой оцениваются группы как равные или как различные по прототипу. Если аутгруппа отклоняется от прототипа категории, то аутгрупповое отличие оценивается негативно. Ингруппа, входящая в суперординатную категорию, может считать себя более прототипной, а значит, превосходящей по сравнению с аутгруппой, которая будет считаться ненормативной и низшей по статусу. Разногласия между группами могут происходить из двух аспектов: степень включенности в категорию и отличие взглядов на прототип общей категории. Преодолеть эти разногласия помогают стратегии толерантности, согласно которым восприятие различий не рассматривается как нарушение нормы, и такие характеристики прототипа, как слабая репрезентация прототипа, поликультурность, мультимодальность, способствуют позитивной оценке межгрупповых различий [9].

Таким образом, если организационная культура выступает в качестве прототипа, то группа поддерживающего типа субкультуры (по типологии Дж. Мартин) [12] будет положительно оценивать группу с субкультурой, соответствующей прототипу, и проявлять феномены дифференциации – ингрупповой фаворитизм и дискриминацию – по отношению к группам с отклоняющимися от прототипа субкультурами (альтернативной, отстраненной, контркультурами). Следовательно, группы могут восприниматься как равные по включенности в общую категорию – организационную культуру или как различные по прототипу субкультуры. Организационный прототип отражает доминирующие культурные атрибуты, и конфликт между группами может быть редуцирован за счет создания поликультурной нормативной среды.

Третье направление предлагает объяснить парадокс сходства / различия групп через изучение истории развития группы и предыстории межгрупповых отношений [14]. Изучение данной проблемы в организационно-культурном контексте дает возможность выявить динамику межгрупповых отношений формальных групп в соответствии с развитием их субкультур в рамках общей организационной культуры. Изучение данной проблемы может базироваться на концепции Дж. Мартин, согласно которой организационная культура формируется тремя социальными направлениями: интеграция, дифференциация и фрагментация [13]. Применение данной концепции позволит изучить влияние субкультурных характеристик, типов субкультур формальных групп на межгрупповые отношения этих групп в разные периоды развития организационной культуры, её субкультур и организации в целом.

Таким образом, анализ данных направлений и изучение соотношения общей культуры организации и субкультур формальных групп, истории их совместного развития, сравнение субкультурных характеристик и типов субкультур намечают дальнейшие перспективы решения проблемы влияния межгрупповых различий на отношения этих групп в организации в контексте изучения организационной культуры.

Библиографический список

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М. : МГУ, 1990.
2. Викентьева Е. Н. Привлекательность труда как психологический аспект организационной культуры : дис. ... канд. психол. наук. – СПб. : СПбГУ, 2003.
3. Лунев Ю. А. Социально-психологические факторы детерминации поведения группы в межгрупповом взаимодействии : дис. ... канд. психол. наук. – М., 1991.
4. Позняков В. П. Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономических нововведений : дис. ... канд. психол. наук. – М., 1992.
5. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. – М. : Академ. проект ИП РАН; Екатеринбург : Деловая книга, 1999.
6. Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру. – М. : Новости, 2000.
7. Bolon D. A Reconceptualization and Analysis of Organizational Culture // Journal of Managerial Psychology. – 1994. – Vol. 9. – Issue 2. – P. 22–28.
8. Deutsch M. Distribute justice. A social psychological perspective. – New Haven and London, 1985. – P. 118–119.
9. Hogg M. Social identity and self-categorization processes in organizational contexts // Academy of managerial review. – 2000. – Vol. 25. – Isuue 1. – P. 121–140.
10. Hornsey M. Subgroup relations: A comparison of mutual intergroup differentiation and common intergroup identity models of prejudice reduction // Personality and social psychology review. – 2000. – № 4. – P. 143–156.
11. Jetten J. Intergroup norms and intergroup discrimination: Distinctive self-categorisation and social identity effects // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – № 71. – P. 1222–1233.
12. Martin J. Organizational culture and counterculture: an uneasy symbiosis // Organizational Dynamics. – Autumn 1983. – P. 52–64.

13. Martin J. Organizational Cultures and the denial, chalanging and acknowledgment of ambiguity // Managing ambiguity and change / ed. by Luis R. – John Wiley & Sons Ltd, 1988. – 205 p.
14. Worchel S. Psychology of intergroup relations. – Monterey, CA : Brooks/Cole, 1987. – 599 p.
15. Zarate M. Cultural threat and perceive realistic group conflict as dual predictors of prejudice // Journal of experimental social psychology. – 2004. – № 40. – P. 99–105.

Bibliography

1. Ageev V. S. Mezhgruppovoe vzaimodeystvie: sotsialno-psihologicheskie problemyi. – M. : MGU, 1990.
2. Vikenteva E. N. Privlekatelnost truda kak psihologicheskiy as-pekt organizatsionnoy kulturyi : dis. ... kand. psihol. nauk. – SpbGU, 2003.
3. Lunev Yu. A. Sotsialno-psihologicheskie faktoryi determinatsii po-vedeniya gruppyi v mezhgruppovom vzaimodeystvii : dis. ... kand. psihol. nauk. – M., 1991.
4. Poznyakov V. P. Dinamika mezhgruppovyih otnosheniy v trudovom kol-lektive v usloviyah organizatsionno-ekonomicheskih novovvedeniy : dis. ... kand. psihol. nauk. – M., 1992.
5. Sushkov I. R. Psihologiya vzaimootnosheniy. – M. : Akadem. proekt IP RAN; Ekaterinburg : Delovaya kniga, 1999.
6. Shihirev P. N. Vvedenie v rossiyskuyu delovuyu kulturu. – M. : No-vosti, 2000.
7. Bolon D. A Reconceptualization and Analysis of Organizational Culture // Journal of Managerial Psychology. – 1994. – Vol. 9. – Issue 2. – P. 22–28.
8. Deutsch M. Distribute justice. A social psychological perspective. – New Haven and London, 1985. – P. 118–119.
9. Hogg M. Social identity and self-categorization processes in organizational contexts // Academy of managerial review. – 2000. – Vol. 25. – Isuue 1. – P. 121–140.
10. Hornsey M. Subgroup relations: A comparison of mutual intergroup differentiation and common intergroup identity models of prejudice reduction // Personality and social psychology review. – 2000. – № 4. – P. 143–156.
11. Jetten J. Intergroup norms and intergroup discrimination: Distinctive self-categorisation and social identity effects // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – № 71. – P. 1222–1233.
12. Martin J. Organizational culture and counterculture: an uneasy symbiosis // Organizational Dynamics. – Autumn 1983. – P. 52–64.
13. Martin J. Organizational Cultures and the denial, chalanging and acknowledgment of ambiguity // Managing ambiguity and change / ed. by Luis R. – John Wiley & Sons Ltd, 1988. – 205 p.
14. Worchel S. Psychology of intergroup relations. – Monterey, CA : Brooks/Cole, 1987. – 599 p.
15. Zarate M. Cultural threat and perceive realistic group conflict as dual predictors of prejudice // Journal of experimental social psychology. – 2004. – № 40. – P. 99–105.

© Кузнецова О. Е., 2014

Lékařské vědy

УДК 159.9.072.432

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО БОЛЕЗНИ ПОВЕДЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С ШИЗОТИПИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

В. А. Соболев, кандидат медицинских наук, врач-психиатр;
Д. В. Чумаков, кандидат медицинских наук, врач-психиатр;
И. А. Давыдова, кандидат медицинских наук, врач-психиатр;
М. А. Ярославская, кандидат психологических наук, клинический психолог

Психиатрическая клиническая больница № 12 Департамента здравоохранения Москвы, г. Москва, Россия

THE RESEARCH OF COPING BEHAVIOR OF PATIENTS WITH SCHIZOTYPAL PERSONALITY DISORDER

V. A. Sobolev, candidate of medical sciences, psychiatrist;
D. V. Chumakov, candidate of medical sciences, psychiatrist;
I. A. Davydova, candidate of medical sciences, psychiatrist;
M. A. Yaroslavskaya, candidate of psychological sciences, clinical psychologist

Psychiatric hospital № 12, Moscow, Russia

Summary. The purpose of the research was to study the patterns of using coping and adherences to it's different types in patients with schizotypal personality disorder. The results of the study may be useful in developing educational systems of coping behavior skills.

Keywords: coping behavior; coping strategies; adaptation; schizotypal personality disorder.

Эндогенные заболевания шизофренического спектра характеризуются разнообразной психопатологической симптоматикой, включающей в себя различной степени выраженности нарушения восприятия, поведения, изменение эмоциональной сферы, снижение волевой активности. В силу большой распространённости и значимости в прогностическом плане расстройства шизофренического спектра являются важной проблемой современного здравоохранения [2]. Они имеют значительные психологические и социальные последствия для больных, что обусловливает внимание специалистов различных областей медицины и психологии, а также необходимость разработки комплексного медико-психологического подхода в лечении [4, 5, 8, 9]. Эффективность адаптации к заболеванию напрямую зависит от особенностей использования стратегий стресс преодолевающего поведения [1, 3, 4–7, 10]. В связи с этим, становится крайне важным определение особенностей способов и ресурсов совладающего с болезнью поведения как психологических феноменов адаптации (дезадаптации) при эндогенных заболеваниях шизофренического спектра.

Цель настоящего исследования – изучить параметры совладающего поведения у пациентов с диагнозом «шизотипическое расстройство» как способов адаптации/дезадаптации к заболеванию.

Характеристика групп обследуемых и методы

В исследовании приняли участие 30 человек в возрасте от 31 до 50 лет

с диагнозом F21 «шизотипическое расстройство». Больные находились на лечении в ГБУЗ ПКБ № 12 ДЗМ.

Выборка из 30 пациентов была разбита на 2 группы. В первую группу вошли 15 мужчин, средний возраст – 40,7 ± 7,04. Группу сравнения составили 15 женщин, средний возраст – 40,4 ± 6,15.

Для изучения частоты использования и оценки степени эффективности копинг-стратегий применялись копинг-опросник Ways of Coping Questionnaire (WCQ) R. S. Lazarus, S. Folkman, адаптированный в лаборатории психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана, методика «Проактивное совладающее поведение» (Аспинвал, Шварцер, Тауберт, 1999, адаптация Е. Старчен-ковой, в модификации В. М. Ялтонского, 2009).

Статистическая обработка результатов исследования

При статистической обработке результатов рассчитывались среднеарифметические значения, стандартные отклонения, достоверность различий между группами. Последний показатель рассчитывался по U-критерию Манна-Уитни. При обработке результатов использовалась компьютерная статистическая программа «Statistica 6.0». Использовали также программу MICROSOFT EXCEL 2003. Расчёт производился с достоверностью $p \leq 0{,}05$.

Описание методов

Опросник «Проактивное совладающее поведение» разработан Greenglass, Schwarzer, Aspinwall, Jakubiec, Fiksenbaum, Taubert в 1999 году. Методика «Проактивное совладающее поведение» оценивает выраженность тех или иных копинг-стратегий у индивида. Испытуемый получает инструкцию: «Следующие утверждения касаются ваших реакций на различные жизненные ситуации. Отметьте, насколько вы согласны с каждым из этих утверждений, поставив галочку в соответствующей графе».

Опросник состоит из 55 утверждений и включает шесть шкал:

1. Проактивное преодоление.
2. Рефлексивное преодоление.
3. Стратегическое планирование.
4. Превентивное преодоление.
5. Поиск инструментальной поддержки.
6. Поиск эмоциональной поддержки.

Каждое утверждение предлагает определённый вариант ответа. Оценка ответов производится по 4 балльной шкале: «совсем не согласен» – 1 балл, «частично согласен» – 2 балла, «скорее согласен, чем не согласен» – 3 балла, 4 балла – «полностью согласен». Пункты 2, 9, 14 первой шкалы подвергаются обратной обработке. Интерпретация производится по каждой из шкал со средними значениями в исследуемой выборке.

Методика «Ways of Coping Questionnaire» (WCQ) разработана R. S. Lazarus и Folkman S. в 1988 году, адаптирована в лаборатории психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана в 2009 году. Опросник включает в себя 50 утверждений, каждое из которых предлагает определённый вариант поведения в затруднительной ситуации.

Участнику исследования даётся инструкция: «Вам будет предложен ряд утверждений, касающихся особенностей Вашего поведения в затруднительных ситуациях. Прочитав каждое из утверждений, решите, верно оно по отношению к Вам или нет. Вы можете выбрать четыре варианта ответа на этот вопрос в зависимости от того, насколько часто Вы используете указанный в утверждении способ поведения: 0 – «никогда», 1 – «редко», 2 – «иногда», 3 – «часто». Выбранный Вами ответ отметьте в соответствующей графе опросного листа. Будьте внимательны и старайтесь отвечать искренне. Правильных и неправильных («плохих» и «хороших») ответов здесь нет».

Как следует из инструкции, ответ оценивается испытуемым по 4-балльной шкале в зависимости от частоты обращения

к стратегии: никогда – 0 баллов, редко – 1 балл, иногда – 2 балла, часто – 3 балла.

Пункты методики объединены в 8 шкал, соответствующих копинг-стратегий:

– конфронтация;
– дистанцирование;
– самоконтроль;
– поиск социальной поддержки;
– принятие ответственности;
– бегство – избегание»;
– планирование решения проблемы;
– положительная переоценка.

Обработка и интерпретация результатов

Степень предпочтительности стратегии определяется по шкале Т- баллов при М (среднем значении по стандартной шкале) равном 50 Т- баллам и σ (стандартном отклонении) равном 10 Т-баллам.

Для определения «сырых» показателей по шкалам методики вычисляется сумма показателей по утверждениям, входящим в каждую из шкал, с учётом соотношения между ответом и начисляемыми баллами.

После расчёта «сырых» значений по шкалам осуществляется их перевод в стандартные Т-баллы. Для определения стандартного показателя необходимо соотнести «сырой» балл со значениями нормативной группой с учётом пола и возраста.

Степень предпочтительности для испытуемого стратегии совладания со стрессом определяется на основании следующих нормативов:

1. Показатель меньше 40 баллов – редкое использование стратегии.

2. 40 баллов ≤ показатель ≤ 60 баллов – умеренное использование соответствующей стратегии.

3. Показатель более 60 баллов – выраженное предпочтение соответствующей стратегии.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные значения по результатам тестов для 1 и 2 выборки, в большинстве случаев, выходят за рамки нормативов (диаграмма № 1, диаграмма № 2). В ходе исследования было установлено, что у пациентов с шизотипическим расстройством в целом ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями. У больных наблюдаются защитный характер поведенческой активности, низкий функциональный уровень совладающего поведения, несбалансированность функционирования когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинга.

Для обеих групп ($P > 0,05$) характерно недостаточное обращение к формам проактивного совладающего поведения, таким как рефлексивное преодоление, стратегическое планирование, поиск инструментальной поддержки, поиск эмоциональной поддержки. Это указывает на общую тенденцию в реагировании на стрессовые события, выражающуюся в плохо сформированном представлении о ходе деятельности, недостатке навыков планирования, выбора более эффективных способов совладания со стрессовыми ситуациями. Вышеизложенное может приводить к дезорганизации деятельности по разрешению затруднительных ситуаций и, следовательно, к менее успешному и затяжному решению проблемных событий, что является одним из факторов риска нарастания эмоционального напряжения и, как следствие, усугубления психического состояния пациента.

У мужчин с шизотипическим расстройством в репертуаре совладающих стратегий преобладают когнитивные стили, они используют интеллектуальные приёмы отстранения, обесценивания, склонны к концептуальным построениям, редкому обращению к ресурсу социальной поддержки, слабой рефлексии при совладании со стрессовыми событиями и заболеванием. Они достоверно ($P < 0,05$) реже женщины в ситуации стресса прибегают к стратегиям «конфронтация»,

«бегство-избегание», активнее используют «дистанцирование», «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «проактивное преодоление», «превентивное преодоление» (диаграмма 1, диаграмма 2).

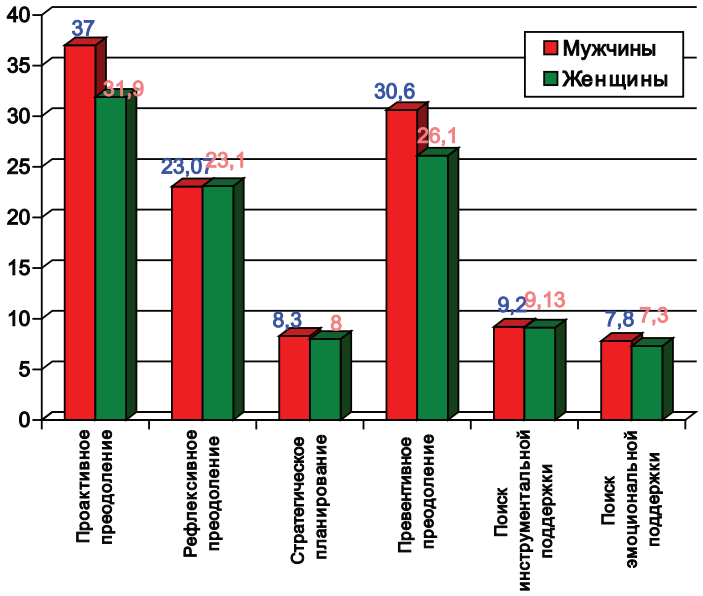


Диаграмма 1. Средние показатели предпочтительности стратегий преодолевающего поведения для мужчин и женщин, полученных с помощью методики «Проактивное совладаюшее поведение»

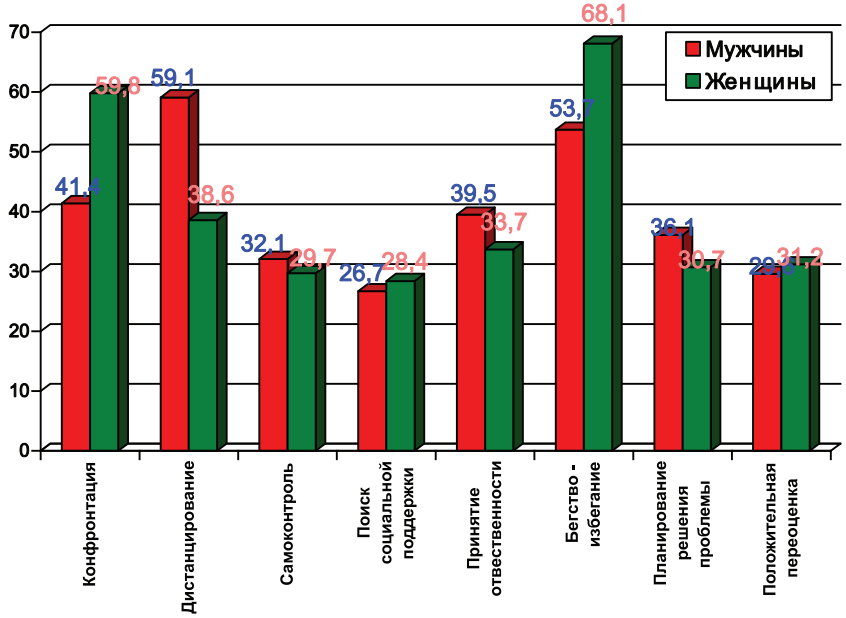


Диаграмма 2. Средние показатели предпочтительности стратегий преодолевающего поведения для мужчин и женщин с диагнозом шизотипическое расстройство, полученные с помощью методики «WCQ»

Чрезмерное обращение к стратегии «дистанцирование» мужчин, с одной стороны, позволяет не растрачивать свои внутренние ресурсы, оберегает от проявления аффективных вспышек, позволяет снизить субъективную значимость трудноразрешимых ситуаций; с другой – может приводить к слабому учёту социальной действительности, провоцировать к уходу от проблем в концептуальные построения, что в последующем служит источником искажённого восприятия происходящего и, как следствие, обостряет отношения с окружающими, создавая благоприятную почву для межличностных конфликтов. Следует отметить, что компенсация за недостаточное развитие стратегий «самоконтроль» и «поиск социальной поддержки» у мужчин может провоцировать усиленное использование копинга «дистанцирование». Несмотря на недостаточное, но всё же более частое обращение, чем у женщин, к стратегиям «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «проактивное преодоление» указывает на большую готовность мужчин анализировать своё поведение, менее выраженные нарушения целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения. Мужчины с шизотипическим расстройством склонны к редкому обращению к стилю «положительной переоценки», что обусловливает предрасположенность к депрессивным реакциям, формированию механизма негативного мышления. Мужчины чаще женщин в своём поведенческом арсенале используют стратегию «превентивное преодоление». Они более сознательно и ответственно подходят к важности подготовки определённых действий по сохранению собственного здоровья и удовлетворительного самочувствия, таких как: накопление денежных средств, своевременное принятие медикаментозных препаратов, прохождение плановых обследований по предотвращению тех или иных неблагоприятных последствий, например, ухудшению своего психического состояния.

Для женщин с диагнозом «шизотипическое расстройство» в ситуациях стресса и заболевания наиболее предпочтительными стратегиями совладания являются эмоционально-ориентированные. Они проявляют предрасположенность к аффективным вспышкам, внешнеобвиняющим реакциям, слабому учёту социальной действительности, испытывают выраженные трудности в использовании социальных ресурсов, склонны не признавать личной роли в возникновении трудностей, ухудшении своего состояния. Они достоверно ($P < 0{,}05$) чаще мужчин используют в проблемной ситуации копинги «конфронтация», «бегство-избегание», реже обращаются к «дистанцированию», «принятию ответственности», «планированию решения проблемы», «проактивному преодолению», «превентивному преодолению».

Стратегия «бегство-избегание» находится на первой ранговой позиции по частоте использования у женщин с диагнозом «шизотипическое расстройство», т. е. является ведущей. Отчётливое предпочтение копинга «бегство-избегание» и редкое обращение к «принятию ответственности» свидетельствуют о склонности отрицать наличие проблем и уходить от их решения. Высокие значения по шкале «конфрантация» и низкие значения по параметру «самоконтроль» у пациенток с диагнозом «шизотипическое расстройство», указывают на недостаточность регуляции волевого компонента деятельности, склонность к малоконструктивным формам реагирования с тенденцией к раздражительности, внешнеобвиняющим реакциям, трудности адекватного восприятия социального контекста окружающего. Ослабленная функция самоконтроля усиливает проявления

аффективных вспышек. Недостаточное обращение к стратегии «дистанцирование» у женщин может привести к эмоциональной охваченности проблемой, невозможности от неё отвлечься, чрезмерной когнитивной фокусировке на ситуации, что впоследствии является фактором риска для развития труднокоррегируемых концепций, продуцируемых по внутренним основаниям или с опорой на внешние случайные стимулы. Вышеизложенное приводит к истощению внутренних ресурсов субъекта, к ощущению опустошённости и усталости, отходу от социальных контактов, и, как следствие, сильной социальной дезадаптации и изоляции. Низкие значения по шкалам «принятие ответственности», «поиск социальной поддержки» могут быть связаны с трудностями адекватного восприятия социального контекста ситуаций, чрезмерным обращением к стратегии «конфронтация» и ослабленной функцией самоконтроля. Недостаточное обращение к копингам «планирование решения проблемы», «проактивное преодоление», «превентивное преодоление» указывают на выраженные нарушения целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения стрессовых ситуаций, планирования собственных действий с учётом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся внешних и внутренних ресурсов. Низкие значения по шкале «положительная переоценка» указывают на редкое обращение к мысленному моделированию своих высказываний, поступков, а также произошедших ситуаций, оценивание ситуаций как негативных.

Выводы

1. Пациенты, страдающие шизотипическим расстройством, дезадаптивно реагируют в ситуациях стрессовой нагрузки.

2. У пациентов с шизотипическим расстройством в целом ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями. У больных наблюдаются защитный характер поведенческой активности, низкий функциональный уровень совладающего поведения, несбалансированность функционирования когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинга.

3. У больных шизотипическим расстройством наблюдается недостаточное обращение к проактивным формам стресс преодолевающего поведения.

4. Больные шизотипическим расстройством испытывают дефецит навыков планирования, у них недостаточно сформировано представление о ходе деятельности и ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями.

5. В репертуаре совладающих стратегий со стрессом у мужчин с диагнозом «шизотипическое расстройство» преобладают когнитивные стили. Для женщин с диагнозом «шизотипическое расстройство» в ситуациях стресса и заболевания наиболее предпочтительными стратегиями совладания являются эмоционально-ориентированные.

6. Мужчины с диагнозом «шизотипическое расстройство» используют интеллектуальные приёмы отстранения, обесценивания, склонны к концептуальным построениям, редкому обращению к ресурсу социальной поддержки, слабой рефлексии при совладании со стрессовыми событиями и заболеванием.

7. Женщины с диагнозом «шизотипическое расстройство» в попытках совладания со стрессовыми ситуациями и болезнью проявляют предрасположенность к аффективным вспышкам, внешнеобвиняющим реакциям, слабому учёту социальной действительности, испытывают выраженные трудности в использовании социальных ресурсов, склонны не признавать личной роли в возникновении трудностей, ухудшении своего состояния.

8. У женщин с шизотипическим расстройством, по сравнению с мужчинами с шизотипическим расстройством, менее развиты навыки самостоятельного решения трудностей, целеполагания, рассмотрения вариантов разрешения конфликтных или затруднительных ситуаций.

Библиографический список

1. Ярославская М. А. Общие сведения и взаимосвязь феноменов адаптации, стресса и совладающего поведения // Вестник Академии Медико-технических наук. – 2012. – № 1(6). – С. 48–52.
2. Aranda-Reneo I., Oliva-Moreno J., Vilaplana-Prieto C., Hidalgo-Vega Á., González-Domínguez A. Informal care of patients with schizophrenia // J Ment Health Policy Econ. – 2013. – Sep; № 16(3). – P. 99–108.
3. Davis L., Brekke J. Social support and functional outcome in severe mental illness: The mediating role of proactive coping // Psychiatry Res. – 2014. – Jan. 30; № 215(1). – P. 39–45.
4. Kate N., Grover S., Kulhara P., Nehra R. Caregiving appraisal in schizophrenia: a study from India //Soc Sci Med. – 2013. – Dec.; № 98. – P. 135–40.
5. Kate N., Grover S., Kulhara P., Nehra R. Relationship of caregiver burden with coping strategies, social support, psychological morbidity, and quality of life in the caregivers of schizophrenia // Asian J Psychiatr. – 2013. – Oct.; № 6(5). – P. 380–8.
6. Koola M. M., Boggs D. L., Kelly D. L., Liu F., Linthicum J. A., Turner H. E., McMahon R. P., Gorelick D. A. Relief of cannabis withdrawal symptoms and cannabis quitting strategies in people with schizophrenia // Psychiatry Res. – 2013. – Oct. 30; № 209(3). – P. 273–8.
7. MacAulay R., Cohen A. S. Affecting coping: does neurocognition predict approach and avoidant coping strategies within schizophrenia spectrum disorders? // Psychiatry Res. – 2013. – Sep. 30; № 209(2). – P. 136–41.
8. Magallares A., Perez-Garin D., Molero F. Social Stigma and well-being in a sample of schizophrenia patients // Clin Schizophr Relat Psychoses. – 2013. – May. № 3. – P. 1–20.
9. Ponizovsky A. M., Finkelstein I., Poliakova I., Mostovoy D., Goldberger N., Rosca P. Interpersonal distances, coping strategies and psychopathology in patients with depression and schizophrenia // World J Psychiatry. – 2013. – Sep. 22; № 3(3). – P. 74–84.
10. Rexhaj S., Python N. V., Morin D., Bonsack C., Favrod J. Correlational study: illness representations and coping styles in caregivers for individuals with schizophrenia // Ann Gen Psychiatry. – 2013. – Aug. 28; № 12(1). – P. 27.

Bibliography

1. Yaroslavskaya M. A. Obschie svedeniya i vzaimosvyaz fenomenov adaptatsii, stressa i sovladayuschego povedeniya // Vestnik Akademii Mediko-tehnicheskih nauk. – 2012. – № 1(6). – P. 48–52.
2. Aranda-Reneo I., Oliva-Moreno J., Vilaplana-Prieto C., Hidalgo-Vega Á., González-Domínguez A. Informal care of patients with schizophrenia // J Ment Health Policy Econ. – 2013. – Sep; № 16(3). – P. 99–108.
3. Davis L., Brekke J. Social support and functional outcome in severe mental illness: The mediating role of proactive coping // Psychiatry Res. – 2014. – Jan. 30; № 215(1). – P. 39–45.
4. Kate N., Grover S., Kulhara P., Nehra R. Caregiving appraisal in schizophrenia: a study from India // Soc Sci Med. – 2013. – Dec.; № 98. – P. 135–40.
5. Kate N., Grover S., Kulhara P., Nehra R. Relationship of caregiver burden with coping strategies, social support, psychological morbidity, and quality of life in the caregivers of schizophrenia // Asian J Psychiatr. – 2013. – Oct.; № 6(5). – P. 380–8.
6. Koola M. M., Boggs D. L., Kelly D. L., Liu F., Linthicum J. A., Turner H. E., McMahon R. P., Gorelick D. A. Relief of cannabis withdrawal symptoms and cannabis quitting strategies in people with schizophrenia // Psychiatry Res. – 2013. – Oct. 30; № 209(3). – P. 273–8.
7. MacAulay R., Cohen A. S. Affecting coping: does neurocognition predict approach and avoidant coping strategies within schizophrenia spectrum disorders? // Psychiatry Res. – 2013. – Sep. 30; № 209(2). – P. 136–41.
8. Magallares A., Perez-Garin D., Molero F. Social Stigma and well-being in a sample of schizophrenia patients // Clin Schizophr Relat Psychoses. – 2013. – May. № 3. – P. 1–20.
9. Ponizovsky A. M., Finkelstein I., Poliakova I., Mostovoy D., Goldberger N., Rosca P. Interpersonal distances, coping strategies and psychopathology in patients with depression and schizophrenia // World J Psychiatry. – 2013. – Sep. 22; № 3(3). – P. 74–84.
10. Rexhaj S., Python N. V., Morin D., Bonsack C., Favrod J. Correlational study: illness representations and coping styles in caregivers for individuals with schizophrenia // Ann Gen Psychiatry. – 2013. – Aug. 28; № 12(1). – P. 27.

© Соболев В. А., Чумаков Д. В., Давыдова И. А., Ярославская М. А., 2014

Sociální vědy

УДК 687.016

МОДА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Н. Ю. Масленцева, кандидат социологических наук, доцент
Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Свердловская область, Россия

FASHION AS THE SUBJECT OF SOCIO-CULURAL RESEARCH

N. Y. Maslentseva, candidate of sociological sciences, assistant professor
Russian State Vocational-pedagogical University, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia

Summary. The article examines issues of the socio-cultural research of fashion technology as a production and distribution of new cultural forms. The author indicated range of symbolic roles and functions of fashion based on historical analysis. The article emphasizes the social meaning, social context of fashion trends, «Social Order» to a certain image and life style. The author examines how the fashion and its practices, life styles, social attitudes and personality orientation, changing their social and cultural importance in the fragmentation of culture in modern society.

Keywords: sociology of fashion; sociocultural technology; fashion features; fashion trends; lifestyle; identity; fashion trends.

Мода относится к числу тех явлений, дискуссии и споры о которых можно считать вечными. Одни видят в моде отражение эстетического вкуса эпохи, другие – череду постоянно сменяющихся моделей для подиума, согласно мнению третьих, мода есть средство удовлетворения потребностей личности в самопрезентации, демонстрации статуса окружающим. Одним из первых, кто отметил в моде творческую составляющую формирования человеческого статуса, был И. Кант, заметивший, что «мода в сущности не дело вкуса», модное подражание состоит в стремлении «казаться не менее значительным, чем другие, и в этом соперничестве превзойти других» [1, с. 489]. Классик немецкой философии акцентировал внимание на статусной, престижно-символической роли моды для личности. Мода трактуется как форма символического приобщения к некоему привлекательному статусу (как правило, вышестоящему). Таким образом, символическая и статусная роль моды обозначается еще до появления собственно исследований моды, однако именно философские трактовки заложили прочное теоретико-методологическое основание в формирование социологических концепций моды.

Критическое отношение к моде прослеживается в трудах Г. Спенсера, воспринимавшего моду как «безумство» и поверхностное, зачастую бессмысленное поведение [2, с. 215]. Спенсер заявлял о праве личности на «разумное несоблюдение» предписаний моды. Отдавая должное эстетическому значению и коммуникативной функции моды, Спенсер стремился найти компромиссное решение всё усиливающегося конфликта между личностью и обществом, отстаивал право индивида не быть «рабом» моды, жертвой ее диктата.

Начало XX в., ознаменовавшееся важными историческими событиями и переменами, изменениями нормативно-ценностных ориентиров в большинстве стран, не могло не отразиться на появлении более пристального внимания к моде как социокультурному явлению. Описание моды как циклически сменяющегося процесса смены образцов костюма, манер, идей – одна из основных идей Г. Зиммеля. Немецкий социолог, анализируя моду, распространил на нее свои представления о распределении власти в современном ему обществе [3, с. 89]. Для Зиммеля мода – средство сохранения социальной идентичности и одновременно средство, способствующее социальной интеграции. Как средство выражения социальной идентификации мода крайне неустойчива. Более того, именно это качество неустойчивости, столь часто критикуемое, привлекает людей. Изменения, вводимые модой, приносят новые «прочтения», свежие ориентиры, тем самым обновляя первоначально как минимум на внешнем уровне старомодные образцы.

Теория циклов моды позволила поставить под сомнение популярную (благодаря «модному» в начале XX века учению З. Фрейда) идею о бессознательных механизмах формирования моды, невозможности прогнозирования ее тенденций. Мода (прежде всего костюм) есть отражение постоянно изменяющегося общественного, культурного содержания. Соответственно, без изучения социокультурного контекста понимание сущности моды, трактовка ее роли так и останутся на уровне формального подхода.

Концептуальные основания нового подхода к моде во второй половине XX в. заложили работы Г. Блумера, в частности его знаменитая статья «Мода: от классовой дифференциации к коллективной селекции» [4, с. 321]. Опираясь на эмпирические факты, Блумер считал определяющей в развитии и движении моды рядовую публику. Опираясь на данные экспериментов, проведенных с аудиторией модных показов, Блумер сделал вывод о том, что модельеры не могут окончательно и точно предугадать выбор публики, что и определяет ее ведущую роль в формировании фешен-тенденций. Роль элиты, по мнению Блумера, определяется ее высоким статусом и соответствующим престижем в глазах окружающих, в том числе в формировании направления развития моды (модных образцов). Идея преобразующей деятельности субъекта в формировании повседневных практик – ключевой тезис. Но выбор той или иной моды представляет собой активное проявление индивидуальности и социального статуса. Мода тесно связана с социальным капиталом, что свидетельствует о ее социальной обусловленности. П. Бурдье отмечает, что «изменения структуры в области моды – всего лишь эффект изменения структуры в области власти (области объективных структур между фракциями доминирующего класса)» [5]. Мода есть отражение властных отношений и сама, в свою очередь, является ресурсом власти.

Трактовка моды как совокупности знаков социальной дифференциации является ключевой в концепции моды Р. Барта [6, с. 89]. В основе его подхода лежит семиотический анализ моды. Мода становится источником формирования новых идентичностей, и в ее власти находится не только само тело (его тип), но и его преобразование (одежда становится средством трансформации реального тела в идеальное «модное» тело). Телесность всё чаще становится предметом научного интереса в гуманитарных и социальных науках, в том числе и благодаря социологии моды. Исследование различных «технологий красоты» (бодибилдинг, диеты и проч.), индустрии красоты ведёт к изучению внимания к телесности как идеологии современной моды.

Тема особых знаков и символов, создаваемых модой, находит отражение в концепции Ж. Бодрийяра. Поскольку в таком толковании функционирование моды определяется в контексте медиа-культуры [7, с. 17–18], как ее продукт. Знаки и символы медиа-культуры вторгаются в повседневную жизнь и превращают общество в симуляцию. Мода включена в знаковый обмен и трансформирует труд и досуг в обмен знаками и символами. Тело, идентичность, пол, социальный статус стали материалами для моды, одежда представляет всего лишь частный случай подобного преобразования. При этом мода является прорывом к иной, игровой социальности. Акцент в характеристике моды и идентичности смещается в сторону игры, ее привлекательности для современного человека и общества. В игре присутствует то, чего так не хватает и в то же время чем так насыщено современное общество, – безграничная вариативность, неожиданность, а главное – удовольствие, ощущение свободы, точнее ее иллюзия. Общество и культура через моду конструируют гендер, класс, этничность, расу, возраст, красоту.

Для нас важной является амбивалентность, основанная на неустойчивости социальных идентичностей, рассматриваемого феномена моды, вовлекающего в систему своих значений противостояние женственности и мужественности, работы и игры, конформности и нон-конформности, элитарности и демократичности.

Анализ социальной мобильности индивида как траектории, включающей различные практики, позволяет говорить о моде не только как о сущности жизненного стиля группы, но и индивида. «Измерительным инструментом» служит «габитус» как активный компонент классового общественного воспроизводства [8, с. 93]. В своем исследовании отличий Бурдье указывает, что вкус является одним из признаков распределения капитала и, следовательно, жизненного стиля. Это, в свою очередь, объясняет тесную связь социологии моды, социологии стиля жизни и социологии маркетинга.

Социологический подход к моде ориентирован на выявление социального смысла, социального контекста модных тенденций. Каждый появившийся модный стиль является выражением «социального заказа» на определенный образ и стиль жизни. Так, романтический стиль К. Диора 1950-х «new look» – отразил острую потребность в возврате к «истинной женственности» и изяществу уставшей от войн и разрушений Европы. Этот стиль вновь напомнил о мире и стабильности, где женщины – прекрасны, потому что хрупки и элегантны. Однако порядок был «нарушен» появлением новых стилей: аристократизм вытесняли хиппи, панки. Молодежный бунт в первую очередь провозгласила мода, и ее стили обнаружили новые формы поведения, иные образы мышления. Ценности «буржуа» были осмеяны в стилистке молодежных субкультур, протестное содержание которых повергло общество, стремящееся к устойчивости и традиционному порядку вещей, в шок. Тема беспорядка, неопределенности в первую очередь находила выражение в «уличных» стилях: «хиппи», «панк», «грандж», «кэжуал». Ценностные установки этих стилей несли новые общественные ориентиры в стиле жизни и поведении, формируя множественность идентичностей и стилей.

Интересна роль уличной моды, интенсивно развивающейся на Западе и в крупных городах России, в происходящих изменениях. Новаторство уличной моды заключается в том, что «люди с улицы» – главные акторы, стремящиеся привлечь к себе внимания, заявить о своей оригинальности. Подобные ориентиры не были характерны для массового общества и массовой моды. Уличная мода диктует другие

типы телесного поведения, поскольку она демонстрируется на ходу, в движении. Это мода людей, которые не ездят в автомобилях, – из этого следует, что она, как правило, относится к категории «бюджетной моды».

Уличная мода требует быстрого «прочтения» текста одежды и всего внешнего облика обладателя, т. к. оно происходит также в движении. Этот взгляд совершенно противоположен тому, который господствовал ранее: рассматривающий, отмечающий детали, цепляющийся за мелочи, допускающий возможности вторичного оглядывания, респектабельности. Сегодня доминирует быстрый, динамичный взгляд мимоходом [9, с. 249]. Вторжение уличной парадигмы моды привносит в моду подчеркнутый демократизм и динамичность.

Власть моды сегодня заключается в ее кажущейся свободе и безграничных возможностях, идеологии простоты, комфорта и универсальности. И хотя существование стилей «гламур», «шик», казалось бы, не укладывается в подобный социальный контекст, тем не менее их наличие лишний раз демонстрирует полистилизм современной моды и ее неопределенность в обществе с аналогичным названием.

В поисках стабильности общество, не зная, что ожидать от будущего, всё чаще заглядывает, а иногда оглядывается в прошлое. Подобные тенденции характерны и для моды – двигателя изменений, однако важнее оказывается не столько революция, смена новаторских решений, сколько эволюция уже найденных направлений, характеризующих ту или иную марку, постоянные возвращения к стилям прошлых десятилетий, цитирование прошлых мод. Резких поворотов от сезона к сезону дизайнеры избегают, предпочитая варьировать характерные и востребованные у потребителя темы.

Еще одним трендом современной моды является ее стремление к функциональности, которое по-разному обыгрывается и технологически разрешает отношения между одеждой и телом. Дизайнеры моды ощутили богатый потенциал, осмысляя и интерпретируя потребность потребителей в функциональности, предлагая вполне «функциональные» вещи для использования. Из последних работ можно упомянуть так называемое «надувное платье», состоящее из нескольких слоев, оболочек прорезиненной ткани. В первоначальном виде платье выглядит вполне привычно, затем юбка надувается и становится пышным вечерним нарядом; наконец, последняя модификация – полностью надутое платье превращается в уютный кокон, похожий на обширный спальный мешок, палатку, где можно приятно провести время или заночевать. Создатели платья особо подчеркивают его значение как «личного пространства, которое можно носить (с собой и на себе)» [10, с. 109].

Тенденция функциональности, комфорта, повседневности моды, долгое время игнорировавшаяся дизайнерами и ставшая ведущей в XXI в., – важная черта современной моды. Для ее объяснения стоит обратиться к работам А. Гофмана, чья социологическая теория моды и модного поведения является фундаментальной российской концепцией моды на рубеже XX–XXI вв. Сущность моды Гофман раскрывает посредством вычленения ее ценностного ядра, точнее, базовых «внутренних» ценностей моды, которые разделяются всеми и являются стержнем любой модной новации [11, с. 16–29]. Современность, универсальность, демонстративность и игра – «киты», формирующие социальную сущность моды. Ориентированность моды на общество и личность, а точнее, на их изменчивость и стремление к самоопределению может прояснить вопрос о популярности в моде идей комфорта, практичности и проч. Тренды моды – отражение поиска личности во времени и пространстве, растущей индивидуализации и разных интерпретаций свободы.

Еще одну волну, захлестнувшую общество в условиях мирового кризиса, можно обозначить как тенденцию сопротивления дороговизне и нонконформизм. Нонконформизм предполагает несогласие с системой (политикой, экономикой, культурными установками, стереотипами и т. д.). Но так как именно в моде ярче всего проявляются визуальные знаки этой системы, то сопротивление идет с «окраин» общества, цивилизации, культуры, города. Маргинальность является мощнейшим двигателем моды. Массовая мода появилась тогда, когда маргиналы научились присваивать себе знаки, ранее доступные и понятные только людям определенного сословия и достатка, в эпоху, когда существовала мода на индивидуальность и элитарность. Ведущим стилем современной моды является «“вычищенная” и красиво оформленная версия жизни спального района». Выглядеть и вести себя маргинально стало модно настолько, что в образе жизни наших современников сочетается то, что традиционно противопоставлялось друг другу: элитарность и дешевизна, массовость и арт-хаус, шик и простота, граничащая с бедностью. Всё это можно объяснить различными факторами и причинами, в том числе тем, что создателями сегодняшней моды являются выходцы с окраин, из провинции, носители маргинальной культуры, предпочитающие черпать вдохновение на улицах. Появление понятий «уличная мода» (англ. street) и «повседневная мода» (англ. casual) суть одного и того же явления – новой идеологии моды, ориентированной на поиск новых источников вдохновения и прибыли.

Отражение в моде ценностей многоликой современности – еще один ракурс, обнаруженный Ж. Липовецки [12, с. 222–223], именующего наше время эпохой нарциссизма и гедонизма с ведущей потребностью заполнить духовный вакуум, найти ориентиры и ощутить потерянное чувство стабильности. Липовецки уподобляет моду средству релаксации, где чувство юмора позволит раскрепоститься и освободиться от социального контроля. «Всё больше оригинальности влюбленных в себя людей – для одних, все больше непринужденного и раскованного единообразия – для большинства, – так выглядит общество нарциссов, которое воплощает тенденцию к разнообразию в мире моды, к ликвидации ее критериев и императивов, к мирному сосуществованию стилей». Главная тенденция моды начала XXI в. – можно позволить себе всё, всему радоваться. В этом смысле мода в своем стремлении освободиться от ограничений приспособлена к персонализированному обществу, ориентированному на свободу выбора с учетом собственного вкуса. Поспешное движение вперед подменяется вторичным открытием основ, внутренним развитием.

Сегодняшний слоган моды – «Нет ничего более модного, чем делать вид, что не интересуешься модой». После появления джинсов наблюдается дальнейшая тяга к одежде рабочего стиля, военного обмундирования или спортивной формы. Спецовка, пара из грубой ткани, блуза художника, камуфляж, флотский дождевик, крестьянская юбка: фривольный стиль ассоциируется с серьезной и деловой личностью, мода подражает миру профессионалов. Модной является небрежность, раскованность; новое должно выглядеть поношенным, а нарочитое – спонтанным. Поскольку мода утрачивает свой характер изысканности, ее стиль становится забавным, опираясь на лишенный внутреннего содержания нейтрализованный плагиат, обыгрывающий стили и тенденции прошлых лет.

Попав в категорию «модного», новое и старое оказываются наделенными «юмористическими» чертами в результате постоянного и циклического процесса обновления. Как и реклама, мода

скорее ничего не сообщает, представляя собой «полую структуру», но главный смысл моды в том, чтобы вносить перемены, перемены ради перемен; так что мода существует лишь благодаря этому непрерывному процессу смены форм. При этом она выражает сущность наших культурных форм, основанных на ускоренном темпе экспериментаторской работы, демонстрации их функционирования в условиях всеобщей игры и беззаботности.

Если в предшествующие стадии исторического развития общество дифференцировалось и организовывалось в основном «через экономику» или «через политику», то в настоящее время общество всё более организуется «через культуру», в которой мода играет важнейшую роль, задавая темп смены культурных форм и обнаруживая всё новые ориентиры [13]. Мода выступает доминирующей социокультурной технологией формирования новых форм, новых стилей, подчас основанных на компиляциях, «цитировании», элементах пародии, в мире моды современный человек пытается найти себя. Ответ на вопрос «Находит ли?» остается открытым.

Библиографический список

1. Кант И. Соч. в 6 т. – М., 1966. – Т. 6.
2. Спенсер Г. Сочинения. Полные переводы, повторенные по последним английским изданиям. Основания этики /под общ. ред. Н. А. Рубакина. – Киев – Харьков – СПб. : Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1899.
3. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. Т. 2. – М. : Юрист, 1996.
4. Блумер Г. Коллективное движение // Психология масс : хрестоматия. – М. : Издательский дом «Бахрах», 1998.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989.
6. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 87–96.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М. : Рудомино, 1995.
8. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 87–96.
9. Тренд: предмет прогноза или стихийное явление? Круглый стол // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2007. – Вып. 4. – С. 284–286.
10. Вайнштейн О. Ноги графини: этюды по теории модного тела // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2006–2007. – Вып. 2. – С. 102–123.
11. Гофман А. Б. Мода и люди. – М. : Агентство «Издательский сервис», 2000.
12. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. – М. : Владимир Даль, 2001.
13. Захаров А. В. Предмет социологии культуры. URL: http://sociologist.nm.ru/articles/zaharov_04.htm (дата обращения: 12.04.2012).

Bibliography

1. Kant I. Soch. v 6 t. – M., 1966. – T. 6.
2. Spenser G. Sochineniya. Polnyie perevodyi, povtorennyie po poslednim angliyskim izdaniyam. Osnovaniya etiki / obsch. red. N. A. Rubakina. – Kiev – Harkov – SPb. : Yuzhno-Russkoe Knigoizdatelstvo F. A. Iogansona, 1899.
3. Zimmel G. Izbrannoe. Sozertsanie zhizni. T. 2. – M. : Yurist, 1996.
4. Blumer G. Kollektivnoe dvizhenie // Psihologiya mass : hrestomatiya. – M. : Izdatelskiy dom «Bahrah», 1998.
5. Bart R. Izbrannyie rabotyi. Semiotika. Poetika / per. s fr. ; sost., obsch. red. G. K. Kosikova. – M. : Progress, 1989.
6. Burde P. Struktura, gabitus, praktika // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. – 1998. – T. 1. – № 2. – P. 87–96.
7. Bodriyyar Zh. Sistema veschey. – M. : Rudomino, 1995.
8. Burde P. Struktura, gabitus, praktika // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. – 1998. – T. 1. – № 2. – P. 87–96.
9. Trend: predmet prognoza ili stihiynoe yavlenie? Kruglyiy stol // Teoriya modyi. Odezhda. Telo. Kultura. – 2007. – Vyip. 4. – P. 284–286.
10. Vaynshteyn O. Nogi grafini: etyudyi po teorii modnogo tela // Teo-riya modyi. Odezhda. Telo. Kultura. – 2006–2007. – Vyip. 2. – P. 102–123.
11. Gofman A. B. Moda i lyudi. – M. : Agentstvo «Izdatelskiy servis», 2000.
12. Lipovetski Zh. Era pustotyi: esse o sovremennom individualizme / per. s fr. V. V. Kuznetsova. – M. : Vladimir Dal, 2001.
13. Zaharov A. V. Predmet sotsiologii kulturyi. URL: http://sociologist.nm.ru/articles/zaharov_04.htm (data obrascheniya: 12.04.2012).

© Масленцева Н. Ю., 2014

Politologické vědy

УДК 351/354 (316)

КОНТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БУДУЩЕГО

А. А. Абдухалилов, магистр политологии
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

CONTOURS OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE FUTURE

A. A. Abduhalilov, Master of Political Science
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Summary. In this article historical processes of transformation of concepts of public administration are considered. Current trends of change of administrative mechanisms the states caused by processes of globalization are revealed. The author considers that in the modern world there was an uncertainty situation.

Keywords: state; public administration; globalization; promotion; PR; legitimacy; violence; sovereignty; pluralism; multiculturalism.

Прогнозы многих мыслителей о неизбежности процесса отмирания или минимизации государства в будущем не сбылись. Наоборот, усилился процесс огосударствления социально-политической, экономической жизни общества. Государства стали приобретать более сильное влияние путем внедрения в процессы управления обществом сложной системы административного аппарата. Сегодня уже никто не говорит о сокращении государства в жизни общества. Вместе с тем наблюдаются новые тенденции административно-государственного управления. Для того чтобы получить ясное представление о таких тенденциях изменения государственного управления, необходимо кратко остановиться на генезисе системы государственного управления.

В античное время феномен государственного управления в основном концентрировался на какой-либо персоне, на герое, с которым ассоциировалась та или иная эпоха. Свою легитимность в античное время государства получали благодаря успешным военным походам и насилию. Именно насилие было основным ресурсом государственного управления.

В Средние века государство в процессе управления обществом, помимо насилия, опиралось на религиозные институты, которые давали государственным органам власти идеологическую легитимацию принятых ими управленческих решений. Многие войны, которые велись в тот период истории человечества, обосновывались религиозными мотивами. Религиозные организации Средневековья создавали различные предрассудки, которые позволяли, по мнению К. Маркса, управлять обществом [1, с. 166]. С появлением нового класса буржуазии начинается Новое время, в котором были делегитимизированы основные религиозные постулаты волюнтаристического управления обществом.

Власть аристократии была дискредитирована, поскольку старая аристократия не отвечала основным

требованиям капитала. Мы полагаем, что Новое время можно охарактеризовать не только как время просвещения, но и как период европейской демократии. Но в странах Востока не наблюдался сильный разрыв между Средневековьем и Новым временем, так как оставались предрассудки, влияющие на сознание объектов власти. Именно в Новое время впервые появляются идеи о верховенстве народной воли и ограниченности государственной власти. Данный факт был обусловлен в трудах таких мыслителей, как И. Кант, Г. Гегель, Ш. Монтескье и др.

В начале XX века в своем труде «Хозяйство и общество» известный немецкий социолог М. Вебер писал, что происходит рационализация всех сфер общества, в том числе и управления [2, с. 260]. В Европе, а чуть позже в странах Востока начинает формироваться рациональная бюрократия с ее компетентностью, профессионализмом и чёткой дифференциацией полномочий.

Что касается Новейшего времени, мы можем констатировать, что в эту эпоху усиливается роль парламента в политических процессах в Европе и возникают конфликты между антагонистическими полюсами. Также усиливаются геополитическая и идеологическая конфронтации между основными акторами мировой политики. Государства начинают тратить огромные ресурсы для преодоления сопротивления своих геополитических и идеологических противников. Но в конце XX века происходит победа демократических ценностей, что повлияло на формирование современных контуров изменения государственного управления.

Конечно, данный исторический экскурс в процесс развития государственного управления нельзя назвать полным, поскольку он не является целью данной работы. Мы остановились на нём для того, чтобы выявить основные контуры изменения государственного управления в современном мире.

Как известно, процесс глобализации внес свои коррективы в систему общественных отношений, в том числе и в архитектуру государственного управления. Влиянию процессов глобализации подвергаются в какой-то мере все страны мира. Современное государственное управление перестает быть лишь суверенной деятельностью государственных органов власти, поскольку формирующаяся взаимозависимость международных отношений сильно влияет на принятие управленческих решений. Мы полагаем, что основными контурами изменения государственного управления являются следующие:

1. Стирание границ внутренней и внешней политики. Это еще было замечено в 2004 году известным американским ученым Джозефом Наем в его труде «Мягкая сила» («Soft power») [3, с. 20]. Данный процесс приводит к тому, что государства частично начинают терять свой суверенитет. Плюрализм суверенитетов как основная характеристика международных отношений, выявленная в начале XX века Р. Ароном, постепенно теряет свою значимость [4, с. 16]. Сегодня возникают концепции полусуверенитета, и всё больше подвергается критике один из фундаментальных принципов международного права – принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Принятие управленческих решений государством начинает влиять на его внешнеполитический курс и на взаимоотношения с другими акторами мировой политики. Именно поэтому, мы полагаем, происходит минимизация сугубо внутренних управленческих проблем.

2. Формирование глобального гражданского общества. Стирание границ между внутренней и внешней политикой привело к возникновению таких институтов гражданского общества,

которые вовлекаются в решения проблем других государств. Они чувствуют себя сопричастными к проблемам глобального масштаба. Именно поэтому у государств возникает потребность легитимации принятых решений не только среди своих граждан, но и в мировом сообществе. Именно социальные сети в настоящее время способствуют развитию гражданского общества.

3. Процессы минимизации насилия. Сегодня чрезмерное применение насилия является показателем слабости государства. Даже многие государства с авторитарным стилем управления пытаются легитимировать свою власть не механизмами насилия, а механизмами экономического благосостояния. Также чрезмерное применение насилия может стать фактором делегитимации государственной власти.

Примером вышесказанного может быть делегитимация власти М. Саакашвили в Грузии, когда оппозиция продемонстрировала примеры применения насилия властями страны в местах лишения свободы.

4. Методы пропаганды в системе государственного управления постепенно устаревают, вместо них получают развитие методы пиара, поскольку методы пропаганды могут быть эффективны лишь в изолированных обществах, тогда как пиар включает в себя механизмы обратной связи в процессе принятия решения.

Таким образом, мы можем констатировать, что современная система государственного управления приобретает глобальный характер, так как глобальная информационная структура общества начинает непосредственно влиять на процесс принятия управленческих решений. Также необходимо отметить, что частичный отказ государств мира от суверенитета приводит к потере уникальности и идентичности современных государств. В свою очередь, глобальные мировые процессы, происходящие в нашу эпоху, ставят перед человечеством вопросы о перспективах мультикультурного общества и глобального управления, так как, к сожалению, еще не разработана универсальная модель глобального сосуществования. Думается, что мир находится на пороге нам еще не до конца известных перемен. Как еще отмечал Конфуций, «не желай своему врагу смерти или какой-либо болезни, а пожелай ему жить в эпоху великих перемен».

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сборник сочинений. – М., 1960.
2. Вебер М. Сборник сочинений. – М., 1990.
3. Най Дж. Мягкая сила. – М., 2004.
4. Цыганков А. П. Современные международные отношения. – М., 1997.

Bibliography

1. Marks K., Engels F. Sbornik sochineniy. – M., 1960.
2. Veber M. Sbornik sochineniy. – M., 1990.
3. Nay Dzh. Myagkaya sila. – M., 2004.
4. Tsyigankov A. P. Sovremennyie mezhdunarodnyie otnosheniya. – M., 1997.

© Абдухалилов А. А., 2014

Fyzika a matematika

УДК 378.06

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУППОВЫХ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ УДАЛЕННОЙ АУДИТОРИИ

Л. В. Боброва, кандидат технических наук, доцент[1];
Т. А. Цивина, кандидат технических наук, доцент[2]

[1]Северо-Западный открытый технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия;
[2]Московский институт предпринимательства и права, филиал в г. Пенза, Россия

EXPERRIENCE IN ORGANIZING GROUP SESSIONS TO A REMOTE AUDIENCE

L. V. Bobrova, candidate of technical sciences, assistant professor[1];
T. A. Zivina, candidate of technical sciences, assistant professor[2]

[1]Northwest Open Technical University, St. Petersburg, Russia;
[2]Moscow Institute of Business and Law, a branch in Penza, Russia

Summary. The article examines the development of methodology for conducting classes for students studying remotely and organized into groups with branches universities. One of the main problems that must be addressed to teachers in carrying out such activities, is the rational organization of the work of each student. Based on studies using multivariate analysis is proposed to use the division of students into groups based on their level of training.

Keywords: individualization of higher education; information and communication technologies; distance learning; remote audience; online training; online; innovative educational technologies; factor analysis.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет системе высшего образования перейти на качественно новый уровень обучения и преподавания. Активное применение в образовании ИКТ в сочетании с растущими возможностями Интернета приводит к эволюции преподавания и обучения. Однако, несмотря на все плюсы дистанционных обучающих технологий, они широко используются в основном для изучения либо теоретических, легко формализуемых курсов (экономика), либо для курсов, где организация диалога с обучаемыми не требует работы с графиками, формулами и т. д. (иностранный язык).

В Северо-Западном заочном государственном техническом университете в течение нескольких лет в порядке эксперимента осуществлялось проведение лабораторных и практических занятий

для удаленной аудитории [1]. Преподаватель при этом находится в аудитории Санкт-Петербурга, а студенты – в компьютерных классах Выборга, Удомли, Кировска (Мурманской области), Боровичей, Великих Лук и других городов Северо-Запада.

Естественно, что при реализации инновационных технологий возникает ряд существенных проблем [2]. Одна из самых существенных имеет корни в неоднородности студенческих групп. Практика показывает, что каждый опытный преподаватель, работая с аудиторией, объясняет материал так, чтобы было понятно каждому студенту. Такая ситуация имеет сразу несколько отрицательных последствий: рассеивается внимание и теряется интерес к занятию у «сильных» студентов (в результате они опускаются до среднего уровня), а преподаватель вынужден ограничивать интенсивность образовательного процесса, рассматривать упрощенные задачи, что приводит к снижению полученного студентами уровня знаний по предмету. Радикальным решением проблемы видится разбиение потока на лабораторные группы не формально, а с учетом уровня подготовки студентов.

В связи с тем, что при таком формировании групп для практических занятий необходимо учитывать одновременно несколько факторов, имеет смысл провести исследования с использованием многофакторного анализа. Алгоритм выявления главных показателей при проведении социально-экономического анализа описан в [3; 4]. Авторы при проведении исследования ограничились восемью показателями, достаточно просто вычленяемыми при тестировании и анкетировании: x_1 – начальный уровень теоретической подготовки к предмету; x_2 – уровень знаний по текущему материалу; x_3 – уровень владения персональным компьютером как рядовой пользователь; x_4 – способность использовать на практике знания, полученные на лекциях; x_5 – способность к адаптации; x_6 – способность к абстрагированию; x_7 – уровень мотивации получения знаний по предмету; x_8 – уровень мотивации получить высшее образование. Каждый показатель может принимать значения от 0 до 1. Для принятия решения исследовались три студенческие группы по 20 человек при изучении ими дисциплин «Информатика» и «Программирование». Для выделения наиболее важных, сильнее всего влияющих на ситуацию факторов все показатели нормируются (приводятся к единой шкале) по формуле:

$$y_{ij} = \frac{(x_{ij} - \overline{x})}{S_i}, \qquad (1)$$

где x_{ij} – значение j-го показателя для i-го студента (j = 1, 2,..., 8; i = 1, 2, ..., 60). На основе анализа изучаемых показателей выделены четыре основных фактора, влияющих на ситуацию: показатель интеллекта (связан с первичными показателями x_2 и x_4), общий уровень подготовки (связан с x_1 и x_3), показатель адаптивности (x_5 и x_6) и уровень мотивации учебной деятельности (x_7 и x_8).

Вклад k-го фактора в общую дисперсию определяется по формуле:

$$V_k = \sum_{j=1}^{8} a_{jk}^2. \qquad (2)$$

В формуле (2) V_k – собственное значение k-го фактора; a_{jk} – вес k-го фактор в j-м показателе.

Значения весовых коэффициентов a_{jk} определяются экспертным методом. Суммарный вклад факторов вычисляется следующим образом:

$$\gamma_k = \frac{1}{8}\sum_{j=1}^{8} V_k. \qquad (3)$$

Предел этой суммы определяется обычно равным 0,8–0,95, и по этой величине определяется, сколько

последних главных компонент (факторов) можно без особого ущерба для решаемой задачи изъять из рассмотрения, сократив тем самым размерность задачи. Методом главных компонент выделены последовательно главные факторы по принципу максимального вклада в дисперсию. Общий вклад первых двух выделенных факторов (показатель интеллекта и общий уровень подготовки) равен 72,59 %. Этого достаточно, чтобы наиболее полно описать изучаемое явление.

Для формирования однородных групп удобно использовать нормированные значения отобранных (главных) факторов:

$$f_{ki} = \frac{1}{V_k}(a_{ik}y_{1i} + a_{2k}y_{2i} + \ldots + a_{nk}y_{ni}). \quad (4)$$

Здесь k – номер фактора; i – номер студента.

Принято считать, что если

$f_k < 1$ – уровень по данному фактору ниже среднего;

$-1 < f_k \leq 1$ – средний уровень;

$f_k > 1$ – уровень выше среднего.

Проведенный анализ позволил установить, что из обследуемого потока в 60 человек 15 студентов имеют уровень выше среднего, 11 – ниже среднего и 34 человека – средний уровень. Отсюда можно сделать вывод, что для оптимальной организации учебного процесса необходимо исследуемый поток делить на практические занятия не формально на три группы по 20 человек, а по качественно однородному составу на четыре группы:

– одна группа с высоким уровнем подготовки (15 студентов);

– две группы со средним уровнем подготовки (по 17 студентов);

– одна группа с уровнем подготовки ниже среднего (11 студентов).

Такой подход к формированию групп позволит повысить интенсивность образовательного процесса, повысить заинтересованность студентов к изучаемому предмету, а следовательно, гарантирует более высокий уровень знаний. Вооружая студентов владением современными технологиями и компетентностью, вузы гарантируют своим выпускникам высокий уровень образования и востребованности на рынке труда, повышая одновременно престиж и репутацию вуза.

Библиографический список

1. Bobrova L. Technique of the Organization of on-line practical Training // Scince and World. Unternational scientific jounal. – Publishing House «Scientific survey», 2014. – № 1 (5). – P. 275–278.
2. Bobrova L. Problems in Creating the information educational Environment of the University // Materials of the VI International Research and Practice Conference. Vol. II. – Munich, Germany, 2013. – P. 17–20.
3. Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. – М. : Статистика, 1976.
4. Брагина З. В., Бороздина О. Ю. Квалиметрия способности к обучению на основе метода факторного анализа // Квалиметрия образования и науки. – 2001. – Вып. 3.

Bibliography

1. Bobrova L. Technique of the Organization of on-line practical Training // Scince and World. Unternational scientific jounal. – Publishing House «Scientific survey», 2014. – № 1 (5). – P. 275–278.
2. Bobrova L. Problems in Creating the information educational Environment of the University // Materials of the VI International Research and Practice Conference. Vol. II. – Munich, Germany, 2013. – P. 17–20.
3. Zhukovskaya V. M., Muchnik I. B. Faktornyiy analiz v sotsialno-ekonomicheskih issledovaniyah. – M. : Statistika, 1976.
4. Bragina Z. V., Borozdina O. Yu. Kvalimetriya sposobnosti k obucheniyu na osnove metoda faktornogo analiza // Kvalimetriya obrazovaniya i nauki. – 2001. – Vyp. 3.

© Боброва Л. В., Цивина Т. А., 2014

Ekonomika

УДК 657.359

БЕНЧМАРКИНГ КАК ЭФФЕКТИВЫНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ В ВИНОДЕЛЬЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Д. М. Шевхужев, аспирант

Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия

BENCHMARKING AS A TOOL FOR COST IMPROVEMENT IN WINEMAKING INDUSTRY

D. M. Shevhuzhev, postgraduate student

Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Summary. In the face of today's economic challenges, profitability and cost management is an imperative for everyone. Effectively addressing the challenges involves mastering a methodology, understanding the business drivers, changing business processes, and introducing a system that supports an efficient process. Benchmarking can be used in achieving those goals. This article presents an example of implementing benchmarking approach in winemaking industry.

Keywords: benchmarking; winemaking; production.

Современные условия требуют адекватного учётно-информационного обеспечения. Учётно-информационная система должна формировать своевременную информацию обо всех затратах организации, отражать достоверные данные в финансовой отчётности, обеспечивать прогнозными данными при принятии стратегических управленческих решений.

Однако не всегда в организации есть возможности для проведения детальной проверки производственных процессов. Недостаток информации о возможностях эффективного контроля и снижения затрат тормозит попытки по улучшению общего управления производством.

Значительная часть информации для принятия решений аккумулируется в управленческом учёте, поэтому при формировании учётно-информационного обеспечения может применяться бенчмаркинг.

Бенчмаркинг представляет собой систему постоянного анализа процессов и методологии учёта организации, сравнения их с процессами и методологиями организаций, признанных лидерами, и принятия решений для совершенствования деятельности, включая различные аспекты системы учёта.

Этапы осуществления бенчмаркинга могут быть представлены в следующем виде (рис. 1).

Предпосылкой применения бенчмаркинга является, в первую очередь, глобализация международных торговых отношений.

Бенчмаркинг помогает организациям выявлять сильные и слабые стороны своей деятельности по отношению к конкурентам и определять рыночные ниши для своей продукции.

Винодельческая отрасль является одной из самых энергопотребляющих отраслей, значительные затраты

приходятся также на топливо и воду. К тому же значительное потребление данных ресурсов наносит существенный вред окружающей среде.

Бенчмаркинг может быть полезным инструментом для лучшего понимания процесса потребления энергии и воды на конкретном участке производства, а также для разработки плана действий по улучшению эффективного использования ресурсов.

Бенчмаркинг энергии или воды в винодельческой отрасли представляет собой процесс, при котором использование ресурсов отдельной организации или целого сектора винодельческих организаций сравнивается с общим показателем, который представляет собой стандартное (оптимальное) потребление. Также возможно сравнение между отдельными организациями.

Рис. 1. Этапы проведения бенчмаркинга

Так как бенчмаркинг – это инструмент для сравнения нескольких организаций, ему присущи два параметра:

1. Используемый показатель должен быть независим от размера организаций, потому что показатель используется для сравнения разных по размеру и выходу продукции организаций. В качестве показателя для сравнения потребления энергии используется

коэффициент использования энергии, который показывает, сколько энергии приходится на единицу произведенной продукции. Однако выбор показателя для измерения продукции не всегда прост.

2. Показатель должен быть применим к разным участкам организации (для увеличения точности анализа) и поэтому должен компенсировать разницу в производстве (например, тонны полученного винограда) на разных участках.

Кроме обеспечения возможностей по улучшению потребления ресурсов производства, бенчмаркинг способствует анализу дополнительных возможностей улучшения деятельности.

Существует множество способов переработки винограда. Это зависит от сорта винограда и производимого вина, содержания сахара, характеристик, предъявляемых производителем, расположения винодельческой организации, а также внешних условий при сборе урожая.

На рис. 2 представлена общая схема процесса производства вин:

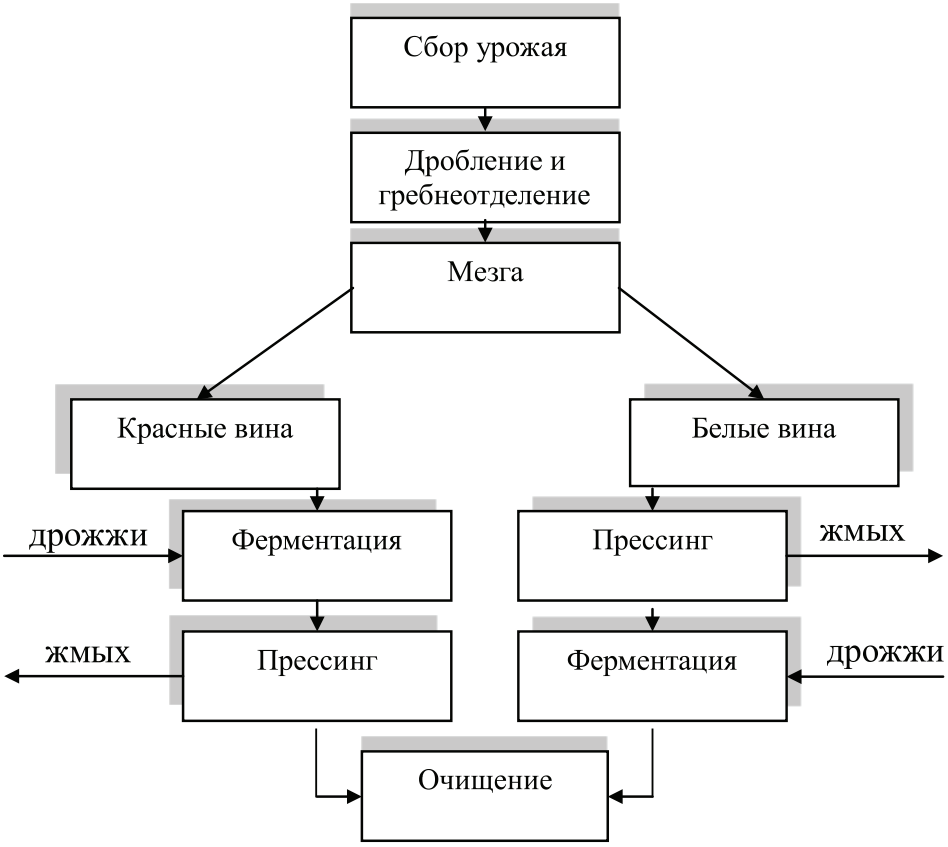


Рис. 2. Общая схема производства вина

Наибольшая часть электроэнергии, потребляемой в виноделии, приходится на охлаждение, холодную стабилизацию и хранение в холоде. Остальная часть используется для производства сжатого воздуха, горячей воды или на участках по накачке и розливу вина. Потребление сжатого воздуха варьируется между разными производителями. Закрытые помещения, в которых

осуществляется хранение, и различные производственные процессы также требуют освещения и охлаждения. Наибольшее потребление сжатого воздуха приходится на прессинг. Горячая вода используется для чистки бочек и инвентаря и для нагрева ферментов красного вина и ёмкостей для производства дрожжей. Также определённая часть энергии приходится на здания и другие административные и ремонтные нужды.

Специфическое потребление и распределение энергии варьируется для каждого конкретного производителя. Это зависит от типа продукции, процессов и эффективности производства.

Основная доля воды внутри винодельческой организации (не считая виноградников) приходится на чистку. Основными водозатратными участками являются – участок по раздавливанию и прессингу, чистка ёмкостей ферментации, чистка бочек, участок по розливу и хранению. Вода используется для чистки полов и участков всей организации, инвентаря. Вода также используется для увлажнения погреба и мест хранения бочек и для других непроизводственных нужд.

Некоторые организации используют собственные сточные воды для орошения виноградников. Отдельные производители используют сточные воды для защиты от замерзания, огня или борьбы с пыльцой. Так же при увеличении объёма потребления воды увеличиваются затраты на избавление от сточных вод и на энергию, необходимую для прокачки воды или разогрева.

Для моделирования потребления энергии в винодельческой организации выделим следующие семь технологических стадий:

1. Приёмка.
2. Прессинг.
3. Брожение.
4. Яблочно-молочное брожение.
5. Очищение, стабилизация и электродиализ.
6. Выдержка и хранение.
7. Розлив.

Для участков по приёмке и прессингу потребление энергии оценивается на основе среднего цикла раздавливания и количества времени работы оборудования в день.

Для процесса брожения основные переменные, отражающие потребление энергии являются – температура окружающей среды, температура производимой мезги и сахарное содержание мезги. Поэтому необходимы данные о средней температуре региона, в котором находится винодельческая организация в течение процесса брожения и холодной стабилизации. Другие переменные, отражающие использование энергии – температура процесса брожения, время ферментации, размер здания и ёмкостей. Данные параметры также используются для расчёта уровня использования энергии для участков по очищению, стабилизации и электродиализу.

Количество энергии, необходимой для хранения и выдержки вин, зависит от переменных производства в течение 12 месяцев, в частности от количества времени, приходящегося на хранение. Оптимальная организация предполагает использование подземных помещений для хранения вин, что ограничивает потребление энергии только для вентиляторов и увлажнения.

Требования к энергии, приходящейся на участок по розливу, основываются на времени работы оборудования в течение года. Могут использоваться следующие значения:

- 52 недели в год;
- 40 часов в неделю в течение 7 недель;
- 48 часов в неделю в течение 5 недель.

Эти параметры могут быть изменены на собственные данные для более точного расчёта.

Потребление энергии при перекачке состоит из нескольких частей.

1. *Энергия, необходимая для перекачки вин, холодной и горячей воды, сточных вод.*

Количество энергии, необходимой для перекачки вин для оптимальной организации основано на переменных производства конкретного производителя. Энергия для перекачки холодной и горячей воды определяется на основе времени работы оборудования и связывается с переменными производства. Например, для оптимального производителя система прокачки горячей воды для яблочно-молочной ферментации работает 4 месяца в течение года по 16 часов в день. Для очистки бочек система прокачки горячей воды работает 8 часов в день, для очистки участка по розливу работает 3 часа в день.

Далее можно предположить, что оптимальная винодельческая организация потребляет 12 % электроэнергии для освещения, около 5 % для непроизводственных помещений и около 1 % для различных нужд, в тоже время отопление помещений требует дополнительно 1,5 % от стоимости топлива.

В дополнение к оценке общей деятельности и предоставлению возможности для сравнения уровней потребления энергии и воды, бенчмаркинг обеспечивает выявление резервов в отдельных производственных процессах.

Общими для винодельческих организаций являются следующие производственные процессы, анализ которых способствует выявлению возможностей по повышению эффективности деятельности:

- водоснабжение;
- охлаждение;
- работа насосов;
- использование сжатого воздуха;
- работа моторов;
- освещение;
- горячее водоснабжение;
- другие процессы.

Например, в процессе охлаждения потребляется наибольшее количество электроэнергии, используемой в виноделии. Применение мер по повышению эффективности использования энергии при охлаждении зависит от размера систем охлаждения. Для систем охлаждения должное обслуживание, современные системы контроля имеют большое значение.

Малые и средние по размеру компрессоры и конденсаторы охлаждения должны подходить по размеру для процесса дробления, который длится от 6 до 8 месяцев в течение года. Поэтому операции, производимые при свободных мощностях (при крупногабаритном оборудовании), представляют возможности повышения эффективности деятельности.

По причине того, что большая часть энергии потребляется в течение короткого промежутка времени, большое внимание должно уделяться дизайну системы. Автоматизированный мониторинг потребления энергии может быть очень выгоден при установлении не полностью загруженных систем, а также ухудшения состояния системы (например, недостаточное количество охлаждающего вещества). При применении данной меры возможна экономия 3 % энергии, используемой при охлаждении. При недостатке (избытке) охлаждающего вещества система охлаждения может работать до полной поломки без очевидных признаков неполадок. По некоторым оценкам, контроль над данным параметром может сэкономить до 10 % используемой энергии.

Сжатый воздух главным образом используется на участке по розливу, но также может использоваться и на других участках (прессинг). Около 7 % от всей электроэнергии приходится

на сжатый воздух. Экономия энергии от мер по повышению эффективности использования сжатого воздуха может достигать 20–50 %.

Сжатый воздух является наиболее дорогой формой энергии из-за своей низкой продуктивности. Продуктивность сжатого воздуха составляет около 10 %, и в силу этого количество используемого сжатого воздуха и время его использования должны быть минимальными.

Несвоевременное обслуживание систем сжатого воздуха может уменьшить производительность и увеличить потерю воздуха и перепады давления, что приведёт к увеличению температуры, снижению контроля над влажностью и чрезмерному загрязнению. Соответственно должное обслуживание уменьшит данные проблемы и сэкономит энергию. Необходимые шаги включают:

- Правильную настройку систем. Иногда правильно настроенные системы способствуют наибольшей экономии. Также важно настроить систему, чтобы при поломках происходила блокировка для предотвращения потерь давления.
- Контроль над чистотой поверхности и промежуточных элементов. Загрязненные фильтры увеличивают падение давления. Также это защитит от загрязнения внутренних частей и быстрого износа.
- Контроль над чистотой и смазкой моторов. Несоответствующее охлаждение увеличивает температуру моторов и потребление энергии. Смазка моторов должна производиться каждые 2–18 месяцев и проверяться. Помимо экономии энергии такие меры защитят от коррозии и деградации системы.
- Проверку вентиляторов и водяных насосов на максимальную производительность.
- Проверку вентиляторов на компрессоре.
- При использовании компрессоров с ремнями, необходим контроль ремней. После 400 часов работы необходима регулировка ремней.
- Проверку систем охлаждения на предмет качества воды (общее содержание растворённых твердых веществ, водородный показатель), потока, температуры.
- Минимизацию утечки

и т. д.

Аналогичным образом разрабатывается программы по управлению водой. Например, можно выделить следующие этапы:

- установка цели и обязанности строгого выполнения данной программы;
- определение ресурса;
- проверка системы водного снабжения;
- определение вариантов управления водой;
- составление плана и графика её реализации;
- оценка результатов.

Например, для эффективного использования ресурсов оборудование требует постоянного контроля над утечками и их устранения. Чистка на участках (дробления, хранение бочек, розлива) перед мытьём может сэкономить потребление воды. Экономия может доходить до 10 %. Установка автоматических клапанов на шлангах ограничивает потребление воды. Такие датчики сокращают потери воды. Экономия может доходить до 40 % и т. д.

В табл. 1 показан пример бенчмаркинга использования энергии и водных ресурсов (на основе данных СПК САК «Большевик» – 1 и ООО КПП «Ставропольский» – 2).

При бенчмаркинге технологических процессов индивидуальные данные по технологическим стадиям производственного цикла могут обобщаться в следующей форме (на основе данных СПК САК «Большевик» – 1 и ООО КПП «Ставропольский» – 2).

Таблица 1

Бенчмаркинг энерго- и водопотребления, 2012 г.

Показатель	Объекты аналитического учёта				Счёт (дебет)
	Красные вина		Белые вина		
	1	2	1	2	
Получено виноматериалов, тыс. дал	258,69	245,50	4,51	3,97	20
Брожение, тыс. дал	256,58	243,59	4,45	3,89	20
Фильтрация, тыс. дал	254,38	242,46	4,38	3,77	20
Произведено вина, тыс. дал	253,12	241,35	4,21	3,69	20
Количество вина, прошедшего холодную стабилизацию, тыс. дал (при необходимости)	–	–	–	–	
Данные об использованной энергии			1	2	Счёт (кредит)
Потреблено энергии, кВт·ч/тыс. дал	2,0	1,9	10		
Потреблено природного газа, куб. м/тыс. дал	2,0	1,9	10		
Данные о затратах энергии (тыс. руб.)	1	2			
Электричество	11,18	11.15	10		
Природный газ	7	6,5	10		
Итого:	18,18	17,65			
Данные о потреблённой воде	1	2			
Потреблено воды, л/тыс. дал	2,0	1,8	10		
Затраты на воду, тыс. руб.	5,7	5,1	10		

Бенчмаркинг как эффективный инструмент управленческого учёта в винодельческой организации позволяет разрабатывать эффективные методы учёта производственных затрат, затрат по центрам ответственности и местам возникновения. При этом могут быть составлены программы по снижению затрат, целью которых является:

- увеличение объёма выпускаемой готовой продукции относительно величины используемых ресурсов;
- минимизация накладных расходов, увеличение эффективности использования ресурсов, снижение расходования ресурсов на непроизводственные процессы;
- оптимизация показателей расхода ресурсов благодаря совершенствованию производственныхпроцессов;
- минимизация капиталовложений с помощью оптимизации материально-технического снабжения и управления материальными ресурсами;
- повышение уровня использования оборудования путём более эффективного производственного планирования и контроля, обусловленного рыночными реалиями.

Эффективность бенчмаркинга проявляется в том, что он может быть использован в различных видах деятельности, а также помимо производственной и технологической составляющей он способствует интеграционным процессам, объединяющим участников рыночных отношений для достижения общего успеха в производственной деятельности. Сочетание конкуренции и делового сотрудничества создаёт новые возможности для стратегического развития.

Таблица 2

Бенчмаркинг технологических процессов, 2012 г

Параметры производства вина				
	Красные вина		Белые вина	
	1	2	1	2
Брожение				
Температура, °C	25,3	25	15	14
Время (дни)	8,5	8	14	7
Время (часы)	204	200	336	168
Содержание сахара (%)	24	24	23,5	23,5
Размеры ёмкости – высота/диаметр, м³	5,5/3,1	5,5/3,1	5,5/3,1	
Уровень очистки воздуха, раз/час (удаление CO_2)	6,9	7,0	6,8	6,8
Фильтрация				
Температура, °C	21,1	21,1	21	26
Время (дни)	45	44	56	56
Время (часы)	1080	1075	1344	1344
Параметры ёмкости – высота/диаметр, м³	5,5/3,1	5,5/3,1	5,5/3,1	5,5/3,1
Холодная стабилизация				
Температура, °C	−3,3	−3,3	−3,3	−3,3
Время (дни)	35	35	35	35
Доля обшитых ёмкостей (% от поверхности)	53	53	53	53
Параметры ёмкости – высота/диаметр, м³	5,5/3,1	5,5/3,1	5,5/3,1	5,5/3,1
Стабилизация				
Время (дни)	112	112	112	112
Хранение и выдержка				
Температура помещения, °C	15,0	15,0	15,0	15,0
Уровень очистки воздуха раз/час (удаление CO2)	1	1	1	1
Розлив				
Время работы оборудования в течение года (недели)	1	2		
	52	50		
Время работы оборудования в течение года (час/неделя)	43	41		

Библиографический список/Bibliography

1. Cost Accounting : A Managerial Emphasis. 14 ed. Horngren C. T., Datar M. S., Rajan M. V. : Prentice Hall, 2012. – 892 p.
2. Cost Management: A Strategic Emphasis. 5 ed. Blocher E. J., Stout D. E., Cokins G. : McGraw-Hill, 2010. – 996 p.
3. Managerial Accounting. 9 ed. Crosson S. V., Needles B. E.: South Western Cengage Learning, 2011. – 604 p.

© Шевхужев Д. М., 2014

УДК 339.372.4

МЕРЧАНДАЙЗИНГ В АУТЛЕТАХ

Н. П. Скригун, кандидат экономических наук, доцент;
Л. В. Коношенко, студентка
Национальный университет пищевых технологий,
г. Киев, Украина

MERCHANDISING IN OUTLET

N. P. Skrygun, candidate of economic sciences, assistant professor;
L. V. Konoshenko, student
National University of Food Technologies,
Kiev, Ukraine

Summary. The concepts of «merchandising» and «outlet», the methods of merchandising for paying attention, psychological methods of promoting to buy the commodities are described. The intercommunication of merchandising and psychological methods of influence on a customer is set. The methods of influence on customer's consciousness are distinguished.

Keywords: merchandising; outlet; buyers; methods of human exposure.

Сегодня наблюдается стабильный рост количества аутлетов во всём мире. Параллельно возникает проблема поиска эффективных методов и способов увеличения потока покупателей в новые торговые комплексы, ведь покупатели – это источник дохода для владельцев торговых площадей. Исследованием вопросов, связанных с мерчандайзингом, непосредственно влияющим на деятельность розничных торговых сетей в аутлетах, пока посвящено немного работ отечественных учёных. Данная ситуация объясняется новизной таких методов продвижения товаров. Среди учёных, внесших значительный вклад в развитие мерчандайзинга в аутлетах, стоит отметить таких, как Н. Гудзилевич [3], Т. Морган [6]. Значительный вклад в обучении мерчендайзеров делает Международная маркетинговая группа [5], которая в своём электронном журнале уделяет внимание разнообразным приёмам выкладки товаров, которые бы привлекали внимание покупателей. Несмотря на существенные научные результаты в области мерчандайзинга в аутлетах, отдельные вопросы остаются без ответа. В частности, требуют дальнейшего изучения психологические методы побуждения к совершению покупок, выбора места для размещения аутлетов, методы воздействия на сознание покупателя. Среди основных факторов, которые влияют на эффективность работы розничного магазина в аутлете, можно выделить следующие: размещение торговой точки, её внешнее и внутреннее оформление.

Аутлеты – это магазины, в которых со скидками продаётся одежда, обувь и аксессуары известных марок. Как правило, это модные вещи прошлого или позапрошлого сезона. В некоторых аутлетах продаются вещи только одного бренда, некоторые объединяют несколько брендов похожего уровня под одной крышей [1]. Суть аутлета (или стока) заключается в том, чтобы научить людей самостоятельно пользоваться торговой площадью

магазина, ведь в следующий раз, когда они снова приедут в магазин, то быстро найдут нужный товар. Именно для этого и нужен мерчандайзинг в аутлетах. Мерчандайзинг – это комплекс мероприятий, целью которых является искусство представить товар в торговом зале. Эти мероприятия позволяют сформировать у потребителей положительный импульс, направленный не только на покупку, а также на создание имиджевого образа торговой марки в сознании покупателя [2]. Из всех способов увеличения спроса на продукцию мерчандайзинг выделяется своей относительно низкой ценой для фирмы и действенностью относительно потребностей потребителя. В Украине 97% покупок совершается через предприятия розничной торговли [2]. В местах продаж потребительский импульс формируется непосредственно под влиянием следующих факторов: доступности товара, его расположения, наличия достаточной информации, цены. Мерчандайзинговые инструменты позволяют донести до потребителя максимальное количество информации, ознакомить его с новыми ассортиментным позициям или с присущими им качествами. При этом не возникает необходимости в дополнительных затратах на обучение и мотивацию персонала торговой точки. В общей маркетинговой концепции товара важное место занимают такие инструменты мерчандайзинга: стандарты размещения в торговом пространстве, использование POS-материалов, разработка новых форм фирменного оборудования. В стоковом магазине одним из важнейших шагов является правильное разделение торговой площади. Данное мероприятие осуществляется по следующим правилам: распределить зал на мужской и женский; правильно распределить товар: если товарная группа приносит наибольшую прибыль – она сосредотачивается в районе входа в магазин, и наоборот; обязательно должны быть отдельно выделены зоны обуви, текстиля, которые, в свою очередь, имеют разделение на подгруппы, например, обувь для бега, для тренажёрного зала и для повседневной носки, использование принципа «магазин в магазине». Его суть заключается в том, что каждая коллекция должна быть представлена как отдельный магазин, во входной зоне всегда нужно представлять актуальный товар (зимой куртки, летом – майки и шорты). Важно правильно представить товар. Для этого существует визуальный мерчандайзинг, включающий в себя: представление товаров, которые хорошо продаются, на точках фокуса с использованием специализированного оборудования; представление одежды поартикульно, на каждой единице товара обязательно должен быть указатель размера, а также этикетка с ценой. Считаем, что в аутлетах необходимо использовать кросс-мерчандайзинг – тематическую презентацию, которая сочетает в себе товары, которые дополняют друг друга (например, одежда, обувь и аксессуары). Это довольно действенный способ увеличения сбыта продукции, ведь покупатель видит перед собой готовый образ и, если он ему понравится, то он приобретёт не одну вещь, а все три.

Таким образом, исследование показало, что аутлеты – довольно сложные организации, ведь для их прибыльного функционирования должно быть учтено множество нюансов и взаимосвязей. Развитие мерчандайзинга является залогом успеха торговых операций, получения высокой прибыли. Перспективы дальнейших научных исследований видим в поиске действенных способов преобразования обычного посетителя аутлета в постоянного покупателя.

Библиографический список

1. Аутлеты: «Прада» и правда. URL: http://avtotravel.com/useful-articles/article/835/Аутлеты-Прада-и-правда (дата обращения: 9.02.2014).
2. Мерчендайзинг. URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Мерчендайзинг (дата обращения 9.02.2014).
3. Гузилевич Н. Фокусы мерчендайзинга. Эффективные трюки для торговцев и поставщиков. – СПб. : Изд. дом «Питер», 2009.
4. Законы мерчендайзинга и поведение покупателей URL: http://www.marketing-ua.com/articles.php?articleId=2636 (дата обращения 9.02.2014).
5. Маркетинговые исследования. URL: http://www.marketing-ua.com/ (дата обращения 9.02.2014).
6. Морган Т. Визуальный мерчендайзинг. Витрины и прилавки для розничной торговки / пер. с анг. – М. : Изд. дом «Рипом Класик», 2008.

Bibliography

1. Autletyi: «Prada» i pravda. URL: http://avtotravel.com/useful-articles/article/835/Autletyi-Prada-i-pravda (data obrascheniya: 9.02.2014).
2. Merchendayzing. URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Merchendayzing (data obrascheniya 9.02.2014).
3. Guzilevich N. Fokusyi merchendayzinga. Effektivnyie tryuki dlya torgovtsev i postavschikov. – SPb. : Izd. dom «Piter», 2009.
4. Zakonyi merchendayzinga i povedenie pokupateley URL: http://www.marketing-ua.com/articles.php?articleId=2636 (data obrascheniya 9.02.2014).
5. Marketingovyie issledovaniya. URL: http://www.marketing-ua.com/ (data obrascheniya 9.02.2014).
6. Morgan T. Vizualnyiy merchendayzing. Vitrinyi i prilavki dlya roznichnoy torgovki / per. s ang. – M. : Izd. dom «Ripom Klasik», 2008.

© Скригун Н. П., Коношенко Л. В., 2014

Filologické vědy

UDC 811.14

SEMANTIC HISTORY OF THE TERM «EVIL» IN ANCIENT GREEK AND EARLY CHRISTIAN LEXICON

S. V. Garin, candidate of philosophical sciences, assistant professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Summary. Lexical, semantic and axiological aspects of the term «evil» (πονηρία, το κακὸν) are analyzed in this paper in terms of Ancient Greek and early Christian thought. The work revolves around texts by Plato, Aristotle, Aristophanes, Euripides, Origen, Plotinus, and the New Testament. Pragmatic components of ancient ethical lexicon come to light. Semantic difficulties in translation of Greek ethical lexicon into English will be described.

Keywords: ancient Greek; semantics; evil; defect; weakness; slang; pragmatics; axiology; morals; ethics.

The major lexical component reflecting semantics of the term «evil» in Ancient Greek is πονηρία. This term concentrates on negative semantics (states, conditions, values) rooted in the Bible. The concept appears in the Gospels (Mark 7:22, Matthew 22:18, Luke 11:39) and in the epistles of Saint Paul (to Romans 1:29, Corinthians 5:8, Ephesians 6:12). This particular noun also defines the most important forms of an adjective πονηρὸς («crafty»), appearing in prayers essential for Christianity (Πάτερ ἡμῶν, «Our Father»). However, this concept was involved widely in the Septuagint's books before appearing in the text of Καινὴ Διαθήκη (the New Testament), for example in the books of Esdras II 11:23, 12:2, 23:7, Isaiah 1:16, 47:10, Jeremiah 4:4, Psalms 27:4, 54:16, parts of Solomon's books (Ecclesiastes 10:5, The Book of Wisdom of Solomon 4:14), etc.

European image of «evil», its semantic architecture and normative axiology are children born in a spindle of Ancient Greek lexicon. European ethics were developed with regard to the NT's axiology, which has mainly Greek origin. However, the concept of «evil» had long pre-Christian history. That had received a number of major projections in the array of early Christian thought. A few elements of this history will be considered in this work.

Some authors point out that Ancient Greek lexicon of «evil» is truly complicated to translate: It is only Latin that conveys ambiguous meaning of the word πονηρία adequately. This Greek word is translated as «evil» into English and majority of modern European languages. As a result, we often imagine something opposite when an Evangelist speaks of «weakness», «perversity» or «lameness». What we actually see is «force» ...the word πονηρία plays a key role in poetics of the gospel and especially in the Sermon on the Mount (semantic game with this word is a counterpoint of the main subject of the sermon, namely perfection). Thus, only several modalities entered into the NT's canon from all variety of πονηρία's semantics in Ancient Greek. They formed the semantic architecture of subsequent Western European ethics of good and evil.

Let us take a look at this term and its forms in Ancient Greek thought. We meet πονηρία's traditional quality as perversity applied to psychological objects in Plato's «Gorgias»: Τίς οὖν τούτων τῶν πονηριῶν αἰσχίστη; οὐχ ἡ ἀδικία καὶ συλλήβδην ἡ τῆς ψυχῆς πονηρία; [*Pl. Grg.* 479c], i. e.

«what defect is the worst? Is it injustice and perversity of the soul in general?» This point of view becomes crucial in the succeeding early Christian lexicon.

We see a certain substantialization of this perspective In Plato's «Philebus». πονηρία has a special quality of a supplement to something that makes it vicious. Socrates asks Protarchus: Ἂν δέ γε πονηρία τούτων, ὦ Πρώταρχε, προσγίγνηταί τινι, πονηρὰν μὲν φήσομεν οὕτω γίγνεσθαι δόξαν, πονηρὰν δὲ καὶ ἡδονήν; [*Pl. Phileb.* 37d]. «But, Protarchus, if perversity is added to any of these qualities, should we not say, that opinion and belief also become vicious?» Thus, perversity of cognitive acts (opinion or belief) does not occur because of its own internal qualities, but comes from the outside due to a specially acquired feature. Socrates' remark is yet another relevant fragment in the same dialogue: Ἔστιν δὴ πονηρία μέν τις τὸ κεφάλαιον, ἕξεώς τινος ἐπίκλην λεγομένη· τῆς δ' αὖ πάσης πονηρίας ἐστὶ τοὐναντίον πάθος ἔχον ἢ τὸ λεγόμενον ὑπὸ τῶν ἐν Δελφοῖς γραμμάτων, [Pl. Phileb. 37 c]. «This is a kind of vice, which receives its name from a condition; a vice in general usually involves a characteristic which is the opposite of the condition mentioned in the inscription at Delphi».

It is known that Socrates was a rationalist and somewhat an educator in ethics. The term «evil» is also regarded from gnoseological and educational points of view in «Philebus». It is typical of Socrates to concentrate «evil negativity» and «defect» on the topic of ignorance, i. e. the absence of knowledge. So, Socrates says: κακὸν μὴν ἄγνοια καὶ ἣν δὴ λέγομεν ἀβελτέραν ἕξιν. [*Plat. Phileb.* 48c]. «Ignorance is evil and we call it a condition of nonsense». The term ἄγνοια is interfaced inevitably with the nature of evil in its semantics. It is an unconditional axiom of Socratic ethics. However, our concern is not the gnoseological and intellectual background of the Athenian philosopher but his semantic structure in the broad sense. «Evil» is not represented with traditional πονηρία in this particular fragment but with the word «κακὸν». That is also quite common for both Ancient and Modern Greek lexicon. Socrates' principle concerning the nature of ignorance (ἄγνοια) is lexically defined through «κακὸν» and «πονηρία».

Plato developed a special, destructively pragmatic aspect of evil's harmfulness in his mature years. If we look at the text of «The Republic», this aspect is included into the wide system of corresponding defects, diseases and deviations. «Pernicious» nature of evil is analyzed by Plato not only in common terms of ethics and moral reflection but also in the domains of metallurgy, medicine, carpentry and agriculture: Τί δέ; κακὸν ἑκάστῳ τι καὶ ἀγαθὸν λέγεις; οἷον ὀφθαλμοῖς ὀφθαλμίαν καὶ σύμπαντι τῷ σώματι νόσον, σίτῳ τε ἐρυσίβην, σηπεδόνα τε ξύλοις, χαλκῷ δὲ καὶ σιδήρῳ ἰόν, καί, ὅπερ λέγω, σχεδὸν πᾶσι σύμφυτον ἑκάστῳ κακόν τε καὶ νόσημα; [*Pl. Resp.* 609a] «How about this: Do you say that there is a special good and evil for everything, as for example ophthalmia for the eyes, disease for entire body, mildew for grain, rotting for wood, rust for bronze and iron, and as I say, there is a congenital evil and disease for practically everything». It is worth to mention another vector of Plato's ethics, which has not been studied so well yet. It comes in the form of defectology that is a special universal science. «Evil» possessed extremely wide pragmatics during the archaic era. It was stretching out far beyond modern ethical premises.

And further on: Τὸ σύμφυτον ἄρα κακὸν ἑκάστου καὶ ἡ πονηρία ἕκαστον ἀπόλλυσιν, ἢ εἰ μὴ τοῦτο ἀπολεῖ, οὐκ ἂν ἄλλο γε αὐτὸ ἔτι διαφθείρειεν. Οὐ γὰρ τό γε ἀγαθὸν μή ποτέ τι ἀπολέσῃ, οὐδὲ αὖ τὸ μήτε κακὸν μήτε ἀγαθόν. [*Pl. Resp.* 609b] «It means that each thing is ruined by evil peculiar to it but if evil is unable to ruin the thing, nothing else will destroy it. The good will ruin nothing, of course. Something cannot be pernicious if it is neither good nor evil».

Semantics of πονηρία transform completely from typical psychological and spiritual to corporal and material defects as well as pathology in «Hippias Minor»: «Χωλεία δὲ ποδῶν οὐχὶ πονηρία καὶ ἀσχημοσύνη ἐστίν;» [*Pl. Hp. Mi.* 376 d], where Socrates asks: «Isn't lameness an ugly defect»? In this case evil acts as a physical deformation of the impellent system. This image of πονηρία is very characteristic for the Greek thought. It is reproduced repeatedly in various texts.

Πονηρία is applied as deficiency, perversity and «evil» in terms of an eye decease in «Hippias Minor»: οὐ πονηρία ὀφθαλμῶν; [*Pl. Hp. Mi.* 379d]. Evil is not presented as a defect of the soul only. It also refers to physical phenomena and subjects. As we find it in Plato's passage from «The Republic», evil-πονηρία is responsible for «perversity», «staleness» and literally «rotten» food: Ἐννόει γάρ, ἦν δ' ἐγώ, ὦ Γλαύκων, ὅτι οὐδ' ὑπὸ τῆς τῶν σιτίων πονηρίας, ἢ ἂν ᾖ αὐτῶν ἐκείνων, εἴτε παλαιότης εἴτε σαπρότης εἴτε ἡτισοῦν οὖσα, οὐκ οἰόμεθα δεῖν σῶμα ἀπόλλυσθαι·ἀλλ' ἐὰν μὲν ἐμποιῇ ἡ αὐτῶν πονηρία τῶν σιτίων τῷ σώματι σώματος μοχθηρίαν, φήσομεν αὐτὸ δι' ἐκεῖνα ὑπὸ τῆς αὐτοῦ κακίας νόσου οὔσης ἀπολωλέναι· ὑπὸ δὲ σιτίων πονηρίας ἄλλων ὄντων ἄλλο ὂν τὸ σῶμα, ὑπ 'ἀλλοτρίου κακοῦ μὴ ἐμποιήσαντος τὸ ἔμφυτον κακόν, οὐδέποτε ἀξιώσομεν διαφθείρεσθαι [*Pl. Resp.* 609e]. «Think, Glaucon that we don't consider the body has to perish directly from the spoiled food, it doesn't matter if this food is stale, rotten and so on. And when spoiled food causes a corporal illness, then we say that the body perishes from the food but at the same time from its own defect, in other words from an illness. And as the food and body are different things, we consider that the body can't be lost because of stale food as long as this evil is foreign to the body and won't cause evil peculiar to it». We see here that πονηρία stands for certain functional and subject-related unfitness of a thing in terms of its main purpose. Therefore evil is concentrated as an *obstacle* in teleological vector. And the nature of that thing does not make any difference, whether it is the soul, pieces of wool and bread or a soldier. If there is a reason for unfitness (an illness, a coloring defect, callousness, cowardice, absence of bravery, etc.) then the whole functional set of defects becomes evil leading the thing astray. *Transitive* nature of evil is also interesting in this remark. Namely, supernatural, external evil can resign to internal and become immanent.

The subject of evil as a perversity varies from its physical and material perspective back to psychological in the 10th book of «The Republic». It should be noted that πονηρία is evil itself or defectiveness leading to evil in this context: κατὰ τὸν αὐτὸν τοίνυν λόγον, ἦν δ' ἐγώ, ἐὰν μὴ σώματος πονηρία ψυχῇ ψυχῆς πονηρίαν ἐμποιῇ, μή ποτε ἀξιῶμεν ὑπὸ ἀλλοτρίου κακοῦ ἄνευ τῆς ἰδίας πονηρίας ψυχὴν ἀπόλλυσθαι, τῷ ἑτέρου κακῷ ἕτερον [*Pl. Resp.* 616a]. «On the same basis if a body damage doesn't cause perversity of the soul inherent in it, we are never able to recognize that the soul perishes from external evil, except for its own perversity: this kind of evil and evil peculiar to the soul are different things».

Another important word form designating phenomena related to evil in Ancient Greek is τὸ κᾰκόν and its lexical derivatives. If πονηρία is related to κᾰκόν, then πονηρία is more likely to denote perversity from the semantic perspective, while κᾰκόν stands for evil. However, πονηρία also expresses evil without κᾰκόν. For example, Plato uses both κᾰκόν and πονηρία in «The Republic» combining them or taking them separately at times. So, considering preconditions of immortality in evil context, the Athenian author writes the following: οὐκοῦν ὁπότε μηδ 'ὑφ' ἑνὸς ἀπόλλυται κακοῦ, μήτε οἰκείου μήτε ἀλλοτρίου, δῆλον ὅτι ἀνάγκη αὐτὸ ἀεὶ ὂν εἶναι εἰ δ' ἀεὶ ὄν, ἀθάνατον [*Pl. Resp* 611a]. «But if something doesn't perish from any of these evils, neither from

its own nor from external then it is obvious that it has to be something eternal. And if it exists eternally then it is immortal».

It is remarkable that the category of «defect» is lexically formed with both πονηρία and κακόν in the Ancient Greek language. For example, in Plato's «Laws» the Athenian answers Clinius' question: Ἆρ' οἰόμεθα, ὦ θαυμάσιε, τοὺς τότε, ἀπείρους ὄντας πολλῶν μὲν καλῶν τῶν κατὰ τὰ ἄστη, πολλῶν δὲ καὶ τῶν ἐναντίων, τελέους πρὸς ἀρετὴν ἢ πρὸς κακίαν γεγονέναι; [*Pl. Leg.* 679 b]. «But then, my friend, the men of that time were unfamiliar with many benefits that cities provided as well as with many things that opposed those benefits. Can we consider those people perfect either in virtue or in vice?» In this case κακίαν acts as an antonym of ἀρετὴν.

It should be noted that semantics of τὸ κακόν could partly be adjoined with paradoxical lexicon of Heraclitus, whose vocabulary has frightened translators throughout centuries. Let us take well-known Diels's fragment 126b containing Heraclitean criticism of Pythagoras as an example: «Πυθαγόρης Μνησάρχου ἱστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων καὶ ἐκλεξάμενος ταύτας τὰς συγγραφὰς ἐποιήσατο ἑαυτοῦ σοφίην, πολυμαθείην, κακοτεχνίην». [*Diog. Laert.* 8.1] «Pythagoras, the son of Mnesarchus practiced questioning people more than anybody else. And he created his own wisdom by gathering various scriptures, became extensively educated and maliciously contrivable». The term κακοτεχνίην can be translated as «mischievous art» or maybe as «contrivance». The property of «bad» or «evil» (κακὸ...) lexically accompanies «τέχνη» which is the principle of skill and ability in this text. Αγαθὸν καὶ κακὸν ταὐτὸν, Heraclitus' maxim about the identity of good and evil contains κακὸν for expressing whatever is «bad». κακὸν is an adjective here. It turns into a noun τὸ κακὸν when it is exposed to substantiation and receives an article of the neutral gender, singular (το).

Antique usage of πονηρία is remarkable in application to the phenomena connected with estimation of human character and personal qualities in terms of *adynamism*. Πονηρία is characterized with lack of character or cowardice in Ancient Greek tragedy. Odyssey makes a remark in Euripides's «Cyclops»: ἄνδρες πονηροὶ κοὐδὲν οἵδε σύμμαχοι [*Eur. Cycl.* 642]. «These allies are unusable (cowards)». And further on as Coryphaeus answers: ὁτιὴ τὸ νῶτον τὴν ῥάχιν τ' οἰκτίρομεν καὶ τοὺς ὀδόντας ἐκβαλεῖν οὐ βούλομαι τυπτόμενος, αὕτη γίγνεται πονηρία; [*Eur. Cycl.* 643] «...and so, am I a coward?»» However, it should be noted that lack of character is not evil in its Christian sense known from the Gospel and the New Testament's epistles. Individual sluggishness in various vital aspects cannot lead to evil as an *active position*. This transition is not so obvious. That means Greek πονηρία had a number of semantic gradations including aspects unrelated to evil directly (for example, certain features of character, functional properties of objects neutral from the ethical point of view.). These gradations were reduced in NT's lexicon. Πονηρία receives a strictly defined semantic vector there.

We come across the same non-dynamic perspective on πονηρία in Aristophanes' «Thesmophoriazusae». «Why is she still alive even despite the dreary course of events?» wonders Mnesilochus imitating Elena's role. An old woman uses πονηρία together with the noun «crow» in her answer: «Τῶν κοράκων πονηρίᾳ» [*Aristoph. Thes. 868*]. That literally stands for «crows hesitate» (the crows are slow, lazy). Thus, we see πονηρία as a form of dynamic lameness, laziness and low mobility here. This semantic aspect of evil projects it to the sphere of platonic lexicon. It can also be considered as a certain defect in teleological order. Lameness, «evil» expressed with weakness, lack of joviality or active tone make the subject dysfunctional. This sort of dysfunctionality may be ethically neutral. Nevertheless, we encounter the same

lexical and semantic version of πονηρία, the one that disappeared from the Greek lexicon in the New Testament.

However, πονηρία does not necessarily stand for passivity, weakness and lameness in Greek lexicon. Sometimes it gives way to poneria that is an active intention or an inclination. A particular criminal activity such as plundering is shaped semantically on the lexical premises of πονηρία. For example, we meet this term in plural with a vocative article (ὦ πόνηροι (thieves)) in Aristophanes' plays: ὦ πόνηροι, ταυτηὶ τῇ δᾳδὶ φρυκτοὺς σκευάσω [*Hom. Il.* 1331], «Thieves! This torch will fry you!» It is interesting to mention the fact that Slavic «pronira» (sneaky person) ascends to πονηρός, i. e. villain, thief, swindler. It is definitely not a coincidence that the New Testament's lexicon refers to πονηρός when it comes to «devil» or «the wicked one», as it was noticed above.

The antique semantic vector of πονηρία is also remarkable in the context of gigantization and macro scales. For example, we meet «great perversity» that may be «great evil» adjoining to «great virtue» in Plato's «Laws». The Athenian answers to Clinius: Οὐκοῦν ἐξ ἐκείνων τῶν διακειμένων οὕτω τὰ νῦνγέγονεν ἡμῖν σύμπαντα, πόλεις τε καὶ πολιτεῖαι καὶ τέχναικαὶ νόμοι, καὶ πολλὴ μὲν πονηρία, πολλὴ δὲ καὶ ἀρετή; [*Pl. Leg*. 677a]. «However such conditions led to emergence of all present: states, state systems, arts, laws; there was a great perversity, but also a great virtue». The similar aspect of evil's increasing exponential dynamics is found in Aristotelian «Politics». Πονηρία is mentioned there in relation to an impetuously increasing defect: «ἔτι δ' ἡ πονηρία τῶν ἀνθρώπων ἄπληστον, καὶ τὸ πρῶτον μὲν ἱκανὸν διωβελία μόνον, ὅταν δ' ἤδη τοῦτ' ᾖ πάτριον, ἀεὶ δέονται τοῦ πλείονος, ἕως εἰς ἄπειρον ἔλθωσιν» [*Arist. Pol.* 1267b.1]. «Depravity of human beings is so insatiable that only a couple of obols is enough at first. And they always want more as soon as this becomes an established custom. And so it goes for all eternity». It is interesting to notice the fact that Aristotle uses «ἄπειρον» in this phrase. It is a classical term introduced by Anaximander. It emphasizes that the defect is increasing boundlessly. It is remarkable that ἡ πονηρία τῶν ἀνθρώπων stands for «human perversity» in Aristotle's sentence. At the same time, «ἡ πονηρία» means simply «rage» or «evil». So, Aristotle comes up with somewhat a proverb in «Rhetoric»: ὥσπερ γὰρ ἡ παροιμία, προφάσεως δεῖται μόνον ἡ πονηρία [*Aristot. Rh.* 1373a] «Evil-doing needs only an excuse».

Plotinus adds a new semantic vector to the case. He differentiates πονηρία from lexical derivatives of κᾰκόν. We meet perversity of the character (πονηρία δὲ ἤθους) separately from the special lexical construct denoting evil in the «Third Ennead»: πονηρία δὲ ἤθους παρὰ θεῶν ὄντων πῶς ἂν δοθείη; καὶ ὅλως ὅσα λέγονται διδόναι κακὰ κακούμενοι, ὅτι δύνουσι καὶ ὅτι ὑπὸ γῆν φέρονται, ὥσπερ διάφορόν τι πασχόντων, εἰ πρὸς ἡμᾶς δύνοιεν, ἀλλ' οὐκ ἀεὶ ἐπὶ σφαίρας οὐρανίας φερομένων καὶ πρὸς τὴν γῆν τὴν αὐτὴν ἐχόντων σχέσιν; [*Plot. En.* III 3 p1]. «How to explain perversity of the character caused by the stars, in case they are gods? How come people are able to assume that evil comes from the stars... and they still say it is so. Stars are evil due to their recess and when they stay underground as though something outstanding happens to them when they set, as we see it that from our point of view».

We come across such fundamental ethical concepts as perversity, injustice and sin as they show up together in a rather small fragment by Plotinus: Ἀλλ' εἰ καλῶς ταῦτα λέγεται, πῶς ἂν ἔτι πονηρία; Ποῦ δ' ἀδικία; Ἁμαρτία δὲ ποῦ; [*Plot. En.* III 3h 2]. «But if it is said so perfectly why does perversity exist after all? How about injustice and sin» And further on «why are those beautiful individuals capable of injustice and sin? Πῶς γὰρ ἔστι καλῶς γινομένων ἁπάντων ἀδικεῖν ἢ ἁμαρτάνειν τοὺς ποιοῦντας; ἁμαρτάνω means literally «to do something wrong», «not

to correspond with the purpose» here. Whereas ἀδικεῖν from ἀδικέω has a similar sense, namely «to do something wrong or be wrong, unfair».

It is also interesting to mention overlapping of evil and blindness in Origen's works. We find semantics of evil and the idea of arrogance similar to the NT's ethical invectives in his book «Against Celsius»: Τυφλὸν γάρ τι ἐστὶν ἡ πονηρία καὶ βουλομένη ὡς ἰσχυροτέρα τοῦ χρεὼν νικᾶν αὐτό. [*Orig. Con Cel.* Lib. I, 61,3] «...Evil is connected with blindness; it feels even stronger than destiny». There is no doubt that blindness (τυφλὸν) has mental rather than physical sense here. We face a *spiritual disorientation* in this case. It is the one that refers to values and composes an essential property of «evil», according to Origen.

Origen uses the term πονηρία in connection with questions of ethnic history. It is more likely that «evil» or πονηρία stands for cunningness and slyness in this particular context: Οὐκ ἂν γὰρ πονηρία καὶ μαγγανεία ὅλον ἔθνος συνέστησαν, ὑπερβὰν μὲν οὐ μόνον ἀγάλματα καὶ τὰ ὑπ' ἀνθρώπων ἱδρυμένα ἀλλὰ καὶ πᾶσαν γενητὴν φύσιν, ἀναβαῖνον δὲ πρὸς τὴν ἀγένητον τοῦ θεοῦ τῶν ὅλων ἀρχήν. [Orig. Con Cel. Lib. II, 6,51] «Slyness and sorcery could not actually shape the whole nation that gave up worshipping not only statues and human handwork, but also any living being ever created and turned to God which is the eternal origin of all things» (ἀγένητον). This semantic layer is certainly the major one in the NT's terminological tradition of evil.

Bibliography

1. Aristophanes, vol. 4, Ed. Coulon V., van Daele M. – Paris: Les Belles Lettres, 1967.
2. Aristophanes. Wasps, Ed. MacDowell D. M. – Oxford: Clarendon Press, 1971.
3. Corpus Aristotelicum Ed. Ross W. D. – Oxford: Clarendon Press, 1967.
4. Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, Ed. Diels H., Kranz W. – Berlin: Weidmann, 1966.
5. Euripidis fabulae, vol. 1, Ed. Diggle J. – Oxford: Clarendon Press, 1984.
6. Origène. Contre Celse. Ed. Borret. – M.: Paris, 1967.
7. Platonis opera, vol. 2, Ed. Burnet J. – Oxford: Clarendon Press, 1967.
8. Platonis opera, vol. 3, Ed. Burnet J. – Oxford: Clarendon Press, 1968.
9. Plotinus. Enneads. Cambridge, 1980.

© *Garin S. V., 2014*

УДК 372.881.111.1

О МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ

З. К. Норкузиева, преподаватель; С. А. Мухиддинова, преподаватель; Д. М. Абдурахманов, преподаватель

Гулистанский государственный университет, г. Гулистан, Узбекистан

ABOUT METHOD OF THE EDUCATION SYNCHRONOUS TRANSLATION

Z. K. Norkuzieva, teacher; S. A. Muhiddinova, teacher; D. M. Abdurahmanov, teacher

Gulistan State University, Gulistan, Uzbekistan

Summary. Some methods of the synchronous translation are considered in article with Uzbek or Russian languages on English language, having important importance for preparing высококвалифицированных high skilled translator. In particular, possibility syntax and semantic compression is emphasized.

Keywords: synchronous translation; speech compression; syntax compression; semantic compression.

Подготовка высококвалифицированных специалистов по синхронному переводу является одной из актуальных проблем настоящего времени, так как в Республике Узбекистан в последнее время проводится очень много международных симпозиумов, конференций, выставок и других мероприятий, которые требуют высококачественного и быстрого перевода. Большое количество мероприятий в первую очередь требуют высококачественного перевода с узбекского языка или с русского на английский, и даже в некоторых случаях с корейского, китайского, японского, индийского, арабского на английский и обратно. Это происходит потому, что на международных симпозиумах, выставках участвует очень много специалистов, предпринимателей, представителей различных организаций из Южной Кореи, Китая, Японии, которые привносят инвестиции в экономику Узбекистана, оказывают помощь в совершенствовании системы образования в нашей стране, финансируют различные проекты и так далее. Похвально то, что большинство зарубежных специалистов хорошо знают английский язык.

Профессиональный синхронный перевод – это перевод, осуществляемый в особых условиях. Для него характерны неравные условия порождения речи на языке оригинала и на языке перевода, дефицит времени, а также повышенная психическая напряженность, причиной которой является осознание синхронности двух языков [1, с. 271].

Для повышения своей квалификации переводчик с узбекского / русского на английский и с английского на узбекский / русский языки должен хорошо знать следующее:

1) фамилии и имена руководителей стран, политиков и других знаменитостей стран;

2) имена из Библии и из Корана;

3) имена героев популярных литературных произведений;

4) географические названия, названия столиц государств;

5) ассоциативные связи слов.

Знание ассоциативных связей помогает правильно перевести при переводе предложения и сохранить их значение и содержание. Например: to win (a war, a prize, a contest, a pace, an election), peaceful (solution, settlement)

и т. д. [2, с. 79]. Кроме того, переводчик должен обладать хорошей памятью, умением сохранять в своей памяти основные даты, числа и цифры.

Для успешности синхронного перевода большое значение имеет коммуникативная ситуация. Перед мероприятием синхронист должен детально ознакомиться с формой мероприятия (конференция, симпозиум, форум, встреча, выставка), с данными об участниках мероприятия, с темой мероприятия. Особенно важно для переводчика ознакомление с докладами, с тезисами выступлений. Он должен хотя бы приблизительно иметь представление о том, о чём говорится в этих докладах, для чего проводится данное мероприятие, какие цели оно преследует и в чём заключается актуальность выдвигаемых предложений и рекомендаций. Конечно, приветствуется, если переводчик перед мероприятием успеет познакомиться и побеседовать с докладчиком, узнать, из какой страны он прибыл, в какой организации работает, членом какой партии является, о чём будет говорить и т. д. Знание цели и основных выводов доклада очень поможет переводчику при синхронном переводе.

Следует подчеркнуть, что синхронным переводчикам с английского языка рекомендуется знать не только британский и американский варианты английского языка, но также иметь представление и о других территориальных вариантах, о фонетических, интонационных изменениях. К примеру, представители Австралии, Канады, Индии могут под влиянием своего родного языка иметь своеобразные акценты в речи. Знание особенностей интерференции поможет переводчику не ошибиться при синхронном переводе. Поэтому организаторы мероприятия задолго до его начала должны ознакомить переводчиков с письменными материалами, с тезисами докладов, с данными о докладчиках. Переводчики же должны ознакомиться с терминами по теме мероприятия, с аббревиатурами и сокращениями.

Для того чтобы осуществлять быстрый перевод, полезно знать компрессию речи. Компрессией называется выражение речи докладчика в сжатом виде на переводимом языке. Знание компрессии помогает в процессе перевода правильно строить предложения. Компрессия речи имеет синтаксический, лексический и семантический виды.

Синтаксическая компрессия – это применение вместо длинных, сложных синтаксических конструкций кратких и простых синтаксических конструкций. Сложные предложения можно переводить путём разделения их на простые предложения.

При семантической компрессии полные значимые слова могут замещаться местоимениями, полные наименования стран, организаций могут быть замещены их сокращёнными формами или аббревиатурами. Например: The United States of America – США, The United Nations – ООН, United Nations Educational Scientific and Cultural Organization – ЮНЕСКО и др. (соответственно на узбекский язык можно перевести как АҚШ, БМТ, ЮНЕСКО).

При переводе на английский язык синтаксических конструкций узбекского языка, представляющих собой сложные предложения, в которых встречаются слова, имеющие суффикс «-лиги» (например: ёзмаганлиги, пастлиги, кўрмаганлиги, йўқлиги, юрмаганлиги) или «-ётган» (например: муҳокама қилаётган, эътибор берилаётган, кўриб чиқилаётган), можно перевести их, разделив сложное предложение на несколько простых предложений. К примеру, сложное предложение «Ўқитувчиларнинг каттагина қисми яхши тайёргарлик кўрмаганлиги, уларнинг билим ва касб савияси пастлиги, педагогик кадрлар етишмаслиги, жиддий муаммо бўлиб қолмоқда» (на русском: «Становится серьёзной проблемой то, что большая часть преподавателей хорошо не подготовлена, их знания и степень

профессионализма низки, а педагогических кадров не хватает») можно перевести на английский следующим образом: «Many teachers are not well trained, their knowledge and educational skill are poor, the skilled pedagogical personality is lack therefore it is a problem». Другой пример: «Олий Мажлиснинг бугунги сессиясида кўриб чиқилаётган, муҳокама қилинаётган ҳаётимиздаги ҳал қилувчи муҳим масалалар қаторида таълим-тарбияни тубдан ўзгартириш масаласи бор» (на русском: «Среди важных вопросов, рассматриваемых и обсуждаемых на сегодняшней сессии Олий Мажлиса и имеющих решающее значение в нашей жизни, есть вопрос коренного изменения образования и воспитания»), может быть переведён как: «Today's session of Oliy Majlis is discussing the important questions. The reformation of the educational system is among them».

Ещё один метод перевода состоит в том, чтобы сложные словосочетания перевести на английский язык с помощью одного слова. Например: «Украинада вазият аввалги ҳолатга нисбатан ёмон эди» («Ситуация на Украине хуже, по сравнению с прежним состоянием») можно перевести так: «In Ukraine the situation is retrogressed». Или предложение «У юқори олқиш ва мақтовга сазовор» («Он достоин высоких похвал и вознесений») можно перевести в виде «He is appreciative», а предложение «Агар билсангиз, бир мамлакатдан иккинчи мамлакатга ўтган жиноятчиларни тутиш учун ахборот алмашишда полицияга ёрдамлашувчи халқаро ташкилот бор» («Если вы знаете, для поимки преступников, перешедших из одной страны в другую, есть международная организация по обмену информацией, помогающая полиции») можно перевести как «You know, there is an Interpol».

Таким образом, при выполнении синхронного перевода речи с русского языка на английский используется ряд приемов компрессии. Как подчеркивал И. В. Гурин, «основная проблема заключается в том, что синхронные переводчики в процессе своей деятельности зачастую непоследовательно и неполно используют ресурсы языка перевода. ... Подготовка переводчиков, включающая изучение всех межъязыковых соответствий, ...а также автоматизация применения приемов компрессии могли бы... значительно повысить качество работы синхронистов» [3].

В заключение следует подчеркнуть, что изучение методов перевода, овладение навыками и умениями их правильного и уместного применения, даёт позитивные результаты при подготовке высококвалифицированных переводчиков.

Библиографический список

1. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика : учебник для ин-тов и фак-тов иностранных языков. – М. : Воениздат, 1973.
2. Мўминов О. М. Синхрон таржима ўргатишнинг замонавий методлари // Концептуальные проблемы мировой литературы и лингвистики в социокультурном пространстве XXI века: теория, методология, практика : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. – Ташкент, 2009. – С. 79.
3. Гурин И. В. Приемы речевой компрессии при синхронном переводе с русского языка на английский : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. URL: http://www.pandia.ru/text/78/040/3664.php.

Bibliography

1. Shveytser A. D. Perevod i lingvistika : uchebnik dlya in-tov i fak-tov inostrannyih yazyikov. – M. : Voenizdat, 1973.
2. Muminov O. M. Sinhron tarzhima urgatishning zamonaviy metodlari // Kontseptualnyie problemyi mirovoy literaturyi i lingvistiki v sotsiokulturnom prostranstve XXI veka: teoriya, metodologiya, praktika : mat-lyi mezhvuz. nauch.-prakt. konf. – Tashkent, 2009. – P. 79.
3. Gurin I. V. Priemyi rechevoy kompressii pri sinhronnom perevode s russkogo yazyika na angliyskiy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2008. URL: http://www.pandia.ru/text/78/040/3664.php.

© Норкузиева З. К., Мухиддинова С. А., Абдурахманов Д. М., 2014

УДК 821.133.1(6)-1.09

ВЛИЯНИЕ АФРИКАНСКИХ РИТМИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП СОВРЕМЕННОЙ ФРАНКОФОННОЙ ВЕРСИФИКАЦИИ

И. А. Сатыго, аспирант

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, г. Черновцы, Украина

THE INFLUENCE OF THE AFRICAN RHYTHMIC DEVICES ON THE REGIONAL TYPE OF MODERN FRANCOPHONE VERSIFICATION

I. A. Satygo, postgraduate student

Y. Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine

Summary. The article treats the rhythmics of poetic texts of the West-African, antilles and Madagascar francophone authors from the aspect of genetics and typology. The Senegalese poet L. Sengor is considered as the representative literary intermediate.

Keywords: L. Sengor; francophone literatures; West-African poetry; poetry of Antilles and Madagascar; African rhythmics.

В современном литературоведении особо остро возникает проблема систематизации национальных литератур, осмысления их реального веса в контексте всех связей мировой литературы. По мысли Д. Дюришина, в соответствии с генетико-типологическим подходом к изучению литератур следует рассматривать «особенности художественного произведения не с точки зрения его обособленности и замкнутости в самом себе, а в свете его многообразных связей с литературной средой» [2, с. 78]. В данном случае сам словацкий учёный продолжил вектор А. Веселовского [1] и его последователя В. Жирмунского [3], уделявших особое внимание «типологичеким схождениям», порождённым независимыми, но сходными условиями формирования отдельных национальных литератур, аналогичными обстоятельствами общественной жизни – в отличие от «контактно-генетических связей» и, по терминологии А. Веселовского, «встречных течений» [1, с. 28].

Сегодня стоит рассматривать проблему на пересечении обоих направлений. Тем не менее, последнее стает возможным лишь при наличии общего критерия. Одним из таких может выступать так называемая народная ментальность. Формирование схожих между собой литературных образований возможно лишь в том случае, если ментальность одного народа (или же его «психическое развитие», пользуясь терминами исторической поэтики [1, с. 16]) соответствует способу мышления другого. «Всякое идеологическое (в том числе литературное) влияние закономерно и социально обусловлено, – писал В. Жирмунский, реферируя А. Веселовского. – Эта обусловленность определяется внутренней закономерностью предшествующего национального развития, общественного и литературного. Чтобы влияние стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте, необходимо существование аналогичных тенденций развития, более или менее оформленных, в данном обществе и в данной литературе» [3, с. 74].

В частности, историческое прошлое Западной Африки позволяет проследить её литературные контакты не

только с европейской, но и с креольской литературой Антильских островов, учитывать их опосредствованные контакты, поскольку между ними обнаруживается множество аналогий. О типологии, а не о генетическом родстве названных культур свидетельствует исторический тезис относительно того, что африканцы и антильцы принадлежат не только к разным культурным группам, но и к различным расовым таксонам [12, с. 24]. Проектируя данную ситуацию на специфику африканского франкоязычного стихосложения, полезно представить типологический контур поэтической традиции современных африканских литератур.

В первую очередь, наиболее важным фактором сходства является ритмическая природа стиха. На определяющей роли ритма как генераторе психофизиологического катарсиса настаивал ещё А. Веселовский, подчёркивая, что именно ритм нормирует мелодию и поэтический текст [1, с. 155]. В стиховедении речь идёт также о так называемом принципе «ритмического единства» [8, с. 9]. Именно поэтому мы можем рассматривать ритм как отправной пункт единства и поэзии обозначенного литературного региона.

Имеют место безусловные параллели между франкофонным стихом сенегальского поэта Леопольда Сенгора (1906–2001), литературного посредника (в конрадовском толковании [4, с. 348]), и произведениями многих поэтов подготовленной им «Антологии новой негритянской и малагасийской поэзии» (1948). Указанный сборник, по словам Л. Кестелоот, является «официальным актом рождения негро-африканской франкоязычной литературы» [14, с. 89], её выходом в поле европейской рецепции. Имея множество последователей, данное собрание считается наиболее популярным во франкофонных литературных кругах [14, с. 93–94]. В него вошли выбранные Л. Сенгором стихи 16 антильских, сенегальских авторов (Сенгор определяет их поэтами Чёрной Африки, подчеркивая тем самым не национальный, а этнический фактор), а также мадагаскарских поэтов. Первостепенным признаком типологического схождения стилистической фактуры их текстов является в данном случае крайне специфическая ритмика.

Обратимся к опыту поэзии Антильских островов, которые своей культурой непосредственно вписываются в африканский мир. Имея общее историческое прошлое, признанное, хотя и весьма отдалённое во времени родство африканцев и антильцев, антильская поэзия продолжает сохранять много общих черт с поэзией Чёрной Африки. Поскольку «психология этноса, – по словам Е. Мальцевой, – включает в себя его исторический опыт и ‹…› безусловные ценности, обеспечивающие поддержание порядка вещей, традиции, воспитания в рамках определённого культурного общества» [6, с. 69], это делает понятным сходство западноафриканской и антильской поэзии. Например, известный мартиниканский учёный П. Шамуазо считает, что «настоящая антильская литература начинается с Негритюда» [10, с. 126], объясняя данный факт наличием общей исторической памяти (у него – знаковая парадигма «крик»). По его словам, Негритюд опроверг «колониальный порядок, возвратив нам что-то, отзвук чего мы утратили: *крик*, первобытный крик, вырывающийся из трюмов кораблей работорговцев, в вибрацию которого укореняется наша литература» [10, с. 127].

В послесловии к поэтическому сборнику «Эфиопики» (1956) Сенгор прокомментировал сходство его стиля с особенностями письма антильцев. Исходной точкой он также считал генетические контакты, у истоков которых имела место традиционная африканская поэзия: «Вся правда в том, что я, в частности, читал, а точнее, слушал,

записывал и комментировал негро-африканские поэмы. Антильцы же, которые их не знали, ‹...› считали, что ритмы естественно исходили из них, охваченные вихрем, за тысячи метров под землей. Если хотите найти наших учителей, было бы разумнее поискать их со стороны Африки» [16, с. 163]. Однако было бы ошибочным считать поэзию антильцев только прямым заимствованием африканских источников. Согласно авторитетному заявлению П. Шамуазо теория Негритюда начала активно влиять на антильцев значительно позже – в 60-е гг., в период деколонизации Чёрной Африки. Мы определяем Негритюд как литературное и политическое течение, направленное на утверждение культурной самобытности негроидной расы. В межвоенный период (когда было написано большинство поэзий Антологии) поэты-антильцы ещё творили в ином историческом контексте. Упомянутый нами исследователь относит возвращение антильцев к африканским истокам именно к периоду деколонизации [10, с. 149].

Отсюда определение контактно-генетических связей антильской и западноафриканской поэзии требует обратить внимание на традиционную африканскую версификацию в лице Л. Сенгора и поэтов Антологии.

В частности, анализ сенгоровского поэтического наследия позволяет определить основные черты, унаследованные им от фольклора. Поэт считал традиционную значимость и культуру ритма имманентным признаком африканской поэзии, как, впрочем, и всех остальных видов негро-африканского искусства. Обращаясь к западноафриканской песенно-поэтической традиции, он на первое место ставит именно ритмическую специфику текста. Этот важный признак он выделял и у антильских поэтов. «Негритянские поэты, поэты Антологии, как и фольклорные исполнители, являются, прежде всего, «слуховыми поэтами», певцами. Они подчинены, принудительно, «внутренней музыке», и, прежде всего, «ритму», – писал Сенгор [16, с. 166].

Сопоставление ритмической техники авторов Антологии обнаруживает, что ритмическая организация сенгоровской поэзии в сравнении с другими поэтами сборника выявляет такой важный признак, как «ассиметрический параллелизм» [13]. Этот подлинно традиционный приём сереро-волофской поэзии встречается довольно часто у Л. Сенгора. Процитируем строфу из поэмы «Ты долго берегла» из сборника «Ноктюрны» (1961) (здесь и далее эквилинеарный перевод наш):

Je verrai d'autres cieux et d'autres yeux
Je boirai à la source d'autres bouches plus fraîches que citrons
Je dormirai sous le toit d'autres chevelures à l'abri des orages.
Mais chaque année, quand le rhum du Printemps fait flamber la mémoire
Je regretterai le pays natal et la pluie de tes yeux sur la soif des savanes [16, с. 178].

Я увижу иные небеса и иные глаза.
Я буду пить из других источников, свежее, чем лимоны.
Я буду спать под покровом иных волос, защищённый от гроз.
Но ежегодно, когда Весенний ром разжигает воспоминания,
Я буду тосковать по родным краям и дождю из твоих глаз на засуху саванн.

Синтаксический параллелизм текста усиливает анафорически заданную ритмическую монотонность. «Экспрессивная пунктуация» (выражение самого Л. Сенгора) в данном случае проявляется отсутствием знаков пунктуации во втором и третьем стихе, управляя всей интонационной программой строфы. Ритмическая монотонность нарушается цезурой в четвёртом стихе, ломая

характерную синтаксическую модель строфы, тем самым усиливая значимость восприятия последней строки текста с его логической развязкой.

Аналогичный поэтический приём прослеживается почти у всех поэтов Антологии. К примеру, гвианцы Л. Дама, Ж. Грасьян и Э. Сезер, гваделупцы Г. Тирольен, П. Нигер, гаитяне Ж. Румен, Ж.-Ф. Бриер и Р. Беланс, то есть 8 антильцев из 10, употребляют подобный ритмический стандарт. Возьмём, к примеру, поэму Леона Дама «Воспоминание»:

Il est des choses dont j'ai pu n'avoir perdu
tout souvenir
et brimades en bamboo
pour toute mangue tombée
durant l'indigestion de tout morceau d'histoire de France
et flûte
flûte de roseau
jouant sur les mornes des aires d'esclaves...
pendant qu'aux savanes des boeufs sagement ruminent
pendant qu'autour des zombies rôdent
pendant qu'ils éjaculent des patrons d'Usine
pendant que le bon nègre allonge sur son grabat dix à quinze heures d'Usine. [15, c.10]

Есть вещи, которые я совсем не могу забыть:
и бамбуковые репрессии
за все упавшие манго
во время расстройства пищеварения всеми кусками истории
Франции,
и флейта,
тростниковая флейта,
играющая мрачные рабские мелодии...
тогда как в саваннах мудро ревут быки,
тогда как вокруг зомби ходят,
тогда как они выливают хозяев, Завода
тогда как добрый негр сидит в своей нищете десять-пятнадцать заводских часов.

Соответствующую функцию выполняет синтаксический параллелизм и в поэзии мадагаскарского писателя Флавьена Ранаиво. Ярким примером этого традиционного приёма версификации служит его «Народная песня про любовь»:

Ne m'aimez pas, ma parente,
comme votre ombre
car l'ombre au soir s'évanouit
et je dois vous garder
jusqu'au chant du coq ;
ni comme le piment
qui donne chaud au ventre
car ne pourrais alors
en prendre à ma faim ;
ni comme l'oreiller
car on serait ensemble aux heures du sommeil
mais on ne se verrait guère le jour ;
ni comme le riz
car sitôt avalé vous n'y penseriez plus [15, c.208].

Не любите меня, моя родная,
как вашу тень,
ведь тень вечером исчезает,
а я вас должен беречь
вплоть до пения петухов;
ни как перец,
что греет живот,
ведь я не смог бы тогда
им утолить голод;
ни как подушку,
ведь мы были бы вместе в час сна,
но совершенно не виделись бы днём;
ни как рис,
ведь съев, вы о нём не думаете

Помимо синтаксического параллелизма, следует отметить также и наличие в африканской поэзии разнородных параллелизмов иного характера.

В частности, пример лексического параллелизма у сенегальца Б. Диопа, эволюционируя в рефрен, вновь повторенный в середине поэтического текста, может служить типологическим образцом всей практики региона. В данном случае он поддерживает идеологический тезис, коррелируя с мировоззренческими взглядами самого автора. Ниже приводим образец текста такого удлинённого рефрена из его поэмы «Дыхание предков»:

Ecoute plus souvent
les choses que les êtres.
La voix qui s'entend,
entend la voix de l'eau,
écoute dans le vent
le buisson en sanglots.
C'est le souffle des ancêtres,
le souffle des ancêtres morts,
qui ne sont pas partis,
qui ne sont pas sous terre,
qui ne sont pas morts [15, c.145]

В русском переводе Н. Горской [7, с. 461]

Голоса вещей слушай чаще,
к ним обрати свой слух:
голос огня шипящий,
голос воды стеклянный,
рыдание чащи,
шелест поляны –
это предков нетленный дух.
Предки не умирают.
Мёртвые никуда не ушли,
мёртвым тесно в лоне земли –
мёртвые не умирают!

Трижды повторяясь в данной поэме, рефрен выполняет функцию главной темы, эмоционально усиливая основную тональность стихотворения. В ритмообразующем аспекте рифмованные строки рефрена также играют важную роль, расставляя созвучные окончания более регулярно, что, опять-таки, придаёт поэзии определённую ритмическую монотонность, представляя собой, по выражению Л. Сенгора, «печать Негритюда» [16, с. 171].

Выразительно свидетельствует о типологии африканского стихотворчества мадагаскарская поэзия. Мальгаши, не будучи чистокровными африканцами (поскольку генетически относятся к австронезийским народам), своим поэтическим наследием, тем не менее, подтверждают единство песенно-поэтических традиций Африканского континента и неконтинентальних регионов. Асимметрический параллелизм, зафиксированный Сенгором, является образцовым примером «негритянского ритма» [16, с. 400], присутствующего в произведениях поэтов Антологии и свидетельствующего об их имманентном единстве.

Ритмика мальгашской поэзии, аналогично африканской и антильской, приобретает первостепенное значение для стиха, при этом часто пренебрегая рифмой. Отказ от позиционной рифмы становится характерным признаком африканской поэзии, вынуждая поэтов обращаться к другим средствам ритмизации и эвфонии. В данном аспекте значение приобретает внутренняя рифма, довольно часто употребляемая поэтами той же Антологии. Хотя в поэзии Л. Сенгора указанный тип рифмы изредка присутствует и представляет собой игру слов, его ранним поэмам этот приём в целом не свойственен. Зато он наблюдается в стихах таких авторов, как Л. Дама, Э. Сезер, Р. Беланс, Б. Диоп, Ж.-Ж. Рабеаривело, Ж. Рабемананзара, а также встречается у представителей всех литературных регионов исследуемых локусов.

Ещё на одну особенность, характерную для западноафриканского фольклора, обращает внимание французская африканистка Л. Кестелоот. Она акцентирует внимание на имеющем место в стихе так называемом

«фиксированном ядре», т. е. определённой синтаксической конструкции, повторяемой во всевозможных вариантах [11]. В качестве матрицы она предлагает следующий пример ивуарийском песни:

Ho ! ho ! ho ! *nous courons au trépas* à Guénian (2 bis)
Oh ! oui nous *courons au trépas*
Ho ! ho ! ho ! *nous courons au trépas* à Guénian
Oh ! oui Afou Nazaire, *nous courons au trépas*

Хо! хо! хо! нас настигнет кончина в Гвениане (bis).
О! да нас настигнет кончина.
Хо! хо! хо! нас настигнет кончина в Гвениане.
О! да Афу Назер, нас настигнет кончина.

Помимо очевидного параллелизма этот текст монотонно повторяет фразу «нас настигнет кончина», что влияет на ритм, задавая ему речитативный темп. Интересно, что и у Сенгора, и у поэтов Антологии подобные «ядра» достаточно ярко выражены, хотя и несколько редуцировано по сравнению с традиционными песнями, образуя своеобразный рефрен поэмы с различными смысловыми акцентами. В частности, это наблюдение справедливо для поэзии таких авторов, как Л. Дама, П. Нигер, Ж. Румен, Г. Тирольен, Э. Сезер, Б. Диоп, Д. Диоп и Ж.-Ж. Рабеаривело.

К примеру, у сенегальского поэта Бираго Диопа, как и у Л. Сенгора, фиксированное ядро по сравнению с образцами народной поэзии, появляется более систематично, и оно становится разнообразнее, постепенно эволюционируя в матричный рефрен. Так, в стихотворении этого поэта «Причастие» наблюдается сразу три фиксированных ядра: «trois doigts», «de sang de chien, / de sang de taureau, / de sang de bouc», «par-delà la mer».

Moi, j'ai trempé trois doigts,
trois doigts de ma main droite :
le pouce, l'index et le majeur.
Avec ses trois doigts rouges de sang,
de sang de chien,
de sang de taureau,
de sang de bouc,
Mère m'a touché par trois fois ‹...›
Moi j'ai tendu mes doigts rouges de sang,
de sang de chien,
de sang de taureau,
de sang de bouc ‹...›
Depuis je vais,
je vais par les sentes,
par les sentes et sur les routes,
par-delà la mer et plus loin, plus loin encore,
par-delà la mer et plus loin encore,
par-delà la mer et par-delà l'au-delà [15, c.144].

(А я смочил три пальца,
три пальца своей правой руки:
большой, указательный и средний.
Этими тремя пальцами, красными от крови,
крови пса,
крови быка,
крови козла,
Мать трижды коснулась меня. ‹...›
А я протянул свои пальцы, красные от крови,
крови пса,
крови быка,
крови козла, ‹...›
С тех пор я иду,
иду тропинками
тропинками и дорогами,
за море и дальше, ещё дальше,
за море и дальше, ещё дальше,
за море и за тот свет.)

Не менее важной общей чертой практически всех поэтов Антологии оказывается и упомянутая выше «экспрессивная пунктуация», т. е. отсутствие

пунктуации по принятым правилам. Отсутствие любой пунктуации в верлибре характерно, в частности, для антильских поэтов. Местами Л. Дама, Э. Леро, Э. Сезер, Г. Тирольен и Ж. Румен полностью отказываются от знаков препинания, разделяющих предложения, отводя эту роль игре регистра букв, однако они не отказываются от изменения заданной интонации восклицательными и вопросительными предложениями. Эта ситуация полностью коррелирует с мнением украинской исследовательницы Н. Костенко об экспрессивной интонации как системообразующем факторе стихосложения [5, с. 14]. Много сходных моментов с сенгоровским поэтическим опытом обнаруживается в поэзии гваделупского автора П. Нигера, сенегальца Б. Диопа и мальгаша Ж.-Ж. Рабеаривело. Помимо своеобразной неправильной пунктуации, это проявляется также в активизации полисиндетона (в частности, с анафорическим употреблением союзов и предлогов), а также в междометиях, указывающих на внезапные паузы – цезуры. Историческая поэтика соотносит эти междометия с хоровыми возгласами, отсылая данное явление к первоначальному синкретизму поэзии и хорового пения [1, с. 23]. Преемственность традиции исполнения обусловила, в данном случае, схожесть авторов Антологии в средствах выражения аффекта и цезурованности. Часто употребляемые Сенгором возгласы встречаются и у мадагаскарских, и у антильских поэтов. Например, малагасиец Жан-Жозеф Рабеаривело в «Ночных переводах» (28-я песня) возглашает:

Un oiseau seul au coeur de la nuit,
et il ne craint pas d'être ravi par les Ondines ?
Ô miracle ! ô don inattendu !
Pourquoi rentres-tu si tard ?
Un autre a-t-il pris ton nid
tandis que tu étais en quête d'un rêve au bout du monde ? [15, c.185]

Одна птичка в сердце ночи,
и она не боится, что её заберут Русалки?
О диво! о неожиданный дар!
Почему ты возвращаешься так поздно?
Или иная птица похитила твоё гнездо,
когда ты шла за мечтой на край света?

Дополнительным и весьма выразительным средством ритмизации поэтического текста становится кольцевое построение стиха, которое также часто встречается у поэтов Антологии. Как и у раннего Сенгора, оно присутствует у Л. Дама, П. Нигера, Д. Диопа и Ж. Рабемананзары. Этот приём композиционного построения становится либо рефреном (Б. Диоп «Дыхание предков»), либо функциональным признаком строфы (П. Нигер «Птичка, потешающаяся надо мной, или Патернализм»). Он выступает своеобразной версией лексического параллелизма, который, по Б. Томашевскому, обогащает мотив новыми ассоциациями, заставляя стихотворение звучать по-новому [9, с. 237]. Анжамбеманы в составе повторяющихся строк расставляют дополнительные смысловые акценты, как, например, в «XXII песне» Жака Рабемананзары:

Bleu, si bleu cet oeil du ciel derrière la vitre !
La vie en fleur entre mes cils.
L'azur entier dans mes paupières.
Bleu, si bleu cet oeil du ciel derrière la vitre ! [15, c.204]

Синий, такой синий этот небесный глазок за окном!
Жизнь цветёт меж моих ресниц.
Сияет синь на моих веках.
Синий, такой синий этот небесный глазок за окном!

В аспекте типологии стихосложения следует обратить особое внимание на ритмообразующую функцию иноязычных лексем – латинизмов, англицизмов и пр., в частности, как это ни парадоксально, и африканизмов. Именно в поэзии Сенгора иноязычные заимствования являются крайне значимыми и характеризируют культурологическую и ментальную синкретичность сенгоровского стиля, как, к примеру, латинизмы, которые коннотируют преимущественно с религиозной тематикой. Однако некоторые слова вводятся автором для акцентуации именно поэтической интонации. Как значимый функциональный приём версификации в творчестве сенегальского поэта иноязычные слова фиксируют местоположение цезур, задавая интонационную тенденцию всей фразе. На письме это выражается курсивом, многократными повторами, порой, заглавными буквами. Как правило, латинизмы преобладают в обозначении номенов, серерские или волофские слова – в воспроизведении африканских реалий.

Для сравнения заметим, что у П. Нигера и Ф. Ранаиво единичные случаи употребления слов родного языка или англицизмов не несут значимой нагрузки, за исключением поэмы Нигера «Эту Африку я не люблю», где автохтонные слова подобны междометиям, выделяются в строфу, задавая своеобразную отрывистость ритму (синкопичность):

Moi, je n'aime pas cette Afrique-là.
L'Afrique des «*naya*»
L'Afrique des «*makou*»
L'Afrique des «*a bana*»
L'Afrique des yesmen et des béni-oui-oui [15, c.92].

Эту Африку я не люблю,
Африку «тут»,
Африку «тишины»,
Африку «законченную»,
Африку «да, господа» и подпевал.

Наконец, обратим внимание ещё на один приём – графический (написание отдельных слов или предложений заглавными буквами). К нему периодически обращаются многие поэты Антологии. Этот метод акцентирования смысловых синтагм иногда встречается и в поэмах Л. Сенгора, также употребляется в произведениях таких поэтов Антологии, как, например, Л. Дама, Ж. Румен и Ж.-Ж. Рабеаривело. Как и в предыдущих случаях, данный приём версификации функционально тонирует интонацию и местоположение цезур. У Л. Сенгора этот способ декламационной выразительности, подчёркнутый стилистической фигурой анжамбеман (double rejet), становится характерным, в частности, для сборника «Чёрные жертвы» (1948), посвящённого чернокожим жертвам Второй мировой войны:

Recevez ce sol rouge, sous le soleil d'été ce sol rougi du sang des blanches hosties
Recevez le salut de vos camarades noirs, Tirailleurs sénégalais
MORTS POUR LA REPUBLIQUE! [16, c.68]

Примите эту красную землю, под летним солнцем эта земля красна от крови белых жертв.
Примите привет ваших чёрных товарищей, Сенегальские стрелки,
ПОГИБШИЕ ЗА РЕСПУБЛИКУ!

Рассмотренные примеры свидетельствуют о сходстве средств ритмизации текста, присущих африканским, мадагаскарским и антильским поэтам. Они свидетельствуют о наличии системных типологических схождений

всей франкоязычной поэзии литературного региона – как континентальной, так и неконтинентальной.

В типологическом аспекте функциональным аргументом всей системы схождений следует полагать именно исторический фактор – как ведущий в формировании новой песенно-поэтической традиции африканских народов и мигрантов с континента. Глубокое генетическое родство африканских литератур, источником которого выступает фольклорная традиция, в переходный период становления национальных литератур является предпосылкой их типологии. Вопреки своей географической отдалённости от Африканского континента, поэтическое наследие Антильских островов, развиваясь под влиянием африканских учителей, хотя и представляя собой своеобразный фенотип этнически родственных креолов, сенегальцев и малагасийцев, во всех этих трёх случаях было обусловлено, следует признать, определённой гибридизацией общественного и ментального характеров. На этом акцентировал внимание и сам Л. Сенгор. Этот факт находит отражение в неповторимых национальных литературных формах. В частности, таким примером может служить хотя бы мадагаскарская хайн-тени (своеобразный аналог «частушки»), который встречается в творчестве Ф. Ранаиво, реминисцируется и у Сенгора из песенных поэм Западной Африки.

Аргументируясь наличием «встречных течений» ментального и культурно-исторического характера, типология схождений, что не менее важно, ферментируется именно лингвистическим фактором франкофонного билингвизма. Обращение к французскому языку подталкивает *билитературных* (термин Д. Дюришина [2, с. 248]) писателей Антологии, пользуясь средствами другого языка, выходить за национальные границы культуры, относительно синхронно формировать новый тип литературного письма как синтез собственной традиции с иноязычной цивилизацией. Со всей очевидностью за этим феноменом стоит диалектика контактной и типологической сфер современного литературного процесса.

Библиографический список

1. Веселовский А. Историческая Поэтика. – М. : Высшая школа, 1989.
2. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М. : Прогресс, 1979.
3. Жирмунский В. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – М. : Наука, 1979.
4. Конрад Н. Запад и Восток: Статьи. – М. : Наука, 1966.
5. Костенко Н. В. Українське віршування XX століття. – К. : Либідь, 1993.
6. Мальцева К. Образ іншої культури в кроскультурній комунікації // К. Мальцева. Філософська думка. Український науково-теоретичний часопис. – К. : Редакція часопису «Філософська думка», 2002.
7. Поэзия Африки (Библиотека всемирной литературы. – Т. 131) – М. : Художественная литература, 1973.
8. Український дольник : колект. моногр. / за ред. Н. В. Костенко; упор. О. М. Собачко. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013.
9. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспект Пресс, 1999.
10. Chamoiseau P., Confiant R. Lettres créoles : Tracées antillaises et continentales de la littérature 1635–1975. – Paris : Hatier, 1991.
11. Fongang-Kesteloot L. La poésie orale dans l'Ouest africain. URL : http://ethiopiques.refer.sn/spip.php?article137.
12. Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire : D'Hier à Demain. – Paris : Hatier, 1978.
13. Molinié G. Poéticité de Senghor : les «parallélismes asymétriques». URL : http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/igram_0222-9838_1987_num_32_1_2099.
14. Ranaivoison D. L'Anthologie et ses descendants : filiations et émancipation de la poésie dite noire // Senghor et sa postérité littéraire / Actes du colloque de Cerisy-La-Salle. – Sarreguemines : Université Paul Verlaine-Metz, 2008.
15. Senghor L. S. Anthologie de la nouvelle poésie nègre et malgache de langue française / Léopold Sédar Senghor. – Paris : Quadrige, 2001.
16. Senghor L. S. Oeuvre poétique. – Paris : Editions du Seuil, 2006.

Bibliography

1. Veselovskiy A. Istoricheskaya poetika. – M. : Vyisshaya shkola, 1989.
2. Dyurishin D. Teoriya sravnitelnogo izucheniya literaturyi. – M. : Progress, 1979.
3. Zhirmunskiy V. Sravnitelnoe literaturovedenie. Vostok i Zapad. – M. : Nauka, 1979.
4. Konrad N. Zapad i Vostok: Stati. – M. : Nauka, 1966.
5. Kostenko N. V. Ukrayinske virshuvannya XX stolittya. – K. : LibId, 1993.
6. Maltseva K. Obraz Inshoyi kulturi v kros-kulturnIy ko-munikatsiyi // K. Maltseva. FIlosofska dumka. Ukrayinskiy naukovo-teoretichniy chasopis. – K. : RedaktsIya chasopisu «FIlosofska dumka», 2002.
7. Poeziya Afriki (Biblioteka vsemirnoy literaturyi. – T. 131) – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1973.
8. Ukrayinskiy dolnik : kolekt. monogr / za red. N. V. Kostenko; upor. O. M. Sobachko. – K. : Vidavnichiy dIm Dmitra Burago, 2013.
9. Tomashevskiy B. V. Teoriya literaturyi. Poetika. – M. : Aspekt Press, 1999.
10. Chamoiseau P., Confiant R. Lettres créoles : Tracées antillaises et continentales de la littérature 1635–1975. – Paris : Hatier, 1991.
11. Fongang-Kesteloot L. La poésie orale dans l'Ouest africain. URL : http://ethiopiques.refer.sn/spip.php?article137.
12. Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire : D'Hier à Demain. – Paris : Hatier, 1978.
13. Molinié G. Poéticité de Senghor : les «parallélismes asymétriques». URL : http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/igram_0222-9838_1987_num_32_1_2099.
14. Ranaivoison D. L'Anthologie et ses descendants : filiations et émancipation de la poésie dite noire // Senghor et sa postérité littéraire / Actes du colloque de Cerisy-La-Salle. – Sarreguemines : Université Paul Verlaine-Metz, 2008.
15. Senghor L. S. Anthologie de la nouvelle poésie nègre et malgache de langue française / Léopold Sédar Senghor. – Paris : Quadrige, 2001.
16. Senghor L. S. Oeuvre poétique. – Paris : Editions du Seuil, 2006.

© *Сатыго И. А., 2014*

УДК 81.25

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В УЗБЕКСКОЙ АУДИТОРИИ

М. Хужанова, преподаватель; З. А. Каримова, преподаватель
Гулистанский государственный университет, г. Гулистан, Узбекистан

DIFFICULTIES OF THE STUDY OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS IN UZBEK AUDITORIUM

M. Huzhanova, teacher; Z. A. Karimova, teacher
Gulistan State University, Gulistan, Uzbekistan

Summary. In article speech goes about difficulty, meeting at translation of the phraseological units with English on Uzbek language. These difficulties are divided by author on four groups, each of which has their own particularities.

Keywords: phraseological units; translation; difficulties of the study and assimilations; semantics.

В обучении иностранному языку возникают некоторые трудности при изучении фразеологических единиц, которые проявляются при их сопоставлении с родным языком. Самая главная трудность при изучении английских фразеологических единиц в узбекской аудитории состоит в том, что структура английского языка существенно отличается от структуры узбекского языка, а также с генетической точки зрения эти два языка принадлежат разным языковым семьям. Как известно, если языки относятся к различным семьям, их грамматическая структура, система отличаются друг от друга. В узбекском языке это можно наблюдать в том, что в нём много аффиксов, что предложение обычно начинается именем существительным, а кончается глаголом, что в нём нет предлогов, артиклей и категории рода. А в английском языке, наоборот, имеются предлоги и артикли, а аффиксы не развиты.

Кроме того, ещё одна трудность при усвоении фразеологических единиц английского языка заключается в том, что их форма и значение отличаются друг от друга. Если мыслить логически, можно выявить некоторую схожесть, ассоциативность, но когда студенты слышат или встречают их впервые, они принимают только форму, а значения обычно полностью осознать не могут. Например, если перевести выражение «hot under the collar» на узбекский язык дословно, то мы получим выражение «ёқа остидаги иссиқлик», то есть «жара под воротником». А на самом деле, если исходить из значения, эквивалентом этого выражения является перевод «тепа сочи тикка бўлмоқ», что означает «волосы на макушке встали дыбом». Как видно, различие формы и значения порождает трудности при усвоении и переводе фразеологических оборотов. Как подчеркивали С. В. Влахов и С. С. Флорин, фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом – фразеологический перевод, либо иными средствами – нефразеологический перевод [2, с. 183].

В учебнике для национальных групп филологических направлений вузов «Инглиз тили ўқитиш методикаси» («Методика обучения английскому языку») авторы подчеркивают,

что трудности, встречающиеся при усвоении слов, прежде всего, исходят из самих слов, то есть их формы, семантики и применения, а также из связи родного языка с английским [1, с. 117]. Основываясь на вышеизложенном и выявив трудности, встречающиеся при обучении и изучении фразеологических единиц английского языка в национальных группах, мы пришли к мнению, что их можно разделить на четыре группы.

Первая группа содержит интернациональные выражения, фразеологические единицы, при изучении и усвоении которых студенты обычно не встречают трудностей и интерференций. Они знакомы студентам или встречаются в родном языке. К ним можно отнести такие выражения, как: *Achilles hell; flat broke; right now; as for me; house-wife*.

Характерным признаком второй группы является то, что они по своей форме и семантике присущи только тому или другому отдельно взятому языку. Сюда можно отнести: «to leave school» – узб.: *мактабни битирмоқ*; рус.: *окончить школу*; beat the hand – узб.: *жон жаҳди билан ишга киришмоқ*; рус.: *работать не щадя сил (набить руку)*.

Здесь имеется в виду форма выражения. Фразеологические единицы в этих английских выражениях начинаются с глагола. А в узбекском языке они начинаются существительным и кончаются глаголом.

Рассмотрим ещё одно выражение. «Big fish» – переводится на узбекский в значении *обрўли, катта лавозимдаги шахс*, то есть по-русски это будет *авторитетная, имеющая высокую должность личность*.

Если сравним эти два выражения, увидим, что в них имеется в виду семантическое значение, которое встречается только в английском языке. Выражение «big fish» в узбекском языке не встречается. Оно применяется в отношении высокопоставленных лиц в английском языке.

Выражения третьей группы встречаются в обоих языках, то есть и в узбекском, и в английском языке. Они в какой-то мере схожи между собой, а в какой-то мере и различны. Например, выражение «Cry over spilled milk» – переводится на узбекский как «Сўнгги пушаймон ўзингга душман» (рус.: «Последнее раскаяние тебе же враг»), а выражение «Give a ring» – переводится на узбекский как *сим қоқмоқ* (рус.: *трясти провод, т. е. телефонировать*).

Из приведённых примеров видно, что они отличаются только формой, а по значению похожи. Если перевести выражение «Cry over spilled milk» на узбекский язык дословно, то мы получим значение: «Тошиб кетган сут устида йиғламоқ» (рус.: «Плакать над убежавшим молоком»). Это значение в узбекском языке соответствует фразеологическому обороту «Сўнгги пушаймон ўзингга душман». Однако по форме строения они отличаются друг от друга. Поэтому при их применении у студентов встречаются ошибки.

Основу четвёртой группы составляет особенность иметь много значений. При этом некоторые выражения в английском языке по отношению к узбекскому языку полисемантичны. Например: «all thumbs» – переводится на узбекский как: *ўнғайсизлик, омадсиз кун, чап ёндан турмоқ* (рус.: *неловкое положение; неудачный день; встать с левой ноги*); «gift of gab» – *аравани қуруқ олиб қочмоқ, гапни бошқа томонга бурмоқ* (рус.: *убежать с пустой телегой; повернуть разговор в другую сторону*).

Рассмотренные английские фразеологические единицы нельзя определить каким-либо конкретным выражением. Такие выражения также рождают трудности у студентов при их изучении.

Таким образом, целесообразно проводить работу по изучению и усвоению фразеологических единиц на уроках английского языка у студентов национальных групп филологических направлений вузов Узбекистана. Для этого преподавателям необходимо разъяснять значение фразеологических единиц, область их применения, давать им полную характеристику. Конечно, принадлежность английского и узбекского языков к различным языковым семьям порождает различные концепты и образы в различных ситуация и контекстах. Но, несмотря на это, посредством сравнения, перевода, работы со словарями, работы над лексикой можно добиться успехов в усвоении фразеологических единиц.

Библиографический список

1. Ҳошимов Ў., Ёқубов И. Инглиз тили ўқитиш методикаси. – Тошкент, 2003. – 117 б.
2. Влахов С. В., Флорин С. С. Непереводимое в переводе. – М., 1980.

Bibliography

1. Hoshimov U., Yokubov I. Ingliz tili ukitish metodikasi. – Toshkent, 2003. – 117 b.
2. Vlahov S. V., Florin S. S. Neperevodimoe v perevode. – M., 1980.

© Хужанова М., Каримова З. А., 2014

UDC 8137

BRIEF REVIEW OF THE SYNONYMY AND EUPHEMISMS IN KAZAKH

Z. Zh. Kashkinbayeva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor; B. K. Maudarbekova, doctoral applicant; A. I. Makhanbetov, student
Zhezkazgan Baikonurov University, Zhezkazgan, Kazakhtan

Summary. As the works on the Kazakh language issues conducted in English or other languages are insufficient we have made an effort to study one of the interesting phenomena in the language and, particularly, synonymy and euphemisms. The speech of each person becomes more picturesque and expressive when one uses synonyms, antonyms, avoiding repetitions. In our paper we have analyzed the works of outstanding Kazakh linguists such as Bolganbayuly, Karayev and some others.

Keywords: synonymy; synonyms; euphemisms.

Background information: We have started the study of synonymy and euphemisms in 2008 working at our term paper and later developing the thesis. The works of the Kazakh linguists as well as the novels of well known Kazakh writers Abai Kunanbayev, Mukhtar Auezov were translated into English and analyzed from the point of view of the use of synonyms and euphemisms in them.

In linguistics, a synonym is a word of similar or identical meaning to one or more words in the same language. All languages contain synonyms. The state of being a synonym is called synonymy.

In spite of its' difference in writing, spelling and listening, synonyms are the words that are close (similar) in their meaning. *Әдемі – сұлу (beautiful, handsome, good-looking, pretty), жайылма – өріс, алыс – қашық (far, distant, not close, remote), батыр – ер (brave, courageous, valiant, fearless).* Synonyms mainly are made from 3 parts of speech – nouns (*кескін, келбет, пішін, бейне*), adjectives (*қайғылы, мұңды, қасіретті*) and verbs (*айту, жеткізу, сөйлеу*), also they can be made from adverbs (*шапшаң, тез, дереу*).

There are a lot of words in Kazakh language that differ on their structure, but similar on their meaning, for example: *жақын, таяу, жуық* – the meaning of these three words are close to each other, they all mean «the distance from one object to another that is not too far» [1; 16].

Definition of synonyms and their classification according to the Kazakh linguist Karayev M. A.

However, the synonyms are close to each other on their meaning, but there is at least a little difference and they could not always be used instead each other.

Synonyms while describing one notion, could be used in opposite or comparative meaning. For example: *Бет көрсе, жүз ұялады* (мақал). *Қауіп бар жерде қатер де бар* (мақал). *Залдың орта тұсында өңкей ажарлы қыздар, әрлі әйелдер отыр* (Ж. Аймауытов). In describing one notion from different sides two or more synonyms are used, for example: *Жылатушысы көп болса, уатушысы, жұбатушысы да мол болған ел сорлы бола ма?* (М. Әуезов) *Жақып езіліп, еріп, балқып кеткен сияқты болды* (Ғ. Мұстафин).

Synonyms in Kazakh could be used repeatedly, for example: *күш – қуат, құрбы – құрдас, ар – ұят, аман – сау, үлгі – өнеге, азып – тозу, өніп – өсу* etc. When two synonyms are used repeatedly, their personal meaning turns into one common.

In Kazakh if two similar (close in meaning) synonyms come together, the first one defines the last one and increases

its meaning. It is called *pleonasm*. For example: *Кең байтақ ел, айдын шалқар көл, қырмызы қызыл жібек, заңғар биік тау, орасан зор жұмыс, құр бекер жүріс* etc.

Synonyms can be used not only on separate words, but also in phraseological units, for example: *Қара қылды қақ жарған, қара қылды қырыққа бөлген* (Тең таразы, әділдік). *Аманым ақ сүтіндей – ақ еді, қарайтама деп қорқам. Қара қылды қақ жарғандай әділ еді, бұзама деп қорқам* (Ғ. Мұстафин).

In synonyms usage word periphrasis takes an important place. It means the definition use instead of the one word. For example: *Қазақстанның астанасы* instead of *Астана, Ақбілектің авторы* instead of *Жүсіпбек Аймауытов, қазақтың бұлбұл әншісі* instead of *Күләш*.

Sometimes borrowings from other languages could also be used as the synonyms to the words in the native language *сом – теңге, тұрба – мұржа, доктор – емші* – all the first words in these pairs came from Russian and *құрмет – сый, тағам – ас, табиғат – жаратылыс, мұғалім – оқытушы* – all the first words in these pairs came from Arabian.

So, synonyms are not words with the same meaning, but with the close. Synonym line is a group of two or more words close on their meaning that defines a definite notion. There is always a word in each line that could be the base for all others, they are called *dominant*, for example: the word *дүние* has 4 different synonyms line – *әлем, жаратылыс, зат, өмір*. Synonymy dominant is the word *«дүние»* [2; 43].

Definition of synonyms and their classification according to the Kazakh linguist Bolganbaiuly A

In comparison with the word's sound and meaning synonyms are the lexical – semantic devices that are opposite to homonyms. As the synonyms define one and the same notion they concern to one speech part.

Synonyms are grouped according to their following characteristics:

1. There must be at least a little difference in their pronunciation.
2. The words must mean only one notion.
3. The words must concern to only one speech part.

These three characteristics are the main criteria in synonym definition. Also synonyms that concern to only one part of speech come in homogeneous grammatical structure and replace each other in context are defined as the supplementary characteristics of synonym's definition. Synonyms are the words that have different pronunciation but the same meaning.

Synonyms are grouped according to their common meanings, i. e. if the words mean only one true notion they are called synonyms. The group of the synonym lines is the basis not only for comparing words but also for opposite distinguishing. But it is not certain that synonyms always have identical and equal meanings. Proximity of the words' meaning is very wide notion. For example, the words *той – мейрам – мереке – думан – тамаша* means joyful and wonderful times of human being. These words could be divided into two groups:

1. Public happy times (*мейрам – мереке*).
2. Happy days of individual family or of one village (*думан – тамаша*). And the word *той* could be concerned to both groups because this word is used both in wide and narrow meanings. For example: *Халық Абай тойын қызу қарсы алуға әзір отыр* or *Әшімбек баласының үйлену тойына дайындық жасап жатыр*.

As stated above, the words *семіру – шелдену – майлану – тойыну – жуандау – толу – қоңдану* that mean animal transition from thin condition to fat one could be divided into 2 groups according to their meaning proximity:

1. Synonyms that are concerned to human being (*жуандау – толу*)
2. Synonyms that are concerned to another living beings (animals) (*шелдену –*

майлану – тойыну – қоңдану). And the word *семіру is* common for both groups.

The group of words that is used as synonym is called **synonymic line** or **synonymic cell.** The one word in the whole line is defined as the basis for all others. In lexicology it is called **dominant** (supporting word). Dominant is used not only for uniting words according to their meanings but also for putting the line in alphabetic system order. Without correct dominant signifying we couldn't arrange synonyms into order. That's why in synonyms' dictionary (thesaurus) making correct dominant definition takes an important place. As the dominant synonyms is used only words with clear meaning and well-known to the people. The words in each synonymy line goes through two periods:

1. At first they unite according to their common meaning unity. For example, the words ас – *тамақ – дәм – тағам – ауқат* that mean nourishing matter of the human being firstly unite to one synonymic line.

2. Distinguishing the differences between these words.

Finding the differences between the words in one synonymic line is more complicated than finding common features that unite them. Synonyms are determined according to three –

1. Meaning shade.

2. Stylistic meaning.

3. Usage side by side with other words signs characteristics.

In distinguishing synonym meaning we should pay attention to the following characteristics:

1. The words in synonymic line could be in a higher or lower position according to their meanings. Synonyms are changed by gradation. For example, the meaning loading of the word *үскірік* is heavier than of its synonymic pair *аяз*.

2. The meaning of one synonym could be wider than the others'. For example, the meaning of the word *соғыс* is wider than *ұрыс*, or the meaning of *ұстаз* is wider than the meaning of *мұғалім*.

3. Synonyms could be defined according to quantity of their meanings. For example, the word *ат* is significant and its pair *ныспы* has only one meaning.

4. Synonyms could be defined as concrete and abstract. For example, *маңдай – пешене, іш – құрсақ, бала – перзент*. The concreteness of the first one is available.

5. Synonyms differ from each other according to their usage (non-usage) in the figurative meaning. For example, *көмей* and *көмекей,* the first one could be used in such word combinations as *пештің көмейі, тоғанның көмейі* and the second one can be used only concerning a human being.

6. Synonyms are distinguished according to their ability (disability) to form the new words. For example, *сапар* and *жол* the first one is used only in few word-combinations such as, *бір сапар, ұзақ сапар, сапар шегу* and its pair *жол* shows its ability to form a lot of words with the help of all kinds of word- formation *жолай, жолаушы, жолдама, жолдас, жолшыбай, жолақ, жолдау, жолбасшы, жолбике, жол – жоба, жол – жөнекей, темір жол, жол азық, жол ашар, жол аяқ, жол жүру* etc.

The stylistic meaning of the synonyms is tightly connected with its usage in different functional descriptions. The stylistic shades of the synonyms in the language are distinguished as the followings:

1. The shades that mean honor and respect. For example, the word *есім* is more honorary than *ат,* the word *отағасы* than *үй иесі*, *перзент* than *бала, қаза* than *өлім*.

2. Intensifying shades of meaning related to festivity notions. For example, *жүлде* is more intensive than *бәйге*, the word *мерекелеу* than *тойлау*, *азамат* than *жігіт*.

3. Poetic shades. For example, the word *асқар* is used more frequently in poetic style than *биік*, *қол* than *әскер, мәртебе* than *атақ*, *қаһарман* than *кейіпкер, шапақ* than *арай* is used it poetry more often than their second pairs.

4. Words with indecent shades. The one word in the synonymic line could define bad and the other one good notion, and make the whole line various. For example, the stylistic meaning of the word *сықпыт* in comparison with the dominant word *бет* is worse, the word *шолжың* than *ерке*, *шойнақ* than *ақсақ*, *азынау* than *жылау*.

5. Shades of sarcasm – the use of words or expressions to mean the opposite of what they actually say. People use sarcasm in order to criticize other persons or to make them look silly. It is used when somebody wants to give orders, show his power and acts very rude and swear.

6. Shades of neglect and ignorance. For example, *бұт артар* is instead of *көлік*, *еркек кіндік* is instead of *ер азамат*, *шүйке бас* instead of *әйел*, *шикі өкпе* instead of *бала* to show humiliating meaning.

Improper word usage shows mockery and irony. For example, if we say *мол қол*, *мырза* instead of *сараң*, *сабырлы* instead of *ұшқалақ*, *бойшаң* instead of *қортық*, *талдырмаш*, *and жіңішке* instead of *жуан* of it will show a joking meaning. A joke and laughter rises not from exact meaning of the word but from its usage in the wrong way. The Kazakh proverb «*Бұралқы сөз күлуге жақсы*» shows the love to kidding that resulted in national manner of speaking. The stylistic meaning get its rise from the speaking difference of every nation.

Synonyms are not used in similar relation not only in word combinations but also in phraseological units. For example, *биік* and *бойшаң* we say *биік тау* but we don't use the word combination *бойшаң тау*. The words *ер жету* and *бой жету* meaning one and the same notion but we use *ер жету* for boys, and *бой жету* for girls. For example, *Қыз бой жеткен соң, жігіттер ер жеткен соң, қыран бүркітше қиядағыны көзі шалып қырындайды* (С. Төлешов).

The meaning of the word is the phenomenon of the lexical system of the definite historical period. The synonymy relations of the language are always changing and developing. After changes in the society life some synonyms are being destroyed and the others are being appeared. That's why synonyms are determined as the historically changing semantic category. The Kazakh language is very rich in synonyms – there is no part of speech without synonyms. But the quantity of synonyms in definite speech parts may vary. Some parts of speech are very rich in synonyms (verbs, nouns, adjectives) and the others are very poor (numerals).

The synonyms in the language appeared in different ways. In the Kazakh language they are as following:

1. Synonyms are made from polysemantic words. For example, *арту – көбею – молаю; әлді – күшті – мықты – қарулы – әулетті – әндемді; әлді – ауқатты – дәулетті – қуатты – бай* etc.

2. Synonyms are made by means of different word-formation methods:

a) By means of affixes: *басшы – жетекші, жемқор – парақор, өнім – түсім, маңызды – мәнді* etc.;

b) From word composition: *ақсақал – отағасы, еңбекақы – жалақы, қанішер – қаныпезер* etc.;

c) By means of doubled synonymic pairs: *ат–тұрман – ер–тоқым, жоқ–жітік – кедей–кепшік, алқын–толқын – аумалы–төкпелі* etc.;

d) through word combination: *иіс су – иіс май, іш мерез – жылым құрт, көк ет – бауыр ет* etc.;

e) via homonymy: *тартпа – суырма, тартпа – төс айыл – алдыңғы айыл, табандау – ұлтандау, табандау – сіресу – қасарысу – қырсығу* etc.

3. Synonyms originate from the borrowings from other languages:

a) from Arabian words: *халайық (халаиқ) – халық, жұрт, көпшілік; ақиқат (хәқиқат) – шындық, растық; отан (уәтан) – ел, ту, ан жер* etc.;

b) from Persian words: *батыр (баһадор) – батыл, ер; шәкірт (шагирд) –*

оқушы; мейман (меһман) – қонақ; дихан (дәһқан) – егінші etc.;

c) from Mongolian words: *аймақ (аймаг) – өңір – атрап – тқңірек – маңай; үдере (өдер) – жедел, тоқтаусыз, жаппай; дархан (дархин) – жомарт, мырза* etc.;

d) from Russian words: *бөтелке (бутылка) – шыны; шен (чин) – атақ, дәреже, лауазым; сома (сумма) – ақша, баға, құн; кір (гиря) – таразы* etc.

4. Synonyms are made from dialectisms. For example, *аданас – аталас, ағайындас; дәйіс – ұятсыз, арсыз; сұлулату – піштіру, кестіру; тонау – сонау, анау* etc.

5. Synonyms became richer by means of phrase combinations. For example, *ат ұстар – ұл, еркек бала; қара халық – бұқара, еңбекші; ұзын құлақ – сыбыс, өсек; ат үсті – асығыс, үстіртін; насырға шабу – асқыну, қырылысу* etc.

6. Synonyms became richer with the help of taboos and dysphemisms. For example, *ит құс – қасқыр, қолды болу – ұрлану, жоғалу; күн байыды – күн батты, кешкірді; аяғы ауыр – жүкті, екі қабат* etc.

The synonyms in the language could be divided into three groups:

1. Semantic synonyms.
2. Stylistic synonyms.
3. Semantic – stylistic synonyms.

The type having a meaning shadow without limitations and that can be used in every sphere is called **semantic synonym.** For example, *абырой – бедел – қадір; азайту – алу – кеміту – шегеру; батыл – өжет, өткір* etc.

Stylistic synonyms are those that are close in their meaning but differ in their stylistic shadows. For example, *ат – есім – ныспы; бәсеке – бақас; жылау – еңіреу; өкпелеу – бұртию; жуас – бұйығы; таңертең – азанда* etc.

Synonyms in the language are different either in their meaning or stylistic shadows. Sometimes they differ both in meaning and stylistic shadows. Synonyms of this type are called **semantic – stylistic**. For example, *іздену – тімтіну; мақтаншақ – бөспе; тақия – төбетей – кепеш; сасу – иістену – мүңку – аңқу* etc.

Synonyms are the important and rich units of the word-stock. Only by learning all the richness of the synonymy in the native language we could express our feelings in all its aspects with the help of various synonymy shadows.

Synonyms are defined as the indicators of the language development and its manner. Synonyms take an important place in defining man's feelings, his mood and views to give them an exact and beautiful shadow. There are several rules in synonyms' usage in our language:

1. Synonym is used for avoiding the repetition of the same word that appeared before. For example, *Көл тартылар, дария сарқылар, бірақ Күнікейдің күші сарқылмас (Ғ. Мүсірепов). Елды бейбіт, жұртты тыныш етті (І. Жансүгіров). Қаладан қашық тұратын ауылға бәрі қат, бәрі зәру (Ә. Нұрпейісов).*

2. To describe one and the same notion with its different signs synonyms are used in opposite, comparative and composite meanings. For example, *Бет көрсе, жүз ұялады (мақал). Ақтамақ жымиса, ол ыржияды, Ақтамақ мырс етсе, ол тарқылдалдап күледі (Ғ. Мұстафин). Залдың орта тұсында өңке» ажарлы қыздар, әрлі әйелдер отыр (З. Қабдолов). Жасыл шөбің, жұмсақ көгің Жібек емей немене (С. Сейфуллин).*

3. Several synonyms are used with the aim to fully describe one and the same notion. For example, *Жылатушысы көп болса, уатушысы да, жұбатушысы да мол болған ел сорлы бола ма? (М. Әуезов) Дәл қасымызда үш бастау, қайнар бұлақ бар, соларды пайдаланайық дейміз (Ә. Тәжібаев). Жау әскерін тәжірибелі, әкі генералдар басқарады (Т. Ахтанов). Жақып езіліп, еріп, балқып кеткен сияқты болды (Б. Майлин).*

4. As we used synonyms separately, by turns, in pairs, in groups, so we can use them doubled. For example, *күш – қуат, аман – сау, өніп – өсу, ар – ұят, өткен – кеткен, даусыз – талассыз, қорқытып – үркіту* etc. When two synonymic words are used, the volume of the notion being described increases. For example, the double word *үлгі – өнеге* that means all the good qualities, the other double word *азып – тозу* groups all the shortages.

5. Two words of the close meaning in our language that come together and when the first one describes the other one and increases its volume, in linguistics it is called **pleonasm** or **pleonastic word combination.**

The usage of the synonyms in pleonastic method is more expressive than its usage separately (on its own). For example, *кең байтақ ел, айдын шалқар көл, қырмызы қызыл жібек, заңғар биік тау, зәулім биік үй, қызыл жоса қан, нән семіз жылқы, жайдары жарқан мінез, құр бекер жүріс, қас дұшпан, жасаған ие, пәни жалған, қыршын жас* etc.

6. Synonyms can be used not only in separate words, but also in phrase combinations. The phrase combinations take a significant place in describing our thoughts. For example, in the sentence *Кеңес Армиясы 1945 жылы неміс басқыншыларын талқандады* if we use the phrase combinations such as *жермен жексен етті, күлін көкке ұшырды* instead of the word *талқандады* our words make an expressive influence to the reader.

Қатерлі қауіп төнген күндер де өтті,
Ит жығыс бірде олай, бірде бұлай,
Сынасқан жаумен әбден сыралғымыз,
Атысып, шабысып та екі жылдай.
(Қ. Айнабекұлы).

Ойдың да шикісі бар күлді – көмеш,
Сүйкімсіз арам астай адам жемес.
Дүмбілез, дүбәрасы бар оның да,
Әрі–сәрі, не ол емес, не бұл емес.
(Ә. Оңалбаев).

In these above-given examples the phrases *ит жығыс бірде олай, бірде бұлай,* means «тең түсті, бірдей шықты», *әрі–сәрі, не ол емес, не бұл емес* is used instead of the phrase «дүмбілез, дүбәра, шикі, шала» and gives an extra advantage to the thought.

7. Synonyms can be used not only in the situation: a separate synonymic word for each individual notion, or doubled-word for a coupled-word, synonymic phrase for another phrase, but also in mixed cases. For example, *Гүлнәш апай ақтарылмады, шешіліп сыр шашпады (Т. Әлімқұлов). Жолыққан жанның бәрі де оған ат үсті, асығыс жауап берді (Ж. Жұмақанов). Әй балалық – ай, соған да қайғырады, – деп жұмсақтап, шайып – жуып айлаға көшті («Лен. жас»). Біреуді біреу баса көктеп, кимелеп барады сатушыға (Ғ. Мұстафин).*

8. Another method of synonym usage is **periphrases.** It means the use of the definition instead of the one word. For example, *«Абай жолы» романының авторы* instead of *Мұхтар Әуезов, қазақтың бұлбұл әншісі* instead of *Күләш, Қазақстанның астанасы* instead of *Астана*. The periphrases are used when we want to distinguish the definite quality of the object or notion. Sometimes they are also used for avoiding repetition of one and the same word, to vary the speech. For example, *Күн жиылып ай болды, он екі ай – жыл, жыл жиылып, қартайып қалғаны бұл (Абай). Аппақ көзі тым жіті, алыстан көретін қырағы болатын (Ғ. Сыланов).*

It's undoubtedly that *жыл–он екі ай, алыстан көретін қырағы* in the examples given above are the synonym periphrases. Sometimes periphrases can be used as the interpretation of the definition. For example, *Омар ондай емес, отпен кіріп, күлмен шығатын епті жігіт (Ғ. Мүсірепов). Күздің қоңыр бір күні, май тоңғысыз жып – жылы (І. Жансүгіров). Ермекбай әбден зарықтырып, көзге түртсе көргі-*

сіз қараңғы, жаңбырлы түнде суға, балшыққа малшына қайтты (Ғ. Мұстафин). In the given examples each phrase combinations define the next-standing words and give an expressive shadow.

This type of periphrases can be called as the increased mixed variety of pleonasms and phrases.

In the novel «Абай жолы» M. Auezov showed various methods of synonyms' usage. One of the examples is as following: *«Осылайша айналасы айықпаған сұр тұман, суық заман ішінде ұлы жан дүниеден көшті. Мағаштың қырқын беріп болған күннің ертеңінде Абай қаза тапты. Ұлы кеуденің ыстық демі тоқталды. Шөл даланы жарып аққан дариядай, игілік өмір үзілді. Сонау бір шақта тасты тақыр, жалтыр биік басына жалғыз шыққан, зәулім өскен алып шынар құлады. Өмірден Абай кетті»* [3].

The writer in the extract given above uses such metaphors as *ұлы жан, ұлы кеуде, игілік өмір, алып шынар* instead of *Абай* to pay an attention to the qualities that were inherent to the greatest poet with the help of periphrases. Instead of the rude word *өлді* he uses gentle euphemisms such as *дүниеден көшті, қаза тапты, демі тоқталды, үзілді, кетті, құлады.*

Taboos, euphemism and dysphemisms (from Bolganbaiuly A.)

The words that were prohibited to pronounce them directly according to the mythic popular belief are **taboos.** There was a wrong belief among the people of the ancient times that the object and its name have a direct connection with the nature. The mankind was obligated not to pronounce the name of the objects but to invent new names for the object in everyday speech. A lot of nations in the world have the words of this type. This habit was wide-spread among the Turkic people, especially Kazakhs. As a proof of historic event of this kind we can give an example – the myth «Аталардың аты»:

Баяғыда Аюбай, Түлкібай, Итбай деген үш ағайында адам өмір сүріпті. Бұлардың отырған ауылы терең сайдың ішінде екен. Күндердің бір күнінде ағайынды ақсақалдар үйде әңгіме – дүкен құрып отырады. Бір кездері иттері жабыла үріп, шулап қоя береді. Төрдегі ақсақалдардың бірі босаға жақта күйбеңдеп жүрген келінге:

– Шырағым, иттер неге үріп кетті, байқап келші, деп жұмсайды. Келін жүгіре басып далаға шықса, ауылдың арт жағында үлкен бір аю түлкіні қуалап барады екен де, иттері соған үріпті. Үйге қайта еңбек болған келін кенет: «Япыр – ау, мұның бәрі аталардың аты ғой, қалай атсам екен?» – деп қысыла – қысыла ішке енеді.

– Иә, балам, иттер неге үріпті? – деп сұрайды ақсақалдардың бірі. Сасқалақтаған келін.

– Ауыл сыртындағы аршалы бетте атекем тәкемді зыттыра қуып бара жатыр екен, осы ауылдағы жәкемдердің бәрі соларға қарап үріп жүр, – депті [4].

According to Kazakh traditions the daughter-in-law never called her husband's relatives by their names. She was obligated to give them another names (according to their age, habits etc.). For example, for the girls – *қара көз, бикеш, шырайлым, еркежан* and for the boys – *кекілдім, айдарлым, тұлымдым, шырақ, тетелес, мырза жігіт, төре жігіт, мырза аға, би аға.* If the name was bad she called it *аттеріс.* When giving a new name the daughter-in-law took into consideration the habits, appearance, character, talent to give the proper name. For example, she didn't call the kaiyn – ini (the younger brother of her husband) *тетелес* if he isn't of the same age with her. If the names of the older relatives were the same with the names of objects or notions she would invent new names for them. For example, *мінгіш* instead of *Жылқыбай, азбан* instead of *Қойшыбай, үлкен құс* instead of *Бүркітбай, қаптесер* instead of *Тышқанбай, баран* instead of *Қарабай, шаңқан* instead of *Ақберген.*

This notion can be met nowadays but now it is like an indicator of respect to the older people, but not as religious belief. It could be said that this kind of taboos is almost gone from everyday speech.

The other types of taboos in the Kazakh language are connected with the power of nature, illnesses and wild animals. For example, in Kazakh village at the time before the Revolution instead of the name of *sheshek* (*шешек)* illness people used *әулие, қорасан, мейман, қонақ* because they were afraid of catching this disease; instead of *қасқыр* they said *итқұс, қарақұлақ, серек құлақ, ұлыма* because they had a belief that *«қасқыр деп атасақ, естіп қойып, малымызға шабады»*; they called *жылан* as *түйме, ала жіп, ұзын құрт* because they believed that *«жылан десек, келіп шағады»*; *мал байыды, күн батты* instead of *мал сауылып бітті, күн байыды* instead of *күн батты, көбейейік* instead of *кетейік, қайтайық*. As the result a lot of new synonyms were invented instead of these notions. All of them have a specific stylistic meaning in a certain context [5; 108].

Summarizing, we can say that the subdivision of synonyms into euphemisms, dysphemisms and taboos is certainly not precise enough and does not reflect certain important features of these words, and, most important of all, their status as the part of speech.

Kazakh synonyms are divided into three groups:

1. Semantic synonyms.
2. Stylistic synonyms.
3. Semantic – stylistic synonyms.

The synonyms in English, Kazakh and Russian are similar in their usage, stylistic shades, in types of their connotations. The only difference is that in translating them, especially when you translate from Kazakh into Russian or English, there is no such an analogue, equivalent of it in other languages. One of the most important problems of synonymy is translation of synonymic words because while translating we cannot transfer the same meaning as in original language.

Bibliography

1. Karayev M. A. Kazakh Language (Kazakh Tili). Phonetics. Lexicology. Morphology. Syntax. – Almaty: Ana Tili, 2003.
2. Bolganbayuly A. Kazakh Lexicology. – A., 1979.
3. Auezov M. Abai zholy (Abai's Way). – Almaty, 1980.
4. Kazakhstan Ayelderi. – 1967. – № 7. – P. 27.
5. Zhubanov K. Kazakh Tili Zhonindegi zertteuler (Study of the Kazakh Language Issues). – Alma. Ata, 1961.

© Kashkinbayeva Z. Zh., Maudarbekova B. K., Makhanbetov A. I., 2014

UDC 81.119

KEY LEXEMES AND KEY CONCEPTS OF MATAPOETIC DISCOURSE OF G. APOLLINAIRE

R. V. Chvalun, lecture

Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Summary. This article gives an analysis of metapoetic discourse of G. Apollinaire in its development, we determined key lexemes which compose key concepts of metapoetic discourse, and it gives us an opportunity to disclose the intentions of the author concerning the creation of non-linear poetical texts (calligrammes).

Keywords: metapoetics; metapoetic discourse; key lexeme; key concept; art; poetry; calligramma.

Search of adequate ways of studying of language of poetry, the description of poetic system of prosaic, poetic and dramaturgic texts, idiostyle of the writer – one of the main problems in modern researches of the text. Comprehension of poetic system of a literary work it is appeal to statements of the author about language, about a creative method that, undoubtedly, approaches us to initial author's code. K. E. Stein gives the following definition of metapoetics: «**Metapoetics** is a poetics according to meta language (language-object is described with this language) and the metatext, poetics of self-interpretation by the author of his own or somebody's text. Thus, it is those texts in which the artist-creator acts as the researcher or the interpreter, entering dialogue with his own texts or texts of colleagues – other masters» [2, p. 21]. Stein defines two types of texts: the metatext «(the imply metapoetic text) – is the system of metaelements presented in the most poetic text, defining conditions, conventions, character of the message, and also comments to process of writing of this text, its genre, to a work form» [2, p. 19] and the metapoetic text: «The concept of the metapoetic text is broader. The metatext is in system of the poetic text, it is the metapoetic imply text. It is possible to explicate this text in order to obtain metapoetic data as it is in the text. And articles, essays, remarks on creativity, in this case poetic, treatises, researches which the artist writes about his own creativity and creativity of other poets – this is actually metapoetic text as it contains the developed data on the text creativity» [2, p. 20].

When studying metapoetics of the author it is necessary to pay attention that it is closely connected with epistemology. «The literary text is included into coherent structure of ideas of the time, but also in many respects mediates it, concentrating the main informative tendencies and values. Thus existence of conceptual system which will force us to see a work of art at the same time both as internally structured and as being part of the bigger structured world – culture or its any part» [2, p. 41]. The metapoetics of the author has to be considered in interrelation with the main directions of his thought surrounding, then we will receive fuller picture of his metapoetic views on creativity, art and its role that is reflected in the key words of a metapoetic discourse – especially important and indicative words for a certain fragment of a discourse.

Profound changes in literature and art happened in the XX century, there were many new ideas, and literature radically separated from the previous period. Close interaction of different types and directions of art was defined by the spirit of that time.

Many writers and artists directed at the beginning of the century to Paris to

meet and discuss revolution in art and literature. Such meetings weren't in vain; among them G. Apollinaire's meetings with P. Picasso and R. Delaunay were special. Then Apollinaire starts working over studying of interaction, correlation of literature and other forms of art. Paris of the beginning of the XX century was flooded with writers and artists who united for new fulfillments. Thus, «belle-époque» can be called the era of changes. Not only rapid technical progress influenced all aspects of life, but also cultural and spiritual.

The simultaneity was a characteristic feature of that period, i. e. not consecutive evolution of ideas, but parallel, simultaneous development of essentially different art systems. The general tendency of time consisted in an art autonomy: «Max Jacob: «The value of a work of art is in itself, but not in alleged comparisons with reality» [3, p. 64]. Close interaction of the French artists and poets, art criticism, led to an interlacing of the French literature and plastic art.

Apollinaire was the critic of vanguard of that era, his articles were more and more printed in magazines *Les Poèmes de l'année, conférence, 1909., Les Poètes d'aujourd'hui, conférence, 1909., Le Théâtre italien, encyclopédie littéraire illustrée, 1910, La Peinture moderne, 1913., Méditations esthétiques. Les Peintres cubistes, 1913., L'Antitradition futuriste, manifeste synthèse, 1913. «L'Esprit nouveau et les poètes»1918*. He paid special attention to any art events and was familiar with many artists.

Among all the artists Picasso was the most significant for Apollinaire, the poet writes about it: «Alors, sévèrement, il a **interrog**é **l'univers**. Il s'est habitué à l'immense lumière des profondeurs. Et parfois, **il n'a pas dédaigné** de confier à la clarté **des objets authentiques** une chanson de deux sous, un timbre-poste véritable, un morceau de toile cirée sur laquelle est **imprimée** la cannelure d'un siège» «Un Picasso étudie un objet comme un chirurgien dissèque un cadavre» (So, he strictly asked the Universe. He got used to immense light of depths. And sometimes, he didn't neglect to get in touch with clarity (light) of original objects: the song worth two sous, postage stamp, and piece of an oilcloth with a print. ...The Picasso investigates object as the surgeon who dissects a dead body) [4, p. 22].

In Picasso's characteristic as artist Apollinaire uses the following key lexemes in a metaopetic discourse: interrogé (to ask), l'univers (Universe), il n'a pas dédaigné (not to neglect), des objets authentiques (original objects), étudier un objet (to investigate a subject). Thereby the author states both the attitude toward art and roles of the artist-creator in it, speaks about his tasks and the purposes, determining priorities of his activity.

Apollinaire considered Picasso not simply as artist and friend but as a creator of the art setting global tasks and working through usual things from all the Universe, everything that surrounded him became a subject of his creativity, not only oilcloths and stamps, but the Universe which he asked and investigated at the same time. The author compares Picasso to the surgeon dissects a dead body, and thus he draws parallels with the world of art in which the artist investigates (opens) a universe (a corpse of the person).

Apollinaire was fond of «l'art nègre» art which didn't adhere to norms of a classical esthetics. The constant exchange of ideas between artists marked attempts to association. Apollinaire writes about Georges Braque and his esthetic purpose and the creative act: *Ce **peintre** compose ses tableaux selon son souci absolu de pleine **nouveauté,** de pleine **vérité.** Et s'il s'appuie sur des moyens humains, sur des méthodes terrestres, c'est pour assurer **la réalité** de son **lyrisme.** Ses toiles ont l'unité qui les rend nécessaires*. (This artist makes the pictures according to the absolute care of the full novelty, the full truth. And if he leans on human means,

on terrestrial methods, it is to confirm reality of his lyricism. His pictures have a unity which does them necessary) [4, p. 112].

In the statement about Braque the author emphasizes exclusiveness and high mission of the artist, using key lexemes with strong semantics: peintre (artist), nouveauté (novelty), vérité (truth), réalité (reality), lyrisme (lyricism).

At the end of 1913 Apollinaire is engaged in new types of synthesis of arts and comes to creation of poems-conversations, synchronous poems, «calligrammes» or as he them called earlier «idéogrammes lyriques». «Calligrammes of Apollinaire represent a complex non-linear text... The semantics of calligrammes is ambiguous and it has at least two levels» [1, p. 220]. These poems reminded by the art form of desire of the author to connect a picturesque form and verbal expression. So, the first name of the collection of poems «Idéogrammes lyriques» put the lyrical value of works on the first place, showing communications between new lyricism and new painting: «C'est que chez Matisse l'expression plastique est un but, de même que pour le poète l'expression lyrique » (Plastic expression is the purpose exactly for Matisse, and for the poet – lyrical expression) [4, p. 100].

Apollinaire was completely absorbed by new means of enrichment of the art language, lyricism. For definition, so-called, new lyricism Apollinaire used many own terms, nonce words, such as: orphism, surrealism. So the term «orphism» relating both to poetry and to mysticism, was for the author, some kind of analog of the term «cubism»: ***Orphisme*** *ou* ***surnaturalisme****, c'est-à-dire un art qui n'est pas le* ***naturalisme*** *photographique uniquement et qui cependant soit la nature, même ce qu'on en voit et ce qu'elle contient, cette nature intérieure aux merveilles insoupçonnées, impondérables, impitoyableset joyeuses.* (Orphism or supernaturalism (supernatural), this art which isn't only photographic naturalism and the nature, but that is possible to see in it and that it contains, this is internal nature in relation to unexpected miracles which are weightless, ruthless and joyful) [4, p. 989].

Apollinaire continued the searches new, surveying everything that happened in Paris at the beginning of the century. Apollinaire came to Marinetti's futurism and accepted it. He wanted innovations, something absolutely unlike the previous art, in fact, he wasn't a futurist, though took part in writing and release of the manifesto of this movement. Apollinaire adhered to the way, he experimented with creative style which «was inspired» and which all styles and genres at the same time influenced. In *Le Manifeste de l'Antitradition futuriste* (1913) Apollinaire insists on desire of the poet to take part in literature modernization, in finding of new means of poetry: «Ce moteur à toutes les tendances impressionnisme fauvisme cubisme expressionnisme pathétisme dramatisme orphisme paroxysme DYNAMISME PLASTIQUE MOTS EN LIBERTE INVENTION DES MOTS» (This engine in all tendencies impressionism a fauvism a cubism an expressionism pathetics dramatic nature an orphism a paroxysm PLASTIC DYNAMISM WORDS IN FREEDOM THE INVENTION OF WORDS) [4, p. 937–939].

Apollinaire speaks about poetry greatly, and characterizes it from the different points of view, Apollinaire's poetry is a poetry of today «**la poésie d'aujourd'hui**». The author uses a big range of the nominations for definition of this type of arts: «***lyrisme***» lyric poetry, «***l'expression lyrique***» the lyrical expression, «***le domaine***» the domain, «***l'imagination***» the imagination, «***les énormes espaces imaginatifs***» the infinite spaces of imagination, «***le domaine littéraire***» the literary domain, «***le vers libre***» the free verse, «***un libre essor au lyrisme***» a rapid growth of lyric poetry, «***le domaine de la forme***» the domain of a form, «***un lyrisme visuel***» a visual lyric poetry, «***des ouvrages***» works, «***une activité***

poétique toute nouvelle» absolutely new poetic activity, «***les expériences littéraires***» the literary experiments, «***un domaine de l'esprit nouveau***» a domain of new consciousness [6, p. 385–396]

We find various receptions of the nomination of the key concept «**poésie**» which express Apollinaire's relation to such wide term as poetry in metapoetic texts of the author and shows author's characteristics; Apollinaire's poetry is multifaceted, this is a comprehensive concept which includes both literature, and art, both consciousness, and culture, and progress. Use by the author of epithets in nominative combinations gives us wider picture of the concept «**poésie**» of Apollinaire's metapoetics. The author gives the positive characteristic of the concept «**poésie**», defining it as new, lyrical, literary, free, and visual.

The concept «**poète**» takes a special place both in metapoetic texts of the author, and in his life. Apollinaire himself was the poet therefore, it is necessary to pay attention to how the author treats this concept, how he nominates it, and what place does he give to the poet in life of all mankind. Nominative combinations of the concept «**poète**» are as follows: «***le peintre***» the artist, «***nos écrivains***» our writers, «***le poëte d'aujourd'hui***» the poet of today, «***les hommes du beau***» the people of fine, «***les hommes du vrai***» the people of truth, «***les poëtes modernes***» the modern poets, «***les poëtes de la vérité toujours nouvelle***» the poets of always new truth, «***les inventeurs***» the inventors [6, p. 385–396].

Thus, the concept «**poète**» of Apollinaire's metapoetics covers a number of lexemes: artist, writer, poet, person, and inventor. The author uses the epithets containing as seme «culture» – fine, modernist (modern), and seme «time» – today, always, and seme «reality» – truthful, true.

The third key concept of metapoetics of Apollinaire is «**art**». Art from the point of view of Apollinaire penetrates human life, forms his personality, having given him the true purpose, and having shown world around. In Apollinaire's metapoetics the concept «**art**» is nominated by means of the whole scattering of lexemes and lexical combinations: «***des objets authentiques***» original objects, «***la nouveauté***» the novelty, ««***la vérité***» the truth, «***la réalité***» the reality, «***l'expression plastique***» the plastic expression, «***l'expression lyrique***» the lyrical expression, «***la nature***» the nature, «***cette nature intérieure aux merveilles insoupçonnées, impondérables, impitoyables et joyeuses***» this internal nature of unexpected, weightless, ruthless and joyful miracles, «***un univers***» the Universe, «***mouvement de la nature***» movement of the nature, «***les syntheses***» synthesis, «***l'inconnu***» unknown, «***la surprise***» the surprise, «***l'inattendu***» unexpected, «***le nouveau***» new, «***l'esprit nouveau***» the new consciousness, «***des explorations***» researches, «***les recherches***» searches [6, p. 385–396].

Thus, it is possible to call the concept «**art**» of Apollinaire's metapoetics rather extensive as it is expressed by the lexemes relating to different semantic groups, among them we emphasize the following

1) novelty, new, unknown, surprise, unexpected;
2) synthesis, search, research;
3) reality, truth, consciousness;
4) universe, nature;
5) expression, objects, movement.

Epithets which are used by the author, represent the main lines of art according to Apollinaire: *plastic and lyrical*, the poet used both painting, and literature in the works, the idea of synthesis of arts lies in his definition of the concept «**art**»; *unexpected, weightless, ruthless, joyful* – art comprehensive, inconsistent, the author gives it a positive assessment.

Thus, Apollinaire's metapoetics gives us an idea of internal work of the author on the works, and his views on the poetic word, a role of the poet in society,

the purpose and problems of poetry and art. Here we see the basic principles of poetry of Apollinaire, structure of the organization of a poetic and art material, interrelation of the key elements which are the center of metapoetics of the author, and the principles of creation of poetic texts of Apollinaire.

Bibliography

1. Чвалун Р. В. Каллиграмма Г. Аполлинера «La cravate et la montre»: графика, семантика, метасообщение. Филологические науки // Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4–1 (22). – С. 217–220.
2. Штайн К. Э. Метапоэтика: «Размытая» парадигма // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса : Антология: В 4 т. Т. 1. XVII–XIX вв. Барокко. Классицизм. Сентиментализм. Романтизм. Реализм / под ред. К. Э. Штайн. – Ставрополь, 2002.
3. Россия – Франция. Проблемы культуры первых десятилетий XX века : сб. статей / под общ. ред. И. Е. Даниловой. – М., 1988.
4. Guillaume Apollinaire. Oeuvres en prose, II. éd. par Pierre Caizergues et Michel Décaudin. – Paris, 1991.
5. Le nouveau Petit Robert de la langue française. 2007.
6. Mercure de France, L'esprit nouveau et les poètes. Guillaume Apollinaire. № 491. – Paris, 1918.

Bibliography

1. Chvalun R. V. Kalligramma G. Apollinera «La cravate et la montre»: grafika, semantika, metasoobschenie. Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki. – 2013. – № 4–1 (22). – P. 217–220.
2. Shtayn K. E. Metapoetika: «Razmyitaya» paradigma // Tri veka russkoy metapoetiki: Legitimatsiya diskursa : Antologiya : V 4 t. T. 1. XVII–XIX vv. Barokko. Klassitsizm. Sentimentalizm. Romantizm. Realizm / Pod red. K. E. Shtayn. – Stavropol, 2002.
3. Rossiya – Frantsiya. Problemyi kulturyi pervyih desyatiletiy XX veka: Sb. statey / Obsch. red. I. E. Danilovoy. – M., 1988.
4. Guillaume Apollinaire. Oeuvres en prose, II. ed. par Pierre Caizergues et Michel Decaudin. – Paris, 1991.
5. Le nouveau Petit Robert de la langue francaise. – 2007.
6. Mercure de France, L'esprit nouveau et les poetes. Guillaume Apollinaire. – № 491. – Paris, 1918.

© Chvalun R. V., 2014

UDC 894.322

REFLECTION OF BANNED PERIOD TRAGEDIES IN THE EPOS «WAITING DISTANCE» BY UROZ HAYDAR

D. Bahriddinova, senior teacher

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. In this article there is given some information about the reflection of banned period tragedies in the epic poem «Waiting distance» by an Uzbek poet Uroz Haydar, poet's poetic skill in expressing banned period tragedies.

Keywords: literature; ban; tragic nature; poem; lyrical hero; poetic cliché; poem's artistic value; poet's skill.

The Chinese writer Mo Yan who was awarded with Nobel prize in literature field in 2012 said in his lecture «the best way of expressing the words in the depth of your heart is writing them on the paper». The thing which impresses, encourages the writer is the first factor that makes him write. The main important thing is that the novel which is going to be written springs up with its topic and genre. The poet Uroz Haydar's epos «Waiting distance» belongs to such type of the novels. The epos is written about the banned period victims and tragedies. One of the modern Uzbek eposes which reflects 37th years tragedies with all details is the epos by Zulfiyakhonim titled «Pieces of my memory», the second is «the waiting distance» by Uroz Haydar. Both of the novels have biographic character.

Zulfiyakhonim's epos «pieces of my memory» was dedicated to her brother who was victim of the banned period, and Uroz Haydar's epos «Waiting distance» was dedicated to his grandfathers' memories who were victims of the banned period too. In the epos the personality of the author takes the leading place. The poet feels the happened event through his soul prism. The legend is narrated by the poet. In the epos expressing the attitude to the events is more leader than depicting them. It doesn't appear just as a narration of the events. «Waiting distance» – is the poet's first big novel in the poetry. The epos, written with interminable hatred and grief, warns us about the implement of the waiting distance there in which country the meanness and brutality are the bases of the society; it is said that «It was the period when the words which should be said were impossible to be said, mouthes were sewed with the thread of fear». As in the novel «Chronicle of a Death Foretold» by Gabriel Garcia Marquez the whole society was the participator of the brothers Vicarious' murder, actually, people's being indifference, not fighting against existed unfairness and violence, being kept as spectators without doing anything is also tragedy, and it is shown in the epos. The author started the novel with the part titled «My father's story». There the symbol of the father is given not only as the narrator of the events in the name of his father and grandfather, but also as the experienced wise person who teaches the mankind the past days experience.

By 37th years the Party lost its authority and became dependent to NCIA (National Commissariat of Internal Affairs). Because all arrests, executions were fulfilled by this organization. «As the result of the politics realized on the base of the instruction given by Stalin like «when the socialism strengthens, the class struggle also aggravates», the people, who were under their hands, were expelled mercilessly, pitilessly. The people faced the extreme famine, starvation and mass slaughter, massacre» [1, p. 183]. This dreadful expel, the massacre hounded billions of people to death. The poet equalizes the country with

the land built with the dead. The French poet Annerie Mischo who heavily fought against fascism says «Our way is lost dog's way». Instead of glorifying the greats, they killed them. As a result, the society was left on the hands of traitors, cursed, damned and irresponsible people. Such kind of people can throw stones at any people. They may throw the stone even at their fathers. Executioners, the sponsors of the cruelty, destruction, looked at the country, which sank from «the respected board» into famine and mass, happily and with satisfaction.

All used to look through the mirror
To the mumbling life as a dying old man
There is a spectacle without spectators

No, on the contrary, there were spectators. The people used to keep silent. The ex – «people's enemy», Said Ahmad in his talk with U. Hoshimov said «Telling the truth, there was some hesitations before, when someone was said to be spy, nationalist, we haven't known it. I believed in that accused person's guilt. After being accused as the people's enemy, I began to realize that such gossips were just slanders» [1, p. 210]. And the nation used to believe in everything said by authorities of that period. «As a result of being too trustful, not only some people but also the whole nations and countries were abolished. And this is a real tragedy» [1, p. 212]. The most painful thing is that not only the common people but also the educated people used to believe in that formation, in its fairy tales. But the very people became the first victims of the massacre:

Oh, massacre – the most disgusting creature,
In the clutches wit and intellect!!

Everyone who knows a little, has a little knowledge, differs the letters was included in the black list, made ashamed. «The revolutionary committee named The world-wide Communism lasted more than seventy years. During this period hunting and chasing the educated and talented people wasn't stopped even a day at all [2, p. 91]». The black kingdom, reign continued throwing its black bouquet with rage. People existed with fear thinking of «who wears the next death wreath». Pay attention, they don't live, they just exist, because, the blood-sucker massacre has already turned this country into the bruise.

The war finished, but the peace days,
Are much more dangerous than the war terror.
The fear circle goes round night and day,
The hope burns your soul like boiling water.

«The tunes sounded in the death valley» aimed to liquidate the thousands of people. As the poet writes, «Neither West nor East – the address was not clear». «Because the country which Stalin wanted to built turned into a ship with no direction to sail, this ship's engine took the energy from the murders of the thousands, billions, ten billions of people that were put in its fire-chamber» [3, p. 138]. The victims were people «who wore wanderers' coat because of singing about the mother land». The leaders of the foxy community always cried requiring not to be frown, asking to smile even though they didn't want it. They showed them how to live, how to behave:

You all are convicted to smile again,
Sobbing is alien in our free country,
Decorate the day's stand with your laughter.

The governing principle of this brutal person is much more cruel than Elizavetta's governing, worse than Rome's Imperator Gay Caligula'a principles. «Nations father», like Caligula, wished to keep people around himself with fear, wished them to pray him obediently. The blind began to lead the whole nation with the crozier in their hands. They wanted them to be burnt in the darkness fire and ordered to set the sun off. Here setting the sun off has symbolic meaning. The extinction of the sun

means extinction of the science-enlightment. The atheists, who announced themselves as Gods, strived to expel God from the hearts of the people:

God doesn't make your full, we will do it,
God doesn't have hands to plant the crops.

The situation reached to the level, muslim sons stopped having the prayer for the repose of their fathers'soul read, when their fathers died. They had their fathers buried without the prayer. «The midwife of this bloodshed, atheists» (Zulfiya) wanted to see everyone in the cloth of atheism. Studying the poet like Alisher Navoi as «the royal poet», «people's poet», the eposes being published without hamd (the part devoted to Allah) and na't (the part dedicated to the prophets) were results of these events. Their aim was changing the people into mankurts (obedient slaves) by separating them from their spirituality, religion, literature. As the mankurt who rejected working was frightened with threatening «to touch his head», they kept the people under their control threatening them with the accusation of «people's enemy», «nations».

The famine dominating in the country sucked people's blood like a leech. In those God cursed days when «Food was God, bread was prophet» people looked as spirits. But in the paper, for those who were living with the thought of people starving was a stranger. «Every day while signing different papers of different spheres serving in the Kremlin, the requirements of the central Committee canteen, Lenin observed the types of the distributed foods to them very carefully. Of course to the types of these foods three kinds of caviar, various kinds of the meat, sausage, cheese, rare fish, mushrooms, three types of coffee were included» [3, p. 5]. People were not even so valuable as the fox breathing the fresh air cause of being full, a fat sparrow which stopped flying.

Till people turn into insect,
But cut his wings, without any doubt,
Let him forever be deprived of flight.

There is narrated one legendaries event in the talk- book named «Moans of the hunter stayed on the hill» by Chingiz Aytmatov and Mukhtor Shokhonovs. «One day Stalin gathered all his cadres in his room, «I see you are thinking over how to lead the people. The head of the government is not God, but not lower than God. What should you do to make the whole people under your hand obey you? Now I will show you...» he took a hen in his hand and plucked its feathers brutally, then he put it on the ground. When the poor Hen goes to sun, the sun burns it. When it goes to the shadow place, it is cold. Unwillingly, it comes under Stalin's feet. Stalin takes handful wheat out of his pocket and gives it to the hen. Now, the hen gets used to following after him. «The people should also be plucked like this hen. After that it will be easy to lead them» [4, p. 159], – said «the genius». This was the main aim of the massacre?! In result, this country became nest for the crows. The followers of this formation fell in the same situation with the girl, who died because of the praist who spreads the human ology science in the epos. Slaughters of massacre cry hanging sabre over the head of the nation:

«We lied God,
Was lied God!» –
Cry a gang of imps. –
We had the atheistic cloth worn in the soul.

«If the religion is squeezed from the life of the person, there appears the chaos which cannot be replaced with anything» [4, p. 164]. As it was expected the chaos appeared. Now, their aim is just filling this gap with anything suitable for them. So they filled it. The people began being afraid of them as they were used to being afraid of God. And they burnt our books. They deprived us of our many centuries history. They clearly knew that in enlightened mind may awaken rebel. Then they maintained the devils committee and selected the crow as a leader for them. Nightingales were condemned to silence

forever. The worst thing, «one hundred and five years of despotism, among them seventy five years of living under the ideology pressure, agitations and pressures like «You were not developed, we taught you», later «there doesn't exist God, there exists only communistic party», «there isn't any heaven, there is communism» which were continuously held in the period, unfortunately, influenced on some people's behavior» [5, p. 166]. They deprived the people of dreaming about freedom. «Every citizen of the poor people must be banned of thinking» was ordered.

The poet writes with grief:
Another shepherd is leading my flock of sheep,
Using my shepherd stick
Wanted to cry but they banned,
Even sighing seems to be a crime.

The people, who became owners of someone's flock of sheep, began to be stuffed in the pond which is full of milk. Because the kingdom filled with blood requires more blood:

It cannot breathe in fresh air,
The smell of blood returns it to life.
Blood is needed, needed blood! Human's blood,
It is toxicities to human's blood!

The ancient history witnessed to a lot of events like this. Hungarian countess Elizvetta Bator who lived in XVII century enjoyed having a bath in the bath full of girls' hot blood. For the sake of her wish she sacrificed 650 peasant girls' lives. Or lets take Zahhok, the hero of «Shohnoma» by Firdavsiy, on whose shoulder grows snake. We shouldn't take it like just a legend. In «the false story which narrates about the truth» the snakes grown on the shoulder of the shah isn't greediness? The blood-suckers who breathed in the bleedy air said so:

«It is good that massacre exists.
Waiting distance continues»

The sentences beginning with Oh, massacre... which is used 28 times reminds us poetic cliché in the people's eposes. They provide the peculiar composition of the novel. The forming of the novel's composition in this way increased the aesthetic effect of the epos, and turned into novel's leymotive. The poet yells:

Oh, massacre – oh, sinful,
The God is forgot land!
Such kind of situation is also given in «Pieces of my memory» by Zulfiyakhonim:
«You are a person, raise your head» isn't said.
Were you disappointed with us, the lord?

«We know it well from the history of the world literature that many great masters of the word feel themselves close to God, indulge before God, and sometimes dare to argue with God» [6, p. 35]. These ideas aren't hesitation in the belief to God, in contemporary; it looks like asking sorry instead of the people who forgot God. As it was said «whatever conquers our soul, our spirit adjusts to it gradually» [7, p. 417], we forgot God. We turned into the people without belief. We were used to being only labor forces. At midnight when all are sleeping the peasant goes barefoot through the furrow:

He is attached to the field night and day,
He is responsible for feeding
Everyone except himself.
Don't say you are free, never praise him
His freedom is bitten by the fly.

The uzbek peasant, who was responsible to feed everyone but himself, was exploited cruelly at that period. Our writer Odil Yokubov raised this problem in one of the congresses which held in Moscow in 1988, when he took a word with the help of our president Islom Abduganiyevich Karimov. He spoke about the following influences of cotton monoculture: destroying of gardens, as a result of the spread chemicals over the peasants' head the number of people suffering from hepatitis,

cancer, anemia is increasing, the birth of invalid children, the number of committing suicide increased in the last years. Moreover, 500 women made fire to commit a suicide. But we should say honestly, the stonehearted farmers who protected their generation from the hard-work of cotton fed their slaves well in order to get healthy generation of the slaves. Immediately it came to light that the American exploiters, who were always blackened by the soviet ideology, are unskillful new learners before the Soviet exploiters [8, p. 362], said Odil Yokubov. Of course, in this case he was right. Thanks for God, today our country achieved the days of our ancestors dream, the country turned into the happiness cradle. Looking back at the past days the poet says:

As the wit of the person becomes pitiless
He makes himself ready to death, what a pity.
In order that the blood doesn't spill on the bread,
In order that in peace days the earth
Doesn't vomit from the bad smell of the dreadful
War when the waiting distance continues,
Somewhere begins again massacre.

«Waiting distance» is an epos which glorifies the human, nation and freedom. In order to understand in what way the people become happy, we should study the position of the unhappy people too. While discovering what we need to be happy, we will learn what the happy people have and own [9, p. 90], – said French enlightener Jan Jack Russo. Really, in order to value today's happy days, we should have a look at the past days. The epos «Waiting distance» is very valuable novel for us, exactly, in this point.

Bibliography

1. Aymatov Ch., Shoxonov M. Moans of the hunter stayed on the hill: (The appeal mercy said at the end of the century) // Trans: N. Boqiy, Yo. Khujamberdi. – T. : Sharq (East), 1998.
2. Borev Yu. About tragedian (О трагическом). – M. : Soviet writer(Советский писатель), 1961.
3. Bunich I. Gold of the Party. (Translated by O. Sharafiddinov). – T. : Ma'naviyat, 2005.
4. Jan-Jack Russo. About the happiness of the people // World literature. 2012. August.
5. Normatov U. The independent world of the writer. – T. : Mumtozsuz (Classical word), 2008.
6. Nurillo Muhammad Raufkhon // Tafakkur. – 2013. – № 3.
7. Sharafiddinov O. The happiness of realizing creating. – T. : Sharq, 2004.
8. Shentalinskiy V. Hunts in revolutionary committee // World writers about literature (Translated by O. Sharafiddinov). – T. : Ma'naviyat, 2010.
9. The reign of fear. Talk with Said Ahmad // Hoshimov U. Strange island. – T., 1990.

© Бахриддинова Д., 2014

Pedagogické vědy

УДК 612.822.3.612.089-078

МОНИТОРИНГ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Бабенкова, Р. А. Пархоменко, учитель

Институт возрастной физиологии Российской академии образования, Средняя общеобразовательная школа № 898, г. Москва Россия

MONITORING IN THE NEW CONDITIONS OF THE MODERN SCHOOL – ONE OF THE FACTORS INCREASING THE QUALITY OF EDUCATION

E. A. Babenkova, R. A. Parhomenko, teacher

The Institute of Age Physiology of the Russian Academy of Education, Secondary school № 898, Moscow, Russia

Summary. The main condition for increasing the efficiency of health protection is the social order of the state. Creating the model of the technology of recovery in the secondary school combines education with work on the preservation and strengthening of health of students.

Keywords: monitoring; school; standards; education; health.

Современная педагогическая наука и практика поставлены перед необходимостью перехода от традиционных способов сбора сведений о школе, об учителе, об ученике к педагогическому мониторингу. Это целенаправленное, специально организованное, непрерывное слежение за функционированием и развитием образовательного процесса или отдельных его элементов в целях принятия современных адекватных управленческих решений на основе анализа собранной информации и педагогического прогноза.

Актуальность проблемы выражена в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Основные направления президентской инициативы «Наша новая школа»:

1. Возможность раскрыть способности учащихся, подготовиться к жизни. Обновленное содержание образования. Новое поколение образовательных стандартов.

2. Разветвленная система поиска и поддержки талантливых детей, их сопровождения в течение всего периода становления личности.

3. Система стимулов для лучших педагогов, постоянного повышения их квалификации, пополнения новыми поколениями учителей.

4. Новые принципы работы школ, порядок их проектирования, строительства и формирования материально-технической базы. Находиться в школе должно быть комфортно.

5. К каждому ученику – индивидуальный подход, минимизирующий риски для здоровья в процессе обучения.

Методология исследования. Педагогический мониторинг – это комплексная программа наблюдений, анкетирования, тестирования участников учебного процесса, проверка их знаний, выяснение установок, личностных ориентиров и норм поведения, обеспечивающих сохранение и укрепление физического и психологического здоровья как одного из ценностных составляющих, способствующих познавательному и эмоциональному развитию ребёнка, достижению планируемых результатов, освоения основной образовательной

программы. В школе № 898 систематически проводится мониторинг физического развития и психического здоровья учащихся научными сотрудниками Института возрастной физиологии, медицинским работником, учителями.

Цели исследования:

– создание модели технологии оздоровления учащихся в общеобразовательной школе, сочетающей в себе образовательную деятельность со здоровьесберегающей деятельностью (ЗСД), которая представляет собой системную комплексную работу по сохранению и укреплению здоровья обучающихся и воспитанников;

– повышение компетентности учителей на основе современной научно-методической литературы, стандартов образования по вопросам оздоровления детей и подростков в общеобразовательных учреждениях.

Задачи исследования:

– сформировать представление о позитивных и негативных факторах, влияющих на здоровье;

– научить выполнять правила личной гигиены и развить готовность на основе их использования самостоятельно поддерживать своё здоровье;

– сформировать представление о правильном (здоровом) питании, его режиме, структуре, полезных продуктах;

– сформировать представление о рациональной организации режима дня, учёбы и отдыха, двигательной активности;

– научить ребёнка составлять, анализировать свой режим дня;

– сформировать представление об основных компонентах культуры здоровья и здорового образа жизни.

Мониторинг в школе № 898 организован и проводится систематически и связан с определением и выбором оптимального сочетания разносторонних форм, видов и способов с учетом особенностей конкретной учебно-педагогической ситуации.

Преподавательская деятельность учителя на уроке – это важнейшая составная часть образовательного процесса. На подготовку и проведение урока уходит основная доля трудозатрат учителя. Поэтому результаты образования выражаются в достижениях учащихся.

Результаты и обсуждение. В век компьютеризации мониторинг позволяет накапливать, обрабатывать и создавать банк данных на ученика (портфолио ученика), класс, учителя, школу. А поскольку сейчас задача школы – давать образования высокого качества (прочные, системные знания и умения), то мониторинг направлен на создание паспорта ученика, где фиксируются действия по повышению качества знаний.

В настоящее время созданная система мониторинга «Статград» позволяет следить за качеством работы учителя и школы в целом, а заполнение электронного журнала, портфолио школы, разных сайтов департамента образования позволяет создать портфолио учителя, которое является одним из главных критериев оценки деятельности при прохождении аттестации учителя.

Введение новых стандартов образования является определяющим фактором работы учреждения. Деятельность каждого учителя направлена на отработку этих стандартов при изучении каждого предмета. Именно для объективной оценки деятельности учителя, школы и качества образования учащихся введены экзамены.

Деятельность школы, рейтинг школы в районе, округе теперь зависят напрямую от качества образования учащихся, которое контролируется через разработку:

– системы внутреннего мониторинга, который позволил бы оценить каждого ребенка;

– контрольно-измерительных материалов качества урока в методических объединениях;

– тестов по темам с независимой комиссией, которая будет состоять из учителя-предметника и родителей;

– внутришкольного положения о системе мониторинга качества знаний в школе;

– системы психологического мониторинга в школе, с привлечением учителей и родителей;

– системы комплексной работы по сохранению и укреплению здоровья учащихся.

Главным условием повышения эффективности здоровьесбережения является социальный заказ государства. Общество и государство предъявляют системе образования социальный заказ на здоровую личность. В «Школах здоровья» города Москвы осуществляется здоровьесберегающая деятельность – это системная комплексная работа по сохранению и укреплению здоровья учащихся.

Здоровьесбережение в образовании – проблема социально-экономическая, психолого-педагогическая, физиолого-гигиеническая, это создание модели системной комплексной работы по сохранению и укреплению здоровья в образовательных учреждениях, которая состоит из следующих блоков:

1. Создание гигиенически полноценной среды обитания, внутришкольной среды, которая определяется благоустройством и санитарным состоянием образовательных учреждений, комплектованием медицинских, педагогических и дополнительных кадров для решения проблем по сохранению и укреплению здоровья.

2. Рациональная организация учебного процесса. Соблюдение физиолого-гигиенических требований к условиям обучения. Использование методов и методик обучения, адекватных возрастным возможностям и особенностям учащихся.

3. Организация двигательного режима и физкультурно-оздоровительной работы.

4. Организация работы по формированию ценности здоровья и здорового образа жизни. Просветительская и воспитательная работа с учащимися.

5. Просветительская и методическая работа с учителями, специалистами и родителями.

6. Анализ состояния медицинской помощи, профилактика и мониторинг состояния здоровья школьников.

Оценка эффективности здоровьесберегающей деятельности школ показала, что среди многочисленных факторов, оказывающих влияние на показатели состояния здоровья и заболеваемости, факторы школьной среды составляют до 30%.

В настоящее время основными факторами риска считаются усложнение образовательного стандарта, отсутствие повсеместного мониторинга здоровья, несоблюдение элементарных физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса, социально-экономические условия жизни.

Факторы, оказывающие влияние на состояние здоровья учащихся в школе, принято объединять в отдельные группы:

– внешнесредовые условия обучения (включая гигиеническое состояние учебных помещений, наполняемость классов, освещенность, тепловой режим, качество воздуха в учебных помещениях и пр.);

– учебная нагрузка, в том числе количество и продолжительность уроков, длительность перемен, чередование уроков разной трудности, продолжительность учебной недели, уровень трудностей освоения учебных программ в общеобразовательных учреждениях разного типа (муниципальных школах, гимназиях, лицеях) и др.;

– снижение уровня двигательной активности, приводящее к задержке роста и развития, ухудшению состояния здоровья, уменьшению адаптационных возможностей организма;

– взаимоотношения учащихся между собой, а также с учителями, родителями, школьной администрацией и пр.

– качество и доступность школьного питания, ведение систематической оздоровительной работы средствами физического воспитания, профилактика болезней поведения (курения, алкоголизма, наркомании), режим работы школы в целом.

По данным Института возрастной физиологии РАО, на здоровье детей неблагоприятно влияют те инновации-

онные технологии, которые сопровождаются интенсификацией всех форм обучения и воспитания, зачастую без соблюдения должных гигиенических требований. Это приводит к росту заболеваемости детей и подростков. Чрезмерные учебные нагрузки, нерациональный отдых, постоянно действующие и нарастающие стрессовые ситуации негативно сказываются не только на самом психическом здоровье, но и на сопряженной с ним социальной адаптации. Из-за ограниченной двигательной активности и в связи с повышением учебной нагрузки особую роль играет физическое воспитание школьников.

Поэтому в организации и повышении эффективности системной работы школы по сохранению и укреплению здоровья приоритетным условием является использование разнообразных средств и форм физического воспитания при оптимальной двигательной активности, соответствующей научно обоснованным гигиеническим нормативам среднесуточной двигательной активности школьников в зависимости от пола и возраста.

Рациональная организация двигательной активности и физкультурно-оздоровительной работы с учащимися в общеобразовательных учреждениях разного вида требует единого подхода к вопросам сохранения и укрепления здоровья детей с учетом их индивидуальных особенностей, что является основой профилактики заболеваний. Для обеспечения необходимого ежедневного объема двигательной активности для каждого школьника, кроме уроков физической культуры, разработан определенный комплекс внеурочных занятий, направленный на повышение двигательной активности и улучшение состояния здоровья.

В «Школах здоровья» реализуются различные режимы двигательной активности школьников. Например, режим, включающий три урока физкультуры в неделю (третий урок физкультуры может быть во внеурочное время: аэробика, корригирующая гимнастика). Занятия в специальной медицинской группе, которые могут проводиться параллельно во время урока, физкультминутки на уроках, подвижные игры и другие формы двигательной активности повышают уровень адаптации к влиянию негативных факторов среды.

Лечебная и оздоровительная работа с использованием специальных процедур, требующих врачебного назначения, наблюдения и контроля (фитотерапия, ароматерапия, различные виды массажа, кислородный коктейль, физиотерапия и др.), не является функцией образовательного учреждения. Подобная работа может быть дополнительным компонентом в здоровьесберегающей деятельности школы, которую проводят медицинские работники образовательного учреждения.

Важно отметить проблему создания школьной инфраструктуры, так как здоровье школьников можно сберечь при соблюдении требований ее безопасной эксплуатации и эффективной организации учебно-воспитательного процесса. Распространение опыта может позволить только школа с оснащенным современным учебным оборудованием. Оснащение компьютерно-электронными средствами не должно отставать от требований времени (каждому ученику – компьютер).

Универсальным средством обучения являются информационно-компьютерные технологии (ИКТ). Около 80% информации в Интернете является для учащихся опасной (как по возрастным показателям, так и по научной достоверности). В связи с этим требуется серьёзная работа с носителями информации. Серьёзной проблемой использования ИКТ является включение их в непосредственный учебный процесс, т. е. обеспечение дидактических условий эффективности этих технологий. Использование ИКТ в овладении новым материалом сохраняет здоровье детей, что требует систематической оценки инноваций и их совершенствования.

В условиях экономической самостоятельности школ, что является национальной инициативой, становятся приоритетными направления экономической самостоятельности (подушевое финансирование, отраслевая система оплаты труда, переход школ в режим автономных учреждений). Изменяется управленческая структура школ, когда на первое место выдвигаются управляющие советы, попечительские советы. Важно совершенствовать методологические и технологические аспекты процесса обучения и воспитания, что позволит потом транслировать опыт для других образовательных учреждений.

Важное условие – компетенция учителя. Многоплановое реформирование образования требует высокого профессионального уровня учителя. Причём ведущей составляющей профессионализма должна стать творческая компонента, проявляющаяся в компетенциях. Современные технологии работы с детьми, когда они становятся исследователями (концепции учебного познания, формирования научных понятий, структурно-логической схематики учебного материала) повышают мотивацию к учебе. Эти технологии помогают учащимся понять логику изучаемого предмета, а это обеспечивает им определённую свободу в познавательных действиях, и сохраняют их психическое здоровье.

Выводы

1. Результаты мониторинга доказывают практическую значимость, доступность и объективность комплекса медико-психолого-педагогических мероприятий по снижению неблагоприятных влияний внутришкольных факторов.

2. Анализ полученных данных позволяет обосновать последовательный подход к мониторингу возрастно-половых особенностей образовательного процесса, оздоровительной работы, такой подход должен применяться в широкой практике школ.

3. Методика мониторинга и разработанные средства функциональной диагностики и функциональной коррекции могут быть использованы при осмотрах детей, разработке коррекционных и оздоровительных программ, оценке эффективности технологий по охране и укреплению здоровья, развитию резервных возможностей учащихся.

4. Школы должны применять систему комплексной работы по сохранению и укреплению здоровья учащихся, направленную на повышение качества образования.

Библиографический список

1. Бабенкова Е. А., Параничева Т. М. Глоссарий здоровья образовательных учреждений. Новые стандарты. – М. : УЦ «Перспектива», 2012. – 96 с.
2. Бабенкова Е. А. Комплексная оценка физического здоровья дошкольников // Инструктор по физкультуре. – 2012. – № 1. – С. 28–32.
3. Бабенкова Е. А. Здоровьесберегающая технология при подготовке детей к школе // Воспитатель ДОУ. – 2012. – № 2. – С. 14–24.
4. Бабенкова Е. А., Параничева Т. М. Преемственность при реализации основных образовательных программ с учетом физического и психического здоровья детей // Начальное образование. – 2012. – № 1.
5. Никифорова О. М., Параничева Т. М., Бабенкова Е. А. Психолого-педагогические и медико-физиологические аспекты школьной адаптации. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2012. – С. 96.

Bibliography

1. Babenkova E. A., Paranicheva T. M. Glossariy zdorovya obrazovatelnyih uchrezhdeniy. Novyie standartyi. – M. : UTs «Perspektiva», 2012. – 96 p.
2. Babenkova E. A. Kompleksnaya otsenka fizicheskogo zdorovya doshkolnikov // Instruktor po fizkulture. – 2012. – № 1. – P. 28–32.
3. Babenkova E. A. Zdorovesberegayuschaya tehnologiya pri podgotovke detey k shkole // Vospitatel DOU. – 2012. – № 2. – P. 14–24.
4. Babenkova E. A., Paranicheva T. M. Preemstvennost pri realizatsii osnovnyih obrazovatelnyih programm s uchetom fizicheskogo i psihicheskogo zdorovya detey // Nachalnoe obrazovanie. – 2012. – № 1.
5. Nikiforova O. M., Paranicheva T. M., Babenkova E. A. Psihologo-pedagogicheskie i medikofiziologicheskie aspektyi shkolnoy adaptatsii. – Kemerovo : Kemerovskiy gos. un-t, 2012. – P. 96.

© Пархоменко Р. А., Бабенкова Е. А., 2014

УДК 37.01

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ ЧЕРЕЗ ТЬЮТОРСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

О. В. Коновалова, тьютор; Л. В. Караева, тьютор

Гимназия № 1, г. Ноябрьск, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия

CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF PERSONAL CREATIVE POTENTIAL IN THE CONTEXT OF THE JOB WITH GIFTED CHILDREN WITH HELP OF TUTOR SUPPORT

O. V. Konovalova, tutor; L. V. Karaeva, tutor

Gymnasium № 1, Noyabrsk, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Russia

Summary. The main aspects of the strategy of differentiated instruction, which may be used in the process of working with gifted children in different combinations of the technology of tutor support are described in the article.

Keywords: Model of the tutor job; learning strategies; individualizations of education; technology of the project activities; remote educational technologies.

Современное общество развивается стремительно и ставит перед школой новые задачи. Одним из основных направлений деятельности гимназии является создание условий для развития одарённых детей, включая тех, чья одарённость в настоящий момент может быть ещё не проявившейся, а также просто способных детей, в отношении которых есть серьезная надежда на дальнейший качественный скачок в развитии их способностей.

Исходя из этого, одной из основных задач гимназии является развитие индивидуальности ребенка, его творческого потенциала; создание для всех учащихся оптимальных условий, позволяющих в течение времени учебы раскрыть свои таланты в различных сферах деятельности.

Сегодня мы можем выделить четыре стратегии обучения, которые возможно применять в процессе работы с одаренными детьми в разных комбинациях, каждая из которых позволяет учесть требования к сопровождению (сопровождать – значит сопутствовать, идти вместе, быть рядом и помогать) одаренных детей:

Понимая практическую невозможность вовлечения всех способных, заинтересованных в учебной деятельности учащихся и одаренных детей в обучение по специальным программам, мы осознаем, что должны быть готовы к работе с одаренными детьми в условиях общеобразовательных классов. Это требует как знания принципов развивающего обучения, так и владения учителем специальными умениями применения стратегий дифференцированных программ для одаренных детей, владения эффективными формами и способами работы как на уроке, так и во внеурочной деятельности, и среди них можно выделить основные формы направления работы с одаренными учащимися:

– творческие мастерские;

– групповые занятия по параллелям классов с сильными учащимися;

– кружки по интересам;

– конкурсы;

– интеллектуальные марафоны;

– участие в олимпиадах;

– работа по индивидуальным планам;

– научно-исследовательские конференции.

Если же говорить об эффективности работы с одаренными детьми, то здесь наиболее оптимальной формой работы в нашей гимназии необходимо признать тьюторство. В чём специфика тьюторской деятельности в целом и в гимназии в частности?

Тьютор-педагог работает на основе принципа индивидуализации и сопровождает построение индивидуального образовательного маршрута. Тьюторское сопровождение – это педагогическая деятельность по индивидуализации образования, направленная на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов учащегося, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной программы, на работу с образовательным заказом семьи, формирование учебной и образовательной рефлексии учащегося. Взрослый побуждает ребенка к нахождению самостоятельных решений, помогает принять на себя необходимую меру ответственности, то есть создает необходимые условия для саморазвития, осуществления личностных выборов.

Тьюторское сопровождение в нашей гимназии реализуется не так давно и строится на взаимоотношениях «тьютор – ученик» как взаимодействии двух личностей. Тот, кто поддерживает процесс, помогает проявлению активности в виртуальной среде и постоянно мотивирует учебную деятельность в роли:

– советника / консультанта;

– эксперта;

– исследователя;

– проектировщика;

– менеджера.

Основными технологиями в работе учителя в рамках тьюторского сопровождения являются: технология проектной деятельности, технология консультирования, тренинговая технология, информационно-коммуникационные технологии, технологии активного и интерактивного обучения.

Есть разные модели тьюторской работы. Могут быть конкрентные специалисты, которые осуществляют тьюторскую деятельность, и есть, например, классные руководители, психологи или социальные работники, которые обладают тьюторскими компетенциями.

Мы предлагаем рассмотреть работу тьютора с одаренными детьми с использованием дистанционных образовательных технологий.

Для организации дистанционного обучения в учебном заведении очень важно иметь модель тьютора. Тьютор обязан как специалист:

– знать основные принципы функционирования телекоммуникационных систем;

– знать особенности проведения теле- и видеоконференций, форумов;

– знать основы телекоммуникационного этикета;

– владеть навыками информационной навигации;

– уметь работать с информационными ресурсами (базами данных, информационными службами);

– уметь создавать веб-страницы;

– знать индивидуальные стили учебно-познавательной деятельности студентов;

– владеть активными методами обучения (обучение в сотрудничестве, метод проектов, обучение на различных уровнях познавательной деятельности, исследовательские, поисковые методы и др.);

– уметь проводить ролевые сетевые игры;

– уметь интегрировать очные и дистанционные формы обучения и т. д.

Тьютор часто выступает более чем просто источником информации. Он может помочь ученику стать автономным в своей деятельности и самостоятельно осваивать науку учения. Всё это происходит в процессе диалогового общения и позволяет учащимся пересказывать свои нужды, анализировать уровень понимания, делиться сомнениями, преодолевать неуверенность, вместе с тьютором обсуждать стратегии деятельности и пути к решению. Тьютор осуществляет многое из того, что делает преподаватель в традиционном обучении, например, руководство группой в дискуссии с использованием эффективных методик. Но в то же время он работает в уникальной учебной среде, где участники не размещаются в одной комнате в определенное время, а находятся в удобной для себя обстановке и оперируют самостоятельно созданным на материале курса информационным пространством. Объединяет их всех дистанционный курс, общение и сотрудничество. Тьютор учит использовать закономерности речевого общения в соответствии с характерными для отдельных участников стилями работы с информацией. Он предлагает методики, подходы и средства (инструменты) общения, например вопросы, которые позволяют повысить качество учебного процесса в группе.

Для организации работы с одарёнными детьми мы предлагаем многоступенчатую систему тьюторства как технологию развития одарённых детей, которая состоит из следующих этапов:

– развитие системы подготовки тьюторов для работы с одарёнными детьми;

– совершенствование работы психологической службы по сопровождению одарённых детей;

– положительная динамика интеллектуального развития детей, высокие результаты их участия в муниципальном, региональном и федеральном этапах олимпиад;

– создание банка авторских образовательных программ тьюторов и перспективных технологий обучения одарённых детей;

– формирование постоянного пополняющегося банка данных «Тьютор – одарённый ученик»;

– обеспечение доступности образования и возможности самореализации для разных категорий детей.

Безусловно, процесс выявления и поддержки юных дарований – сложен и многогранен. Но очевидно, что работа с одарёнными детьми будет успешной только в том случае, если руководят этим непростым процессом становления юных талантливых граждан России также одарённые взрослые – тьюторы.

Библиографический список

1. Долгоруков А. М. Практическое руководство для тьютора системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. – М. : ЦИТО, 2009.

2. Дудчик С. В. Особенности организации тьюторского сопровождения в начальной школе // Организация тьюторского сопровождения в образовательном учреждении: содержание, нормирование и стандартизация деятельности тьютора : мат-лы Всерос. науч.-метод. семинара. – М. : АПК и ППРО, 2009.
3. Зоткин А. Идея тьюторства и проблема субъективности в образовании // Тьюторство: концепции, технологии, опыт. – Томск, 2005.
4. Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников. – М., 2008.
5. Educational Technology Centre, Open Learning Institute of Hong Kong (1991) Internal evaluation report on the *OLI Tutor Orientation and Training* course. Hong Kong: Open Learning Institute of Hong Kong.

Bibliography

1. Dolgorukov A. M. Prakticheskoe rukovodstvo dlya tyutora sistemyi Otkryitogo obrazovaniya na osnove distantsionnyih tehnologiy. – M. : TsITO, 2009.
2. Dudchik S. V. Osobennosti organizatsii tyutorskogo soprovozhdeniya v nachalnoy shkole // Organizatsiya tyutorskogo soprovozhdeniya v obrazovatelnom uchrezhdenii: soderzhanie, normirovanie i standartizatsiya deyatelnosti tyutora : mat-lyi Vseros. nauch.-metod. seminara. – M. : APK i PPRO, 2009.
3. Zotkin A. Ideya tyutorstva i problema sub'ektivnosti v obrazovanii // Tyutorstvo: kontseptsii, tehnologii, opyit. – Tomsk, 2005.
4. Polivanova K. N. Proektnaya deyatelnost shkolnikov. – M., 2008.
5. Educational Technology Centre, Open Learning Institute of Hong Kong (1991) Internal evaluation report on the *OLI Tutor Orientation and Training* course. – Hong Kong : Open Learning Institute of Hong Kong.

© Коновалова О. В., Караева Л. В., 2014

UDC 372.881.1

ROLES OF GAMES IN LANGUAGE TEACHING

A. Gunsentsoodol, specialist; M. Norjvanchig, specialist
School of Mechanical Engineering, Mongolian University of Science and Technology, Ulaanbaatar, Mongolia

Summary. This article shares experiences of using games in teaching and learning language. It is said that people learn while playing. In other words, games play important roles in education. Playing games gives people not only excitement and enjoyment, but also it makes them be interested, motivated and encouraged. Additionally, to win games, people's brain works with higher productivity using their knowledge, problem solving and team work skills, etc. Considering all these advantages of games, teachers use games in their teaching process. To give effective and successful lessons teachers sometimes lack students' motivation, interest, encouragement and participation which can be given by games.

Keywords: interested; participation; solving problems; feeling free.

Introduction

Why do teachers let their students play? Games played in classrooms are not because of their time-filling character, but because of their educational values. Teachers see them as a teaching tool that helps their lessons more different and more engaged. Playing games people feel happy, interested, and motivated and try to use all their mental and physical resources to win the game. Games educate children in that way to become helpful, determined, resourceful, etc. Moreover they get the skills including team working, communication and problem solving. Considering all these advantages of games, teachers use a game as a bridge to bring their student from a lower cognitive level to a higher one, in other words to learning more complicated materials. Besides, playing can act as an exercise in a classroom going around the class. When students face difficulties and don't understand materials, they get tired and bored. Letting students play games in lessons, teachers help them to get rid of tiredness and boredom for a while.

Teaching a foreign language is a complex of tasks whose results cannot be seen significantly. It requires teachers to be hardworking, creative, and rethink or update their teaching methods. Today's teachers are offered or suggested a number of useful games to strengthen students' language skills – grammar, vocabulary, writing, speaking, reading and listening. The only thing for teachers is to be responsible for choosing the right, more effective ones that can meet their lesson goal. After determining the goal of the lesson teachers choose the game that match the goal of the lesson. Speaking in a target language is the biggest problem for students. They feel shy worrying about mistakes in grammar, in pronunciation, and expressing their ideas, etc. People never feel shy and anxious when they play. Thus games play important role in teaching a foreign language to help students to clear them off that are the biggest problem, especially in speaking. The authors have noticed that a single effective game in a lesson is better than many boring difficult exercises.

Games to Promote Students' Speaking and Critical Thinking Skills

As means of communication, speaking is realized through communication. As it is mentioned above, learning a foreign language is stressful involving many areas or skills such as grammar, pronunciation, vocabulary, speaking, and writing. Task-orientated activities useful to use the target language and to practice new vocabulary, grammar and strategy for conversation in a creative – non-stressful way. Games

which are task-based and have a purpose beyond the production of correct speech, serve as excellent communicative activities (Saricoban&Metin 2000). Playing together – interacting with each others, students will be able to develop their social skills and good communication skills.

The authors sometimes let their students think of or create new games on their own and use the games in the classroom. During each game there can be developed both productive and receptive skills of learners at the same time.

Job compatibility

This game was the idea of the authors' students. A group of students (3 members) were given a task to give an oral presentation on job compatibility with personality to classmates. Their presentation was well prepared and interesting including people's zodiacs. After presenting, they (the presenters) conducted a game among classmates. Game organizers divided the class into four or five groups and invited one student from each group to the blackboard. The game organizers posted a name of a profession like 'architect' on the back of the student invited to the blackboard. The group members of the student described the profession with its suitable personality and zodiac to its member standing at the blackboard. (receptive skill) Then the student would be able to guess what the profession was. (productive skill)

Word description & Guessing a word

Listening to a teacher's description, students guess what the word is. For example:

1. If we change one letter in this big brown animal's name, it will become something to drink. What is the animal's name? (bear – beer).

2. The first syllabus of this word is an adult male. The second syllabus is an action of moving. Joining these two syllabuses together, we can form the name of an oval yellow tropical fruit. (man-go = mango).

Mind map

To play this game, teacher should divide students into some groups and each group can have 3 or 4 members. Teacher explains how to draw a mind map and says central topic such as SHOPPING, ACTIVITIES ON VACATION or HUMAN BODY PARTS etc., Students start in the middle of a blank page, writing idea they intend to develop. The students develop the related subtopics around this central topic, connecting each of them to the center with a line. They repeat the same process for the subtopics, generating lower-level subtopics as they see fit, connecting each of those to the corresponding subtopic. The authors think they already gave away the benefits of mind mapping and why mind maps work. Basically, mind mapping avoids dull, linear thinking, and stimulate your creativity and making note taking fun again.

Observations

When the authors conducted these games in the classroom, students got interested and their participation in the lesson increased. Students were motivated and attentive to instructions to win the game and there were built a good relationship among the students. These kinds of games gave students the opportunity to practice their vocabularies and the target language in the world of the games.

As everything has good and bad points, the authors have noticed some problems in using games in their teaching. Playing games is usually time-consuming. Game instructions take a lot of time. Sometimes there may be left a little time to learn new materials. After games some students feel overexcited and as a result they cannot concentrate on the next stage of the lesson. For this reason, teachers ought to choose the right time to let their students play. The stage of practice or communication of a lesson is best for a game.

Conclusion

Having a number of advantages games serve as learning and teaching tools. Us-

ing games teachers ease their teaching process and decide problem they may face in their work. Lessons can become student centered maximizing students' participation. Our experience tells that playing games in the English classroom creates a competition among our students and stimulate their communicative and critical thinking skills. In addition to this, games give chances teachers to test, observe, and know their students personality during playing and after winning and losing the game. This gives teachers an idea how to treat their students. There is nothing bad with using games in teaching summing up all the benefits from them. Teachers must decide when, where and how use games responsibly being careful with time and class management.

Bibliography

1. Arif Saricoban & Esen Metin, Song, Verse and Games for Teaching Grammar, Hacettepe University & Cankaya University. – Ankara : Turkey, 2000.
2. The author's Teaching Experiences.

© Gunsentsoodol A., Norjvanchig M., 2014

UDC 372.8:7

METHODS OF TRAINING FINE ARTS AND ITS DEVELOPMENT IN KAZAKHSATAN

S. Zh. Turikpenova, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
Arkalyk State Pedagogical Institute named after I. Altynsarin, Arkalyk, Kostanay region, Kazakhstan

Summary. This article discusses common questions of history and teaching methods of the Fine Arts of Kazakhstan, as well as scientific statements of arts teachers about features of training.

Keywords: Fine Arts; teaching methods; development; Kazakhstan.

The development of Fine Arts teaching methods in Kazakhstan is closely connected with training of Arts and Drawing teachers started at Pedagogical Institutes in the 60-s of the 20-th century. In 1964 at Kazakh State Pedagogical Institute named after Abai for the first time there was opened a department for training «Arts and Drawings» specialists. That was the single institution of the period till 1969. The first graduates of this Institute were the initiators of opening special departments for training «arts and drawing» at other pedagogical institutions of Kazakhstan.

From the year 1969 there were faculties of fine arts and graphics in Shymkent, Semei, Taraz and its graduates made their contribution to the development of arts and its methods.

In the 70-s of the XXI century national fine art and applied art works were introduced in schools, at out-of-class activities for aesthetic upbringing of children.

From 1970 there were articles of Kh. Kan, Zh. Balkenov, K. Yeralin, A. Kamakov published in the republic scientific pedagogical journals «Kazakhstan school», «Primary school» dedicated to the methods of teaching arts. These articles contain the ways of using the works of Kazakh artists and the samples of applied arts at art lessons for aesthetic upbringing of school children.

In 70-s K. Yeralin in his methodical works described the value of creativeness of Kazakh people's artists as A. Kasteyev, K. Telzhanov, A. Galymbayeva, Kh. Nauryzbayev, G. Ismailova, S. Mambeyev, K. Shayakhmetov, S. Romanov, E. Sidorkin, N. Nurmukhamedov, K. Baranov and pointed out methods of introducing their fine art works at art classes.

The author also dealt with the methods and techniques of painting and drawing compositions and the importance of introducing with the biography and creative works of a well known Kazakh artists at out-of-class activities in schools [1].

During that time A. Kamakov in his articles also described Kazakh applied art, their various types, history of their making, Kazakh ornaments and techniques, what form they may have. For examples there are ornaments like some plants, figures of animals, sky elements and ornaments having geometric figures.

In most republican scientific – methodical aids there were works of U. Ibragimov dedicated to the teaching of art, methods and techniques of introducing national works of art in kindergartens and elementary schools.

In that period in time pedagogic and scientist K. Amirgazin wrote his works on how the Kazakhs specialized treating sheep's and other animals skins for house holding, the suggested that this kind of handicraft must be implemented in school classes for pupils should get skills of processing such craft. In his works he

developed its programme and methods for training schoolchildren.

Painter and teacher E. Assylkhanov in his earlier works paid much attention to using of applied fashion art materials into teaching-educating process. He also suggested his own principles on making programmes and methods of handicraft art for kindergartens, pre-schools, secondary schools and specialized higher educational institutions. Much attention was paid to wool manufacturing and ways and techniques of processing wool for making household objects [2].

Painters and teachers D. Sadygaliev, K. Yeralin have made programs and methodical instructions for adopting architecture art examples in the territory of Kazakhstan as architectural monuments to Kozha Akhmet Yassaui, Aisha-bibi, Karakhan mausoleum in school programmes. Pupils should get acquainted with history, construction and ornament secrets of these historical monuments. Nowadays they attract tourists all over the world.

Since the 1980-s of the XX century much have done for the development of Fine Arts, making new methods and programmes for this discipline. Higher institutions of Kazakhstan training students for Art speciality are in close contact with academy of sciences of other republics. Professors and pedagogical staff of other departments take advanced courses at Moscow State Pedagogical Institute and have teaching experiences there.

The year 1981 was marked as the establishing of close relationship with Russian Academy of Pedagogical sciences and many of our higher institute teachers trained and made their scientific researches under the supervision of doctors and proffessors as N. N. Rostovtsev, V. S. Kuzin, B. S. Suzdalev, B. P. Yussov, E. V. Shorokhov, T. Ya. Shpikalova and others [3].

The 80–90-s are remarkable for further development of methods of teaching Art and making researches on the problems of psycho-pedagogical character.

In the 80–90-s pedagogist-scientists as A. Kamakov, K. Yeralin, Zh. Balkenov, K. Amirgazin, B. Almuhamedov, U. Ibragimov, K. Mizanbayev, E. Assylkhanov, D. Sadygaliev, M. Zhanaev made a valuable contribution to the methods of teaching Art through their experiments.

Painter and scientist A. Kalmakov made his own research on Kazakh national applied art and showed its importance for teaching pupils aesthetic taste. His theory was proved by his practice.

Scientist and pedagogist K. Yeralin dedicated his work on the pupils image of area and developed its programme and methods [4].

Scientist and pedagogist Zh. Balkenov in his research work deals with the way of training pupils skills in drawing Kazakh national ornaments, proposes his own methods for developing aesthetic upbringing.

I. S. Smanov in his work pointed out the role of art in training professional specialists. B. A. Almuhamedov considers theory and practice of aesthetic education in the process of teaching art at school. Another scientist R. Mizanbayev deals with the theoretical and practical problems of forming future teachers proficiency and skills at project classes.

Pedagogist and scientist M. Abdrashimov made research onArt discipline and relation to other subjects and its effectiveness. Pedagogist, scientist B. Ibzhanov studied students creative abilities through their applied art activities. L. A. Ivahnova studied the requirements for special disciplines and its content on the bases of scientific – pedagogical view. K. K. Bolatbayev in the process of training future art specialists stresses that much attention should be paid to the theory and practice of using national pedagogy [5].

Important stage in the development of teaching Art in Kazakhstan is publishing the first text-book «Fine Arts» for the 1-st form by the group of its authers U. Sh. Ibraimov, K. K. Bolatbayev,

B. A. Almuhamedov, Z. Sh. Aidarova which was approved at the Ministry of Education, Culture and health and published in 1997 at «Atamura» publishing house. The same authors developed next textbooks «Fine Arts» for the 2–4 forms in the 1998–2000.

The textbook for the 1-st form published at «Atamura» in 1997 consists of four units. The first unit «Let's learn to paint» introduces pupils with painting and drawing instruments, the ways of making simple drawings, skills of getting ready to colour the pictures, various types of making lines, figures, ornaments. The second unit trains pupils in drawing the scenes of nature, images of heroes in well-known fairy tales, painting of still-lives, sculpting of animals and birds, work skills with paper, New Year toys and decorations.

The third unit is called «Look, analyze, draw». Pupils learn to paint winter season, national art subjects, domestic animals, man's appearance.

The fourth unit is called «Feel, know, picture». Pupils paint spring season, space, envronment pieces. They have lessons going out to nature.

The textbook for secondary schools published in 1998 (authors U. Sh. Ibragimov, K. K. Bolatbayev, B. A. Almuhamedov, Z. Sh. Aidarova) contains introduction and four units. The first unit is to depict summer season nature, cartoon film maker, sculpting, painting fairy tales characters and design materials.

The second unit is depicting autumn nature, drawing a book, introducing with colour paints, subjects of people's masters, New year subjects.

The third Unit has winter scenes, animals, still life, making objects out of paper as butterfly, beetle, making masks, methods of drawing are given. The fourth unit is about meeting spring season, spring flowers, tour to the sky, we stand for peace, introducing with ikebana art, sculpture, landscape, painting on the theme «May there always be sunshine», organizing picture exhibitions for developing pupils drawing habits.

From the 2002–2004 years the above mentioned authors developed out methods of working with textbooks and special training exercise-books for pupils and teachers of secondary schools.

In the 80–90-s of the XXI century there appeared teaching-methodical aids of the following authors: Zh. Balkenov, B. Almuhamedov, A. Tolebi, T. Musalimov, K. Yeralin, K. Amirgazin, D. Kemeshov, M. Tanirbergenov. These methodical aids were a much help for teachers [3].

Zh. Balkenov and B. Almuhamedov's methods of teaching Art «Learn to draw» was the first aid for training pupils to draw objects according to light shadow principles.

The works of A. Tolebi, T. Musalimova train pupils getting habits and skills in drawing and painting according to their symmetry, rhythm and other principles of art.

K. Yeralin and K. Tastemirov published their teaching-methodical aid «The formation of pupils area knowledge» where they showed the characteristics of depicting space and area.

Teaching – methodical aid «Kazakh handicraft» by K. Amirgazin describes various kinds of nations handicraft, characteristics and technologies of its making. There are many examples of making national ornaments and other materials needed for organizing out-of-class activities. This method was also developed by S. Tolebayev in his work «Learn to make ornaments». Another teaching-methodical aid was issued by U. Abdigaparova «The effectiveness of educating by ornaments» where the author gives information on history of ornaments, their types and introduces her methods of applying ornaments in class work. There is also an active vocabulary of names of ornaments.

At this period K. Yeralin and Zh. Khalmuratova have published methodical aid «Masters of Kazakh fine arts» where she

introduces the life and creative works of well-known Kazakh artists A. Kasteyev, K. Telzhanov, S. Mambayev, M. Kenbayev, E. Sidorkin, N. Nurmuhamedov, A. Galymbayeva, G. Ismayilova, S. Romanov and Kh. Nauryzbayev.

One of the first methodical aid for fine arts teaching methods is Zh. Barymbayev's «Learn to draw ornaments» where the author gives the examples of ornaments in various types, the ways of making new ornament composition, analyses geometric forms of plant, animal and sky world objects.

Teaching methods of fine arts is closely connected with art terminology. In this case we must mention E. Kamenev's book «What colors has the rainbow» (translated by A. Kekilbayev). Many term words were translated into Kazakh and now we use them in the teaching process. For teachers and students there was published «Glossary of term words with explanation of meanings of the given word».

In the 90-s of the XX century a new programme and a new syllabus were developed in higher educational institutions in Kazakhstan. Teachers of art take advanced courses due to the new technologies of teaching.

New programs and syllabuses were developed under the guide of the Abai Kazakh National Pedagogical University's painter-teachers B. Ospanov, K. Bolatbayev, R. Mizanbayev, N. Vasyuk, T. Ordabekov, B. Baizhigitov who made much attempt in organizing this work.

Due to this programme and syllabus the level of training specialists grew, the quality has risen, new technologies are being implemented.

Research works of painter K. Bolatbayev, K. Tastemirov, D. Kemeshov, M. Zhakypbekova on using national elements of Kazakh Pedagogy projecting, ceramics were of great contribution to the development of teaching art in schools [6].

Important role in the development of art methods belongs to publishing centres as republican journal «Kazakhstan school», «Elementary school» where many of the materials published.

Since 2004 there is a special lecture materials for future art teachers «Methods of teaching fine arts» and there is also a need for materials to the course «History of Kazakh fine arts». For this purpose historical and cultural centres, teacher staff will influence to the development of aesthetic education in Kazakhstan.

Bibliography

1. Yeralin K. Ye. Pedagogical training of students by means of Fine Arts. – M. : Prometei, 1991, P. 94.
2. Assylkhanov E. S. Methods of teaching applied decorative arts in Kazakhstan. – Semey, State Univ., 1993. – P. 137.
3. Turikpenova S. Zh. Methods of training future art specialists for teaching art discipline : Monography. – Arkalyk, 2013. – P. 148.
4. Yeralin K. Ye. Kazakhstan Fine Arts in the system of professional-art training of future teachers of art. Dis. report. ped. science. – M., 1992. – P. 450.
5. Smanov I. S. The role of Art in the system of teacher's professional training. (on the works of landscape). – Astana, 2008. – P. 223.
6. Bolatbaev K. K. Using of national pedagogics in the process of training of future Art specialists. – Almaty, 1995. – P. 147.

© Turikpenova S. Z., 2014

УДК 371.134:371.12:747.012

КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ

И. А. Стеценко, доктор педагогических наук, доцент;
Л. Ю. Саяпина, старший преподаватель

Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова, г. Таганрог, Россия;
Академия архитектуры и искусств, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

DESIGN CONCEPTS OF EDUCATIONAL PRACTICE DESIGN STUDENTS

I. A. Stetcenko, doctor of pedagogical sciences, assistant professor;
L. Y. Sayapina, senior teacher

Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov, Taganrog, Russia;
Academy of Architecture and Arts, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Summary. The article is discussed the concept of the organization of educational practices for the students of the Academy of Architecture and Arts of Southern Federal University. Practical work continues the theoretical training and it is mandatory for all students. Training practices help the students to get work experience and to formation the professional competences. Professional competencies are remembered for a long time during practical training.

Keywords: educational practices; competencies; practical experience.

В современной образовательной триаде «бакалавриат, специалитет, магистратура» учебные практики становятся не только органичной частью процесса обучения, но и вектором профессионального развития студентов. Рассмотрим этот тезис на примере обучения студентов образовательных направлений и специальностей: «Архитектура», «Культура и искусство», «Дизайн», «Художественное проектирование костюма». Преподаватели Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета (ААИ ЮФУ) разработали единую концепцию проектирования, организации и проведения учебных практик. «Концепция – это общий замысел, система взаимосвязанных взглядов, то или иное понимание явлений, объектов или процессов; единый определяющий замысел, ведущая мысль научного исследования (труда, произведения)» [6, с. 8]. Концепция проектирования, организации и проведения учебных практик в ААИ ЮФУ является составной частью целостной системы образовательного, воспитательного и учебного процессов; полностью соответствует миссии и целям Южного федерального университета.

Проектируя цели и задачи, формы проведения и результаты практик, преподаватели кафедры дизайна ААИ ЮФУ опирались на нормативные документы и требования государственных и федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ГОС ВПО и ФГОС ВПО). Для студентов-специалистов в ГОС ВПО сформулированы следующие требования к организации учебных практик. «Как правило, практика проводится в летний период после завершения теоретического обучения и сдачи экзаменационной сессии.

Практика направлена как на углубление навыков в области изобразительных искусств, так и на ознакомление с профильными музеями.

После 1 курса целесообразно проводить рисовальную практику, после второго курса – музейную практику. Главная задача практики в данном случае – обеспечение возможности применения полученных навыков и знаний в практической деятельности. После 3 и 4 курсов, как правило, проводится производственная практика, связанная с будущей профессиональной деятельностью» [1, с. 40].

Практика в высших учебных заведениях рассматривается «как часть учебного процесса по применению и закреплению теоретических знаний» [2, с. 955]. Особенностью практической составляющей образовательного процесса на кафедре дизайна ААИ ЮФУ (ранее – в Институте архитектуры и искусств ЮФУ), и учебных практик в частности, является синтез таких равноценных компонентов, как:

1. Требования ГОС ВПО для студентов-специалистов и ФГОС ВПО для студентов-бакалавров.

2. Специфика дизайнерского образования в архитектурно-художественном вузе.

3. Синтез компетентностного и личностно-ориентированного подходов к обучению.

4. Возможность творческого роста, профессионального развития и саморазвития студентов.

5. Учёт региональных особенностей Юга России.

В современных условиях произошло смещение акцентов с «получения знаний, умений, навыков» на «формирование и развитие общих и профессиональных компетенций» студентов посредством учебных практик.

В ААИ ЮФУ успешно действует основная концепция планирования, организации и проведения учебных практик обучающихся:

1. «Организация учебной и производственной практик на всех этапах должна быть направлена на обеспечение непрерывности и последовательности овладения студентами профессиональной деятельностью в соответствии с требованиями к уровню подготовки выпускника» [3, с. 2].

2. Работа студентов на учебных практиках оформляется соответствующими юридическими документами: приказами о сроках, базах проведения практики, контингенте студентов. Договоры и запросы от предприятий оформляются с учётом интересов обучающихся и принимающих организаций.

3. Учебные практики дают возможность студентам не только закрепить полученные в течение семестра теоретические знания, но и приобрести новые: исследовательские, проектные, творческие, интегрированные с дисциплинами других циклов. Работа на практиках характеризуется «приращением багажа знаний и опыта» для каждого обучающегося. Согласно требованиям ФГОС ВПО итогами комплекса учебных практик являются сформированные у выпускников основные профессионально-прикладные компетенции: «быть способным выполнять дизайн-проект в материале; владеть технологическими основами исполнения проекта (ППК-1); быть способным осуществлять контроль качества исполнения дизайн-проекта в материале (ППК-2)» [7, с. 13].

4. Учебные практики в вузе спланированы по принципу развития «от простого – к сложному». Учебные действия и работа студентов ориентированы на восходящую образовательную линию «наблюдение – эскизирование – измерение – проектирование – внедрение – рефлексирование».

5. Работы и проекты, реализованные на учебных практиках, могут быть социально-ориентированными, учеб-

но-творческими, исследовательскими, копийными, реставрационными. Базами практик для студентов могут быть: музеи, дизайн-студии, архитектурные и творческие мастерские, ателье, предприятия. Практические работы могут проводиться в лабораториях и мастерских, организованных при профилирующих кафедрах вуза.

6. При прохождении каждой практики студенты выполняют определённый, заранее утверждённый учебным планом объём работ, но могут самостоятельно выбрать графические техники, стилевые решения, исторические источники, решения формообразующих элементов, традиционные или инновационные технологии. Эскизы, зарисовки, описания, иллюстративные ряды по согласованию с руководителем могут быть выполнены в разных графических техниках, что способствует обогащению творческих и технических приёмов работы обучающихся.

7. В период проведения практики, помимо аудиторной, предусмотрена самостоятельная работа студента, направленная на внутреннюю самоорганизацию личности и её развитие. Задания и объём самостоятельной работы описаны преподавателем-руководителем в методических указаниях и могут корректироваться в зависимости от уровня подготовленности студента.

8. Программы всех учебных практик включают утверждённые формы отчётности по каждой практике и «фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся по практике» [4, с. 6]. Оценивает итоги практик аттестационная комиссия преподавателей профилирующей кафедры, состав которой может быть расширен за счёт включения в неё представителей предприятий или заказчиков. Комиссия в количестве семи и более сотрудников оценивает работу студентов в системе дифференцированного зачёта или в бально-рейтинговой системе.

9. По отдельным видам практик помимо аттестации руководителями применяется самоаттестация студентов. В письменной форме обучающиеся анализируют основные трудности в своей работе, достоинства и недостатки организации индивидуальной деятельности, пути достижения своих учебных и профессиональных целей. По мнению И. А. Стеценко «рефлексия помогает студентам сформулировать получаемые результаты, предопределить цель дальнейшей работы, скорректировать свой образовательный путь. По итогам рефлексии можно не просто обдумывать будущую деятельность, но и выстраивать её реалистичную структурную основу, напрямую вытекающую из особенностей деятельности предыдущей» [5, с. 133–134].

10. Результаты практик (отчёты, эскизы, фотоработы, иллюстративные ряды, образцы изделий) используются для дальнейшего творческого и профессионального развития студента. Отзывы о выполненной работе, заверенные печатью и подписью на предприятиях и благодарственные письма от организаций входят в состав портфолио и демонстрируются возможному работодателю.

11. По итогам практик проводятся выставки творческих работ (эскизов, фотоматериалов, графических планшетов) в аудиториях вуза, в выставочных залах Ростовского областного музея краеведения и Музея современного искусства, в Донской государственной публичной библиотеке. Выставки творческих работ являются бесплатными для всех категорий населения. Они работают «в открытом доступе» в течение двух-трёх недель. Выставки могут посещать студенты разных вузов г. Ростова-на-Дону, школьники – будущие абитуриенты и их родители, преподаватели и возможные работодатели.

12. Преподавателями каждой кафедры и руководителями вуза, факультета обязательно проводятся обсуждения

работ, анализ практик. Отчёты по итогам практик выполняются в установленные учебным планом сроки, сдаются в учебный отдел и анализируются по каждому подразделению вуза.

13. Студенты всех курсов и преподаватели имеют возможность посетить выставки по итогам учебных практик, увидеть результаты работ студентов других специальностей и направлений (дизайнеров, архитекторов, художников декоративно-прикладного искусства), получить интересные впечатления, приобрести новый опыт, завязать профессиональные контакты.

14. Выполненные на практиках работы студентов исследовательского или прикладного характера могут быть рекомендованы к участию в профессиональных конкурсах и выставках творческих союзов Ростовской области и России. Обобщая опыт учебных практик, студенты и преподаватели выступают с докладами на Всероссийских и международных конференциях, публикуют тезисы и статьи в сборниках материалов конференций и реферируемых журналах.

15. Отдельные проекты и работы студентов по итогам учебных практик освещаются в средствах массовой информации и в периодической печати. Печатные статьи удостоверяют важность реализации студенческих проектов для города и области. Они являются предметом гордости обучающегося, подтверждая его профессионализм, и одновременно служат стимулом для улучшения работы студентов следующих курсов.

Студенты 3-го курса специальности «Художественное проектирование костюма» на технологической практике выполнили костюмы для детей МБДОУ № 175 г. Ростова-на-Дону. Руководитель практики: старший преподаватель кафедры дизайна ААИ ЮФУ Л. Ю. Саяпина

Разработанная концепция проектирования, организации и проведения учебных практик успешно функционировала в Институте архитектуры и искусств Южного федерального университета (ИАрхИ ЮФУ). Она позволяла проводить все учебные практики по единой системе, руководствоваться едиными принципами оценивания и достигать запланированных результатов.

Продолжая традиции профессионального образования ИАрхИ ЮФУ, преподаватели кафедры дизайна ААИ ЮФУ руководствуются разработанной концепцией проведения всех учебных практик. В современной системе уровневого образования данная концепция проектирования, организации и проведения учебных практик является наиболее продуманной и полностью

соответствует требованиям: Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (для студентов-специалистов); Федерального государственного образовательного стандарта (для студентов-бакалавров).

Все учебные практики кафедр ААИ ЮФУ спланированы с постепенным нарастанием объёмов информации и уровня сложности заданий. Они способствуют получению новых знаний, помогают закрепить полученные ранее умения и навыки, приобрести опыт практических работ, формируют компетенции по профессии и, в конечном итоге, подготавливают студента к творческому и осознанному решению профессиональных задач.

Библиографический список

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства. – М., 2003. – С. 1–41. URL: http://www.altgaki.org/files/Dizain.doc (дата обращения: 28.03.2014).
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 25 марта 2003 г. № 1154 «Об утверждении положения о порядке проведения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования». URL: http://www.lexed.ru/ (дата обращения: 20.02.2014).
4. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2013 № 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2014).
5. Стеценко И. А. Теория и практика развития педагогической рефлексии студентов. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 256 с.
6. Федотова Е. Л., Федотов А. А. Информационные технологии в науке и образовании : учеб. пособие. – М. : ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2010. – 336 с.
7. Приказ ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» № 46-ОД от 27.03.2012 «Об утверждении и введении в действие образовательного стандарта ЮФУ высшего профессионального образования по направлению подготовки 072500.62 Дизайн». – С. 1–31. URL: http://sfedu.ru/docs/obrazov/Prikaz_46_2012.pdf (дата обращения: 28.03.2014).

Bibliography

1. Gosudarstvennyiy obrazovatelnyiy standart vyisshego professionalnogo obrazovaniya v oblasti kulturyi i iskusstva. – M., 2003. – P. 1–41. URL: http://www.altgaki.org/files/Dizain.doc (data obrascheniya: 28.03.2014).
2. Bolshoy tolkovyiy slovar russkogo yazyika / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint, 2000. – 1536 p.
3. Prikaz Ministerstva obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii ot 25 marta 2003 g. № 1154 «Ob utverzhdenii polozheniya o poryadke provedeniya praktiki studentov obrazovatelnyih uchrezhdeniy vyisshego professionalnogo obrazovaniya». URL: http://www.lexed.ru/ (data obrascheniya: 20.02.2014).
4. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 19.12.2013 № 1367 «Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osuschestvleniya obrazovatelnoy deyatelnosti po obrazovatelnyim programmam vyisshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistraturyi». URL: http://www.consultant.ru/ (data obrascheniya: 20.03.2014).
5. Stetsenko I. A. Teoriya i praktika razvitiya pedagogicheskoy refleksii studentov. – Rostov n/D. : Izd-vo Rost. Un-ta, 2006. – 256 p.

© Саяпина Л. Ю., Стеценко И. А., 2014

UDC 378

CONTENT ANALYSIS OF TERMS «COOPERATIVE LEARNING» AND «COLLABORATIVE LEARNING» (WITHIN THE RESEARCH ON FUTURE LANGUAGE TEACHERS' TRAINING FOR COOPERATIVE LEARNING IMPLEMENTATION)

M. V. Baida, teacher

Ivan Franko Zhytomyr State University, Zhytomyr, Ukraine

Summary. The article deals with the problem of defining the meaning of terms «cooperative learning» and «collaborative learning» by means of content analysis of definitions of the terms in authentic articles and books. The analysis is conducted within the framework of PhD research on future language teachers' training in the usage of cooperative learning.

Keywords: content analysis; cooperative learning; collaborative learning; language teachers.

Introduction

Future language teacher's training is a current problem in modern Ukrainian society. A demand for innovative methods and techniques which are able to boost language education emerges, and, as a result, the need for teachers capable of implementing the innovations is quite topical. Cooperative and collaborative learning occupy one of the leading places among innovative methods that have a high potential in language education (Bruffee K., Cohen E., Johnson R. & D., Kagan S., McConnel D., Olsen R. E., Roschelle J., Sharan & Sharan, Slavin R., Teasley S. etc.).

In the course of investigation of peculiarities of future language teachers' training in the usage of cooperative learning we came across a great variety of definitions of terms «cooperative» and «collaborative» learning in different subject areas. From the perspective of our research, it is of overall importance to work out definitions of both terms which could be applied to the training of future language teachers. We have chosen a method of content analysis to fulfill this task. The *aim* of this article is to present a process of defining mentioned above terms by means of content analysis.

Content analysis

Content analysis as a method of research is being investigated by many scientists (Berelson B., Green B., Holsti O., Ivanov V., Krippendorff K., Semenov V., Khylko M. etc.). Under the term «content analysis» B. Berelson understands a research technique for an objective, systemic and quantative description of a content of communication (Berelson, 1952) [1, p. 74]. B. Green defines content analysis as an objective method used to classify and quantify qualitative information through the use of categories (Green, 2004) [5, p. 82–91]. According to Ukrainian researcher in the field of education O. Dubaseniuk, there should be the following steps in content analysis of an educational concept: selection of topic, objectives and hypothesis, and the creation of a working body for analysis (samples of articles, excerpts with target categories); identification of categories, concepts and units for analysis, contextual units and units for evaluation; creation of a table, evaluation and analysis of the results and creation of the definition on the basis of the findings [3, p. 200–221].

The categories for analysis may be words, themes, contextual units (sentences), concepts [6]. In our research we deal with words, concepts and contextual units (sentences). «Words are the smallest units for analysis, whereas concepts are words grouped into conceptual clusters that constitute ...variables in a typical research hypothesis» [10]. As a category of analysis

a series of simple questions is used, the answers to which are selected from sample definitions. The responses make a logical semantic unity that gives us possibility to calculate each of these repeated words or their synonyms. This is done with respect to the principle of statistical significance. The analyzed text segments are of homogeneous semantic plan, which enables us to use the principle of formalization [7]. Principles of formalization and statistical significance are applied for the effective conduct of the content analysis [3, p. 200–221]. We have followed these principles and have undertaken the above mentioned steps in the process of content analysis of terms «cooperative» and «collaborative» learning.

Procedure

Cooperative and collaborative learning methods have been investigated by a lot of scholars in various contexts. For our investigation, we have selected only the articles and book excerpts that deal with various aspects of the usage of cooperation and collaboration in the language learning and teaching, both in the first language (native) and in foreign languages (Bruffee K. A., Cohen E., Deutsch M., Gillies R. M., Johnson D., & Johnson J., Kagan S., Millis B., Olsen Oxford R. L., R. E., Panitz T., Paz Dennen V., Sharan S., Schrage M. etc.).

The ***topic*** constitutes the main ***concepts*** under investigation, which are ***«cooperative learning»*** and ***«collaborative learning»***. The ***objective*** is to create working definitions of both concepts in order to use them in a thesis research. ***Hypothesis*** has been formulated that cooperative and collaborative learning are the same type of small group-work which requires cooperation between group members. For the analysis of concept «cooperative learning» we have selected 18 sources and for «collaborative learning» – 17 ones (***working body for analysis***), among which are definitions from encyclopedia and educational dictionary, articles and book excerpts. The definitions are grouped into a table. Examples of typical definitions which have been used for analysis are presented below (*Tables 1, 2*).

Table 1

Definitions of Cooperative Learning

Number	Definition	Author	Reference
1.	Cooperative learning is well recognized as a pedagogical practice that promotes learning, higher level thinking, prosocial behaviour, and a greater understanding of children with diverse learning, social and adjustment needs.	Cohen E. (1994)	Cohen E. (1994) Restructuring the classroom: conditions for productive groups, *Review of Educational Research*, 64: 1–35 [2]
2.	Cooperative learning is defined as «group learning activity organized so that learning is dependent on the socially structured exchange of information between learners in groups and in which each learner is held accountable for his or her own learning and is motivated to increase the learning of others»	Olsen R. E. W-B., & Kagan S. (1992)	Olsen R. E. W-B., & Kagan S. (1992). About cooperative learning, in *Cooperative language learning: A teacher's resource book,* ed. C. Kessler, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, pp. 1–30 [8]

Series of simple questions are used as categories for analysis (e. g. What? Which? For what purpose?), the answers to these questions are found within the scope of selected definitions. The answers to these questions and their rep-

etition create the material for evaluation. The answers are registered in the table. Taking into consideration the fact that the number of definitions for analysis is comparatively small we used one table for both the development of category apparatus and registration of themes, units and concepts.

Table 2

Definitions of Collaborative Learning

Number	Definition	Author	Reference
1.	Collaborative learning refers to learning processes in which learning takes place in a small group with an interactive social environment through cooperative processes for common academic purposes and shared learning tasks	Erdem M.	Erdem M. (2009) Effects of learning style profile of team on quality of materials developed in collaborative learning processes. *Active Learning in Higher Education* 10(2): 154–71 [4]
2.	Collaborative learning is a learning method that uses social interaction as a means of knowledge building	Paz Dennen V.	Paz Dennen V. (2000)Task structuring for online problem based learning: A case study. *Educational Technology & Society*, 3(3) [9]

The table consists of five columns. First column shows the process of creation of the definition of the concept «cooperative learning». The second one indicates a number of words and word combinations, third one – contains a category apparatus, the fourth one shows the frequency of the usage of the item among authors, the fifth one shows this frequency in the percents.

According to the results of the analysis cooperative learning is: **what?:** a type of group-work (5 authors, 27,77 %), educational strategy (3 authors, 16,66 %), pedagogical practice (2 authors, 11,11 %), method (2 authors, 11,11 %); **which?/ during which?:** members of the group work together in small groups (7 authors, 38,88 %), collaboration is structured (4 authors, 22,22 %); **for what purpose?:** mutual help in learning (4 authors, 22,22 %), optimization of interaction and collaboration (3 authors, 16,66 %), structuring collaboration (3 authors, 16,66 %), optimization of each other's learning (2 authors, 11,11 %).

Thus, ***cooperative learning*** is an educational strategy based on group-work and, the main feature of it is a *structured collaboration* of all members of each small group with the purpose of mutual help in the process of learning and optimization of interaction.

The same procedure is applied to the process of analysis of collaborative learning. The results are presented in Table 4.

The resulting definition is as follows, ***collaborative learning*** is a type of learning process when two or more individuals with complementary skills interact to solve common academic purposes, to explore a significant question or to create a meaningful project.

Hence, the starting hypothesis is not confirmed as although the definitions of both concepts are very similar, there is some difference, which lies in the fact that cooperative learning is a more structured type of group-work. Besides, in collaborative learning, common solution of an academic task is stressed more than in cooperative learning.

Table 3

Category apparatus design of concept «cooperative learning» and registration of units for analysis

Working definitions of cooperative learning	Number	Category apparatus	Number of authors	~ %
Cooperative learning is ...		What?		
	1.	a situation	1	5,5 %
	2.	a usage	1	5,5 %
	3.	an educational strategy	3	16,66 %
	4.	a pedagogical practice	2	11,11 %
	5.	an approach	1	5,5 %
	6.	a cooperative work	1	5,5 %
	7.	a type of group-work	5	27,77 %
	8.	a process	1	5,5 %
	9.	a method	2	11,11 %
Cooperative learning is a type of group-work ...		Which?/During which?		
	1.	students work in small groups	7	38,88 %
	2.	promotes learning	1	5,5 %
	3.	requires positive interdependence	1	5,5 %
	4.	optimizes socialization	1	5,5 %
	5.	collaboration is structured	4	22,22 %
	6.	common goal is achieved	2	11,11 %
	7.	interaction and collaboration is optimized	1	5,5 %
Cooperative learning is a type of group-work during which students work in small groups ...		For what purpose?		
	1.	mutual help in learning	4	22,22 %
	2.	optimization of each other's learning	2	11,11 %
	3.	development of higher level thinking	1	5,5 %
	4.	optimization of education and socialization	1	5,5 %
	5.	structuring collaboration	3	16,66 %
	6.	reaching common goal	2	11,11 %
	7.	optimization of interaction and collaboration	3	16,66 %
	8.	mutual responsibility	1	5,5 %

Conclusions

The results of content analysis show that both cooperative learning and collaborative learning are types of group-work, however cooperative learning requires structured collaboration in a small group with the purpose of mutual help in the process of studies and optimization of interaction, whilst collaborative learning requires less controlled interaction to explore some academic problem. In other words, cooperation is more controlled by a teacher and collaboration is less controlled. Though the definitions are quite close in meaning the analysis shows that there is a slight difference which allows them to be used on different levels of educational process, with different age groups and with different outcomes.

Table 4

Category apparatus design of concept «cooperative learning» and registration of units for analysis

Working definitions of cooperative learning	Number	Category apparatus	Number of authors	~%
Collaborative learning is ...	What?			
	1.	a coordinated, synchronous activity	1	5,88
	2.	a method of teaching and learning	2	11,76
	3.	an act of working	1	5,88
	4.	an approach	2	11,76
	5.	a reflexive dialogue	1	5,88
	6.	a type of learning	3	17,65
	7.	a process	5	29,41
	8.	a philosophy of interaction	2	11,76
Collaborative learning is a type of learning process ...	Which?/During which?			
	1.	two or more individuals with complementary skills interact / work together	5	29,41
	2.	self-directed groups working together	2	11,76
	3.	helps students become members of the knowledge communities	1	5,88
	4.	learning takes place in a small group with an interactive social environment	1	5,88
	5.	small groups with an interactive social environment cooperate	3	17,65
	6.	social interaction is used as a means of knowledge building	3	17,65
	7.	students are given more power over their learning than in traditional instruction	2	11,76
Collaborative learning is a type of learning process when two or more individuals with complementary skills interact ...	For what purpose?			
	1.	to create a shared understanding/to create or produce something	2	11,76
	2.	to solve a common learning task/to solve common academic purposes and shared learning tasks	7	41,17
	3.	creation of a means of knowledge building	1	5,88
	4.	to explore a significant question or create a meaningful project	2	11,76
	5.	of acculturating students into the immediate community of learners and the wider world of the target language and culture	2	11,76
	6.	to construct and maintain a shared concept of a problem	3	17,65

Bibliography

1. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. – New York: The Free Press, 1952. – P. 74.
2. Cohen E. Restructuring the classroom: conditions for productive groups // *Review of Educational Research* – 1994. – № 64. – P. 1–35.
3. Dubaseniuk O. Content analysis method in the system of psychological and educational investigations, in *Methodology of scientific investigations,* ed. D. Chernilevskiy, O. Dubaseniuk, et al, 2nd ed. – Vinnitsa, AMSKP, 2010. – P. 200–221.
4. Erdem M. Effects of learning style profile of team on quality of materials developed in collaborative learning processes // *Active Learning in Higher Education*. – 2009. – № 10(2). – P. 154–71.
5. Green B. Personal construct psychology and content analysis // *Personal Construct Theory and Practice*. – 2004. – № 1. – P. 82–91.
6. Introduction to content analyses. Retrieved on 3/15/2014 from: http://depts.washington.edu/uwmcnair/chapter11.content.analysis.pdf.
7. Manaiev O. Content analysis – description of the method. http://psyfactor.org/lib/kontent.htm Accessed 2/16/2014.
8. Olsen R. E. W-B., & Kagan S. About cooperative learning, in *Cooperative language learning: A teacher's resource book,* ed. C. Kessler, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. – 1992. – P. 1–30.
9. Paz Dennen V. Task structuring for online problem based learning: A case study // *Educational Technology & Society*. – 2000. – № 3(3).
10. Sanders W., and Pinhey T. K. The conduct of social research. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1959. – P. 19.

© Baida M. V., 2014

УДК 372.83

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ВИД ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ

Н. В. Абросимова, кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

THE PROJECT AS A KIND OF PRACTICAL WORK

N. V. Abrosimova, candidate of political sciences
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Summary. The article contains the information about the project activities of students studying the subject «Photography» in the section «Basics of knowledge about the person and society culture», which is part of the program «Social studies» – disciplines of humanitarian socio-economic cycle in vocational school or college.

Keywords: methods of education; project; social science; photography; interdisciplinary approach.

Преподаватели нередко сталкиваются с проблемой отсутствия мотивации у студентов технических и естественнонаучных специальностей изучать дисциплины, относящиеся к общему гуманитарному социально-экономического циклу среднего профессионального образования. А, как известно, изучение этих дисциплин является обязательным. Одним из способов разрешения описанной коллизии является применение нестандартных, междисциплинарных подходов, способствующих творческому развитию студентов подросткового и юношеского возраста 15–20 лет. В данной статье речь пойдет об одном из таких способов, а именно о проектной деятельности студентов.

Часть «Искусство как элемент духовной культуры» подраздела «Мораль, искусство и религия как элементы духовной культуры» второго раздела «Основы знаний о духовной культуре человека и общества» программы по «Обществознанию» предполагает проведение практического занятия, на котором студенты презентуют свои проекты, выполненные по заданию преподавателя. Особенно интересно выполнение данного проекта для студентов, обучающихся по специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений». Задания и прочие материалы для выполнения проекта раздаются в письменном виде преподавателем после изучения теоретической части и включают в себя следующие элементы.

I. Студентам предлагается тема проекта: «Архитектурные стили Санкт-Петербурга в объективе фотоаппарата». При этом архитектура и фотография относятся автором к пространственным, или пластическим, искусствам. Фотография (фотографическое искусство) понимается как самостоятельный вид искусства, вобравший в себя некоторые принципы живописи, в которой создание композиции и художественного образа происходит посредством синтеза технических и изобразительных средств.

II. Форма учебной деятельности студентов: групповая.

III. Студентам необходимо выполнить нижеследующие задачи.

1. Используя фотокамеру, студенты создают художественный образ петербургской архитектуры в жанре «Архитектурная фотография», используя изобразительные и технические средства искусства фотографии. Во-первых, они фотографи-

руют здания разных стилей целиком, во-вторых, фотографируют элементы зданий разных стилей крупным планом.

Предполагается, что студенты сделают по одному или несколько снимков каждого здания и по одному снимку основных элементов зданий, характеризующих стиль архитектуры (один элемент – один снимок). Чем больше зданий и элементов сфотографировано, тем выше оценка (предлагается рейтинговая система).

Стили архитектуры и здания выбираются самостоятельно из предложенных преподавателем (таблицу).

Стили и здания

Архитектурный стиль	Здания и элементы зданий
Петровское барокко (начало 18 века)	Бастион Меншикова в Петропавловской крепости; колокольня Петропавловского собора; Петропавловские ворота Петропавловской крепости, Летний дворец Петра I, Кунсткамера, Меншиковский дворец, «Двенадцать коллегий»; окна петровского барокко
Высокое барокко (середина 18 века)	Зимний дворец, Собор Смольного монастыря, Строгановский дворец; окна высокого барокко
Классицизм (конец 18 века)	Академия художеств, Таврический дворец, Академия наук, Смольный институт, Публичная библиотека, Инженерный замок, Эрмитажный театр, Арка галереи Большого Эрмитажа, Мраморный дворец, Костел св. Екатерины, Гостиный двор, ограда Летнего сада, окна классицизма, ордерные ряды зданий
Ампир (начало 19 века)	Казанский собор, ограда у Казанского собора, Горный институт, Биржа с ростральными колоннами, ростральная колонна, Биржа, Адмиралтейство, Московские триумфальные ворота, Нарвские триумфальные ворота, элементы ворот: скульптуры, лепнина; Александринский театр, Сенат и Синод, Михайловский театр, ограда Михайловского дворца, Александровская колонна, Арка Главного штаба, элементы Арки: скульптуры и пр., Исаакиевский собор, элементы
Ранняя эклектика (середина 19 века) (романтизм, стилизаторство, необарокко, неоренессанс, «русский византийский» стиль, здания с новыми функциями)	Лютеранская церковь св. Петра, Мариинский дворец, дворец Белосельских-Белозерских, Городская дума, Пассаж, Кронверк Петропавловской крепости, Николаевский вокзал, Балтийский вокзал, Мариинский театр, Новый Эрмитаж
Поздняя эклектика (конец 19 века) (декоративная эклектика, «рациональная архитектура», «металлическая» и «стеклянная» архитектура, «кирпичный стиль», «стиль эталонных объектов», русское направление, доходные дома)	Архив Государственного совета, Музей училища технического рисования Штиглица, цирк Чинизелли, церковь Воскресения «На крови», Певческая капелла
Модерн (начало 20 века) (модернизированные ретростили, «стиль национальных мотивов»)	Дом компании «Зингер», Торговый дом бр. Елисеевых, особняк Кшесинской, Торговый дом Мертенса, Доходный дом Толстого, Доходный дом Розенштейна, Западный корпус Русского музея, Этнографический музей, мечеть, буддийский храм в Старой деревне, Витебский вокзал
Советский стиль	Самостоятельный поиск
Российский стиль девяностых и нулевых годов	Самостоятельный поиск

2. Студентам создают презентационные компьютерные файлы в программе Microsoft Office Power Point. Материал, который будет содержаться в презентации: текст (описание здания; адрес здания; архитектор; характеристика стиля, в котором создано здание; описание используемой фотокамеры) и фотографии (изображение зданий целиком; элементы здания крупным планом, характеризующие определенный стиль).

3. Студенты представляют отчет об итогах проекта на аудиторном занятии: принести презентации, выступить перед аудиторией (однокурсниками и преподавателем).

Кроме того, студентам предлагается список литературы по теме проекта (об искусстве фотографии, способах фотосъемки архитектуры и стилях архитектуры).

В качестве заключения стоит сказать, что данный вид студенческой деятельности подразумевает, что теоретический материал по теме проекта освоен студентами в полном объеме на лекциях и в результате самостоятельной работы вне аудитории.

© Абросимова Н. В., 2014

Lékařské vědy

УДК 159.9.072.432

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАГИРОВАНИЯ В «СИТУАЦИИ ЗАБОЛЕВАНИЯ» ПРИ КОМОРБИДНОМ ТЕЧЕНИИ ХРОНИЧЕСКОГО ФАРИНГИТА И ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ

А. Н. Петровская, доктор медицинских наук, профессор;
М. А. Ярославская, кандидат психологических наук

Психиатрическая клиническая больница № 12 Департамента здравоохранения Москвы, г. Москва, Россия

PSYCHOLOGICAL FEATURES RESPONSE «DISEASE SITUATION» IN COMORBIDITY OF CHRONIC PHARYNGITIS AND DEPRESSIVE DISORDERS

A. N. Petrovskaya, doctor of medical sciences, professor;
M. A. Yaroslavskaya, candidate of psychological sciences

Psychiatric hospital № 12, Moscow, Russia

Summary. The purpose of research was to identifying the psychological characteristics of response «situation disease» patients with comorbid chronic pharyngitis and during the depression. Found that patients with high levels of neuroticism, expressed psychosocial maladjustment.

Keywords: chronic pharyngitis; depression; personality; adaptation; coping.

Хронический фарингит (МКБ-10: J31.2) – хроническое воспаление слизистой оболочки и лимфоидной ткани глотки. Хронический фарингит (ХФ) одно из наиболее распространенных полиэтиологических заболеваний верхних дыхательных путей у лиц среднего и пожилого возраста [2–9]. ХФ занимает ведущее место по числу обращений в амбулаторной практике врача-отоларинголога и специалистов общего профиля [1]. В условиях хронического стресса, болезни возрастает риск развития психоэмоциональных расстройств, и как следствие, социальной дезадаптации пациента, ухудшения качества его жизни, поэтому становится особенно актуальной задача определения механизмов саморегуляции психической деятельности, поиска личностных ресурсов для успешного преодоления последствий заболевания [10–13].

Целью настоящего исследования явилось выявление психологических особенностей реагирования в «ситуации заболевания» больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств.

Характеристика групп обследованных и методы исследования

В исследовании приняли участие 45 человек в возрасте от 18 до 75 лет. Основная группа включала в себя 30 пациентов с коморбидным течением хронического фарингита и депрессивных расстройств. Больные находились на лечении в отделениях ПКБ № 12 г. Москвы.

Выборка из 30 пациентов была разбита на 2 группы. Первую группу составили 15 человек, имеющие депрессивные расстройства (МКБ-10: F41-F43 невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства) при коморбидном течении хронического катарального

фарингита. Средний возраст составил 52,4 ± 15,3. Вторую группу составили 15 человек, имеющие депрессивные расстройства (МКБ-10: F41-F43 невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства) при коморбидном течении хронического субатрофического фарингита, как результата тонзилэктомии, проведенной в детском возрасте. Средний возраст составил 51,5 ± 16,1. Группы являлись сопоставимыми по основным социально-демографическим характеристикам.

Жалобы больных в обеих группах сводились к сухости, першению, умеренной боли при «пустом глотке» и ощущению «кома» в горле, неудовлетворенности многократно проводимой медикаментозной терапией в виде антисептических спреев и растворов для полоскания, а также таблеток для рассасывания, местных антисептиков, нестероидных противовоспалительных средств и т. д.

Группу сравнения составили 15 практически здоровых лиц, не имеющие психических расстройств и заболеваний дыхательных путей, средний возраст – 51,5 ± 16,2, с целью демонстрирования усредненных значений по методикам.

Для изучения личностных особенностей применялась методика СМИЛ Л. Н. Собчик, 2002. Для изучения частоты использования и оценки степени эффективности копинг-стратегий применялся копинг-опросник Ways of Coping Questionnaire (WCQ) R. S. Lazarus, S. Folkman, адаптированный в лаборатории психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана, 2009. Для оценки степени истощения личностных ресурсов стрессоустойчивости использовался опросник потерь и приобретений персональных ресурсов (ОППР) Н. Е. Водопьяновой, М. В. Штейн, 2009.

Статистическая обработка результатов исследования

При статистической обработке результатов рассчитывались среднеарифметические значения, стандартные отклонения, достоверность различий между группами. Последний показатель рассчитывался по U-критерию Манна – Уитни. При обработке результатов использовалась компьютерная статистическая программа «Statistica 6.0». Использовали также программу MICROSOFT EXCEL 2003. Расчет производился с достоверностью $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

При сопоставлении результатов 1 и 2 выборок не было выявлено достоверных различий ($P > 0,05$) (рис. 1). Полученные личностные профили у больных с депрессивными расстройствами указывают на высокий уровень невротизации, социально-психологическую дезадаптацию, проявляющуюся в эмоциональной лабильности и напряженности, неустойчивой самооценке, болезненной сосредоточенности на своем самочувствии, склонности к конверсионным расстройствам, высоком уровне тревожности, повышенной утомляемости, потребности в ограничении социальных контактов. Соотношение шкал достоверности F и K выявляет устойчивую тенденцию в восприятии своего психосоматического состояния как тяжелого. Для 1 группы в профиле ведущим является пиковое сочетание 1, 2 шкал с 7, 8, что указывает на преобладание в клинической картине тревожно-депрессивного состояния с ипохондрическими включениями. Для 2 группы высокие показатели по 2-й шкале дополняются двойным пиком по 7-й и 8-й шкалам, что указывает на психоастенический тип личности с менее выраженной ипохондризацией, чем в 1 группе.

Достоверные различия ($P < 0,05$) были выявлены при сопоставлении результатов здоровых испытуемых и больных из 1 и 2 выборки. Здоровые испытуемые обнаруживают большую жизнестойкость в сравнении с пациентами, страдающими депрессивными

расстройствами. Они занимают активную личностную позицию, оказывают выраженное сопротивление стресс-средовым воздействиям, в структуре мотивационной направленности – отмечается преобладание мотивации достижения, уверенность и быстрота в принятии решений.

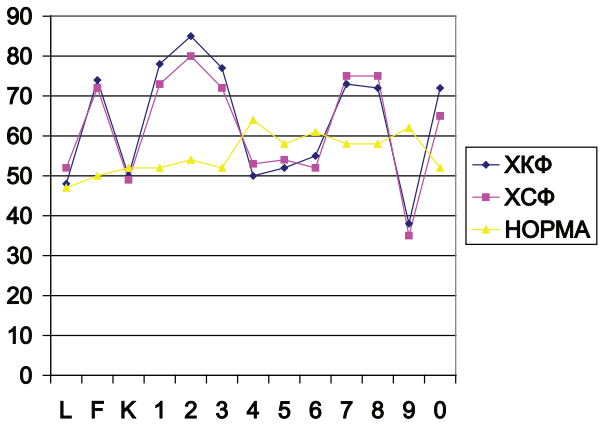


Рис. 1. Результаты исследования больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств и здоровых испытуемых, полученные с помощью методики СМИЛ

Полученные данные согласуются с результатами исследования, полученными с помощью методики «WCQ» (рис. 2). В ходе исследования было установлено, что в целом у больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями.

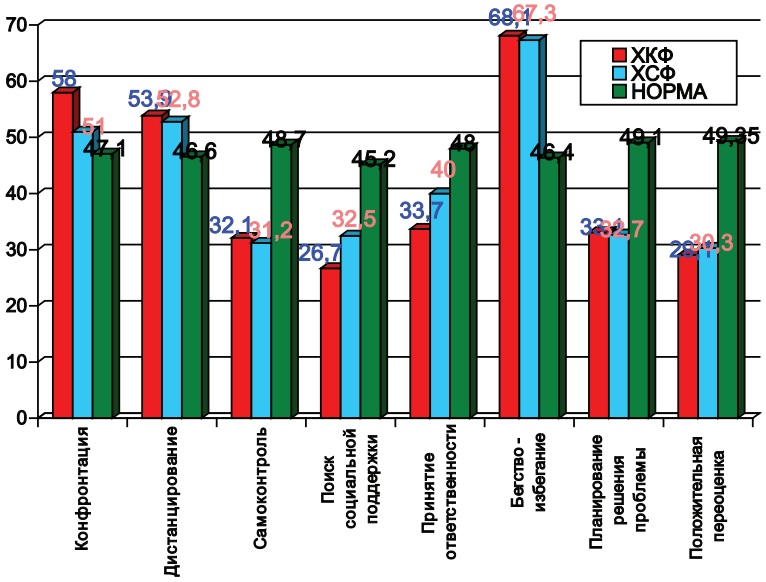


Рис. 2. Средние показатели предпочтительности стратегий преодолевающего поведения для групп ХКФ, ХСФ и здоровых испытуемых, полученные с помощью методики «WCQ»

Выявлены различия при сопоставлении результатов больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств с данными здоровых испытуемых. Пациенты из 1 и 2 групп достоверно ($P < 0,05$) активнее обращаются к копинг-стратегиям «конфронтация», «дистанцирование», «бегство – избегание», реже используют стратегии «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка». Таким образом, у больных, страдающих хроническим катаральным и субатрофическим фарингитом, наблюдаются защитный характер поведенческой активности, низкий функциональный уровень совладающего поведения, несбалансированность функционирования когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинга.

Для больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств в ситуациях стресса и заболевания наиболее предпочтительными стратегиями совладания являются эмоционально ориентированные, они проявляют предрасположенность к эмоциональной неустойчивости, внешнеобвиняющим реакциям, слабому учету социальной действительности, испытывают выраженные трудности в использовании социальных ресурсов, склонны не признавать личной роли в возникновении трудностей, ухудшении своего состояния. Больные хроническим субатрофическим фарингитом достоверно ($P < 0,05$) активнее используют стратегию «принятие ответственности», в сравнении с пациентами, страдающими хроническим катаральным фарингитом, что указывает на более сознательный и ответственный подход к важности подготовки определенных действий по сохранению собственного здоровья и удовлетворительного самочувствия, таких как накопление денежных средств, своевременное принятие медикаментозных препаратов, прохождение плановых обследований по предотвращению тех или иных неблагоприятных последствий, например ухудшения психосоматического состояния. Больные хроническим субатрофическим фарингитом достоверно ($P < 0,05$) реже используют стратегию «конфронтация» в сравнении с пациентами с диагнозом «хронический катаральный фарингит», что говорит о более выраженном контроле своих эмоциональных реакций.

Результаты исследования ресурсности личности с помощью методики «Потери и приобретения персональных ресурсов» выявили высокий уровень ресурсности в группе здоровых испытуемых, средний балл составил – 1,5 ± 0,7, что достоверно ($P < 0,05$) выше в сравнении с показателями больных из 1 группы (0,8 ± 0,2), для которых характерно расположение значений на границе среднего и низкого уровней ресурсности, и пациентов из 2 группы (0,9 ± 0,5), что указывает на средний уровень. У пациентов из 1 выборки значения достоверно ниже, чем у больных из 2 группы, что указывает на большую стрессовую уязвимость, недостаточную удовлетворенность материальными средствами, нематериальными конструктами, внешними и внутренними – интерперсональными переменными.

Выводы

1. Для больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств характерен высокий уровень невротизации, выражена социально-психологическая дезадаптация, проявляющаяся в эмоциональной лабильности и напряженности, неустойчивой самооценке, болезненной сосредоточенности на своем самочувствии, склонности к конверсионным расстройствам, высоком уровне тревожности, повышенной утомляемости,

потребности в ограничении социальных контактов.

2. У пациентов с хроническим субатрофическим фарингитом, по сравнению с больными хроническим катаральным фарингитом, в меньшей степени выражена ипохондризация.

3. У больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств в целом ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями. У них наблюдаются защитный характер поведенческой активности, низкий функциональный уровень совладающего поведения, несбалансированность функционирования когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинга.

4. Для больных при коморбидном течении хронического фарингита и депрессивных расстройств в ситуациях стресса и заболевания наиболее предпочтительными стратегиями совладания являются эмоционально ориентированные, они проявляют предрасположенность к эмоциональной неустойчивости, внешнеобвиняющим реакциям, слабому учету социальной действительности, испытывают выраженные трудности в использовании социальных ресурсов, склонны не признавать личной роли в возникновении трудностей, ухудшении своего состояния.

5. Больные хроническим субатрофическим фарингитом, в сравнении с пациентами, страдающими хроническим катаральным фарингитом, более сознательно и ответственно подходят к подготовке определенных действий по сохранению собственного здоровья и удовлетворительного самочувствия.

6. У больных хроническим субатрофическим фарингитом более развит эмоциональный контроль в сравнении с пациентами с диагнозом «хронический катаральный фарингит».

7. У больных хроническим субатрофическим фарингитом адаптационный потенциал и общий показатель жизнестойкости выше, в сравнении с пациентами, страдающими хроническим катаральным фарингитом.

8. Больным хроническим фарингитом целесообразно назначать консультацию психоневролога, гастроэнтеролога.

Библиографический список

1. Васяева А. А., Арефьева Н. А. Иммунотерапия при хронических фарингитах: показания, результаты // Русский медицинский журнал. – 2010. – Т. 18. – № 30. – С. 1864–1869.
2. Вишняков В. В., Синьков Э. В. Современные препараты при лечении больных с воспалительными заболеваниями глотки // Русский медицинский журнал. – 2013. – № 11. – С. 587–592.
3. Епанчинцева А. С., Свистушкин В. М., Исаков В. А., Шабаров В. Л., Гибадуллина Л. В. Возможности суточной PH-метрии в диагностике высокого рефлюкса у больных хроническими фарингитами // Российская оториноларингология. – 2009. – № 2. – С. 71–74.
4. Лучихин Л. А. Патогенетическая терапия хронического фарингита // Фармакологический вестник. – 2001. – № 8 (207). – С. 21.
5. Лучшева Ю. В., Изотова Г. Н. Местная терапия при фарингите // РМЖ. – 2011. – Т. 19. – № 6 (400). – С. 420–426.
6. Пальчун В. Т., Крюков А. И. Оториноларингология : учеб. лит-ра для студ. мед. вузов. – М., 1997. – 512 с.
7. Солдатский Ю. Л., Погосова И. Е., Завикторина Т. Г. Клинические корреляции между хроническим фарингитом и кислотозависимой патологией желудочно-кишечного тракта в детском возрасте // Медицинский совет. – 2013. – № 2–3. – С. 50–55.
8. Туровский А. Б., Кондрашина В. В. Симптоматическая терапия при заболеваниях глотки // Вестник оториноларингологии. – 2013. – № 6. – С. 67–71.
9. Шайхова Х. Э., Хаджиметов А. А., Каримов М. М., Улугходжаева Л. А. Состояние неспецифических факторов иммунной системы организма при хроническом фарингите // Российская оториноларингология. – 2009. – № 4. – С. 140–144.
10. Ярославская М. А. Общие сведения и взаимосвязь феноменов адаптации, стресса и совладающего поведения. // Вестник Академии медико-технических наук. – 2012. – № 1 (6). – С. 48–52.

11. Ярославская М. А. К вопросу о внедрении психологической службы в практику работы лечебных учреждений соматического стационара // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы : матлы Всерос. науч.-практ. конф. 14–15 февр. 2013 г. – М., 2013. – С. 146–147.
12. Leite C. C., Maia Â. Symptoms of disease and psychological adaptation in Brazilian scleroderma patients // Rev Bras Reumatol. – 2013, Sep-Oct. – № 53 (5). – P. 405–411.
13. Smith J. G., Elias L. A., Yilmaz Z., Barker S., Shah K., Shah S., Renton T. The psychosocial and affective burden of posttraumatic neuropathy following injuries to the trigeminal nerve // J Orofac Pain. – 2013 Fall. – № 27 (4). – P. 293–303.

Bibliography

1. Vasyaeva A. A., Arefeva N. A. Immunoterapiya pri hronicheskih faringitah: pokazaniya, rezultatyi // Russkiy meditsinskiy zhurnal. – 2010. – T. 18. – № 30. – P. 1864–1869.
2. Vishnyakov V. V., Sinkov E. V. Sovremennyie preparatyi pri lechenii bolnyih s vospalitelnyimi zabolevaniyami glotki // Russkiy meditsinskiy zhurnal. – 2013. – № 11. – P. 587–592.
3. Epanchintseva A. S., Svistushkin V. M., Isakov V. A., Shabarov B. L., Gibadullina L. V. Vozmozhnosti sutochnoy RN-metrii v diagnostike vyisokogo reflyuksa u bolnyih hronicheskimi faringitami // Rossiyskaya otorinolaringologiya. – 2009. – № 2. – P. 71–74.
4. Luchihin L. A. Patogeneticheskaya terapiya hronicheskogo faringita // Farmakologicheskiy vestnik. – 2001. – № 8 (207). – P. 21.
5. Luchsheva Yu. V., Izotova G. N. Mestnaya terapiya pri faringite // RMZh. – 2011. – T. 19. – № 6 (400). – P. 420–426.
6. Palchun V. T., Kryukov A. I. Otorinolaringologiya : ucheb. lit-ra dlya stud. med. vuzov. – M., 1997. – 512 p.
7. Soldatskiy Yu. L., Pogosova I. E., Zaviktorina T. G. Klinicheskie korrelyatsii mezhdu hronicheskim faringitom i kislotozavisimoy patologiey zheludochno-kishechnogo trakta v detskom vozraste // Meditsinskiy sovet. – 2013. – № 2–3. – P. 50–55.
8. Turovskiy A. B., Kondrashina V. V. Simptomaticheskaya terapiya pri zabolevaniyah glotki // Vestnik otorinolaringologii. – 2013. – № 6. – P. 67–71.
9. Shayhova H. E., Hadzhimetov A. A., Karimov M. M., Ulughodzhaeva L. A. Sostoyanie nespetsificheskih faktorov immunnoy sistemyi organizma pri hronicheskom faringite // Rossiyskaya otorinolaringologiya. – 2009. – № 4. – P. 140–144.
10. Yaroslavskaya M. A. Obschie svedeniya i vzaimosvyaz fenomenov adaptatsii, stressa i sovladayuschego povedeniya // Vestnik Akademii mediko-tehnicheskih nauk. – 2012. – № 1 (6). – P. 48–52.
11. Yaroslavskaya M. A. K voprosu o vnedrenii psihologicheskoy sluzhbyi v praktiku rabotyi lechebnyih uchrezhdeniy somaticheskogo statsionara // Meditsinskaya (klinicheskaya) psihologiya: traditsii i perspektivyi : mat-lyi Vseros. nauch.-prakt. konf. 14–15 fevr. 2013 g. – M., 2013. – P. 146–147.
12. Leite C. C., Maia Â. Symptoms of disease and psychological adaptation in Brazilian scleroderma patients // Rev Bras Reumatol. – 2013, Sep-Oct. – № 53 (5). – P. 405–411.
13. Smith J. G., Elias L. A., Yilmaz Z., Barker S., Shah K., Shah S., Renton T. The psychosocial and affective burden of posttraumatic neuropathy following injuries to the trigeminal nerve // J Orofac Pain. – 2013 Fall. – № 27 (4). – P. 293–303.

© Петровская А. Н., Ярославская М. А., 2014

Sociální vědy

УДК 316.334

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: ОЦЕНКИ, УСТАНОВКИ, ТЕНДЕНЦИИ

Н. Г. Хайруллина, доктор социологических наук, профессор
Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия

SOCIO-POLITICAL SITUATION: EVALUATION UNIT AND TRENDS

N. G. Khairullina, doctor of sociological sciences, professor
Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

Summary. Results of the monitoring research conducted in the Tyumen region twice a year are analyzed in the article. One of monitoring problems is the analysis of a socio-political situation. An explanation of sum total data in details allows to consider results of the obtained data reliable. The conclusion that the situation in the socio-political sphere in the region is stable as well as the total level of progressive forms of social activity prevails over conflict, regressive forms is formulated.

Keywords: socio-political situation; socio-political sphere; regional authorities; protest mood; mass actions.

Весной и осенью 2013 г. были проведены анкетные опросы с целью изучения социально-политических отношений в Тюменской области. В целом в опросах приняли участие 2 400 респондентов, из них 46,4 % составили мужчины и 53,6 % женщины. Структура респондентов близка к показателям, характеризующим генеральную совокупность Тюменской области в целом и к социально-демографическим характеристикам выборочной совокупности в частности, что позволяет экстраполировать полученные данные на всю генеральную совокупность исследования и провести анализ данных опроса.

Социальное самочувствие населения во многом определяется и зависит от развития толерантности в области межнациональных и этноконфессиональных отношений. Несмотря на то, что в настоящее время религиозные верования не всегда определяют национальную принадлежность, а определить географические границы распространения в России и её регионах той или иной веры затруднительно в связи с массовыми перемещениями людей различных национальностей, тем не менее, выборочная совокупность представлена наиболее многочисленными этносами, проживающими в Тюменской области (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов в зависимости от национальной принадлежности, в % к общему числу опрошенных

Национальность	%
Русский/русская	79,1 %
Татарин/татарка	8,3 %
Украинец/украинка	3,0 %
Казах/казашка	3,5 %
Другие	6,1 %
Общий итог	100,00 %

Массовые исследования религиозности в России фиксируют быстрое увеличение уровня религиозности и рост интереса к религии людей различных вероисповеданий. Для обеспечения репрезентативности полученных данных в массовом опросе в выборочную совокупность вошли респонденты с наиболее распространёнными вероисповеданиями (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов в зависимости от вероисповедания, в % к общему числу опрошенных

Вероисповедание	%
Считаю себя атеистом	9,4
Не считаю себя верующим	11,5
Считаю себя религиозным человеком, но не отношу к конкретной религии	10,5
Православного вероисповедания	55,7
Исламского вероисповедания	7,4
Протестантского вероисповедания	1,1
Католического вероисповедания	1,6
Прочие конфессии	0,0
Затрудняюсь ответить или нет ответа	2,8
Общий итог	100,0

Рассмотрим оценки, высказанные респондентами, об эффективности деятельности органов власти по решению общественно-политической проблем в Тюменской области. По сравнению с первым полугодием 2013 г. доля позитивных оценок возросла с 40,5 до 42,5, доля негативных – сократилась на 7,0% – с 30,7 до 23,7% соответственно (табл. 3). Следует обратить внимание, что каждый третий участник анкетного опроса затруднился оценить и эффективность деятельности органов власти Тюменской области по решению проблем общественно-политической сферы региона. В первом полугодии 2013 г. это был каждый четвёртый.

Таблица 3

Динамика суждений респондентов об эффективности деятельности органов власти по решению проблем общественно-политической сферы региона, в % к общему числу опрошенных

Оценка эффективности	Этап	
	весна 2013	осень 2013
Определённо не эффективная	8,8	4,5
Пожалуй, не эффективная	21,9	19,2
Пожалуй, эффективная	30,1	35,4
Определённо эффективная	10,4	6,6
Затрудняюсь ответить	28,9	34,4

Следующий блок вопросов анкеты позволил оценить уровень протестных настроений. За полгода доля респондентов, считающих, что вероятность массовых выступлений низка, снизилась с 57,4 до 54,9% соответственно. При этом незначительно увеличилось число респондентов, придерживающихся противоположного мнения «массовые выступления скорее вероятны и безусловно вероятны» с 29,7 до 33,8% (табл. 4).

Таблица 4

Динамика суждений респондентов о возможности массовых выступлений в населённом пункте, где они проживают, в настоящее время, в % к общему числу опрошенных

Массовые выступления	Этап	
	весна 2013	осень 2013
Скорее не вероятны	40,0	43,0
Совершенно невероятны	17,4	11,9
Безусловно вероятны	12,9	13,0
Скорее вероятны	16,8	20,8
Затрудняюсь ответить	13,1	11,3

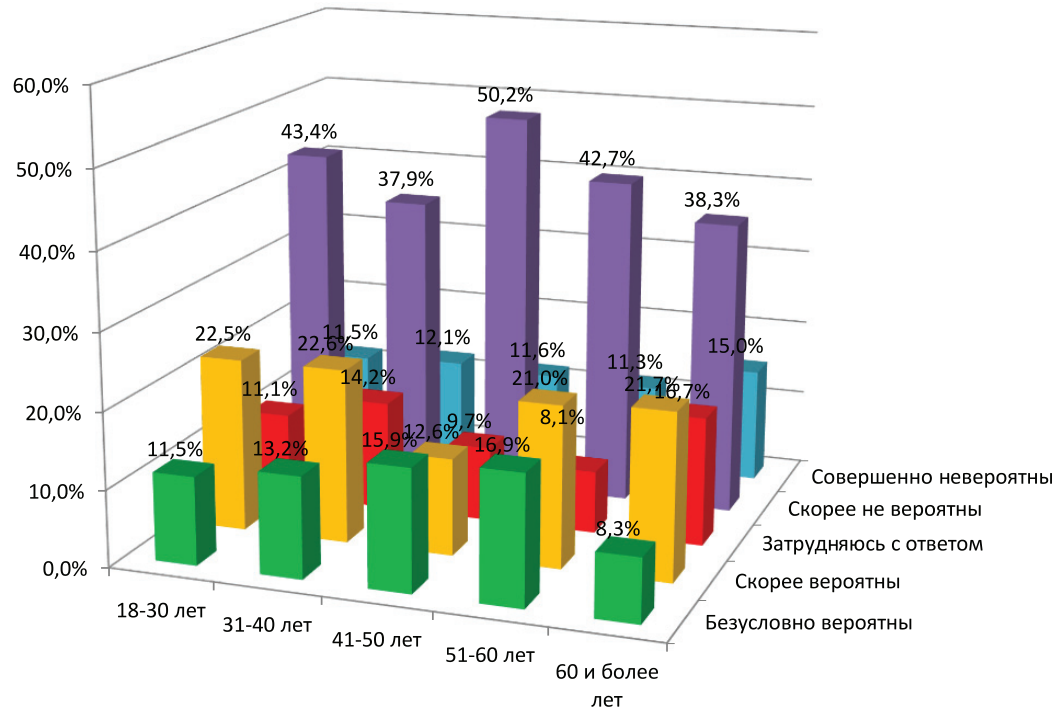
Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов

(пол, возраст, национальность), позволил выявить следующие тенденции.

1. Чуть более четверти опрошенных мужчин и женщин (28,8 и 28,6 % соответственно) утверждают, что вероятность массовых выступлений жителей, в случае роста цен, падения уровня жизни, безработицы и т. д. высока или очень высока. При этом на 4,5 % мужчин больше, чем женщин, полагают, что вероятность таких выступлений низка либо вообще отсутствует.

2. Чем старше участники опроса, тем чаще они придерживаются позиции, что вероятность массовых выступлений жителей, в случае роста цен, падения уровня жизни, безработицы низка либо вообще отсутствует. И наоборот, чем моложе респонденты, тем чаще они склонны утверждать, что вероятность таких выступлений высока или очень высока (рисунок).

3. Анализ показал, что национальная принадлежность оказывает существенное влияние на выбор поведенческих стратегий. Если условно участников опроса объединить в такие группы, как «представители Кавказа (азербайджанцы, армяне, дагестанцы, чеченцы)», «представители Средней Азии (узбеки, таджики, киргизы, туркмены)», «мусульмане (татары, башкиры, казахи)» и «славяне (русские, белорусы, украинцы)», то их ответы классифицируются следующим образом. Все представители Кавказа считают, что вероятность массовых выступлений жителей в случае роста цен, падения уровня жизни, безработицы низка либо вообще отсутствует. Такое же мнение (в порядке убывания значимости) высказали 63,9 % мусульман, 57,6 % славян и 49,0 % представителей Средней Азии.



Распределение ответов респондентов о возможности массовых выступлений в настоящее время в зависимости от возраста, в % к общему числу опрошенных

Доля опрошенных жителей Тюменской области, считающих для себя возможным принять участие в массовых протестных выступлениях во 2-м полугодии 2013 г., составила 24,4 % и по сравнению с предыдущим полугодием возросла на 0,6 %. Доля тех, кто «скорее» или «совершенно» не настроен на личное участие в акциях протеста, снизилась на 1,4 % и составила 43,3 %. Доля тех, кто не смог однозначно оценить вероятность своего участия, составила 27,3 % при 23,6 % полгода назад (табл. 5). Следует отметить, что автор ранее использовал данный индикатор в своих исследованиях, проведённых среди жителей других регионов Тюменской области [1, 2].

Таблица 5

Динамика распределения ответов респондентов на вопрос о возможности их участия в массовых выступлениях, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Этап	
	весна 2013	осень 2013
Безусловно приму	10,3	11,4
Скорее приму	13,5	13,0
Трудно сказать	23,6	27,3
Скорее не приму	21,5	23,0
Точно не приму	23,2	20,3
Затрудняюсь ответить	7,7	5,1

Если обратиться к возрасту участников анкетного опроса, то здесь выявлено две тенденции. Чем старше участники опроса, тем чаще они заявляют, что не примут участия в массовых выступлениях жителей в случае роста цен, падения уровня жизни, безработицы и т. д. И наоборот, чем моложе респонденты, тем чаще они высказывают готовность принять личное участие в акциях протеста. Если в возрастной категории 60 лет и старше готовность принять личное участие в акциях протеста высказали 17,2 % тюменцев, в возрастной категории 30–39 лет – 20,4 %, то среди молодёжи (18–30 лет) таких уже 27,6 %.

В социологическом исследовании агрегирующий показатель вербальной готовности тюменцев разными способами защищать свои права и интересы определяется через соответствующие индикаторы. На вопрос, что предпримут респонденты в случае роста цен, падения уровня жизни, безработицы и т. д., чуть более половины опрошенных ответили: обращусь к власти или к социальным институтам (СМИ, общественные организации) – 58,0 и 53,3 % соответственно. Для 45,6 % опрошенных приемлемы законные формы протеста, для четверти участников анкетного опроса – несанкционированные, но мирные формы протеста, для 7,7 % – крайние протестные формы, вплоть до насильственных действий или вплоть до полного бездействия (9,8 % опрошенных).

Сохранение определённой социально-экономической и политической напряжённости в России, связанной с продолжающимся ростом тарифов на ЖКХ, ростом цен на топливо, повлекшие повышение цен на основные продукты питания, техногенные аварии, коррупционные скандалы подталкивают население к социальной активности. В подобных условиях граждане пытаются сами отыскать пути реализации своих прав и интересов.

В заключение отметим, что рейтинг указанных форм социальной активности жителей Тюменской области соответствуют общероссийским тенденциям, зафиксированных серией опросов ИСПИ РАН, Левада-центра. В августе 2012 г., после ужесточения закона о митингах, по мнению автора, общественность постепенно

утратила решимость протестовать на улицах, а общий уровень прогрессивных форм социальной активности превалирует над конфликтными, регрессивными формами.

Библиографический список

1. Хайруллина Н. Г. Щербаков Г. А. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. – 2008. – № 4. – С. 44–46.
2. Хайруллина Н. Г., Воробьёв Е. М. Межэтнические отношения в Тюменской области: динамика и тенденции. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. – 196 с.
3. Хайруллина Н. Г. Экономические аспекты социального обеспечения граждан // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 3. – С. 53–58.

Bibliography

1. Hayrullina N. G., Scherbakov G. A. Rol sotsiologicheskih tehnologiy v deyatelnosti organov vlasti, obrazovaniya i biznesa // Izvestiya vyisshih uchebnyih zavedeniy Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. – 2008. – № 4. – P. 44–46.
2. Hayrullina N. G., Vorobyov E. M. Mezhetnicheskie otnosheniya v Tyumenskoy oblasti: dinamika i tendentsii. – Tyumen : TyumGNGU, 2014. – 196 p.
3. Hayrullina N. G. Ekonomicheskie aspektyi sotsialnogo obespecheniya grazhdan // Izvestiya vyisshih uchebnyih zavedeniy Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. – 2012. – № 3. – P. 53–58.

© Хайруллина Н. Г., 2014

УДК 32

ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ РОССИЙСКОГО АРКТИЧЕСКОГО СЕВЕРА И ДИНАМИКИ ЕГО МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Т. М. Бормотова, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник;
О. В. Яковлев, кандидат социологических наук, заместитель начальника научно-исследовательского центра
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия

UNDERSTANDING OF PUBLIC RELATIONS IN THE USE OF THE RUSSIAN ARCTIC NORTH AND DYNAMICS OF ITS MIGRATION

T. M. Bormotova, candidate of sociological sciences, leading researcher;
O. V. Yakovlev, candidate of sociological sciences, deputy head of the research center
All-Russian Research Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Summary. The author emphasizes the issues of national Arctic policy, which is to construct a new system of social relations in the use of the «North» of Russia. Particularly relevant to policies: legislative regulation of national-territorial entities, the scientific support of the process of regional development management, and federal support for socio-economic development, a new study in the rise and the dynamic development of the Arctic North and its migration.

Keywords: migration; Arctic coast; the indigenous peoples; demographic resources; the Arctic territory; the northern route.

В настоящее время Арктический Север России является зоной особого внимания российской и зарубежной науки, и вопросы, связанные с населением Арктики и его миграционной составляющей, в последние годы приобретают особую актуальность.

В связи с наблюдаемым в настоящее время глобальным потеплением регионы Крайнего Севера России всё чаще рассматриваются как всемирная кладовая полезных ископаемых и иных ресурсов, подлежащих скорому освоению, что делает его местом столкновения интересов мировых держав, которое в перспективе может стать основной ареной глобального противостояния.

Арктика способна выполнять не только роль мировой кладовой энергоносителей и других ресурсов, но и стать вторым Великим Шёлковым путём – важнейшим транспортно-логистическим узлом, объединяющим Азиатско-Тихоокеанский регион, Европу, будущий Евразийский союз и Североамериканский регион. Кратчайший путь, соединяющий эти регионы, будет проходить именно через Арктику. Причём это не только Северный морской путь, но и огромные запасы углеводородов, крупные месторождения угля, меди, никеля, свинца, цинка, титана, золота и серебра, алмазов и других стратегически важных ресурсов. Большое значение, на фоне продолжающего роста населения и глобальной продовольственной проблемы, имеют и биоресурсы арктических морей.

Заинтересованность государства в подъеме и динамичном развитии Арктического Севера и миграция его населения вызывают к жизни новые исследования, тем более что обществоведческий интерес к прошлому и настоящему Арктического Севера обусловлен наличием нерешенных социально-экономических проблем. Судьбы коренных малочисленных народов Севера в прошедшем XX столетии предопределялись государ-

ственной политикой на Севере и были тесно связаны с реализацией общенациональных индустриальных и транспортных проектов. Только в пределах второй половины XX столетия коренные малочисленные народы пережили целый ряд крупных социально-экономических преобразований, повлекших перемены в хозяйстве и культуре, в расселении и укладе их жизни. Развитие аборигенных этносов испытало масштабное влияние процессов промышленной экспансии и административной унификации.

Распад СССР, политические и экономические преобразования вызвали резкие изменения в миграциях населения России. Поворот к рынку сразу же обнажил относительную перенаселенность северных районов, откуда население стало быстро выезжать. Коренным образом изменилась ситуация в районах арктического побережья, которое впервые со времени освоения его русскими стало терять население. Реформы и кризис выявили особо острую неадекватность демографической ситуации в северных субъектах Российской Федерации новым – рыночным – реалиям российской жизни, следствием чего стал массовый отток населения из этих регионов. Население северных автономных округов было сформировано в основном выходцами из Центральной России (Центральный и Центрально-Черноземный районы), с Северного Кавказа, с Дальнего Востока и из Украины.

Набирающий обороты процесс сокращения населения России заставляет с особой тревогой относиться к демографической ситуации, складывающейся в последние годы на слабозаселенных просторах арктического побережья.

Вопрос о том, сможет ли Россия и в дальнейшем осваивать Арктический Север, опираясь исключительно на внутренние демографические ресурсы, и, в более острой постановке, – сможет ли Россия удержать регионы арктического побережья, стал предметом публичных дискуссий только в последние годы. Хотя специалисты осознали сложность ситуации уже давно, по меньшей мере 20 лет назад, но в то время открыто обсуждать подобные проблемы было невозможно. Закрытость проблемы обернулась тем, что демографические угрозы обрушились на общество буквально как снег на голову и в тот момент, когда для выработки адекватной государственной миграционной политики и регулирующих механизмов осталось очень мало времени.

Миграция за пределы районов Крайнего Севера в основном связана с ликвидацией значительной части существующих пока поселков. Закрываются главным образом поселки, в которых исчерпаны возможности продолжения работы градообразующих предприятий цветной металлургии и золотодобывающей промышленности и отсутствуют условия для организации других видов производств.

Практика показывает, что государство в настоящее время минимизирует свое участие в расширении числа городов и поселков в указанных районах – высокие издержки на содержание социальной инфраструктуры увеличивают себестоимость газа и нефти, снижают налогооблагаемую прибыль добывающих предприятий и в конечном итоге снижают доходы самого государства. Их постепенная ликвидация происходит в русле общемировых урбанистических тенденций.

Именно поэтому государственные и частные предприятия, расположенные в районах Арктики, Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, руководствуясь принципом экономической целесообразности, как альтернативу практикуют более широкое внедрение контрактной системы найма рабочей силы и постепенно всё в большей мере переходят на вахтовый и вахтово-экспедиционный методы организации своей работы. При этом понятно, что освоение новых месторождений, удаленных от уже построенных

населенных пунктов, принципиально не предполагает иного метода работы, чем вахтовый, где это возможно. Следуя примеру других стран, по контрактам можно привлекать и иностранную рабочую силу. По всей вероятности, это даже будет неизбежно из-за общего демографического кризиса в России.

При определении политики дальнейшего развития северных районов Российской Федерации непроизвольно встает проблема: или и дальше наращивать мощности по освоению Севера и решать социально-экономические нужды страны сегодняшнего дня, или резервировать часть территории и природных ресурсов, чтобы с большей пользой и на новой технической основе использовать их в будущем. В условиях растущей опасности экологической деградации планеты, угрозы всякого рода техногенных нарушений, катастроф, вызываемых неразумной деятельностью человека, очень важно иметь как прибежище обширные свободные территории, которые сохранились только на Севере.

Также имеет место проблема сохранения или восстановления традиционной социальной организации коренных народов Севера, вне которой ни один из них не может выжить в качестве носителя самобытной культуры и обречен на превращение в «этнографический материал». В ряде документов ООН и МОТ отмечается, что закрепление и защита прав коренных народов Земли являются важнейшими сторонами борьбы за соблюдение прав человека и серьезными основаниями для особой обеспокоенности международного сообщества. В 1985 г. Рабочая группа названных организаций приняла решение о разработке проекта «Декларации прав коренного населения», включающих сохранение и развитие этнокультурных признаков и самобытности, защиту от этноцида и геноцида; права, связанные с религией, языком и учебными заведениями, с собственностью коренных народов на землю и природные ресурсы, на сохранение своих традиционных социально-экономических структур и образа жизни, включая охоту, промысел рыбы, собирательство, скотоводство, заготовку леса и обработку земли; охрану окружающей среды; участие в экономической, социальной и политической жизни соответствующих (полиэтнических) государств; право на самоуправление и автономию при решении их внутренних вопросов; право на традиционные контакты и сотрудничество с этнически и духовно близкими народами других государств. Декларация ООН о правах коренных народов принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеей от 13.09.2007 г.

Решающим средством и способом выживания коренных народов является создание действенного механизма самоуправления и хозяйствования. Следует учитывать, что в общей численности населения коренные жители не образуют большинства. Даже в границах национальных образований их доля составляет немногим более 10 %. Коренное население, фактически выступая в качестве национального меньшинства, должно иметь реальные возможности для всестороннего удовлетворения своих потребностей и защиты интересов. При разработке механизма социально-экономического развития малочисленных народов Севера первоочередное значение имеет создание и принятие законодательных актов, которые четко определили бы правовой статус национально-территориальных образований, роль и место народных сходов, ассоциаций, советов старейшин, других общественных организаций, особый характер представительства этих народов в советах всех уровней. Для обеспечения нормальной среды жизнедеятельности всех северян, и в первую очередь коренных жителей, необходимо проводить разумную политику хозяйствования с целью сохра-

нения природной среды их обитания. Местное население особенно беспокоит вопрос о том, как разработка месторождений скажется на их средствах к существованию и на их культуре. Например, аборигены арктической Аляски живут охотой на морских млекопитающих и опасаются, что бурение на шельфе уничтожит их культуру. Именно поэтому аляскинская эскимосская община Пойнт-Хоуп совместно с экологами выступила против проекта компании «Shell» по бурению в Чукотском море.

На удаленных приарктических территориях Российской Федерации местное население оказалось уязвимым перед лицом прогресса. Строительство железных дорог, автотрасс и трубопроводы нарушают миграционные маршруты оленей, которые до настоящего времени свободно передвигались по всей арктической территории. Лишившись возможности кочевать, олени не в состоянии добыть мох для питания. Если вымрут олени, исчезнет экономическая составляющая жизнедеятельности коренного населения Арктики.

Обладая местными ресурсами котельного и печного топлива, десятки поселений российской Арктической зоны для поддержания местного тепло- и энергообеспечения ежегодно завозят тысячи тонн угля за тысячу километров, расходуя на это сотни миллионов рублей. Электроэнергетика является слабым звеном производственной инфраструктуры Арктической зоны и во многих ее районах сдерживает развитие промышленности. Основными диспропорциями в развитии отрасли являются нерациональная структура генерирующих мощностей, низкий технический уровень, недостаточная приспособленность оборудования к экстремальным условиям эксплуатации, низкий уровень надежности энергоснабжения локальных децентрализованных систем.

Водная, энергетическая, экологическая безопасность и транспортная доступность многих местных сообществ российской Арктической зоны не обеспечена. Обладая крупными запасами качественной питьевой воды, население российской Арктики сталкивается с ее дефицитом.

Серьезную опасность представляет загрязнение традиционной этнической пищи (подкожного жира и жировых тканей белых медведей, китов и тюленей) хлорорганическими соединениями в результате дальнего переноса вредных веществ атмосферными потоками, реками и океанскими течениями из стран Азии, Европы и Северной Америки. Также угрозу для безопасности местных северных народностей представляют потенциальные источники радиоактивного загрязнения (места хранения отработанного ядерного топлива). Они связаны с деятельностью российского военного и гражданского атомного флота и располагаются по всему северному побережью Кольского полуострова, в районе Северодвинска на Белом море. Отдельную проблему представляют использовавшиеся в навигационном оборудовании радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЭГ) с истекшим сроком эксплуатации.

Другая опасность для здоровья местных жителей связана с загрязнением атмосферного воздуха, водных объектов, почвы вредными веществами от деятельности предприятий металлургической промышленности, от предприятий добычи и транспортировки нефти и газа, скоплением бытовых и промышленных отходов в несанкционированных свалках, опасность несут железные емкости, химические реагенты для бурения скважин.

Более половины поселений Арктической зоны не имеет круглогодичной транспортной связи. Тарифы на местные авиаперевозки в тех поселениях Арктики, где воздушный транспорт является безальтернативным, несоизмеримы с уровнем денежных доходов населения и потому закрывают для жителей возможности свободного перемещения.

Изолированность арктических поселков в сочетании с сокращением числа фельдшерско-акушерских пунктов и сельских участковых больниц, ликвидацией передвижных форм обслуживания приводит к недоступности медицинской помощи для населения, как коренного, так и жителей вахтовых поселков.

Данные социологических опросов населения[1] свидетельствуют, что на северных территориях Российской Федерации проблемы бедности, низких зарплат и пенсий вызывают особенное беспокойство и тревогу. В частности, в Ненецком автономном округе уровень беспокойства данной проблемой достигает 88%, среднероссийский уровень – 90%.

Свертывание государственной поддержки вызывает дополнительные опасения жителей северных российских территорий за жизнь, здоровье и благополучие своей семьи, будущее своих детей. Лидирует по данному показателю среди субъектов, близкорасположенных к Арктике, Архангельская область – 50–59% против 53–60% в среднем по России.

Криминальная ситуация в арктических регионах Российской Федерации также характеризуется высоким уровнем напряженности. Так, в частности, в Республике Саха (Якутия) за жизнь и здоровье родственников в сильной степени обеспокоен 31% опрошенных респондентов (в сравнении с 37% в среднем по России). Также ввиду исторических особенностей, сформировавшихся еще в советский период существования Российского государства, на российском Севере высок уровень опасений населения пострадать от рук рецидивистов и уголовников. Так, в Республике Саха (Якутия) на остроту данной проблемы в 2012 г. указал 61% опрошенных граждан, в Ненецком автономном округе – 63% по сравнению со среднероссийским показателем в 38%. При этом уровень виктимизации населения, например, в Чукотском автономном округе, достигает, по мнению проживающих там граждан, 21% против средних значений по Российской Федерации в 16%.

Нет сомнения, что интенсивное освоение арктических территорий, расширение социальной базы его участников будет сопровождаться существенными изменениями социально-демографических характеристик, негативно воздействующих на криминогенную ситуацию. В этих условиях правоохранительное сопровождение освоения арктических территорий, в том числе взаимодействия с частными охранными структурами нефтегазовых компаний, должно претерпеть существенное изменение, так как существующая в данное время система организации работы органов внутренних дел уже не будет в состоянии решать новые задачи на должном уровне.

Очевидно, что для решения указанных проблем законодательно необходимо обеспечить функционирование жизнеспособных социальных структур и системы их правоохранительного обеспечения в северных российских регионах. Это невозможно сделать без разрешения вопроса о правовом статусе Арктической зоны Российской Федерации.

На сегодняшний день, согласно Стратегии развития арктических территорий России, прошло много мероприятий, посвященных развитию Арктики. Необходимо создание органа, который будет координировать работу по развитию арктических проектов, целесообразно это сделать в рамках Министерства регионального развития, причем необходимость участия МВД России и ФМС России в этом процессе не вызывает сомнения.

Накануне развертывания крупных мегапроектов Арктическая зона сталкивается с возрастающим дефицитом квалифицированных кадров в результате их масштабного оттока в последние два десятилетия в центральные районы России

[1] Приведены данные опроса жителей 83 субъектов Российской Федерации, осуществленного в 2013 г. ОАО «ФОМ» в рамках заказа МВД России (приказ МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246).

и общего снижения численности населения России в трудоспособном возрасте.

За последние 3–4 года существенно оживилось судоходство по Северному морском пути, развивается портовое хозяйство прибрежных территорий. Во внутренних водах действует разрешительный порядок. В территориальном море существует право мирного прохода. А в исключительной экономической зоне и за ее пределами – свобода судоходства. Однако Конвенция ООН по морскому праву наделяет прибрежное государство особыми правами в отношении предотвращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды в покрытых льдом районах, где и проходит Северный морской путь. Значительное уменьшение площади льда в арктических морях, которое происходит в последние десятилетия, вызвало желание соседних полярных государств зафиксировать новый статус Северного морского пути как международной транзитной магистрали.

При этом российская модель освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа формируется при отставании институционального блока, прежде всего технических регламентов, национальных и отраслевых стандартов. Неполнота, нестабильность и изменчивость норм и правил изучения и освоения ресурсов углеводородного сырья провоцируют дополнительные риски для недропользователей и арктических регионов. Не разработан экономический и экологический механизм контроля за исполнением лицензионных соглашений. Из-за несовершенства государственного регулирования в области природопользования, являющегося наиболее важным и для многих единственным источником наполнения региональных и местных бюджетов, арктические территории несут значительные потери.

Не используются методы государственного стимулирования для развития различных видов деятельности в Арктике, в частности по развитию прибрежного рыболовства за счет предоставления специальных стимулирующих квот.

Природопользование в Арктической зоне неустойчиво ввиду низкого технического уровня и высокого износа основных производственных фондов, кризиса в воспроизводстве минерально-сырьевой базы по многим видам добываемых природных ресурсов. Фискальная налоговая система не создает стимулов для инновационной деятельности и осуществления инвестиций в основных ресурсных комплексах Арктической зоны.

В критическом состоянии находятся основные звенья арктической транспортной системы. Объемы перевозок по Северному морскому пути сократились за последние два десятилетия в три раза, по восточному сектору – в тридцать раз. Экономическое возрождение морских портов Арктики – Мурманска, Архангельска, Нарьян-Мара, Игарки, Дудинки, Диксона, Тикси, Певека, бухты Провидения – сегодня самых слабых звеньев транспортной системы – будет напрямую связано с наращиванием грузопотока по трассе Северного морского пути. Но до сих пор не осуществляется планомерное воспроизводство выбывающего из эксплуатации атомного и дизельного ледокольного флота. Неудовлетворительное состояние гидротехнических сооружений морских и речных портов Арктики, дноуглубительных работ, организации паромных переправ, русловыправительных сооружений на водных путях затрудняет судоходство, приводит к большим потерям пропускной способности берегового хозяйства и провозной способности флота.

Очевидно, что дипломатическое, военное-политическое, правоохранительное и миграционное «освоение» российского Арктического побережья должно подкрепляться реальными организационными и социально-экономическими мерами со стороны государства и частных компаний, чтобы сделать это освоение максимально цивилизованным – социально, экологически, демографически, этнически и т. п., чтобы оно соответствовало российским устремлениям.

© Бормотова Т. М., Яковлев О. В., 2014

UDC 364.05

FINANCING OF THE POLISH SOCIAL SECURITY SYSTEM FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

M. Garbat, specialist
University of Zielona Góra, Poland

Summary. System of the social security is particularly important tool in implementation of a social – economic policy. Its task is to provide benefits for the human individual to ensure safety in many different practical circumstances, e. g. threat or losses of health, fortuitous incidents, involuntary financial deterioration, loss of revenue, disability. Sense of security is regarded as one of basic human needs, as the essential human right. Polish system of the social security for persons with disabilities constitutes configuration of a few elements, collected around the entity i. e. the person with disabilities. Such a configuration explicitly determines the significance of individual elements and points its ancillary functions. These elements by virtue of performed functions have diverse tasks, entitlements and competence. Financing of the social security system for persons with disabilities is exceptionally complicated in terms of finances source as well as legal – institutional regulations.

Keywords: disability; social security system; work; barrier; employee.

Social security system of persons with disabilities includes: social insurance, health insurance (including medical care and medical rehabilitation), social rehabilitation, professional rehabilitation along with employment of persons with disabilities, social assistance. Each of mentioned components has its own specificity. Include more uniform and precise than the entire system, collection of incidents and situations creating circumstances as well as conditions to justify the claim or efforts of person with disabilities, directed to the institutions implementing benefits provided in their specific life situation.

Financing of the social security system for persons with disabilities is exceptionally complicated in terms of finances source as well as legal – institutional regulations. Financial means, before they reach the persons with disabilities, go through many institutional levels: state budget, PFRON (National Fund for Rehabilitation of Persons with Disabilities), FUS (National Investment Fund) or ZUS (Social Insurance Institution), NFZ (National Health Fund), self-government budgets, district centers of the family assistance. On the above additional are imposed complexity of the system having its source in the folded structure of entitlements and competence of many institutions as well as funds. Such a system shape causes its low legibility, problem in monitoring and controlling of expenses, and hence complicates rational action. It's a cause of developed bureaucracy and duplication of competence (e. g. granting loans for the business activity and orthopedic supply). Many financial means provided by PFRON to social assistance centers – instead for the rehabilitation – are used as part of the social assistance.

Each system requires a financial supply. In the case of the social security system for people with disabilities, financing may come from various sources (such as the state budget, local government budget, PFRON, NFZ, FUZ or employers).

When analysing the organization and financing of activation and professional rehabilitation one can highlight a feature that a person with a disability should meet in the system:

1. An employee – the employment and professional rehabilitation is an organizational and financial burden of the employer, with additional support of PFRON, while social and medical rehabilitation is financed from the state budget and local government budget.

2. A person running own business (self-employed person) – professional

rehabilitation is financed by the state budget and PFRON.

3. An unemployed person – professional and social rehabilitation may be organized and financed by the PFRON; medical rehabilitation and social services financed with the support of local budgets.

The disabled person status is important because it determines the form, method and institutions, which is responsible for financing, maintaining and supporting of the process of rehabilitation.

Other elements of the system include:

– budget understood as the central budget and local budgets (local government);

– special funds – the State Fund for Rehabilitation of Disabled Persons (PFRON), the National Health Fund (NFZ), Social Insurance Fund;

– employer together with Company Fund for Rehabilitation of Disabled Persons (ZFRON) created obligatory in every protected plant and Professional Activation Fund (FAZ) created obligatory in professional activation plants.

The financing of the social security system for people with disabilities from the state budget has a twofold nature. On the one hand it comes from additional funds for social security and employment of persons with disabilities, on the other hand, it is financed by the statutory allowances and omissions which are granted to employers of people with disabilities who give up their potential revenue.

Statutory reductions and omissions are an internal source of funding for the system. These include the omission of tax collection. External source of funding is a grant from the budget. The budget also pays health insurance premiums for unemployed people with disabilities and provide funding through the provincial administration to local governments (provincial, district and municipal) and non-governmental organizations. A significant part of funds in the system are grants, subsidies and refunds from PFRON.

Broadly defined health care is paid for by contributions from citizens from all types of income. General formula assumes that the health insurance contribution is 7,75 % of the base tax on individuals. This tax is collected by the tax authorities and discharged in the form of advances to the National Health Fund, which is the primary source of funding for medical services.

PFRON is the primary source of funding for employment and professional rehabilitation of persons with disabilities. It is supplied mainly from obligatory contributions from employers for not employing people with disabilities in an appropriate proportion (6 %) and payments from supported employment enterprises. These funds are spent for subsidies to wages, the payment of social security contributions for people with disabilities doing business or involved in agriculture, loans for business or agriculture, or to contribute to the social cooperatives, creation of protected workplaces and other statutory tasks. The Fund has also targeted programs, for persons with disabilities and individuals engaged in social rehabilitation. It also funds medical and social rehabilitation of unemployed people with disabilities.

Local government is responsible for the financing of social rehabilitation and social assistance. The funds for this purpose are obtained from own revenues, grants from the state budget and PFRON. District family assistance centres and welfare centres perform tasks related to the liquidation of architectural barriers, urban planning and communication, as well as the organization of rehabilitation courses, occupational therapy workshops. Local government is also responsible for financing of social assistance.

Rehabilitation and support for people with disabilities is also financed from the Company Fund for Rehabilitation of Disabled Persons (ZFRON). This is an internal fund in companies with the status of protected plants. It is created with the resources of employers due to omission of collecting of taxes in the amount of 90 % of those payments. A trustee of the fund is the employer.

In order to define the size of public costs incurred by the system, one has to compare the amount of PFRON expenditure with those of local government and non-profit sector. These are, of course, the cost estimates. Comprehensive grasp of the costs in such a large system without a thorough financial analysis and in-depth research in this field is impossible. The type of cost may also be problematic for the analyst, as it is difficult to estimate what is and what is not a cost of professional activation. From the perspective of system, activation costs should include items that directly translate into tasks related to activation of the labour market. However, when estimating the cost of a social group that consists of people with disabilities, one should be aware that their activity is also affected by other factors, particularly related to the nature of their incomplete efficiency. Specific factors include: health status, lower productivity, physical and social barriers.

In case of persons with disabilities one should add to public costs also the costs of decreasing their activity, such as various social benefits. Of course, these costs do not have a direct impact on the finances of professional activation system, however they significantly reduce the effectiveness of the activation measures. There is no evidence that the benefits are a dominant factor in this area, although many studies support the idea that they are indirect cause of inactivity of people with disabilities.

It is not possible to implement any activities without the involvement of appropriate measures. Various initiatives and support instruments require financial resources. Financing of the tasks in the area of support for people with disabilities, based on the use of funds derived from contributions from employers who do not employ disabled workers, provides a stable basis for the system. Funds paid to the State Fund for Rehabilitation of Disabled Persons (PFRON) serve people with disabilities to support their economic activity and enable them to prepare to enter and remain in the labour market.

The instruments supported in this way are of a different character, and are directed to different beneficiaries. The most important group are people with disabilities who can use various forms of support because of measures sent to them directly. It is also important to support employers appropriately and also to target resources to NGOs carrying out various activities for people with disabilities. Each area is equally important, complementary to each other and can better use the potential of the disabled. Looking through figures in Table 5.23. it is clear that PFRON takes the burden to finance activation of people with disabilities. More than 96% of the resources for this purpose come from the Fund. It should also be noted that the amount of funds for this purpose is growing systematically. While in 2006, handling tasks related to the activation of people with disabilities cost 1,6 billion PLN, in 2011 it is already PLN 3,2 billion, that is twice as much.

However, it is important not to forget that PFRON funds are not the only ones that can be and should be used to support people with disabilities. Non-governmental organizations are doing well in this field and they are treated as reliable partners. All problems of the disabled cannot be solved centrally. Good partnership between central government, local government and NGOs can only bring desired results. Non-governmental organizations are best prepared to perform specific functions, and thus, for example, to conduct therapy workshops. The financing of these tasks comes mainly from the Fund, but more and more is gained by NGOs themselves. In 2006, non-governmental organizations have allocated 4,6 million PLN for professional activation of people with disabilities. It was rather symbolic amount. But one has to remember that many of the tasks were carried out in the form of volunteering, which is difficult to be evaluated in money terms. In 2011, one

can see a great improvement in the financial situation of this sector – from donations and their own activities NGOs collected more than 30 million PLN, the sum that later was spent on supporting people with disabilities.

Specification of selected public cost estimates incurred by the state budget and the budgets of public social services, rehabilitation and professional activity of people with disabilities in 2005–2011 (*in million PLN)*

Entity/Cost	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Costs of professional activation of people with disabilities							
PFRON	1 540,9	1 596,0	1 765,1	1 853,3	1 688,9	2 992,4	3 002,3
PFRON headquarters	1 380,0	1 475,8	1 644,8	1 593,6	2 515,3	2 846,8	2 886,5
District government	52,8	28,2	29,2	154,8	95,5	70,6	59,3
Provincial government	108,1	92,0	91,1	104,9	78,1	75,0	56,5
Local governments	77,2	68,9	65,3	66,9	84,4	77,9	95,8
Provincial government[1]	44,5	40,9	40,1	46,1	47,9	47,2	56,5
District government[2]	32,7	28,0	25,2	20,8	36,5	30,7	39,3
Non-profit sector	4,6	6,0	10,5	21,7	25,5	26,7	30,4
From 1% of PIT	2,5	3,7	6,3	17,9	22,9	21,6	24,1
From other sources[3]	2,1	2,3	4,2	3,8	2,6	5,1	6,3
TOTAL	1 622,7	1 670,9	1 840,9	1 941,9	1 798,8	3 095,0	3 128,5
% GDP	0,16	0,16	0,16	0,15	0,13	0,21	0,22
Costs incurred for the disabled and unable to work as part of social and rehabilitation services							
ZUS	107 397,6	115 908,5	118 013,2	132 180,8	147 896,4	156 189,7	167 800,0
Pensions	29 265,0	29 626,9	29 575,7	31 370,2	32 577,0	39 545,8	42 401,4
Social pensions	1 257,6	1 239,1	1 271,4	1 339,7	1 453,1	1 531,3	no data
KRUS	14 459,7	14 693,7	13 700,7	14 091,3	14 097,5	14 404,9	13 692,3
NFZ	914,6	951,9	2 266,0	2 749,4	3 044,6	2 934,5	3 072,2
Public welfare	543,8	539,8	477,4	539,4	576,0	597,9	575,2
Temporary benefit	27,1	17,2	10,4	35,1	46,5	37,5	18,0
Permanent benefit	516,7	522,6	467,0	504,3	529,5	560,4	557,2
TOTAL	123 315,7	132 093,9	134 457,3	149 560,9	165 614,5	174 127,0	184 564,5
% GDP	12,57	12,48	11,51	11,76	12,41	12,18	13,0
Total costs	124 938,4	133 764,8	136 298,2	151 502,8	167 413,3	178 753,3	187 711,0

Notes:

1) the costs connected with activities Professional Activation Centres established in previous years;

2) costs of professional counsellors, other officials and entities under professional guidance financed by provincial governments;

3) donations and revenues from economic activity – an estimate.

Source: Own calculations based on data from the Central Statistical Office, Social Insurance Institution (ZUS), PFRON, Ministry of Finance and the Ministry of Labour and Social Policy.

Among the key factors which reduce the labour supply of people with disabilities one can include: system of pensions and disability pensions and social assistance, which are often used as a substitute for early retirement. Benefits paid to the unemployed until they reach the standard retirement age are one of the examples of such type of social assistance. Economists point out that the amount and availability

of all the benefits that can replace the income from work contribute significantly to the decline of labour activity of people who are close to retirement age. The higher the transfers, and the sooner one can use them, the more people are choosing to leave the labour market before reaching the official retirement age.

The decision to continue or terminate the activity are also affected by demand factors, such as the state of economic activity and the associated volume of demand for labour. The better the prospects of economic development end expected increase of demand for labour in the future, the weaker stimuli do older people experience to an early exit from the labour market.

Tensions related to the financing of pensions are largely due to early exit of people from the labour market. People who receive pensions from the Social Insurance Fund, worked an average of 27,6 years (including men 29,2 years and women 24,4 years). Less than every fifth of pensioner has completed 40 or more years, and only one in ten more than 45 years. By comparison, more than one in ten pensioner worked for less than 25 years. Very little has changed in this respect, so far. The average length of service of people who have retired in 2010, was 35,3 years. Although the percentage of pensioners with a very short period of employment decreased, unfortunately the percentage of pensioners with normal or long period of employment decreased in the same way. Every second person who received the benefit in 2010 worked less than 25 years.

In 2010, the annual cost of public sector related to the payment of allowances to enable leaving the labour market before reaching standard retirement age and at the same time not resulting from poor health (i. e. without disability benefits for work) amounted to 28,3 billion PLN. This means that in 2010 the average burden of employed persons for the payment of these benefits amounted to 230 PLN per month (year 2614 PLN). For an employee who receives the average salary, the additional burden amounted to 16% of total non-wage labour costs.

Since the beginning of this decade, the annual cost of these retirement benefits stood at 2,1%. GDP). Such amount consisted of early retirement from Social Security Fund (1,4–1,7% of GDP), and pre-retirement benefits (0,5–0,6%, early retirement of people in the area supervised my Ministry of Defence, Ministry of Interior and Ministry of Justice (0,4–0,5% of GDP) and early retirement pensions from KRUS (0,0–0,1% of GDP).

Financing of the social security system for persons with disabilities is exceptionally complicated in terms of finances source as well as legal – institutional regulations. Financial means, before they reach the persons with disabilities, go through many institutional levels: state budget, PFRON (National Fund for Rehabilitation of Persons with Disabilities), FUS (National Investment Fund) or ZUS (Social Insurance Institution), NFZ (National Health Fund), self-government budgets, district centers of the family assistance. In addition to that the system itself is very complicated having its source in the folded structure of entitlements and competence of many institutions as well as funds. Such shape of system causes its low legibility, problems with monitoring and controlling of expenses, and hence complicates rational action. It's a cause of developed bureaucracy and duplication of competence (e. g. granting loans for the business activity and orthopedic supply). Many financial means provided by PFRON to social assistance centers – instead for the rehabilitation – are used as part of the social assistance.

Social effect of this situation is loss of abilities of optimal support activities associated with actual needs of the person with disabilities in rehabilitation, among others because many people due to complicated bureaucratic procedure give up participating in the system. This causes the lack of discernment as for actual needs and

expectations of persons with disabilities in regard to the system (e. g. it isn't known, how many persons with disabilities needs support). It also leads to many negative stereotypes concerning the system failure and wasted public money.

Assessing the social security system of persons with disabilities, one must state that it is underfunded and overwhelmed with enormousness of tasks. From the analysis of financial means (their real decrease) it is obvious that this state will still deteriorate. Help provided has temporary character and does not fully satisfy the needs. The long-term tasks such as treatment, social work, prevention and those aimed to support persons with disabilities in recovery for independent functioning cannot be conducted under pressure in the appropriate scope. The institutions responsible for system functioning cannot cope due to limited financial means.

Proper construction of the social security system causes that persons with disabilities bring something into the society, and is not regarded as the burden for it. Properly organized as well as conducted social and professional rehabilitation of persons with disabilities creates conditions for the economic self-dependence of these people. Achieving this they find appropriate place in the community and are regarded as its highly respect members. treatment, social work, prevention and these aimed to support persons with disabilities in recovery for independent functioning.

Bibliography

1. Hulek A. Disabled people world. – Warsaw : PZWL, 1992.
2. Jończyk J. Law of the social security. – Cracow : Zakamycze, 2003.
3. Milanowski K. Problems of preventing disability and rehabilitation services // Social and Professional Rehabilitation Problems. – 1997. – Vol. 3. – № 3. – P. 9–14.
4. Act from 27 August 1997 about the professional and social rehabilitation as well as employment of persons with disabilities // Journal of Laws. – 1997. – № 123, pos. 776 with changes.
5. Act from 13 March 2004, about the social assistance, Article 2a, paragraph 1, point 3 // Journal of Laws. – 2004. – № 64, pos. 593 with changes.
6. Act from 23 January 2003 about common insurance in the National Health Fund // Journal of Laws. – 2003. – № 45. – P. 391.
7. Act from 17 December 1998 about the retirement and pensions from the Social Insurance Fund // Journal of Laws. – 1998. – № 162. – P. 1118.

© Garbat M., 2014

Politologické vědy

УДК 327

ЗАПАДНАЯ САХАРА

Н. Б. Кодиров, студент 3 курса
Ташкентский государственный институт востоковедения, г. Ташкент, Узбекистан

WEST SAHARA

N. B. Kodirov, 3d year student
Tashkent State Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan

Summary. In given article are reviewed issues concerning West Sahara: historical development of the problem of West Sahara, contradictions between liberation movement Polisario Front and Morocco and Mauritania, positions and actions of the two sides, as well as the views and positions of UN and other countries in relation to this conflict.

Keywords: colony; armament conflict; referendum; agreement.

Западная Сахара – территория в Северо-Западной части Африки. Площадь – около 266 тыс. кв. км. На севере граничит с Марокко, на северо-востоке с – Алжиром, на востоке и на юге – с Мавританией. На западе омывается водами Атлантического океана.

Западная Сахара в прошлом была колонией Испанского Королевства. В 1975 году испанские власти официально объявили о скорой деколонизации Западной Сахары. В связи с этим Марокко и Мавритания, ссылаясь на историческую, географическую и этническую общность, заявили о своих правах на Западную Сахару. Также Марокко и Мавритания в ноябре 1975 года в Мадриде заключили соглашение с Испанией, где говорилось, что Испания передала Западную Сахару под временное административное управление Марокко и Мавритании. В декабре 1975 г. Испания начала вывод войск из Западной Сахары, на территорию которой вступили войска Марокко и Мавритании [7]. В 1975 году оба претендующих государства заявили о намерении разрешения данного конфликта в рамках ООН. Однако комиссия ООН, проведя исследования в октябре того же года, поддержала право сахарцев на самоопределение и вынесла решение, что ни одна из стран не имеет прав на Западную Сахару. Марокко с Мавританией проигнорировали данное решение ООН и Международного Суда. Кроме того, следует отметить, что на спорной территории 10 мая 1973 года было создано освободительное движение Фронт Полисарио, которое выступало за освобождение Западной Сахары и вело активную борьбу против колониальных захватчиков. После ухода Испании из Западной Сахары и вторжения марокканских и мавританских войск, Полисарио продолжал активное сопротивление и выступал против деления Западной Сахары. И 27 февраля 1976 года Фронт Полисарио объявил о создании Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) [5] на территории Западной Сахары, которая на сегодняшний день признана 84 го-

сударствами мира и является активным членом ОАЕ. В данный момент Фронт Полисарио является правящей политической партией САДР и выступает за проведение референдума по самоопределению народа сахрави. А также Фронт Полисарио был признан ООН как легитимная власть Западной Сахары [7]. Кроме того, Фронт Полисарио и САДР признаёт и активно поддерживает Алжир, который предоставлял для Полисарио оружие и базы на своей территории. В настоящее время Алжир также выступает за самоопределение Западной Сахары [6].

Но, несмотря на это, оба претендующих на Западную Сахару государства – Марокко и Мавритания – не признавали освободительное движение Фронт Полисарио и продолжали вооруженное столкновение. В 1976 и 1977 году была атакована столица Мавритании Нуакшот. В 1977 также четыре раза имели место нападения на Зуэйрат, центр добычи основного мавританского экспорта (железной руды), был нанесён существенный ущерб добывающей индустрии в этом районе. Военные действия съедали до 65 % бюджета Мавритании. И в 1976 году Мавритания была вынуждена вывести свои войска из Западной Сахары и признать Фронт Полисарио как легитимную власть [1].

Тем временем Марокко активно вело борьбу против Фронта Полисарио. Ещё в 1956 году Марокко выдвинуло три аргумента, на основе которых оно претендовало на Западную Сахару. Во-первых, Западная Сахара ещё в XII в. была под управлением правителей из династии Альморавидов. Во-вторых, клятва на верность (бай'а) местных племен султану Марокко как главе мусульман фактически означала, что территория проживания этих племен входит в состав владений султана. В-третьих, Рабат утверждал об этническом сходстве сахарского и марокканского населения.

Фронт Полисарио и его главный союзник, Алжир, категорически отрицали все основания марокканского правительства. Фронт утверждал, что Западная Сахара не имеет ничего общего с Марокко, что духовная верность не равнозначна политической. Кроме того, Полисарио отмечает, что между культурами сахарцев-кочевников и оседлого населения Марокко существуют радикальные отличия. Международный суд 16 октября 1975 вынес консультативное решение не в пользу Марокко [3].

Вскоре после долгих вооружённых столкновений 6 сентября 1991 года в Хьюстоне между Марокко и фронтом Полисарио были подписаны соглашения под контролем Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) и о прекращении огня. [4] Однако референдум не удается организовать в назначенный срок из-за проблем идентификации участников. План урегулирования конфликта оказался под угрозой срыва из-за стремления Марокко включать в число избирателей около сотни тысяч марокканских переселенцев. Кроме того, 28–29 сентября в Берлине проводились последние переговоры между Фронтом Полисарио и Марокко. Тут марокканская сторона предлагала автономию, но Фронт Полисарио категорически отверг это предложение [2].

Я считаю, что единственным выходом из тупика должно быть соблюдение международного права, Устава ООН и резолюций, принятых Советом Безопасности ООН. Кроме того, обе стороны должны отказаться от оружия и решать данную проблему за столом переговоров. Решение конфликта может быть достигнуто путем проведения референдума о самоопределении сахарцев, который предусматривали Хьюстонские соглашения и план Бейкера.

Библиографический список

1. Алжир поддержал постоянство СБ ООН в решении проблемы Западной Сахары. URL: http://ria.ru/world/20100502/229382048.html#ixzz2vCuzXDRu.
2. Возобновление диалога при поддержании мира силами МООНРЗС. URL: http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minurso/background.shtml
3. Гражданская война в Западной Сахаре. Литсовет. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=176259.
4. Интервью с представителем Фронта Полисарио (Сахарская Арабская Демократическая Республика) в Москве доктором Фаделем Али Салемом. URL: http://cmdp-kvorum.org/news/center/162.
5. Конфликт в Западной Сахаре. URL: conflictologist.narod.ru.
6. Спецпосланник ООН по Западной Сахаре призвал стороны к переговорам. URL: http://news.mail.ru/politics/3558170.
7. Фронт Полисарио. URL: http://sadr-russia.ru/front-polisari.

Bibliography

1. Alzhir podderzhal postoyanstvo SB OON v reshenii problemyi Zapadnoy Saharyi. URL: http://ria.ru/world/20100502/229382048.html#ixzz2vCuzXDRu.
2. Vozobnovlenie dialoga pri podderzhanii mira silami MOONRZS. URL: http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minurso/background.shtml.
3. Grazhdanskaya voyna v Zapadnoy Sahare. Litsovet. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=176259.
4. Intervyu s predstavitelem Fronta Polisario (Saharskaya Arabskaya Demokraticheskaya Respublika) v Moskve doktorom Fadelem Ali Salemom. URL: http://cmdp-kvorum.org/news/center/162.
5. Konflikt v Zapadnoy Sahare. URL: conflictologist.narod.ru.
6. Spetsposlannik OON po Zapadnoy Sahare prizval storonyi k peregovoram. URL: http://news.mail.ru/politics/3558170.
7. Front Polisario. URL: http://sadr-russia.ru/front- polisari.

© Кодиров Н. Б., 2014

Kulturní vědy

УДК 785.6:786.2+78.071.1(477)

ФОРТЕПИАННЫЙ КОНЦЕРТ М. И. ВЕРИКОВСКОГО: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 60 ЛЕТ

А. А. Кармазин, преподаватель

Национальная музыкальная академия Украины им. П. И. Чайковского, г. Киев, Украина

PIANO CONCERT BY M. I. VERIKOVSKIY: LOOK AFTER 60 YEARS

A. A. Karmazin, teacher

National Musical Academy of Ukraine name of P. I. Chaykovskiy, t. Kiev, Ukraine

Summary. The article dedicated to examination of un known musical composition M. I. Verikivsky – to a concert for piano with orchestra. The role nd the concert place in a instrumental heritage of composer, the structure and peculiarity of the themes is analyzed.

Keywords: concert for piano with orchestra; musical form; historical themes.

В данной статье речь пойдёт о ранее неизвестном произведении украинского композитора Михаила Ивановича Вериковского (1896–1962) – его концерте для фортепиано с оркестром. Сочинявшийся более 60 лет назад, концерт до 2011 года оставался вне поля зрения исследователей и исполнителей.

М. И. Вериковский – автор первых в украинской музыке оратории «Дума о девушке-пленнице Марусе Богуславке» (1923), симфонической сюиты «Веснянки» (1924), балета «Пан Канёвский» (1930). Эти сочинения, как и многие другие произведения композитора, посвящены в первую очередь главной теме, ставшей основной сферой его творчества, – национально-исторической тематике: «Значительное место в творчестве Вериковского занимают произведения на исторические сюжеты» [9, с. 754]. Связан с этой сферой и фортепианный концерт. Его написание тесно переплетается со сложными обстоятельствами творческого пути композитора, о которых, в частности, также пойдёт речь в данной статье.

Как отмечает Г. А. Орлов, «инструментальный и, в первую очередь, фортепианный концерт вызывает к себе всё больший интерес со стороны советских композиторов, завоёвывая одно из центральных мест в сфере их творческих интересов» [10, с. 96]. Согласно воспоминаниям Е. М. Вериковской, работу над фортепианным концертом М. И. Вериковский начал в 1950 году. Его рукопись – писавшийся карандашом черновик клавира – сохранилась в домашнем архиве. Почему работа осталась неоконченной – неизвестно [2, с. 6].

В. Л. Клин, занимаясь фортепианными прелюдиями композитора второй половины 50-х годов, в которых тот разрабатывает вопросы своей ладовой теории, отмечает, что в отличие от них незавершённый концерт для фортепиано с оркестром принадлежит к иной группе произведений – начала 50-х годов [8, с. 281].

В ходе нашего исследования творчества композитора мы получили возможность ознакомиться с рукописями его личного архива. Завершение

и оркестровка концерта стали нашим приоритетом. В ходе работы с автографом произведения был осуществлён компьютерный набор текста клавира с его необходимой редакцией, а несколько позднее концерт был оркестрован для большого симфонического оркестра.

30 марта 2011 года в музее Киевской школы искусств № 2 имени М. И. Вериковского состоялась премьера концерта в клавире. Этим исполнением завершился долгий путь произведения к своему слушателю. Партию соло исполнила студентка КИМ имени Р. М. Глиэра Анна Усова, партию оркестра – преподавательница КИМ имени Р. М. Глиэра, дипломантка международных конкурсов и фестивалей Людмила Гудович.

После завершения работы непосредственно с текстом рукописи произведения – компьютерного набора – и его премьерного исполнения концерт стал объектом для дальнейшего разностороннего исследования в рамках работы над диссертацией. Здесь существует два основных направления для дальнейших исследований – непосредственный анализ композиции концерта, а также его рассмотрение в контексте творчества М. И. Вериковского в целом.

Начнём со второго. Обращение к концертному жанру не было типичным для творчества М. И. Вериковского. Рассматриваемый нами концерт является единственным примером такого обращения. В связи с этим заслуживают более подробного рассмотрения два взаимосвязанных момента – связь концерта с ведущей для композитора исторической тематикой в целом, а также вопрос о значении программности в его творчестве.

Биограф композитора Н. С. Шурова в одной из статей о М. И. Вериковском справедливо подчёркивала: «Через всю жизнь Михаила Ивановича прошло горячее увлечение историей Родины. Сюжеты бытовые, («Наймичка») или героические (симфоническая поэма «Петро Конашевич-Сагайдачный», монолог «Чернец» для баса с оркестром на слова Шевченко, балет «Пан Канёвский), образы родной природы («Волынские акварели») привлекали его во все периоды творчества. В картинах прошлого, созданных М. И. Вериковским, ярко отразилась его гражданственность... Широта мысли, живое восприятие искусства разных народов делают наследие М. И. Вериковского близким современности, обеспечивают ему одно из почётнейших мест в истории украинской и всей советской культуры» [14, с. 74].

Однако это была значительно более поздняя оценка, данная творчеству композитора в 1970–1980-х годах. А при его жизни, в особенности на рубеже 1940–1950-х годов такая творческая позиция неминуемо вступала в противоречие с теми рамками, которые определяла в музыкальном творчестве тогдашняя официальная идеология. Приоритетное обращение украинских композиторов к исторической тематике, в частности пристальное творческое внимание М. И. Вериковского к исторической народной песне, уже в 20-е годы начало встречать жёсткое давление со стороны АПМУ – украинского аналога РАПМ: «апмовцы обрушились на украинскую народно-песенную культуру, объявив огромное количество песен (кроме трудовых) «классово враждебными», «кулацкими», «националистическими» (под последними обычно подразумевались исторические песни)» [4, с. 34].

Композиторы – наряду с другими крупными деятелями культуры того времени – находились под постоянным контролем, резко усилившимся в послевоенные годы. В особенности это отразилось в известном постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 года. В то время было принято, чтобы постановлениям, принятым в центре, соответствовали подобные мероприятия и в национальных республиках. В связи с этим было принято и постановле-

ние ЦК КП(б)У «О ситуации и мерах по улучшению музыкального искусства на Украине в связи с постановлением ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 23 мая 1948 года.

Наряду с другими ведущими композиторами Украины – Л. Н. Ревуцким, Б. Н. Лятошинским, Ф. Е. Козицким – М. И. Вериковский оказался одним из главных фигурантов этого постановления. Подчёркивалось, что основная линия творческих интересов композитора находится в тематике прошлого, что свидетельствует о его отрыве от тех интересов, которыми живёт весь советский народ [6, с. 300]. Вывод делался следующий – для произведений Вериковского «характерен уход от современности и созерцательное любование прошлым» [1, с. 496].

Чтобы представить себе зловещую атмосферу того времени, приведём здесь материал обзора печати из журнала «Советская музыка» (1948, № 5): «Совершенно не удовлетворило собрание ошибочное выступление Михаила Вериковского, показавшее, что композитор до сих пор не осознал свои ошибки, не понял глубокого смысла той критики, которой подвергается его творчество. Недоумение у участников собрания вызвало заявление тов. Вериковского, о том, что он «навсегда отказывается от исторической тематики». Тов. Вериковский обнаружил своё непонимание того, что смысл его крупнейших ошибок заключается в том, что, занимаясь преимущественно и главным образом исторической тематикой, уходя от советской действительности в старину, он под видом сохранения национального искусства культивировал отжившие, реакционные стороны прошлого. Партия же учит, чтобы композиторы отражали героику самоотверженной борьбы советского народа за коммунизм, и чтобы работа композиторов над историческими темами содействовала борьбе за дальнейший подъём нашей многонациональной советской Родины, содействовала становлению нового и передового, отметанию отжившего и старого» [11, с. 81].

К вопросу о приоритетности исторической тематики в творчестве композитора тесно примыкает также и вопрос о программности. Её наличие – неотъемлемый атрибут большинства инструментальных произведений композитора. Как подчёркивает Н. С. Шурова, для оркестра М. И. Вериковский не писал крупных симфоний, ограничившись в основном небольшими программными произведениями [13, с. 28].

В первую очередь программность для него была мостиком, который помогал связать замысел произведения с исторической личностью или событием. Самые яркие примеры творчества М. И. Вериковского 40-х годов – фортепианный цикл «Волынские акварели» (1943) и симфоническая поэма «Петро Конашевич-Сагайдачный» (1944). Последнее произведение по замыслу композитора должно было стать составной частью большого оркестрового цикла «Симфонические портреты государственных деятелей Украины», однако в силу дальнейших неблагоприятных обстоятельств цикл так и не был продолжен.

Именно эти произведения – наряду с оперой «Наймичка», вокально-симфонической поэмой «Чернец», балетом «Пан Каневской» – были упомянуты в партийном постановлении. Итог упомянутых событий сводился к невесёлому выводу – дальнейшее сочинение произведений национально-исторической программности для композитора оказывалось крайне нежелательным: ЦК КП(б)У «предостерёг» его от «чрезмерного» обращения к ней [3, с. 17].

В силу таких обстоятельств М. И. Вериковский был вынужден написать ряд произведений, которые принадлежали не исторической, а советско-современной тематике. Не реагировать совершенно на выдвинутые обвинения

в отходе от современности М. И. Вериковский, как и другие композиторы, не мог. Это констатировала «Большая советская энциклопедия» издания начала 50-х годов: «сочинения Вериковского последнего времени свидетельствуют о стремлении композитора к идейно-творческой перестройке. Вериковским были написаны «Колхозные дуэты», песни («Моя Батьківщина» и др.), романсы и кантата «К 10-летию воссоединения Украины» [1, с. 496].

К сочинению фортепианного концерта М. И. Вериковский обратился спустя два года после этого разгрома. Непрограммное безтекстовое произведение – в отличие от программного – предполагает множественность интерпретаций. Поэтому для композитора обращение к нетипичному для него концертному жанру давало возможность избежать дальнейших обвинений, не отступая при этом от собственных творческих убеждений. Тем более, что это можно считать общей тенденцией для конца 40-х – начала 50-х годов – отметим, что интерес к жанру инструментального концерта в украинской музыке в целом в рассматриваемый период значительно возрастал: только за 6 лет (с 1950 по 1956) было создано концертов почти столько же, сколько за все предшествующие годы [12, с. 154].

Даже А. А. Жданов в своём знаменитом выступлении раздражённо констатировал: «Совершенно очевидно, что программной музыки стало меньше или её почти совсем нет. Дело дошло до того, что содержание выпущенного в свет музыкального произведения приходится объяснять уже после появления его на свет» [5, с. 20].

Резюмируя изложенное, подчеркнём: сочинять фортепианный концерт М. И. Вериковский начал, решив обратиться к жанру непрограммной музыки. Это давало композитору возможность сохранить нужное содержание произведения без той декларативности, которую придавало ему программное уточнение исторической направленности. Необходимость избегать подобной декларативности являлась прямым следствием грубого административного вмешательства властей в творческий процесс. Однако при этом она своеобразным образом способствовала появлению в наследии М. И. Вериковского нового для него жанра, с которым связаны определённые творческие достижения.

На автографе концерта автором была проставлена ремарка «часть I», что может свидетельствовать о первоначальном замысле концерта как произведения циклического, по-видимому, трёхчастного. Однако весь нотный материал фактически принадлежит одной части, которая осталась единственной. Поэтому будем рассматривать концерт как завершённое одночастное произведение, в таком виде исполненное.

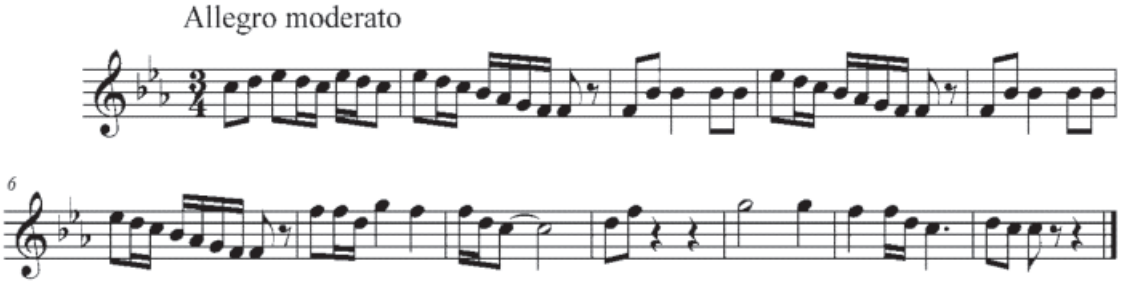
Концерт написан в сонатной форме. Основная его тональность – до-минор, со сменой в конце на одноимённый мажор. Объём клавира насчитывает 706 тактов. В виде схемы сонатное allegro концерта выглядит следующим образом:

Вступление	Экспозиция				Разработка	Реприза			Каденция	Кода
15 т.	293 т.				157 т.	96 т.			77 т.	68 т.
	Г. п.	Св. п.	П. п.	З. п.		Г. п.	П. п.	З. п		
	94	49	117	33		36	24	36		

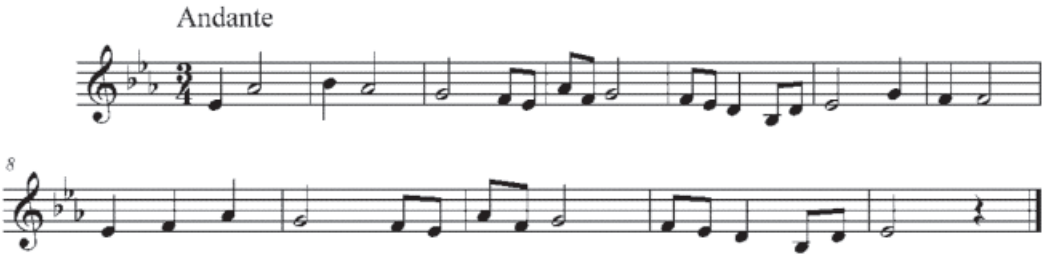
Музыка концерта органически сочетает листовско-рахманиновские традиции с украинской песенной тематикой, которой принадлежат темы главной и побочной партий – основные темы произведения. Остро конфликтного

столкновения между темами нет, хотя в ходе развития они приобретают напряжённый и динамичный характер. Кульминация совпадает с началом репризы, которая значительно сокращена по сравнению с экспозицией. Далее следуют развёрнутая каденция на основе темы среднего раздела побочной партии и кода, в которой минорная тональность сменяется одноимённым мажором.

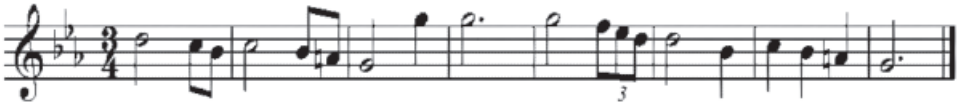
Основным назначением краткого вступления является интонационная подготовка темы главной партии. Их объединяет попевка, которую можно назвать одной из лейтинтонаций концерта (1-й такт примера):



Главная партия в целом имеет трёхчастную структуру с развивающейся серединой. После относительно небольшой связующей партии наступает тема побочной партии, вносящая значительный образный и темповый контраст. Как и тема главной партии, она имеет народно-песенный характер. Для обеих тем при их немалой контрастности присуще нисходящее постепенное движение, типичное в украинской народной мелодике [7, с. 20]:



Побочная партия в целом также трёхчастна. Важное значение в дальнейшем приобретает тема её среднего раздела. Не вводя эту тему в разработку, М. И. Вериковский приберегает её для эффектной сольной каденции:



Завершает экспозиционный раздел концерта небольшая заключительная партия, окончательно закрепляющая с помощью повторного кадансированиятональностьпараллельного мажора.

Разработка имеет три волны развития, являющиеся как бы ступенями к кульминации в начале репризы. Главную роль в разработке играют постоянно развивающиеся темы главной – особенно лейтинтонационной попевки и связующей партий. Последние такты раздела являются предыктом перед наступлением репризы, где драматический потенциал развития достигает своего максимума.

Протяжённость репризы значительно сокращена, связующая партия отсутствует вовсе. Тема побочной партии традиционно звучит в тональности, одноимённой с главной.

За репризой идёт каденция, в начале которой использованы интонации связующей партии, а затем – уже упоминавшаяся тема среднего раздела побочной партии. Для усиления драматизма композитор использует приём её последовательного проведения дважды подряд с повышением на полутон.

Заключительный раздел формы – коду – также открывает лейтинтонационная попевка. В целом кода имеет две фазы, связанные с окончательным утверждением основной тональности – сначала до-минора, затем – до-мажора.

Отдельной страницей нашей работы над концертом стала его оркестровка. Не останавливаясь на ней подробно, приведём состав инструментов, который был использован в ходе её осуществления:

Группа Di legno:
2 Flauti
2 Oboi
2 Clarinetti in B
Clarinetto basso
2 Fagotti

Группа Di ottone:
2 Corni in F
2 Trombe in B
2 Tromboni
Tuba

Группа A percusssone:
Timpani
Triangolo
Vibrafono
Tamburo militare
Gran cassa

Группа Archi:
Violini I
Violini II
Viole
Violoncelli
Contrabassi

Хотелось бы выразить надежду, что фортепианный концерт М. И. Вериковского, пребывавший вне поля зрения исполнителей, будет исполнен в виде, задуманном автором, – для фортепиано с оркестром – и найдёт своего слушателя.

Библиографический список

1. Вериковский М. И. Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. – 2-е изд. – М. : Большая советская энциклопедия, 1951. – Т. 7. – С. 496.
2. Вериківська О. М. Митець, свідомий свого покликання // Михайло Іванович Вериківський : погляд з 90-х : зб. ст. / ред.-упорядник О. Торба. – К., 1997. – С. 4–7.
3. Герасимова-Персидська Н. О. М. І. Вериківський. – К. : Державне видавництво образотворчого мистецтва і музичної літератури УРСР, 1959. – 96 с.
4. Гордейчук Н. М. Украинская советская музыка. – К. : Державне видавництво образотворчого мистецтва і музичної літератури УРСР, 1960. – 101 с.
5. Жданов А. А. Выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) // Советская музыка. – М. : Гос. муз. изд-во, 1948. – № 1. – С. 14–26.
6. Зінькевич О. С. 50 років тому // Mundus musicae. Тексты и контексты. – К. : ТОВ Задруга, 2007. – С. 299–309.
7. Золочевський В. Н. Ладо-гармонічні основи української радянської музики. – К. : Наукова думка, 1964. – 164 с.
8. Клин В. Л. М. Вериковский и новоладовое мышление // О музыке. – К. : Музична Україна, 1985. – С. 278–283.

9. Вериковский М. И. Музыкальная энциклопедия. Т. 1. – М. : Советская энциклопедия, 1973.
10. Орлов Г. А. Советский фортепианный концерт. – Л. : Гос. муз. изд-во, 1954. – 210 с.
11. Советская музыка. По страницам печати. – М. : Музгиз, 1948. – № 5. – С. 80–87.
12. Тимофеев В. Украинский фортепьянный концерт // Украинская советская музыка. – К. : Советский композитор, 1960. – С. 149–163.
13. Шурова Н. С. М. І. Вериківський. – К. : Музична Україна, 1972. – 51 с.
14. Шурова Н. С. Талантливый запевала // Советская музыка. – М. : 1983. – № 1. – С. 73–74.

Bibliography

1. Verikovskiy M. I. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya / gl. red. S. I. Vavilov. – 2-e izd. – M. : Bolshaya sovetskaya entsiklopediya, 1951. – T. 7. – P. 496.
2. VerikIvska O. M. Mitets, svIdomiy svogo poklikannya // Mihaylo Ivanovich VerikIvskiy: poglyad z 90-h : zb. st. / red.-uporyadnik O. Torba. – K., 1997. – P. 4–7.
3. Gerasimova-Persidska N. O. M. I. VerikIvskiy. – K. : Derzhavne vidavnitstvo obrazotvorchogo mistetstva I muzichnoyi literaturi URSR, 1959. – 96 p.
4. Gordeychuk N. M. Ukrainskaya sovetskaya muzyika. – K. : Derzhavne vidavnitstvo obrazotvorchogo mistetstva I muzichnoyi lIteraturi URSR, 1960. – 101 p.
5. Zhdanov A. A. Vyistuplenie na soveschanii deyateley sovetskoy muzyiki v TsK VKP(b) // Sovetskaya muzyika. – M. : Gos. muz. izd-vo, 1948. – № 1. – P. 14–26.
6. ZInkevich O. S. 50 rokiv tomu // Mundus musicae. Tekstyi i kontekstyi. – K. : TOV Zadruga, 2007. – P. 299–309.
7. Zolochevskiy V. N. Lado-garmonichni osnovi ukrayinskoyi radyanskoyi muziki. – K. : Naukova dumka, 1964. – 164 p.
8. Klin V. L. M. Verikovskiy i novoladovoe myishlenie // O muzyike. – K. : Muzichna Ukrayina, 1985. – P. 278–283.
9. Verikovskiy M. I. Muzyikalnaya entsiklopediya. T. 1. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1973.
10. Orlov G. A. Sovetskiy fortepiannyiy kontsert. – L. : Gos. muz. izd-vo, 1954. – 210 p.
11. Sovetskaya muzyika. Po stranitsam pechati. – M. : Muzgiz, 1948. – № 5. – P. 80–87.
12. Timofeev V. Ukrainskiy fortepyannyiy kontsert // Ukrainskaya sovetskaya muzyika. – K. : Sovetskiy kompozitor, 1960. – P. 149–163.
13. Shurova N. S. M. I. VerikIvskiy. – K. : Muzichna Ukrayina, 1972. – 51 p.
14. Shurova N. S. Talantlivyiy zapevala // Sovetskaya muzyika. – M. : 1983. – № 1. – P. 73–74.

© Кармазин А. А., 2014

УДК 291.11

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ К. С. КАМИЛОВА «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

А. К. Кадыров, доктор философских наук, профессор

Учебно-методический комплекс философских исследований, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

REVIEW OF THE MONOGRAPH «GLOBALIZATION AND THE RELIGIOUS PROCESSES» BY K. S. KAMILOV

A. K. Kadyrov, doctor of philosophy, professor

Methodical complex philosophical studies, National University of Uzbekistan named after Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Summary. Review devoted to the analysis of important theoretical provisions of K. S. Kamilov's monograph. Each chapter is separately analyzed, it's described the methodological approaches used in the monograph. The features of the research capacity of the author in formulating and solving actual scientific problems in the field of religious studies are identified.

Keywords: religious globalization; religious education; Internet; geopolitical interests; interfaith tolerance.

Монография К. С. Камилова имеет важное значение не только с точки зрения религиоведческих, но и социально-философской науки. Потому что сегодня, с одной стороны, интенсивно развивается национальное и религиозное самосознание в новых независимых государствах мира; с другой стороны, в глобальном масштабе усиливается взаимодействие различных культурных ценностей и появляется тенденция всемирного цивилизационного единства. Кроме этого, всемирная религиозная картина мира характеризуется широким использованием религиозного фактора в достижении корыстных целей различных экстремистких, фундаменталистских сил. Это, в свою очередь, приводит усугублению проблем, связанных с предотвращением угроз международного терроризма, религиозного экстремизма.

С этой точки зрения в книге проанализированы вопросы, связанные с содержанием понятия религиозной глобализации и особенностями проявления этого феномена. Сравнительно изучены определения ключевых понятий, обобщены теоретико-методологические аспекты понимания процесса глобализации в сфере религии. На основе общефилософского анализа автор определяет понятия религиозной глобализации следующим образом: религиозная глобализация как сложное и противоречивое явление, представляет собой, с одной стороны, интенсификацию межрелигиозного диалога, развития религиозного сознания и культуры на основе принципов

свободы совести и толерантности; с другой стороны, развёртывание деятельности религиозных экстремистов и псевдорелигиозных течений. Следует отметить, что в данном определении автор учитывает и позитивные, и негативные стороны данного явления.

К. С. Камилов в своей книге отдельно обращает внимание на то, что в настоящее время, чтобы достичь стабильности в области конструктивного диалога между религиями, необходимо прилагать все усилия, чтобы они стали одним из приоритетных направлений глобализации в сфере религии. И в качестве аргумента своего мнения приводит и обосновывает значимость ряда мероприятий, которые были проведены под эгидой Генеральной ассамблеи ООН, и комплекс мер, которые проходят в рамке сотрудничества ООН и Исламской организации сотрудничества.

Отдельно хочется подчеркнуть, что в монографии чётко раскрыты две основные причины религиозной глобализации: первое – это расширение мировоззренческой функции религии; второе – широкое применения на практике принципов открытого общества. Автор, как и другие специалисты в этой области, трактует религиозный радикализм как основную угрозу нашей эпохи и систематично анализирует проводимый комплекс мер в Узбекистане, направленный на предотвращение угроз религиозного экстремизма.

Книга заслуживает внимания ещё тем, что в ней, в отдельной главе, исследованы вопросы, связанные с динамикой роста объёма религиозного образования на мировом уровне и особенностями отражения религиозной пропаганды в интернете. Автор методом сравнения и с критической точки зрения изучил подходы разных государств к организации системы религиозного образования, функционально проанализировал особенности системы образования. На основе всестороннего анализа исторической практики в области образования, он предлагает рассматривать процесс религиозного образования не как отдельное направление, а как атрибутивную часть целого процесса распространения религиозного просвещения и как феномен, связанный с религиоведческим образованием.

По мнению автора, интернет есть продукт научно-технического прогресса и высокая форма проявления современной технологической культуры человечества. В книге проанализированы уникальные коммуникационные возможности сети интернет. Обоснована мысль, что одна из особенностей проявления религиозной жизни в виртуальном пространстве интернета заключается в том, что интернет выступает как фактор определения религиозной и культурной идентификации участников интернет-сообществ.

В монографии также проанализированы вопросы, связанные с отражением религиозного фактора в геополитических процессах, и основные направления межконфессионального диалога в Узбекистане. Охарактеризованы дефиниции понятия геополитики и раскрыта глобальная значимость геостратегических процессов. В связи с этим, в книге подробно выявлены пути, методы и средства использования религиозного фактора в реализации дезинтеграционных геополитических целей. Изложено мнение о расширении интегративной функции религий в геополитическом пространстве современного мира.

Примечателен подход автора к понимаю сущности терроризма. Так, в книге ему удаётся посредством факторного анализа чётко обозначить этот негативный феномен, который обусловлен экономическими, геополитическими, культурологическими, религиозными и идеологическими факторами. Ему также на конкретных примерах удаётся доказать отрицательное

влияние терроризма на установление нового миропорядка на основе принципов демократии. Особое внимание автор уделяет тому, что, в данное время существует реальные препятствия на пути правильного, объективного анализа терроризма, и объясняет это двумя причинами:

– первое, это тщательное сокрытие методов и механизмов террористических актов;

– второе, это наличие разнообразных точек зрений по поводу понимания сути данного явления. В монографии на примерах разрушительных действий групп, прикрывающихся исламской религией, обоснована мысль, что религиозный экстремизм является одним из направлений геополитических устремлений некоторых нездоровых сил в современном мире.

Также следует отметить, что данная монография является результатом многолетних исызканий. Так, в книге К. С. Камиловым развиваются взгляды и подходы к названной проблеме, которые были выдвинуты в предыдущих его трудах [1; 2; 3; 4].

В заключительной части книги изложены общие теоретические выводы, которые, несомненно, способствуют совершенствованию методологических принципов и подходов, направленных на исследование таких важных феноменов, как религиозная глобализация, религиозное просвещение, религиозное образование и т. д. Кроме этого, разработаны практические рекомендации по развитию межрелигиозного диалога на разных уровнях, по оздоровлению информационной среды религиозных сообществ в сети интернет, а также, по непреклонному соблюдению демократических основ геополитических отношений.

Таким образом, книга Камолджона Камиловича Камилова «Глобализация и религиозные процессы» отвечает требованиям монографических исследований. Следовательно, можно смело оценивать её как актуальное издание на пути совершенствования теоретико-методологических основ исследования сущности современных религиозных процессов в контексте глобализации.

Библиографический список

1. Камилов К. Глобаллашув шароитида диний таълимнинг ривожланиш тенденциялари // Диншуносликнинг долзарб муаммолари. Тўплам V. – Т. : Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2013. – Б. 4–10.
2. Камилов К. Диний тарғиботнинг интернет тизимида акс этишининг ўзига хос хусусиятлари. Илмий – таҳлилий ахборот. – 1-сон. – Т. : Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2013. – Б. 25–28.
3. Камилов К. Ўзбекистонда диний таълим: дунё тажрибаси ва ривожланиш тенденциялари // Илмий – таҳлилий ахборот. – 2 сон. – Т. : Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2012. – Б. 12–14.
4. Камилов К. Диний ҳаётнинг интернет тармоғида акс этиш хусусиятлари. URL : // http://zuyonet.uz/uzc/library/book/28719/libid.

Bibliography

1. Kamilov K. Globallashuv sharoitida diniy ta'limning rivozhlanish tendentsiyalari // Dinshunoslikning dolzarb muammolari. – Tuplam V. – T. : Toshkent islom universiteti nashriyot-matbaa birlashmasi, 2013. – P. 4–10.
2. Kamilov K. Diniy targibotning internet tizimida aks etishining uziga hos hususiyatlari. Ilmiy – tahliliy ahborot. – 1-son. – T. : Toshkent islom universiteti nashriyot-matbaa birlashmasi, 2013. – P. 25–28.
3. Kamilov K. Uzbekistonda diniy ta'lim: dunyo tazhribasi va rivozhlanish tendentsiyalari // Ilmiy – tahliliy ahborot. – 2 son. – T. : Toshkent islom universiteti nashriyot-matbaa birlashmasi, 2012. – P. 12–14.
4. Kamilov K. Diniy hayotning internet tarmogida aks etish hususiyatlari. URL : // http://zuyonet.uz/uzc/library/book/28719/libid.

© Kadyrov A. K., 2014

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

1–2 июня 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

11–12 июня 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Социально-политические взгляды прошлого и настоящего»** (К-06.11.14)

13–14 июня 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Труд и человеческий капитал в современной экономике: теория и практика»** (К-06.13.14)

10–11 сентября 2014 г.
V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

17–18 сентября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы»** (К-09.17.14)

20–21 сентября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.
V международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»** (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»** (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.
III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.
III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.
III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.14)

7-8 декабря 2014 г.
Международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества»** (К-12.07.14)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014

All Conference Proceedings will be published in the Czech publishing house **Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»** (Prague)

June 1–2, 2014.
III international scientific conference **«Social and economic problems of modern society»** (К-06.01.14)

June 3–4, 2014.
II international scientific conference **«Theoretical and practical questions of special pedagogics and psychology»** (К-06.03.14)

June 5–6, 2014.
IV international scientific conference **«Rights and freedoms of people: problems of realization, providing and protection»** (К-06.05.14)

June 7–8, 2014.
II international scientific conference **«Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family»** (К-06.07.14)

June 11–12, 2014.
International scientific conference **«Socio-political views of the past and the present»** (К-06.11.14)

June 13–14, 2014
International scientific conference **«Labour and human capital in the modern economy: theory and practice»** (К-06.13.14)

September 10–11, 2014.
V international scientific conference **«Problems of modern education»** (К-09.10.14)

September 15–16, 2014.
IV international scientific conference **«New approaches in economy and management»** (К-09.15.14)

September 17–18, 2014
International scientific conference **«Modern philosophical paradigms: the interaction of traditions and innovative approaches»** (К-09.17.14)

September 20–21, 2014.
IV international scientific conference **«Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects»** (К-09.20.14)

September 25–26, 2014.
II international scientific conference **«Problems of formation of a professional»** (К-09. 25.14)

September 28–29, 2014.
II international scientific conference **«Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization»** (K-09.28.14)

October 1–2, 2014.
IV international scientific conference **«Foreign language in the system of secondary and higher education»** (K-10.01.14)

October 5–6, 2014
V international scientific conference **«Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches»** (K-10.05.14)

October 10-11, 2014.
International scientific conference **«Actual problems of Public Relations»** (K-10.10.14)

October 12–13, 2014.
International scientific conference **«Informatization of higher education: current situation and development prospects»** (K-10.12.14)

October 13–14, 2014.
International scientific conference **«Purposes, tasks and values of education in modern conditions»** (K-10.13.14)

October 15–16, 2014.
IV international scientific conference **«Personality, society, state, law. Problems of correlation and interaction»** (K-10.15.14)

October 20–21, 2014.
II international scientific conference **«Transformation of spiritual and moral processes in modern society»** (K-10.20.14)

October 25–26, 2014.
IV international scientific conference **«Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions»** (K-10.25.14)

October 28–29, 2014.
II international scientific conference **«Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies»** (K-10.28.14)

November 1–2, 2014.
IV international scientific conference **«Religion – science – society: problems and prospects of interaction»** (K-11.01.14)

November 3–4, 2014.
II international scientific conference **«Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement»** (K-11.03.14)

November 5–6, 2014.
II international scientific conference **«Current issues of social researches and social work»** (К-11.05.14)

November 10–11, 2014.
III international scientific conference **«Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects»** (К-11.10.14)

November 15–16, 2014.
II international scientific conference **«Problems of development of a personality»** (К-11.15.14)

November 20–21, 2014.
IV international scientific conference **«Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education»** (К-11.20.14)

November 25–26, 2014.
III international scientific conference **«History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future»** (К-11.25.14)

December 1–2, 2014.
IV international scientific conference **«Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches»** (К-12.01.14)

December 3–4, 2014.
II international scientific conference **«Problems and prospects of development of economy and management»** (К-12.03.14)

December 5–6, 2014.
III international scientific conference **«Current issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography»** (К-12.05.14)

December 7–8, 2014.
International scientific conference **«Safety of a person and society»** (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал **«Социосфера»** (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по **социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 ноября , соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), **Антипов Михаил Александрович**, кандидат философских наук, доцент, **Белолипецкий Владимир Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, **Ефимова Диана Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент, **Саратовцева Надежда Валентиновна**, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), **Берберян Ася Суреновна**, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), **Большакова Алла Юрьевна**, доктор филологических наук, (Москва, Россия), **Волков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), **Голандам Араш Карим**, доцент (филология – Решт, Иран), **Исламов Захиджан Махмудович**, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Кондрашин Виктор Викторович,** доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), **Кушаев Умиджон Рахимович**, PhD. (философия – Ташкент, Узбекистан), **Минияров Валерий Максимович**, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), **Насимов Мурат Орленбаевич**, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Танцошова Джудита**, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Христова Наталия Цветанова**, PhD., профессор (история – София,

Болгария), **Хрусталькова Наталья Александровна**, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), **Цибак Любош**, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** (Парадигмы познания) ISSN 2336-2642 публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по **социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам.** Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Статьи рассматриваются редакционной коллегией и могут быть отклонены. Статьи проверяются на отсутствие плагиата.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещают на сайте НИЦ «Социосфера» http://sociosphera.com, а также на сайте Электронной научной библиотеки по адресу http://elibrary.ru, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, **заместитель главного редактора – Кушаев Умиджон Рахимович,** кандидат философских наук.

Международная редакционная коллегия

Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Бойцов Виктор,** DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), **Бушина Филип,** PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), **Вернигора Александр Николаевич,** кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), **Девятых Сергей Юрьевич,** кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), **Замаровский Петер,** RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), **Ивановска Божена,** PhD. (социология – Варшава, Польша), **Кашпарова Ева,** PhD. (социология – Прага, Чехия), **Крейчова Ленка,** PhD. (психология – Прага, Чехия), **Кобец Петр Николаевич,** доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), **Коротаев Андрей Витальевич,** доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Кэмп Марианне,** PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), **Лидяк Ян,** PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), **Митюков Николай Витальевич,** доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), **Сапик Мирослав,** PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сигмунд Томаш,** PhD. (философия – Прага, Чехия), **Сзуппе Мария,** PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), **Танцошова Джудита,** PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Хаджкова Ванда,** DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), **Хайруллина Нурсафа Гафуровна,** доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,27; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки **следует аннотация** (3–4 предложения) **и ключевые слова на английском языке.** После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–25 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид PP-ФИО, например: **PP-Петров И.В.** или **PP-German P.** Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail
Согласен с публикацией статьи на сайте «Социосфера» до выхода номера из печати Да/нет

Стоимость публикации составляет **250 рублей** за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчёта 250 руб. за один экземпляр. В случае представления аннотации и ключевых слов на русском языке за перевод их на английский – дополнительная плата **250 рублей**.

Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **PP-Петров И.В.** квитанция или **PP-German P. receipt** и иметь расширение jpg или pdf.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации до 20 января, 20 апреля, 20 июля и 20 октября соответственно для каждого из номеров.

СПОСОБЫ ОПЛАТЫ

Только для граждан РФ
Расчетный счет в российском банке
Получатель: ООО Научно – издательский центр «Социосфера»
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО) «Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Назначение платежа: РР-ФИО.

Для граждан любой страны
Расчетный счет в чешском банке
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Identifikačni číslo 29133947

Raiffeisen Bank
SWIFT RZBCCZPP
Čislo účtu 7487396001/5500
IBAN CZ9055000000007487396001

ИЛИ (для авторов из любой страны)
на Яндекс.Деньги № счета 4100164688909
Сопроводительная записка: РР-ФИО.

ИЛИ (для авторов из любой страны)
на Web Money
R332831898476 – в рублях
Z245944662205 – в долларах
E817262089028 – в евро
Сопроводительная записка: РР-ФИО.

Контактный телефон в России +7-8412-21-68-14,
В Чехии +420608343967
Наш сайт: http://sociosphera.com
Наш e-mail: sociosfera@seznam.cz

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» http://sociosphera.com and on the website of Electronic research library at http://elibrary.ru and also on the website of Directory of open access journals at http://www.doaj.org.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In help to professors.
- In help to teachers.
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively for each issue.

Editor-in-chief – Boris Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor.

Editorial board

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), **Michail A. Antipov**, candidate of philosophical sciences, assistant professor, **Vladimar V. Belolipeckiy**, candidate of historical sciences, assistant professor, **Diana V. Efimova**, candidate of psychological sciences, assistant professor, **Nadezhda V. Saratovceva**, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), **Alla Yu. Bolshakova**, doctor of philological sciences, professor (Moskow, Russia), **Asya S. Berberyan**, doctor of psychological sciences, professor (Erevan, Armenia), **Sergey N. Volkov**, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia), **Arash K. Golandam**, assistant professor (Philology – Rasht, Iran), **Zahidzhan M. Islamov**, doctor of philological sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Natalia. Ts. Khristova**, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), **Viktor V. Kondrashin**, doctor of historical sciences, professor (Penza, Russia), **Umidjon R. Kushaev**, Ph.D. (Philosophy – Tashkent, Uzbekistan), **Valeriy M. Miniyarov**, doctor of pedagogical sciences, professor (Samara, Russia), **Murat O. Nasimov**, candidate of political sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), **Miroslav Sapik**, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia),

Natalia A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia), **Lubosh Cibak**, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Science journal «Paradigmata poznání» (ISSN 2336-2642)publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems. Articles are considered by the editorial board and may be rejected. Articles are checked for plagiarism.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» http://sociosphera.com and on the website of Electronic research library at http://elibrary.ru, it will give our authors the opportunity to raise their index of quotation. The index of quotation is accepted in scientific world measure of paper «significance» of some scientist. The size of index is defined by the quantity of links on this paper (or surname) in other sources. In world practice the index of quotation is not only advisable, but it's the necessary criteria to evaluate the professional level of professors and teaching personnel.

The content of journal has following parts:
• Theory and analyses.
• Empirical and applied studies.
• Surveys, reviews and comments.
• Science life.
Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor; **Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev,** PhD. (philosophy).

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Victor Boicov,** DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), **Phillip Bushina,** Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), **Aleksandr N. Vernigora,** candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), **Sergey Yu. Devyatych,** candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), **Bozhena Ivanovska,** Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), **Vanda Hajkova,** DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), **Eva Kashparova,** Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Nursafa G. Khayrullina,** doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), **Lenka Krejcova,** Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), **Petr N. Kobets,** doctor of law, professor (Moscow, Russia), **Andrey V. Korotayev,** doctor of history, professor (Moscow, Russia), **Marianne Kamp,** Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), **Jan Lidyak,** Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), **Nikolay V. Mityukov,** doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), **Miroslav Sapik,** Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Tomash Sigmund,** Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), **Mariya Szuppe,** Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), **Judita Tancoshova,** Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), **Peter Zamarovsky,** RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications

articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphera@yandex.ru. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: **PP-German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
I agree to publish the article on «Sociosphere» website before the journal come out in print **Yes/No**

The publication fee is **5 € per page**. Participants will receive one copy of the Conference Proceedings per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for **5 €** per copy. In case of submitting an abstract and key words in Russian, translation into English will cost extra 4 €.

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th January, 20th April, 20th July and 20th October, respectively for each issue.

METHODS OF PAYMENT

Recipient: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Identifikačni číslo 29133947

Evropsko-Ruská Banka

EUR
IBAN CZ 68 221 00000000001185967
SWIFT/BIC FICHCZPP
Correspondent bank:
Raiffesen Bank International AG (Vienna)
Account number 1-55.083.737
SWIFT/BIC RZBAATWW

USD
IBAN CZ 46 221 00000000001185975
SWIFT/BIC FICHCZPP
Correspondent bank:
Raiffesen Bank International AG (Vienna)
Account number 70-55.083.737
SWIFT/BIC RZBAATWW
Accompanying note: PP-family name.

OR
Yandex Money Account № 4100164688909
Accompanying note: PP-family name.

OR Web Money
R332831898476 – in rubles
Z245944662205 – in dollars
E817262089028 – in euro
Accompanying note: PP-family name.

Telephone +78412216814 (in Russia), +420608343967 (in Czech Republic)
Director of the SPC «Sociosphere» – Ilona G. Doroshina
Editor-in-Chief – Boris A. Doroshin
Our site http://sociosphera.com
Our e-mails: sociosphere@yandex.ru, sociosfera@seznam.cz

Образец оформления статьи для журналов «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Sample of articles for journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

УДК 908(470)

КУЛЬТУРА Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XIX ВЕКЕ

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,
В. В. Петров, аспирант
Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия

CULTURE IN SEMIRECHENSK IN THE XIX CENTURY

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;
V. V. Petrov, postgraduate student
Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8].

Библиографический список

1. К юбилею Семиреченска // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95. – С. 5–8.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: http://semirechensk-history.ru/ocherki (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ ACTA HUMANITAS

INFORMATION ABOUT THE JOURNAL «ACTA HUMANITAS»

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на чешском и английском языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – http://www.vspsv.cz.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sapik@vspsv.cz. Формат страницы А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются бесплатно.

Образец оформления статьи

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů

Jiří Kohoutek

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifičtějším tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík[1], P. Jüptner[2] a J. Čmejrek[3]....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия
Имя
Отчество
Ученая степень, научное звание
Место работы с указанием адреса
E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspsv.cz**.

---

[1] Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Evropeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

[2] Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Říchová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta–FM, 2003.

[3] Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném* životě *venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického* života *v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»).
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *;
- изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу;
- дизайн обложки – 500 рублей;
- печать тиража в типографии – по договоренности;
- данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг **«Премиум»** включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	**Цена в рублях за количество страниц**				
	50 стр.	**100 стр.**	**150 стр.**	**200 стр.**	**250 стр.**
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

***** Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

✓training manuals,
✓ autoabstracts,
✓ dissertations,
✓ monographs,
✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*;
- making an artwork – 0,7 € per 1 page;
- cover design – 11,1 €;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№2, 2014

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora –Umidjon R. Kušaev

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele. Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace, statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher. Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – V. A. Dorošina
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 20.05.2014.60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 33,63.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: http://sociosphera.com,
e-mail: sociosfera@seznam.cz